

БИБЛИОТЕКА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

НАУКА И БИБЛИОТЕКА

Сборник научных трудов

Выпуск 8

Санкт-Петербург
2023

УДК 02:050
ББК 78.3я5
Н34

Рецензенты:

доктор исторических наук С.Н. Искюль,
кандидат технических наук Ф.М. Лурье

Редакционная коллегия:

Н.С. Андреева, И.М. Беляева, Н.Н. Елкина,
В.А. Клишева, Н.В. Колпакова (отв. ред.), М.П. Лепехин,
Н.А. Сидоренко, О.В. Скворцова, О.В. Холмогорова

Н34 Наука и библиотека: сборник научных трудов.
Вып. 8 / отв. ред. Н.В. Колпакова. — Санкт-Петербург: БАН,
2023. — 234 с.
(Серия: Летопись Библиотеки Академии наук).

ISBN 978-5-336-00324-7 (вып. 8)

Библиотека Российской академии наук продолжает издание сборников научных трудов в серии «Летопись Библиотеки Академии наук».

Восьмой выпуск научных трудов традиционно составляют труды сотрудников библиотеки, а также работы представителей других учреждений, тематически связанные с его проблематикой.

ИССЛЕДОВАНИЯ И ДОКУМЕНТЫ

Дунаева Ю.А. Книги с экслибрисами библиотеки Радзивиллов Несвижской ординации в отделе БАН при Зоологическом институте РАН	5
Кнорозова Е.Ю. К вопросу изучения вьетнамской поэзии XX — начала XXI вв. в России	15
Федотова П.И. К проблеме этнической принадлежности летописной води	26
Дымская Д.Д. Систематизация антиковедческой литературы в БАН	36
Новоселова А.Н. Санкт-Петербургские ведомости с экслибрисом Алексея Андреевича Аракчеева из Газетного фонда БАН	43
Зенкевич С.И. А.Л. Зеликман и его книжная коллекция в фонде сектора БАН при СПбФ ИИЕТ	47
Гриша Е.А. Развитие иллюстрации в периодических изданиях на примере французской прессы первой половины XIX в. из фондов Научной библиотеки Российской академии художеств	54
Гусева С.Ю. Бронированный фонд академических изданий: прошлое и настоящее	61
Гринченко Н.А. История российского книжного дела XIX — начала XX в. в исследованиях 2008–2022 гг.	65

ДЕКОРАТИВНЫЕ БУМАГИ В ИСТОРИИ ОФОРМЛЕНИЯ КНИГИ

Виноградова Т.И. Коллекция китайского художественного конверта академика В.М. Алексева в Государственном Эрмитаже	76
Фирсова В.С. Текстовые страницы свитков Гэндзи-моногатари-эмаки	85
Курова О.Н. Декоративные бумаги Ближнего Востока	91
Ванюшкина Н.Н. Современные тенденции в декорировании бумаги на примере техник «Барут эбру» и «Ренг-и су»	103
Кульматова Т.В. Мраморная бумага в книжном переплете первой половины XIX в.: «химические» паттерны	110
Тилева Е.А., Цевелёва И.В. Современные декоративные бумаги и возможность их применения в реставрации документов из фондов библиотек, архивов и музеев	127
Неклюдов В.В. Использование мраморной бумаги в практике реставрации и реконструкции книг в Библиотеке Академии наук	135

Иванов И.А. Современное использование мраморных бумаг в ручном переплете и реставрации книг	139
Коршунова Е.В., Зайцева А.В. Описание декоративных бумаг в общедоступном каталоге библиотеки. Определитель декоративной бумаги в книжном переплете	144
Майорова И.Г. Промышленные и ручные неполиграфические технологии печати по бумаге	152

ВЫДАЮЩИЕСЯ ЛИЧНОСТИ

Скрыдлов А.Ю. Академик П.И. Кеппен — управляющий Отделением статистики Русского географического общества	159
Галушкин А.А., Ткаченко Т.С., Маршенникова Н.И., Доведова Н.М. Сохранность документов академика Императорской Академии наук Петра Ивановича Кеппена в фондах Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук	167
Власов А.Д., Хосид Е.Г. Микологическое обследование документов фонда П.И. Кеппена, хранящихся в Санкт-Петербургском филиале архива РАН	176
Жуков А.Е. Н.Ю. Бубнов: этапы научной биографии	179
Бекжанова Н.В. Александр Алексеевич Панов (1907–1981) — военный и библиотекарь	192

РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ

Барыкина И.Е. Рецензия на монографию Ольги Николаевны Ильиной «Личные библиотеки в России: терминология и историография: монография / О.Н. Ильина; ред. Г.А. Мамонтова; Российская национальная библиотека» (Санкт-Петербург: РНБ, 2022. — 316 с. — (Серия «Книга в России в XIX — начале XX века»))	200
Хаздан С.Е. «Литературные памятники»: к 75-летию академической серии (материалы к выставке Научно-исследовательского отдела изданий Академии наук Библиотеки РАН)	206
Долгих Ю.А., Ковриженко Е.В. «Наука мифографии»: западноевропейские и русские книги по мифологии из фондов НИОРК (обзор выставки)	216
Леонтьев Ф.В. «Смех как оружие». Карикатуры в иностранных периодических изданиях 1939–1944 гг. из коллекции Газетного фонда БАН	227

Ю.А. Дунаева

**КНИГИ С ЭКСЛИБРИСАМИ БИБЛИОТЕКИ РАДЗИВИЛЛОВ
НЕСВИЖСКОЙ ОРДИНАЦИИ В ОТДЕЛЕ БАН
ПРИ ЗООЛОГИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ РАН**

Дунаева Юлия Александровна — научный сотрудник, отдел БАН при ЗИН РАН
Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: bibl@zin.ru

АННОТАЦИЯ

В отделе БАН при Зоологическом институте РАН выявлены четыре единицы хранения с экслибрисами библиотеки Радзивиллов Несвижской ординации. В четырех переплётках содержится семь издательских единиц. Все выявленные книги — это широко известные иллюстрированные издания по разным разделам зоологии, вышедшие в XVI–XVII вв. Индивидуальные особенности выявленных экземпляров могут представлять интерес для исследователей, которые занимаются изучением и реконструкцией Несвижского собрания князей Радзивиллов.

Ключевые слова: библиотека Радзивиллов Несвижской ординации, история формирования фондов БАН, фонды отдела БАН при Зоологическом институте РАН.

Отдел БАН при Зоологическом институте РАН (отдел БАН при ЗИН РАН) входит в централизованную сеть академических библиотек и территориально располагается в здании института на Университетской набережной. В 1831 г. по инициативе академика Ф.Ф. Брандта книги, имевшие отношение к зоологии, были отделены от основного фонда Академической библиотеки для удобства работавших в Кунсткамере зоологов [1, с. 174–175]. Так началось формирование специализированного книжного собрания Зоологического музея Императорской академии наук. В начале 30-х гг. XX века Зоологический музей был преобразован в Зоологический институт АН СССР, а его библиотека получила статус отдела Библиотеки АН СССР (БАН) [2].

Со дня основания и практически до самого конца XIX века иностранная литература в библиотеку Зоологического музея поступала главным образом из II Отделения БАН [2, с. 86]. Среди изданий XVI–XVIII веков, которые хранятся в настоящее время в отделе БАН при ЗИН РАН, преобладают книги, несущие на своих страницах помимо штампов библиотеки Зоологического музея Императорской академии наук штампы центральной Академической библиотеки [3, с. 15]. Из центральной библиотеки в библиотеку Зоологического музея попали книги из собраний известных учёных и государственных деятелей XVII–XVIII веков, таких как А. Питкерна, Р. Арескина, Я. Брюса, Д. Г. Мессершмидта, А. Саншеса [3, с. 21]. В настоящее время в отделе БАН при ЗИН РАН выявлены 33 единицы хранения с признаками принадлежности к этим собраниям [3, с. 199]. О том, что в фондах отдела хранятся также книги из библиотеки князей Радзивиллов Несвижской ординации, ранее в публикациях не сообщалось.

Княжеский род Радзивиллов — один из наиболее влиятельных и богатых аристократических родов Великого княжества Литовского. Город Несвиж (сейчас находится на территории Белоруссии) — родовое имение одной из линий Радзивиллов. В Несвижском замке на протяжении нескольких столетий накапливались материальные ценности, принадлежавшие княжеской семье. Библиотеку Несвижского замка начали активно формировать в XVI веке. К середине XVIII века это было одно из крупнейших книжных собраний не только Великого княжества Литовского, но и Восточной Европы. Собранные здесь книги в тематическом плане отражали все стороны жизни [4].

В результате русско-польской войны 1768–1772 г. город Несвиж стал российским владением. Хранившиеся в замке Радзивиллов книги были отправлены в Санкт-Петербург. В августе 1772 г. они прибыли в Академическую библиотеку в 96 ящиках. Книжное собрание насчитывало 14892 книги, не считая гравюр, планов и нот [1, с. 138].

В XIX веке это собрание утратило свою цельность. В 1813 г. часть книг была отправлена в Московский университет, в 1829 г. другая часть книг была подарена Университету в Хельсинки. Книги на иностранных языках вошли в систематическую расстановку фонда Бэра в Академической библиотеке. До начала XX века сведения о происхождении книг из библиотеки Радзивиллов не отражались в каталогах БАН. Когда в 1914 г. вновь возник интерес к собранию, книги с признаками принадлежности к библиотеке Несвижского замка нужно было выявлять заново. Эта работа велась в БАН в 1914–1930 гг., затем была возобновлена в 1950-е гг. [5, с. 10].

В настоящее время научно-исследовательская работа по выявлению, изучению и обеспечению сохранности книг из библиотеки Радзивиллов Несвижской ординации ведется в БАН в нескольких отделах: Отделе фондов и обслуживания (ОФО), в Научно-исследовательском отделе консервации и реставрации фондов (НИОКиРФ), в Научно-исследовательском отделе редкой книги (НИОРК) и в Научно-исследовательском отделе информатики и автоматизации (НИОИА). Первым значимым результатом этой работы стала публикация каталогов, подготовленных сотрудниками Славянского фонда ОФО [5, 6, 7]. В 2008 г. началась работа по созданию фактографической базы данных «Библиотека Радзивиллов. Славянский фонд». В работе приняли участие сотрудники ОФО, НИОКиРФ и НИОИА [8]. В НИОРК БАН хранится неопубликованный список выявленных в отделе книг с признаками принадлежности к собранию Радзивиллов, который вела Е.А. Савельева (А.А. Романова, устное сообщение).

Научно-исследовательская работа, специально направленная на выявление в фондах отдела БАН при ЗИН РАН книг из собрания Радзивиллов, не проводилась. Однако свидетельства того, что такие книги в отделе есть, были. Например, сведения о наличии на некоторых единицах хранения гравированных экслибрисов библиотеки Радзивиллов Несвижской ординации приведены на карточках хранящейся в отделе рукописной картотеки библиографа К.Б. Юрьева, который занимался в 1980-х гг. составлением каталога «Особого фонда» отдела БАН при ЗИН АН СССР [9].

В 2018–2021 гг. в отделе БАН при ЗИН РАН проводили научно-исследовательскую работу в рамках темы государственного задания «Изучение, научное описание и подготовка библиографических указателей книжных коллекций из фондов библиотек сети БАН», направленную на выявление документальных памятников среди хранящихся в отделе книг XVI — первой четверти XIX вв. К документальным памятникам относили экземпляры книг с владельческими автографами, экслибрисами, оригинальными рисунками, рукописными пометами, старинными номерами и т.п. В ходе фронтального просмотра всех хранящихся в отделе монографий, изданных с 1531 г. по 1825 г., были выявлены четыре единицы хранения с гравированными гербовыми экслибрисами с надписью «EX BIBLIOTHECA DUCALI RADIVILLIANA NESVISIENSI». Сверка с рукописной картотекой К.Б. Юрьева показала, что подобные экслибрисы свидетельствуют о происхождении книг из библиотеки князей Радзивиллов Несвижской ординации.

Поскольку книги из данного собрания представляют особую ценность, сразу после выявления сведения о них были внесены в созданную в отделе библиографическую базу данных по сохранности фондов. В 2018–2020 гг. сотрудниками НИОКиРФ БАН в отделе БАН при ЗИН РАН были проведены работы по фазовой консервации всех книг с экслибрисами библиотеки Радзивиллов Несвижской ординации, для книг были изготовлены микроклиматические контейнеры.

Все экслибрисы библиотеки Радзивиллов Несвижской ординации, обнаруженные на форзацах, — это бумажные наклейки с выгравированным на металле княжеским гербом Радзивиллов и надписью: «EX BIBLIOTHECA DUCALI RADIVILLIANA NESVISIESI». Дизайн всех экслибрисов одинаковый, но размер наклеек разный: на трех книгах формата «in folio» обнаружены экслибрисы 13,8 на 10,0 см, а на одной единице формата «in quarto» — экслибрис 10,5 на 8,5 см. Изображения аналогичных экслибрисов библиотеки Радзивиллов Несвижской ординации были опубликованы ранее российскими, и зарубежными исследователями [5, ил. 2; 13, с. 57].

Что представляют собой выявленные книги? В четырех переплетах с экслибрисами библиотеки Радзивиллов на форзацах содержится в общей сложности семь издательских единиц, так как две книги — это конволюты из трех и двух аллигатов. По своей тематике все издания зоологические. Одно было выпущено в середине XVI в. (1551 г.) в Цюрихе в издательстве Кристофа Фрошауэра старшего (1490–1564). Это первое издание первого тома знаменитой пятитомной «Истории животных» швейцарского врача и натуралиста Конрада Геснера (1516–1565). «История животных» — это своеобразная зоологическая энциклопедия, в которой автор собрал воедино разнообразные сведения о представителях различных групп животного царства. Первый том этой энциклопедии посвящен четвероногим живородящим животным, что в современной терминологии примерно соответствует классу млекопитающих. Это книга большого формата, очень информативная (содержит больше тысячи страниц) и богато проиллюстрирована гравюрами на дереве.

Все остальные выявленные издания были опубликованы в XVII веке. В двух конволютах содержатся тома другой зоологической энциклопедии

дии, которую составил на сто лет позже Конрада Геснера польский врач шотландского происхождения Ян Йонстон (1603–1675). Аллигаты одного конволюта — это первые издания томов, посвященных рыбам, водным беспозвоночным животным и птицам. Все три книги были опубликованы в 1650 г. во Франкфурте на Майне в издательстве семьи Мериан и все они богато проиллюстрированы гравюрами на металле. Второй конволют также состоит из первых изданий томов энциклопедии Яна Йонстона: о четвероногих животных и о насекомых и змеях. Эти книги были выпущены в 1653 г. в том же издательском доме во Франкфурте и тоже богато проиллюстрированы гравюрами на металле. Все аллигаты обоих конволютов — это книги формата «in folio».

Последняя из выявленных единиц хранения представляет собой книгу меньшего формата — «in quarto». Это французский перевод «Всеобщей истории насекомых» нидерландского натуралиста Яна Сваммердама (1637–1680), вышедший в Утрехте в 1685 г. в издательстве Яна Риббиуса. Первое издание книги вышло в 1669 г. там же в издательстве Мейнарда ван Друнена (ок. 1653–1685) на голландском языке. Это иллюстрированное гравюрами на металле издание о внешнем и внутреннем строении, а также о стадиях развития насекомых, паукообразных и некоторых других животных. Все мелкие организмы на гравюрах представлены в сильно увеличенном виде, как будто читатель рассматривает их под лупой.

Таким образом, все выявленные книги — это иллюстрированные издания, тематика которых охватывает многие разделы зоологии. Данный перечень книг вряд ли может говорить о том, что в семье князей Радзивиллов были люди с выраженной склонностью к серьёзному изучению природы. Наличие богато иллюстрированной зоологической литературы, скорее, говорит о широте читательских интересов владельцев и пользователей библиотеки.

Из четырех переплетов с экслибрисами библиотеки Радзивиллов на форзацах наиболее замечателен переплет книги Конрада Геснера. Крышки переплета сделаны из буковых досок, обтянутых коричневой кожей с богатым блинтовым тиснением. В центре каждой крышки располагается прямоугольник гладкой кожи 11,0 на 8,0 см. Сверху и снизу прямоугольник украшен тисненными полосами с изображениями птиц. Далее следует декоративное обрамление из восьми тисненых рамок: простые геометрические рамки чередуются с рамками, содержащими растительные или сюжетные изображения. Одна из рамок содержит повторяющиеся изображения круглых медалей с портретами античных героев, другая — повторяющиеся прямоугольники с детально проработанными сюжетами на библейские темы. На верхней крышке переплета вытиснена надпись: CONRADI GESNERI HISTORIAE ANIMALIUM LIBER I. Подобная конструкция и особенности оформления характерны для немецких переплетов XVI в. [14, с. 275; 15, с. 157]. Похожие переплеты, относящиеся к этому периоду, встречаются на выявленных в БАН единицах хранения из кёнигсбергского собрания Валленродтов [16, №№ 3, 28, 73, 96, 129, ил. 3, 12].

В одном из выявленных конволютов изданий Яна Йонстона обнаружено интересное вложение. Это самодельная бумажная тетрадь из вложенных друг в друга продольно согнутых листов 34,0 на 22,3 см с текстом,

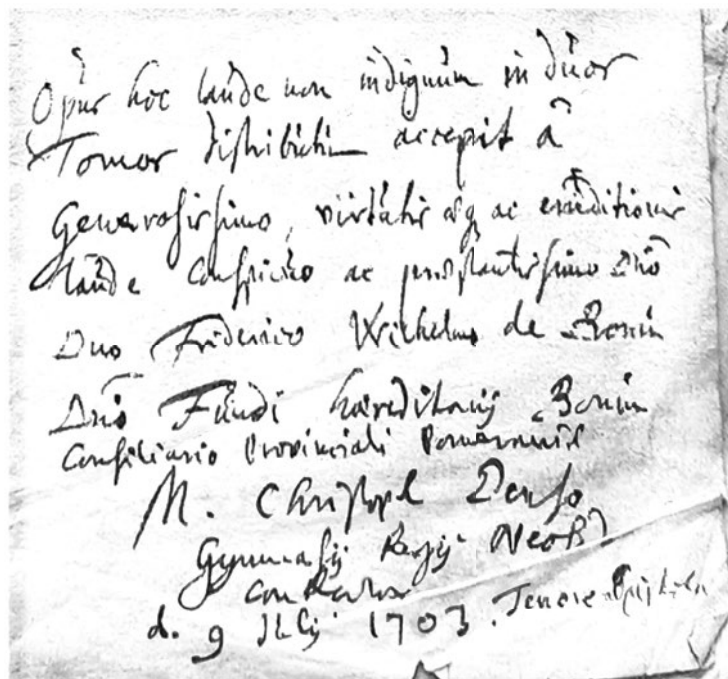

Рис. 1. Латинская надпись на форзаце конволюта из трех зоологических изданий Яна Йонстона из библиотеки Радзивиллов Несвижской ординации из фондов отдела БАН при Зоологическом институте РАН

написанным от руки старыми чернилами. Текст озаглавлен на польском языке: «O Rybach, konchach y zwierzętach», что значит: «О рыбах, раковинах и животных» (перевод Ю.Д.). Далее следуют написанные в столбик латинские названия животных с указанием номеров иллюстративных таблиц, которые содержат изображения соответствующих животных в книгах Яна Йонстона — аллигатах данного конволюта. Справа от каждого латинского названия написан его перевод на польский язык. В конце текста от руки написана дата: Ad. MDLIII, которая соответствует дате публикации аллигатов конволюта (1653).

На форзаце этого же конволюта имеется сделанная старыми чернилами от руки довольно объемная (более 30 слов) надпись на латинском языке, датированная девятым июля 1703 г. (рис. 1).

Далее были просмотрены хранящиеся в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН) рукописные каталоги библиотеки Радзивиллов Несвижской ординации, составленные в Академической библиотеке в конце XVIII — начале XIX вв. [10, 11, 12] с целью отыскания в этих списках сведений о выявленных в отделе БАН при ЗИН РАН книгах. Соответствие выявленной единицы указанному в списке изданию можно считать доказанным при одновременном совпадении формата, автора, заглавия, места и даты выхода книги. В рукописных каталогах были найдены четыре единицы хранения с экслибрисами библиотеки Радзивиллов Несвижской ординации, выявленные в отделе БАН при ЗИН РАН: оба отдельных тома и первые аллигаты конволютов.

Информация о выявленных в отделе БАН при ЗИН РАН книгах с экслибрисами библиотеки Радзивиллов Несвижской ординации может представлять интерес для всех исследователей, которые занимаются историей формирования и реконструкцией этого собрания. Тот факт, что книги из собрания Радзивиллов были выявлены в одном из отделов централизованной сети, говорит о том, что и в других отделах БАН при Санкт-Петербургских академических научно-исследовательских институтах могут быть обнаружены книги с подобными экслибрисами.

В приложении к статье даны подробные библиографические описания всех выявленных издательских единиц с указанием индивидуальных особенностей экземпляров. Описания приводятся в алфавитном порядке имен авторов и заглавий, описания вторых и третьего аллигатов конволютов даются сразу после описаний первых аллигатов. Особенности экземпляров и сведения о сохранности приводятся только в описаниях первых аллигатов.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Библиографические описания книг из библиотеки Радзивиллов Несвижской ординации, выявленных в отделе БАН при ЗИН РАН

1. Gesner, Conrad (1516–1565)

Conradi Gesneri ... Historiae animalium lib. 1. de quadrupedibus viviparis. Opus philosophis, medicis, grammaticis, philologis, poltis, et omnibus rerum linguarumque variarum studiosis, utilissimum simul iucundissimumque futurum. — Tiguri: Apud Christ. Froschoverum, 1551. — [40], 1104, [12] с.: ил.; 2° (38,5 × 24,0 × 7,3 см).

На тит. л. и предпоследней с. грав. на дер. виньетки, не подписаны. На предпоследней с. грав. на дер. виньетка, не подписана. Ил. в тексте — грав. на дер., не подписаны. На тит. л. помещен текст «Ad lectorem».

Пер.: буковые доски, обтянутые коричневой кожей с богатым блинтовым тиснением. Корешок с блинтовым тиснением, четыре бинта. На верхней крышке вытиснены имя авт. и загл. «CONRADI GESNERI HISTORIAE ANIMALIUM LIBER I». На верхней крышке следы прикрепления застёжек, на нижней крышке остатки кожаных ремней застёжек.

Экслибрис: бум. наклейка 13,8 на 10,0 см с грав. на мет. княжеским гербом Радзивиллов и надписью «EX BIBLIOTHECA DUCALI RADIVILLIANA NESVISIENSIS», на форзаце.

Пометы рукописные: на корешке чёрными чернилами заглавная литера: P; на обороте форзацного л. старыми чернилами фрагмент надписи: Ascriptus Catalogo Bibliothec ... ; на тит. л. старыми чернилами от руки надпись: Ascriptus Catalogo Bibliotheca arcis Nesvisiensis; на нахзаце старыми чернилами от руки шифр расстановки: 45/5.

Штампы: «Библ. Импер. Акад. Наукъ. Bibliot. Imper. Acad. Scien.»; «Библиотека Зоологич. музея Императорской академии наукъ»; «Зоологический институт А. Н. С.С.С.Р. Библиотека».

В марте 2020 г. сотрудниками НИОКиРФ БАН были проведены работы по фазовой консервации, книга помещена в микроклиматич. контейнер. Повреждено кожаное покрытие пер. с утерей фрагментов; форзацные и нахзацные л. отделены

от крышек пер., смяты и надорваны, со следами ржавчины. Состояние кн. блока удовлетворительное.

Инв. №: 1885. Шифр хранения: отдел БАН при ЗИН М 282.

Библиогр. экз.: опубликованные источники: [17, № 566; 18, с. 141], архивные источники: [11, л. 99 об., № 16а; 12, л. 26, № 16].

2. Jonston, Jan (John) (1603–1675)

Historiae naturalis de piscibus et cetis libri V. Cum aeneis figuris / Iohannes Ionstonus ... concinnavit. — Francofurti ad Moenum : Impensa Matthaei Meriani, [1650]. — [2], 228 с., 47 л. ил. 2° (32,5 × 20,5 × 2,2 см).

Первый аллигат владельческого конволюта из трех аллигатов. На тит. л.: *Cum privilegio S. Ces. M. et Regis Christianissimi*. Тит. л. — грав. на мет., не подписана. Ил. — грав. на мет., не подписаны.

Пер.: белый пергамент без тиснения, на картоне.

Экслибрис: бум. наклейка 13,8 на 10,0 см с грав. на мет. княжеским гербом Радзивиллов и надписью «EX BIBLIOTHECA DUCALI RADIVILLIANA NESVISIESI», на форзаце.

Пометы рукописные: На корешке чернилами надпись: JONSTONIJ JO... На верхней крышке старыми чернилами: Л. 25; 1688; 1727; 1678; монограмма: AR; Michalski Antony и еще несколько цифр и помет нрзб., возм. на польском яз. На форзаце коричневым карандашом (сангина?) надпись нрзб.: *Wrey ĩmsce przyzony ...Dwadziescia...(?)*. На форзаце надпись чернилами на лат. яз.: *Opus hoc... далее нрзб., подписана: M. Christoph Denso (?), Gymnasij Regij Neo...Curator (?)* и датирована: 9 Julij 1703. *Jenove (?) Epistola*. На об. форзацного л. старыми чернилами от руки: 0/T.r./n.i., зачеркнуто. На нахзаце старыми чернилами от руки шифр растановки: 0 — 3./No — 48 — II.

Вложение: самодельная бум. тетрадь из л. 34,0 на 22,3 см с текстом, написанным от руки старыми чернилами с переводом названий животных, изображенных на ил. книги, на польский яз.

Штампы: «Библ. Импер. Акад. Наукъ. Bibliot. Imper. Acad. Scien.», «Зоологический институт А.Н. С.С.С.Р. Библиотека».

В июне 2018 г. сотрудниками НИОКиРФ БАН были проведены работы по фазовой консервации, книга помещена в микроклиматич. контейнер. Пер., форзац и нахзац загрязнены и надорваны, тит. л. и несколько первых с. частично оторваны от кн. блока.

Инв. №: 1950. Шифр хранения: отдел БАН при ЗИН М 336 1).

Библиогр. экз.: опубликованные источники: [17, № 761], архивные источники: [11, л. 99 об., № 17а; 12, л. 26, № 17а].

3. Jonston, Jan (John) (1603–1675)

Historia naturalis de exanguibus aquaticis libri IV. Cum figuris aneis / Joannes Jonstonus ... concinnavit. — Francofurti ad Moenum : Impendio Matthaei Meriani, 1650. — 78, [12] с., 20 л. ил. ; 2° (32,5 × 20,5 × 0,9 см).

Второй аллигат владельческого конволюта из трех аллигатов. На тит. л. грав. на дер. издат. марка издательского дома семьи Мериан. Ил. — грав. на мет., не подписаны.

Инв. №: 1951. Шифр хранения: отдел БАН при ЗИН М 336 2).

Библиогр. экз.: опубликованные источники: [17, № 755].

4. Jonston, Jan (John) (1603–1675).

Historiae naturalis de avibus libri VI. Cum aeneis figuris / Iohannes Ionstonus ... concinnavit. — Francofurti ad Moenum : Impensa Matthaei Meriani, 1650. — [2], 228, [8] с., 62 л. ил.; 2° (32,5 × 20,5 × 2,6 см).

Третий аллигат владельческого конволюта из трех аллигатов. Тит. л. — грав. на мет., не подписана. Ил. — грав. на мет., не подписаны.

Инв. №: 1952. Шифр хранения: отдел БАН при ЗИН М 336 3).

Библиогр. экз.: опубликованные источники: [17, № 752].

5. Jonston, Jan (1603–1675)

Historiae naturalis de quadrupedibus libri. Cum aeneis figuris / Ioannes Ionstonus ... concinnavit. — Francofurti ad Moenum : Haeredum Math. Meriani, [1653]. — [2], 232, [4] с., 80 л. ил.; 2° (32,5 × 19,4 × 3,0 см).

Первый аллигат владельческого конволюта из трех аллигатов. Тит. л. — грав. на мет., подписана: Merian Junior inventor. Ил. — грав. на мет., некоторые подписаны: Casp. Merian fecit; Matheus Merian Junior fecit. На тит. л. загл. ошибочно: *Historiae naturalis de quadrupetibus libri ...* На тит. л.: *Privilegio S. Ces. M. et Regis Chrystianissimi*.

Пер.: белый пергамент без тиснения, на картоне.

Экслибрис: бум. наклейка 13,8 на 10,0 см с грав. на мет. княжеским гербом Радзивиллов и надписью «EX BIBLIOTHECA DUCALI RADIVILLIANA NESVISIESI», на форзаце.

Пометы рукописные: На нижней крышке старыми чернилами от руки: Л 2 л (?). На нахзаце старыми чернилами от руки шифр расстановки: О — 4 / № — 48 — 12.

Штампы: «Библ. Импер. Акад. Наукъ. Bibliot. Imper. Acad. Scien.», «Зоологический институт А.Н. С.С.С.Р. Библиотека».

В июне 2018 г. сотрудниками НИОКиРФ БАН были проведены работы по фазовой консервации, книга помещена в микроклиматич. контейнер. Пер. загрязнён, форзац и нахзац отходят от крышек пер., имеют разрывы, сшивка кн. блока слегка ослаблена.

Инв. №: 1944. Шифр хранения: отдел БАН при ЗИН М 334 1).

Библиогр. экз.: опубликованные источники: [17, № 764], архивные источники: [11, л. 99 об., № 17; 12, л. 26, № 17].

6. Jonston, Jan (1603–1675)

Historiae naturalis de insectis libri III, de serpentibus et draconibus, libri II. Cum aeneis figuris / Iohannes Ionstonus ... concinnavit. — Francofurti ad Moenum: Impensis Naeredium Merianorum, 1653. — [2], 200, [8], 40, [4] с., 28, 12 л. ил.; 2° (32,5 × 19,4 × 3,5 см).

Второй аллигат владельческого конволюта из двух аллигатов. Тит. л. — грав. на мет., подписана: M. Merian Jun. inventor. Ил. — грав. на мет., не подписаны.

Книги о змеях и драконах (*de serpentibus et draconibus libri II*) имеют свой тит. л.: *Historiae naturalis de serpentibus libri duo / Joannes Jonston*. На тит. л. грав. на дер. виньетка.

Инв. №: 1945. Шифр хранения: отдел БАН при ЗИН М 334 2).

Библиогр. экз.: опубликованные источники: [17, № 758].

7. Swammerdam, Jan (1637–1680)

Histoire generale des insectes ou l'on expose clairement la maniere lente & presque insensible de l'accroissement de leurs membres, & ou l'on decouvre evidemment l'erreur ou l'on tombe d'ordinaire au sujet de leur prétenduy transformation ... Avec des figures / par Jean Swammerdam ... — A Utrecht : Chez Jean Ribbius, 1685. — [10], 216, [2] с., 13 л. ил.; 4° (19,3 × 15,7 × 2,0 см).

На тит. л. грав. на дер. виньетка с лат. девизом: «Meditando et legendo». Ил. — грав. на мет., не подписаны.

Пер. коричневой кожи, на корешке остатки золотого декоративного тиснения. Обрез с цв. прыском. На корешке бум. наклейка с надписью: HISTOR DES INSECT и две бум. наклейки с номерами: 189; 17. Номер «17» соответствует номерам в рукописных каталогах библиотеки Радзивиллов, хранящихся в СПБФ АРАН [11, 12].

Экслибрис: бум. наклейка 11,0 × 9,0 см с грав. княжеским гербом Радзивиллов и надписью «EX BIBLIOTHECA DUCALI RADIVILLIANA NESVISIENSI», на форзаце.

Рукописные пометы: на форзаце старыми чернилами номер: 53/15. На нахзаце старыми чернилами шифр расстановки: Y — 3 — II / № — 46 — 1.

В марте 2016 г. сотрудниками НИОКиРФ БАН были проведены работы по фазовой консервации, книга помещена в микроклиматич. контейнер. Кож. покрытие крышек пер. имеет небольшие повреждения. Края крышек пер. потеряны. На нек. с. следы воздействия сырости и пальцевые захваты.

Инв. №: 338. Шифр хранения: отдел БАН при ЗИН И 1465.

Библиогр. экз.: опубликованные источники: [17, № 1590], архивные источники: [11, л. 102 об., № 17; 12, л. 28, № 17].

Список источников

1. История Библиотеки Академии наук СССР. 1714–1964 / С.П. Луппов и др.; отв. ред. М.С. Филиппов. М.–Л.: Наука, 1964. 600 с.
2. Гроздилова Л.П. Библиотека Зоологического института Российской академии наук (к 160-летию со дня образования) // Централизованная сеть петербургских академических библиотек: становление и развитие: сб. статей. СПб.: БАН, 1992. С. 84–93.
3. Книги из ранних поступлений Академической библиотеки в отделе БАН при Зоологическом институте РАН / сост. Ю.А. Дунаева. СПб.: БАН, 2021. 208 с.
4. Берёзкина Н.Ю. Из истории создания книжного собрания князей Радзивиллов Несвижской ординации // Библиотека Радзивиллов Несвижской ординации: каталог изданий из фонда Центральной научной библиотеки им. Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси. XV–XVI века. / сост. А.В. Стефанович, М.М. Лис. Минск: Беларуская навука, 2010. С. 10–29.
5. Собрание польских старопечатных книг в Славянском фонде БАН. Вып. 1. Несвижская ординатская библиотека Радзивиллов / сост. О.В. Гусева, Е.В. Комиссарова. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. СПб.: БАН, 2005. 327 с., 21 с. ил.
6. Собрание польских старопечатных книг в Славянском фонде БАН. Вып. 1. Несвижская ординатская библиотека Радзивиллов / сост. О.В. Гусева, Е.В. Комиссарова. СПб.: БАН, 1999. 347 с.
7. Собрание польских старопечатных книг в Славянском фонде БАН. Вып. 2. Несвижская ординатская библиотека Радзивиллов: реконструкция по архивным источникам / сост. О.В. Гусева. СПб.: БАН, 2005. 373 с.
8. Использование современных информационных технологий в сохранении книжных памятников из фондов БАН (на примере собрания Радзивиллов) / И.М. Беляева, Е.В. Чилиева, Е.А. Тилева, М.А. Белинская // Петербургская библиотечная школа. 2014. № 2(46). С. 27–31.
9. Дунаева Ю.А. Кирилл Борисович Юрьев (1921–1986) — библиограф и историк Зоологического института РАН // Зоологические коллекции России в XVIII — XXI веках: научный и социально-политический контекст: сб. науч. ст. / гл. ред. О.Н. Пугачев; ред.-сост. Н.В. Слепкова. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2012. С. 361–373.
10. *Catalogus bibliothecae Radivilianae. Tomus 1* // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 1. № 226. 203 л.
11. *Catalogus bibliothecae Radivilianae. Tomus 2* // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 1. № 227. 280 л.
12. *Catalogus Bibliothecae Radzivil.* // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 1. № 228. 38 л.
13. Wyttyg W. *Ex-libris'y bibliotek polskich XVII I XVIII wieku.* Warszawa: J. Sikorsky, 1903. [4], 96, [4] с..
14. Функе Ф. Книговедение: исторический обзор книжного дела. М.: Высшая школа, 1982. 296 с.
15. Войханская П.В. Переплет кодекса БАН, НИОР, F8 и демонтированные фрагменты латинской рукописи: атрибуция в процессе реставрации // *Вспомогательные исторические дисциплины.* 2019. Т. 28. С. 156–163.
16. Книги из собрания Валленродтов в Библиотеке РАН: каталог книг формата «in quarto» / подгот. изд. Г.Н. Питулько. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2020. 1088 с., 32 с. цв. ил.
17. Каталог «Особого фонда» библиотеки Зоологического института АН России / сост. К.Б. Юрьев; отв. ред. О.А. Скарлато. Санкт-Петербург: БАН, 1994. 480 с.
18. Юрьев К.Б. О некоторых редких книгах в собрании Зоологического института АН СССР // *Труды Библиотеки АН СССР и Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР.* 1963. Т. 7. С. 138–151.

DUNAeva Yu. Books with ex-librises of the Radziwill's Estate Library in Nesvizh in the Department of the Russian Academy of Sciences Library at the Zoological Institute of the RAS

Dunaeva Yulia — Scientific Researcher, Department of Russian Academy of Sciences Library at the Zoological Institute of the RAS
Russian Academy of Sciences Library, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: bibl@zin.ru

ABSTRACT

In the Department of Russian Academy of Sciences Library at the Zoological Institute of the RAS were found four storage units with the ex-libris of the Radziwill's Estate Library in Nesvizh. Four bindings contain a total of seven publishing units. All the identified books' are well-known illustrated zoological publications on various groups of animals, published in the 16th–17th centuries. The individual features of the identified books' copies may be of interest to researchers who researched and reconstructed the Radziwill's Estate Library in Nesvizh.

Key words: history of Russian Academy of Sciences Library collections, book collection of the Department of Russian Academy of Sciences Library at the Zoological Institute of the RAS, Radziwill's Estate Library in Nesvizh.

Е.Ю. Кнорозова

К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ ВЬЕТНАМСКОЙ ПОЭЗИИ XX — НАЧАЛА XXI вв. В РОССИИ

Кнорозова Екатерина Юрьевна — кандидат филологических наук, научный сотрудник Отдела литератур стран Азии и Африки БАН; доцент РГПУ им. А.И. Герцена
Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: knorozova@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

Современной вьетнамской поэзии посвящены статьи российских исследователей. В литературных журналах много небольших по объему переводов вьетнамских поэтов. Первый крупный сборник переводов вьетнамских авторов вышел в 1955 г. В дальнейшем появилось еще несколько сборников, а в 2017 г, после долгого перерыва, опубликован сборник стихов Нго Ван Фу. В стихах вьетнамских поэтов находят отражение тяжелые дни освободительной борьбы, период мирного строительства. Современные поэты используют традиционные образы, упоминают известных исторических деятелей, военачальников, литераторов ушедших эпох. В настоящее время на популярных сайтах встречаются довольно большие подборки переводов вьетнамских поэтов.

Ключевые слова: поэзия, Вьетнам, Новейшее время, стихи.

В российском литературоведении монографий, посвященных вьетнамской поэзии Новейшего времени, нет. Проблемы вьетнамского стихосложения рассматриваются в ряде работ, например, в работе Т.Н. Филимоновой «О соотношении между слоговым составом вьетнамской лексики и метрической схемой стиха (люкбата)» [1] и Нгуен Куанг Хонга «Рифмы поэтической речи и фонологический анализ слога» [2].

В СССР были опубликованы следующие статьи:

Никулин Н.И. «О вьетнамской поэзии наших дней» [3]; Никулин Н.И. «Поэзия социалистического Вьетнама» [4]; Ильинский М. «От сердца к сердцу: о творчестве вьетнамских поэтов Нгуен Динь Тхи и Суан Зи-еу» [5]; Панова Т.Б. «О движении «новая поэзия» во вьетнамской литературе 30-х годов» [6].

В статье Ву Дык Фука «Фольклор и вьетнамская революционная литература» рассматривается поэзия, отражавшая реальность Вьетнама 30–40-х годов XX века, имевшая конкретную, злободневную направленность, связанную с фольклором. Легко запоминающиеся стихи, написанные в популярных фольклорных жанрах, обличали империалистов, колонизаторов, продажных чиновников, пропагандировали линию партии, воспевали СССР [7].

Важной и интересной является статья Т.Н. Филимоновой, вышедшая в 2004 г. [8], посвященная творчеству Тхить Няч Ханя (Thích Nhất Hạnh, 1926–2022)¹. Вьетнамский монах Тхить Няч Хань родился в 1924 г.,

¹ Творчеству Тхить Няч Ханя посвящена, например, статья: Нижников С.А., Ле Тхи Туэт. Социально вовлеченный буддизм» Тхить Няч Ханя в диалоге культур // Вестник калмыцкого ун-та. 2022. № 4 (56). С. 166–174.

с 60-х годов живет во Франции, где известен как буддийский наставник, имеющий много последователей в разных странах мира. Тхить Няч Хань — автор многих работ по вьетнамскому дзен-буддизму (вьет. тхиен), переводчик и толкователь буддийской канонической литературы, прозаик и поэт. Переводы его стихов изданы во многих странах мира. Статья посвящена одному из аспектов его многогранного творчества: описанию природы в стихах, сохранивших буддийскую традицию [8, с. 418]. Т.Н. Филимонова отмечает, что во многом поэзия Тхить Няч Ханя выражает буддийские религиозно-философские взгляды автора, и образы природы он использует не для восхищения ими, не для проявления в связи с этим своих чувств, а для выражения буддийских идей [8, с. 421]. Некоторые популярные работы Тхить Няч Ханя (Тит Нат Хана) переведены на русский язык (издано более 20 книг)².

Раздел «Вьетнам» есть в больших собраниях стихов поэтов Азии, например,

«Поэты Азии. Сборник» [9]; «Избранные произведения поэтов Азии» [10]. В разных журналах («Новый мир», «Иностранная литература», «Нева», «Памир», «Неман» и др.) много небольших переводов вьетнамских поэтов (1–2 стр.), например,

«Колокол Вьетнама. Подборка стихов непрофессиональных вьетнамских поэтов» [11];

Ха Фыонг «В полях, полных крестов. Стихи» [12]. Авторами вступительных статей к поэтическим подборкам в ряде случаев являются вьетнамские поэты, например, Суан Зиеу [13].

Первый крупный сборник переводов вьетнамских авторов вышел в 1955 г. [14] По словам А. Софронова, он не претендует на широкое ознакомление с поэзией Вьетнама [15].

Представлены следующие авторы: Ван Као, Бан Тай Доан, Буи Конг Ки, Буи Хань, Ван Тхань, Ван Хонг, Ван Чунг, Гюи Кан, Доан Куанг Кхай, До Минь, До Нгуан, Кинг Ха, Ле Дат, Ле Тхай, Ли Данг Као, Лыон Нгок, Лыу Хыу Фыок, Лыу Чонг Лы, Минь Хюе, Нгок Тюен, Нго Кюи Кханг, Нгуен Бао, Нгуен Бинь, Нгуен Ван Дан, Нгуен Ван Кюе, Нгуен Дык Зыонг, Нго Тхэ Тхам, Нгуен Динь Тхи, Нгуен Дык Лан, Нгуен Суан Сань, Нгуен Суан Кхоат, Нгуен Тхи Кьем, Нгуен Хыу Лан, Нонг Куок Тянь, Суан Зьеу, Суан Сань, Суан Фонг, Те Хань, То Ву, Тхе Лы, То Хыу, Тхань Тан, Фам Ты Нянь, Хоанг Ван, Хоанг Минь Чау, Хоанг Чам, Хоанг Чунг Тхонг, Чанг Хыу Тхунг. В сборник также включены народные песни и стихи. Переводчики: С. Болотин, Т. Сикорская, Н. Разговоров, С. Северцев, М. Ваксмахер, В. Карпов, Ю. Александров, В. Журавлев, А. Тверской, С. Поделков, А. Адалис, А. Големба, Л. Гинзбург, И. Тынянова, М. Павлов, А. Свирин.

Как отмечает А. Софронов, из вошедших в сборник стихов мы видим, как любят вьетнамские поэты свою страну, насколько дорожат они завоеванной в боях свободой, как тесно связаны они со своим народом [15, с. 4]. В 1956 г. в журнале «Иностранная литература» появилась рецензия Е. Гальпериной на это сборник [16].

² Например, Тхить Няч Хань Обретение мира. СПб.: Андреев и сыновья, 1993. 279 с.

В 1961 г. опубликован сборник стихов известного вьетнамского поэта То Хыу (1920–2002) [17]. Вступительная статья написана другим знаменитым вьетнамским литератором Нгуен Динь Тхи (1924–2003) [18]. Он отмечает, что настоящий сборник стихов — плод двадцатилетнего труда поэта [18, с. 3]. В книге помещены стихи из сборников «С тех пор», «Вьетбак» и другие стихи. Переводчики: Ю. Александров, И. Ивановский, М. Кудинов, А. Эфрон, А. Сендык, В. Сергеев, Д. Голубков, А. Ревич, М. Ваксмахер, Г. Чиж, П. Антокольский, А. Тер-Григорян.

То Хыу родился в г. Хюэ. С юных лет принимал участие в подпольном революционном движении и в войне Сопротивления (1946–1954) против французских колонизаторов. Начал писать в конце 30-х годов [19, с. 182]. То Хыу творчески освоил опыт вьетнамской поэзии, в частности, положительные достижения оформившейся во второй половине 30-х годов школы «Новой поэзии», выступавшей против устаревших поэтических канонов. То Хыу по-новому переосмысляет окружающую действительность, каждое его произведение — прямой призыв к борьбе против угнетателей или лирические стихи — несет в себе революционный импульс, толкает читателя к размышлениям. Выпущены сборники: «С тех пор», «Вьетбак», «Дядюшка Хо». Новыми вехами в творческой биографии То Хыу стали поэмы «Тридцать лет в нашей жизни есть партия» и «Свежий ветер» [20]. По словам Нгуен Динь Тхи, стихи То Хыу завоевали признание во всей стране. Как подлинно народный поэт, он много труда отдал возрождению традиций народной вьетнамской поэзии, собиранию народного фольклора, пословиц и поговорок [18, с. 9]. То Хыу — видный общественный и государственный деятель.

В сборник «Поэзия ведет огонь», вышедший в 1968 г. [19], вошли следующие разделы: «Песни любви и труда»: стихи поэтов То Хыу, Нгуен Динь Тхи, Тхюи Тоан, Те Хань, Ань Тхо, Тинь Хыу, Хоанг Чунг Тхонг, Че Лан Виен, Ван Дай, Хай Иен, Ханг Фыонг, Нгуен Суан Шань, Суан Зиеу, Фам Хо, Нонг Куок Тянь, Суан Хоанг, Хюи Кан, Лыу Чонг Лы; раздел «В джунглях Юга»: Зианг Нам, Ле Ань Суан, Ким Чинь, Тхань Зианг, Тхань Хай, Хоай Ву, Хай Ле, Тим Чанг, Тху Бон; раздел «Песни народностей Южного Вьетнама». Переводчики: М. Матусовский, Е. Долматовский, В. Корчагин, Н. Злотников, Б. Кежун, И. Фояков, Т. Жирмунская, Б. Ахмадулина, О. Берггольц, Р. Рождественский. Предисловие написано Е. Долматовским [21]. В 1968 г. А. Исбах написал рецензию на этот сборник [22].

Сборник «Из современной вьетнамской поэзии» опубликован в 1973 г. [20], автор предисловия — М. Ткачев [23]. В сборник вошли следующие поэты: То Хыу (перевод Е. Долматовского), Суан Зиеу (перевод А. Ревича), Те Лан Вьен (перевод Р. Казаковой), Те Хань (перевод И. Кашежевой), Хюи Кан (перевод Н. Панченко).

Книга «Песня о птице Те-рао: Стихи поэтов Вьетнама» увидела свет в 1980 г. [24].

Авторы: Те Хань, Тху Бон, Нгуен Динь Тхи, Хоанг Чунг Тхонг, Че Лан Виен, Суан Зиеу, Тхань Зианг, Зианг Нам, Хоанг Чунг Тхонг, Тинь Хыу, Нгуен Ван Дан, Ань Тхо, Банг Виет, То Хыу, Тхюи Тоан, Суан Хоанг, Хоанг Минь Чау, Ван Тхань, Че Лан Виен, Нгуен Суан Шань. Переводчи-

ки: Р. Рождественский, М. Матусовский, И. Кашежева, Е. Долматовский, Т. Жирмунская, Н. Разговоров, О. Савич, Р. Казакова, Г. Чиж. И. Фоняков, О. Дмитриев, Л. Гинзбург, Ю. Хазанов, М. Ваксмахер, Ф. Бурнштейн. Н. Злотников, А. Ревич, В. Карпов.

В сборник «Современная вьетнамская поэзия» [25], опубликованный в 1981 г. вошли стихи следующих авторов: Ту Мо, Лыу Чонг Лы, Бан Тай Доан, Суан Зиеу, Хюи Кан, Ань Тхо, Те Лан Вьен, То Хыу, Нонг Куок Тян, Те Хань и др.

Сборник «Стихи молодых поэтов Вьетнама» вышел в 1982 г. [26], предисловие написано М. Ильинским [27]. Авторы: Ву Куан Фьонг, Вьонг Ань, Вьонг Чаунг, Ле Ань Суан, Зьонг Хьонг Ли, Нго Ван Фу, Банг Вьет, Лы Хюи Нгуен, Суан Куинь, Фам Тиен Зуат, Фам Нгок Кань, Зьеп Минь Туен, Нгуен Кхоа Дьем, Фан Тхи Тхань Няи, И Ни, Нгуен Дык Мау, Лам Тхи Ми За, Ань Ти, Чан Мань Хао, Иен Дык, Хоанг Ньюан Кам, Нгуен Зюй, Хыу Тхинь, Тхань Тхао, Чан Данг Кхоа. Переводчики: М. Павлова, В. Савельев. А. Сенкевич, О. Татаринев, Г. Фролов, А. Чернов, В. Вебер. А. Коняшов, В. Корчагин, В. Сорокин, Т. Кузовлева, С. Золотцев. В. Романов, О. Татарина, Л. Мигдалова, А. Щербаков, В. Михановский. В 1983 г. вышла рецензия И. Фонякова [28].

Литературное наследие Хо Ши Мина (1890–1969) изучалось в Советском Союзе российскими и вьетнамскими учеными, в качестве примера можно привести следующие статьи: Н.И. Никулин. «Хо Ши Мин — писатель, поэт, критик» [29]; Данг Дык Хиеп «Тюремный дневник» Хо Ши Мина и «Моабитская тетрадь» Мусы Джалиля» [30]. Появились переводы произведений вьетнамского лидера на русский язык: Хо Ши Мин «Тюремный дневник» [31]; Хо Ши Мин. Сочинения (1920–1969) [32]; Хо Ши Мин. Избранные стихи и проза [33]; Хо Ши Мин. «Избранное» [34]. В сборник вошли стихи Хо Ши Мина, его публицистика, выступления по вопросам литературы, искусства и культуры.

Как отмечает Н.И. Никулин, Хо Ши Мин — сын вьетнамского ученого-книжника конфуцианского толка, получивший на первых порах традиционное для феодального Вьетнама образование, прошел сложный путь — от идеалов антиколониальной национально-освободительной борьбы до идей научного коммунизма. Это был писатель, создававший превосходную прозу на французском, это был поэт, писавший стихи на ханване (вьетнамизированном варианте вэньяня — литературного языка китайского средневековья, «дальневосточной латыни»). Разумеется, писал он стихи и прозу и на родном языке, переводил с других языков Его перу принадлежит также ряд статей по вопросам литературы и искусства [29, с. 267]. По словам Н.И. Никулина, Хо Ши Мин отнюдь не считал себя поэтом или писателем — скорее журналистом и партийным пропагандистом [29, с. 274]. Когда в 1942 г. Хо Ши Мин выехал в Китай, он был арестован чанкайшистской охранкой и четырнадцать месяцев просидел в застенке. Хо Ши Мин создал там стихотворный цикл «Тюремный дневник», написанный на ханване [29, с. 272]. Он состоит из ста с лишним поэтических миниатюр-четверостиший, выразительных и лаконичных. Эта традиционная форма, которая на протяжении веков составляла славу вьетнамской литературы, обнаружила благодаря поэтическому таланту Хо Ши Мина новые грани и возможности [29,

с. 272]. В ряде произведений Хо Ши Мина традиционные образы соседствуют с революционной тематикой.

Известные вьетнамские поэты XX–XXI вв.:

Суан Зиеу (1917–1985) родился в Хатине. Участник войны Сопrotивления. Первые же его стихи, напечатанные в конце 30-х годов, принесли поэту широкую известность. Ему принадлежат также сборники очерков и эссе, посвященные классической вьетнамской литературе и ряд переводов [19, с. 182]. Сборники: «Даря благоухание ветру», «Под золотой звездой», «Свет», «Мать и дитя», «Звезда», «Личное и общее», «Красный стук в сердце», «Две могучие волны», «Глаза — мое сокровище» [20, с. 302].

Те Хань (1921–2009) родился в Южном Вьетнаме, участник войны Сопrotивления. Начал свой творческий путь до Августовской революции 1945 г. В послевоенные годы становится одним из ведущих поэтов страны, пользуются популярностью и его поэтические переводы [19, с. 182]. В поэзии Те Ханя большое место занимает тема Юга и воссоединения Вьетнама, которой посвящена большая часть стихов, включенных в сборники: «Сердце Юга», «Моему Северу», «Песни волн», «Юг и Север, влюбленные в друг друга». Своей задушевностью и напевными интонациями поэзия Те Ханя близка к народной поэзии, имеющей во Вьетнаме давние и богатые традиции [20, с. 305–306].

Те Лан Виен (1920–1989) родился в Центральном Вьетнаме, участник войны Сопrotивления. В 17 лет опубликовал первый сборник стихов «Руины», принесший ему широкую известность. Он один из крупнейших поэтов Вьетнама [19, с. 183]. В 1942 г. Те Лан Виен выступил с книгой рассказов, носивших следы известного влияния символизма. Совершенно по-новому зазвучала его поэзия в годы Сопrotивления. Сохранив свою взволнованность и романтическую окрыленность, она стала более земной и близкой к повседневности. В стихи вошли новые герои — солдаты, крестьяне, партизаны. Поэтические сборники: «Вам, братья!», «Свет и ил», «Стихи, бьющие по захватчикам». Поэзии Те Лан Виена свойственно многообразие формы: традиционные поэтические размеры и свободный стих, во вьетнамской поэзии мало распространенный [20, с. 304–305].

Нгуен Динь Тхи — участник подпольного революционного движения и войны Сопrotивления. В военные годы он сформировался как литератор, талантливый прозаик и поэт. Является также автором ряда критических и литературоведческих работ [19, с. 183]. Наиболее популярны его стихи о Ханое, поэмы «Мать солдата Тяня», «Песня о Черном море», а также романы «Вперед, в атаку!», «Рушатся берега», «В огне», «Линия фронта прочерчивает небо».

Хюи Кан (1919–2005) родился в Северном Вьетнаме, активно участвовал в войне Сопrotивления. Свой творческий путь Хюи Кан начал в русле школы «Новой поэзии». Первые книги стихов, которые принесли ему широкую известность, — «Священное пламя» (1940) и «Песнь вселенной» (1942), — проникнуты романтическими мотивами. В годы войны Сопrotивления в поэзии Хюи Кана зазвучала тема народа и его бессмертного подвига. После восстановления мира героями его стихов

стали люди труда. Многие стихотворения Хюи Кана посвящены его зарубежным поездкам в СССР, Китай, на Кубу, в Японию, арабские страны. Стихи Хюи Кана отличает четкость ритмического рисунка, простота и изящество формы. Поэт успешно работает в различных жанрах: наряду с лирическими стихами он пишет и поэтические диалоги для театра, большие поэмы, стихотворения и сказки для детей, занимается переводом [20, с. 307–308].

В стихах современных поэтов использует традиционные образы. Например, во Вьетнаме, так же, как и в прочих странах дальневосточного культурного ареала, образ луны часто встречается в поэтических произведениях. Тема луны отражается в стихах Хо Ши Мина. В стихотворении «Полнолуние первого месяца» есть такие строки:

«...Вот полнолуние первой луны, светится диск надо мной,
Воды весенней реки слились с небесной синевой.
Под облаками, над быстринной план намечаю сраженья.
Полночью тихо плыву назад, залита лодка луной» [33, с. 149].

Этот образ присутствует, например, и в стихотворении Чан Данг Кхоа³ «Луна, откуда ты явилась?», которое начинается следующими строками:

«Луна, откуда ты явилась?
Из чащи, что вдали видна?
Луна, как спелый плод, повисла
Почти у самого окна...» [26, с. 283].

В стихах отражаются популярные предания. Например, в стихотворении Хюи Кана «Легенда о том, как Фу Донг разбил врага» излагается история легендарного героя, отразившего северных захватчиков. Когда у богатыря сломался меч, «...упруго

Разогнулась рука,
Вырвала пук бамбук
И погнала врага.
Ветки хлестали ливнем.
Мало этого — конь
Из ноздрей горделивых
Стал извергать огонь...» [19, с. 123].

Стихотворение Те Лан Виена «Аист» напоминает колыбельную:

«...он всегда тебя будет любить,
Твой аист.
Ты вырастешь, но для меня все равно — ты малыш.
Умру, но душу мою ты в своей приютишь...» [20, с. 164–165].

Аист (журавль) — один из символов вьетнамской культуры. Священная птица Лак, изображения которой присутствуют на бронзовых донгшонских барабанах⁴, напоминает журавля.

В стихах упоминаются известные исторические деятели, военачальники, литераторы ушедших эпох. Например, в стихотворении Те Лан

³ Первые стихи Чан Данг Кхоа (р. 1958 г.) появились, когда ему было всего семь лет, и сразу завоевали широкую популярность. В восемнадцать лет он стал членом Союза писателей Вьетнама [26, с. 313].

⁴ Донгшонская культура — середина I тысячелетия до н.э. — II в. н.э.

Виена «Родина, была ли ты когда-нибудь так прекрасна!» есть такие строки:

«О Красная река! Четыре тысячи лет твой голос звучит.
Но никогда еще, родина, ты не была так прекрасна!
Даже тогда, когда Нгуен Чай⁵ творил и сражался с врагом,
Когда Нгуен Зу⁶ писал «Киеу» и сама ты была Храмом литературы.
Нгуен Хюэ⁷ въезжал на слоне в ворота Севера,
Хынг-дао⁸ бил солдат Юаней на реке Батьданг...» [20, с. 172].

В творчестве вьетнамских поэтов находят отражение тяжелые дни освободительной борьбы, период мирного строительства. Тематика, связанная с войной, может звучать ненавязчиво, только в заключительной строке. Таково, например, лирическое стихотворение Чан Данг Кхоа «Ночь в Коншоне» (1968):

«В горах стихают птичьи голоса,
журчит ручей, встречают небеса приход луны,
и листья падают, едва слышны,
звук их паденья, словно тишины немой язык...
Серьезен Будды непонятный лик,
как будто что-то важное постиг, о чем молчат...
Вдруг дальний гром раздался как набат,
и вижу — свечи в пагоде горят, мигают мне...
И колокола голос в тишине,
и сосны словно тянутся к луне, светлы холмы,
как будто Нгуен Чая дух из тьмы явился вдруг...
и слышу я стихов прекрасных звук... летят часы...
Орудий дула влажны от росы» [26, с. 283–284].

Горы Коншон, расположенные к северу от Красной реки — очень живописное место, любимое вьетнамцами. Там располагалось имение Чан Нгуен Дана (1325—1390 гг.), члена императорской династии Чан (1225–1400), крупного чиновника, поэта, математика, астронома. Чан Нгуен Дан — дедушка великого вьетнамского поэта Нгуен Чая (1380–1442). Стихи Чан Данг Кхоа как будто перекликаются с первыми строками из произведения Нгуен Чая «Воспеваю Коншон» (Кон шон ка):

«В Коншоне есть ручей, его журчание напоминает звуки лютни.
В Коншоне есть скала, дожди так промыли устилающий ее голубоватый мох, что я считаю его своей циновкой...» [35, с. 106–107].

Известные вьетнамские поэты имели возможность путешествовать, полученные впечатления отражались в творчестве. В стихотворении То Хыу «Милой Польше» есть такие строки:

«Я в твой Краков пришел, как домой из скитанья,
Преодо мною встают величавые зданья.
Древний Вавель советское войско спасло.
Так отважный Тхатъ Сань спас принцессу в сказанье...» [17, с. 166].

⁵ Нгуен Чай (1380–1442) — великий вьетнамский поэт и государственный деятель.

⁶ Нгуен Зу (1765–1820) — выдающийся вьетнамский поэт, поэма.

⁷ Второй правитель династии Тэйшон (годы правления: 1788–1792).

⁸ Чан Хынг Дао (1226–1300) — великий полководец, государственный деятель, автор трактатов по военному искусству.

В 2017 г. после долгого перерыва был опубликован сборник стихов вьетнамского автора — Нго Ван Фу [36]. В разделе «Приложения и комментарии» приведены оригинальные тексты его стихов на вьетнамском языке [37, с. 143–204]. Нго Ван Фу родился в 1937 г. Во Вьетнаме он известен как автор ряда поэтических сборников («Май, пора жатвы», «Дурман-трава», «Белый цветок любви» и др.), рассказов, повестей, нескольких романов («Пыль и ветер», «Император и его история любви»). Высоко ценятся его переводы эпохи династии Тан (618–907) [38, с. 12–13]. На русском языке четыре стихотворения Нго Ван Фу впервые были опубликованы в 1982 г. [26, с. 50–53]. По наблюдениям Ю.Д. Мининой, отдельные стихотворения поэта сейчас знает практически каждый вьетнамец, однако совсем не каждый может назвать имя их автора [39, с. 9].

Вьетнамские исследователи защищали в России диссертации, посвященные современной вьетнамской поэзии, например, Нгуен Тхи Бик Тху. Лирический герой в советской и вьетнамской поэзии: принцип изучения (На материале поэзии В. Маяковского и То Хыу) [40].

Ряд статей принадлежит Ле Винь Куоку (псевдоним К. Ян). Бывший военный, оказавшись в СССР, занимался исследовательской деятельностью в Ташкенте, в Институте востоковедения имени Абу Райхана Беруни. Он автор следующих статей:

«Советская тема в поэзии То Хыу» [41], «О поэзии национальных меньшинств ДРВ (1945–1954)» [42], «С именем Ленина (образ В.И. Ленина в творчестве вьетнамских поэтов)» [43], «Становление социалистического реализма во вьетнамской поэзии» [44], «Тридцать лет новой жизни. Тридцать лет новой поэзии (о современной вьетнамской поэзии)» [45].

В 1991 г. Ле Винь Куок защитил диссертацию на соискание доктора филологических наук на тему «Вьетнамская поэзия 30-х — первой половины 60-х годов (Становление и развитие революционной поэзии)» [46].

В настоящее время на популярных сайтах встречаются довольно большие подборки переводов вьетнамских поэтов, например, на сайте Няч-нам (Nhat-nam) (19.02.2019) представлены стихи следующих поэтов в переводе Н. Переяслова: Нгуен Хыу Тинь (автор книг «Эхо траншей», «Дорога к городу», «Поэма о море», «Разговоры со временем», а также других поэтических сборников и отдельных поэм) и Нгуен Куанг Тхи-еу. Там же можно найти стихи Чан Данг Кхоа (перевод А. Улзытуева), Ло Нган Сун (перевод А. Никулиной), Нгуен Чонг То (перевод Н. Мирошниченко, А. Поповой) [47].

Газета «Литературный Санкт-Петербург» знакомит с творчеством вьетнамских поэтов, которые хорошо владеют русским языком и являются переводчиками собственных стихов и произведений своих собратьев по перу на русский язык. Это Нгуен Суан Хоа (р. 1937 г.), Нгуен Дак Лап (р. 1945 г.), Ле Дык Тху (р. 1949 г.), Чан Данг Кхоа (р. 1958 г.), Нгуен Хюи Ань (р. 1974 г.) [48].

Особое внимание хотелось бы обратить на Ле Ван Няна (1952–2019). Как отмечает А.Я. Соколовский, Ле Ван Няна, бесспорно, является одним из видных представителей современной вьетнамской русскоязычной литературы. Он — неординарная личность, ученый-филолог, двуязычный поэт, патриот, переживающий как о своей Родине, так и о

России. Он — замечательный педагог, оратор, защитник русского языка, отстаивающий его позиции во Вьетнаме и мире. Он также является народным дипломатом. Долгое время был генеральным секретарем Центрального правления Общества вьетнамо-русской дружбы. Уникальность Ле Ван Няна состоит в том, что поэт одинаково воспеваает Россию и Вьетнам, считая их своим домом [49, с. 263]. Ле Ван Нян единственный из вьетнамских авторов одинаково свободно писал стихи как на родном, так и на русском языке. Издал шесть поэтических сборников, в том числе три — на русском, например, «По-русски я пишу стихи, смеюсь и плачу» [50]. В стихотворении «Русский язык» (2018) есть такие строки:

«...Все лихорадочно учат английский —
Прибыльный, модный, расхожий язык.
Бизнес жесток, и зачислен он в списки
Бесперспективнейших — русский язык!
Стала эпоха удушливо «тискать»,
Нынче у многих развязан язык:
В обществе хаос, инфляция, чистка
Даже коробит их русский язык!
Честный народ оскорбляют российский,
Злобно клеветают на русский язык;
Суд состоялся жестокий без иска:
Мерзок и лжив борзописцев язык!
Общий разрушился дом большевистский,
Но сохранился же русский язык —
С нами остался по-прежнему близкий
Пушкина звонкий и гордый язык!
Мы сбережем в героическом риске
Шестипадежный любимый язык,
Здесь, среди ВЪЕТОВ, создав обелиски
С крупною надписью: РУССКИЙ ЯЗЫК!» [48].

Таким образом, по опубликованным переводам можно получить общее впечатление о вьетнамской поэзии Новейшего времени. Хотелось бы, чтобы этих переводов было больше.

Список источников

1. Филимонова Т.Н. О соотношении между слоговым составом вьетнамской лексики и метрической схемой стиха (люкбата) // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. № 4. 1978. С. 36–42.
2. Нгуен Куанг Хонг. Рифмы поэтической речи и фонологический анализ слога // Вопросы языкознания. № 2. 1985. С. 98–103.
3. Никулин Н.И. О вьетнамской поэзии наших дней // Иностранная литература. № 10. 1973. С. 189–195.
4. Никулин Н.И. Поэзия социалистического Вьетнама // Социалистический реализм на современном этапе. М.: Наука, 1977. С. 283–299.
5. Ильинский М. От сердца к сердцу: о творчестве вьетнамских поэтов Нгуен Динь Тхи и Суан Зиеу // Иностранная литература. № 9. 1985. С. 195–200.
6. Панова Т.Б. О движении «новая поэзия» во вьетнамской литературе 30-х годов // Диалектика формы и содержания в языке и литературе. Тбилиси, 1986. С. 113–114.

7. Ву Дык Фук. Фольклор и вьетнамская революционная литература // Роль фольклора в развитии литератур Юго-Восточной и Восточной Азии. М.: Наука, 1988. 183 с. С. 143–155.
8. Филимонова Т.Н. Природа в буддийской поэзии Вьетнама (на примере творчества Няч Ханя) // Человек и природа в духовной культуре Востока. М.: Ин-т востоковедения РАН, Крафт+, 2004. С. 418–434.
9. Поэты Азии. Сборник. М.: Гослитиздат, 1957. 911 с. Вьетнам: С. 30–58.
10. Избранные произведения поэтов Азии. М.: Художественная литература, 1981. 703 с. Вьетнам: С. 67–70.
11. Колокол Вьетнама. Подборка стихов непрофессиональных вьетнамских поэтов /пер. с вьет. и вст. ст. И. Фоянкова // Сибирские огни. № 10. 1966. С. 92–96.
12. Ха Фыонг. В полях, полных креветок. Стихи /перевод Е. Раевской // Новый мир. № 9. 1983. С. 47–48.
13. Суан Зиеу. Слово поэтам Вьетнама /предисловие вьетнамского поэта // Иностранная литература. № 6. 1966. С. 81–82.
14. Стихи поэтов Вьетнама /составление и общая редакция А.И. Палладина. М.: Художественная литература, 1955. 255 с.
15. Софронов А. Современная вьетнамская поэзия // Стихи поэтов Вьетнама. М.: Художественная литература, 1955. С. 7.
16. Гальперина Е. Весна во Вьетнаме // Иностранная литература. № 2. 1956. С. 197–201.
17. То Хыу. Стихи. М.: Художественная литература, 1961. 175 с.
18. Нгуен Динь Тхи. Поэзия То Хыу // То Хыу. Стихи. М.: Художественная литература, 1961. С. 3–9.
19. Поэзия ведет огонь. М.: «Известия», 1968. 192 с.
20. Из современной вьетнамской поэзии. М.: Прогресс, 1973. 313 с.
21. Долматовский Е. Предисловие // Поэзия ведет огонь. М.: «Известия», 1968. 192 с. С. 3–6
22. Исбах А. Иностранная литература. № 8. 1968. С. 260–262.
23. Ткачев М. Предисловие // Из современной вьетнамской поэзии. М.: Прогресс, 1973. С. 5–10.
24. Песня о птице Те-рао: Стихи поэтов Вьетнама. М.: Искусство, 1980. 45 с.
25. Современная вьетнамская поэзия. Сборник /перевод, составители: М. Ткачев, И.М. Зимонина. Прогресс, 1981. 349 с.
26. Стихи молодых поэтов Вьетнама. М.: Молодая гвардия, 1982. 319 с.
27. Ильинский М. Поэзия борьбы // Стихи молодых поэтов Вьетнама. М.: Молодая гвардия, 1982. С. 5–8.
28. Фоянков И. Свидетельствует поэзия // Иностранная литература. № 9, 1983. С. 238–240.
29. Никулин Н.И. Хо Ши Мин — писатель, поэт, критик // Контекст. Сб. М.: Наука, 1975. С. 267–288.
30. Данг Дык Хиеп. «Тюремный дневник» Хо Ши Мина и «Моабитская тетрадь» Мусы Джалиля // Муса Джалиль и патриотические традиции в современной литературе. Казань, 1989. С. 73–80.
31. Хо Ши Мин. «Тюремный дневник» / предисловие П. Антокольского. М.: Издательство иностранной литературы, 1960. 122 с.
32. Хо Ши Мин. Сочинения (1920–1969). Ханой: Издательство литературы на иностранных языках, 1971. 394 с.
33. Хо Ши Мин. Избранные стихи и проза / перевод с вьетнамского, французского и ханваня, составление, комментарии М. Ткачева; предисловие К. Симонова. М.: Художественная литература, 1985. 271 с.
34. Хо Ши Мин. Избранное / составитель Е. Кобелев; вступительная статья К. Симонова. М.: Прогресс, 1979. 295 с.
35. Bùi Huy Bích. Hoàng Việt thi văn tuyển. Hà Nội: Nhà xuất bản văn hóa, 1958. Т. 2. 146 tr.
36. Нго Ван Фу. Облака и хлопок. Избранная поэзия / перевод с вьетнамского, предисловие, комментарии, приложения Ю.Д. Мининой. СПб.: Гиперион, 2017. 208 с.

37. Нго Ван Фу. Облака и хлопок. Избранная поэзия / перевод с вьетнамского, предисловие, комментарии, приложения Ю.Д. Мининой. СПб.: Гиперион, 2017. С. 143–204.
38. Нго Ван Фу. Облака и хлопок. Избранная поэзия / перевод с вьетнамского, предисловие, комментарии, приложения Ю.Д. Мининой. СПб.: Гиперион, 2017. С. 12–20.
39. Родин С.А. Поэзия Нго Ван Фу. Взгляд читателя // Нго Ван Фу. Облака и хлопок. Избранная поэзия / перевод с вьетнамского Ю.Д. Мининой. СПб.: Гиперион, 2017. С. 5–11.
40. Нгуен Тхи Бик Тху. Лирический герой в советской и вьетнамской поэзии: принцип изучения (На материале поэзии В. Маяковского и То Хыу). Автореферат к.ф.н. М.: ИМЛИ, 1990. 22 с.
41. Ян К. Советская тема в поэзии То Хыу // Звезда Востока. № 8. 1971. С. 169–172.
42. Ян К. О поэзии национальных меньшинств ДРВ (1945–1954) // Общественные науки в Узбекистане. № 8. 1971. С. 48–50.
43. Ян К. С именем Ленина (образ В.И. Ленина в творчестве вьетнамских поэтов) // Звезда Востока. № 7. 1969. С. 197–201.
44. Ян К. Становление социалистического реализма во вьетнамской поэзии // Социальные проблемы в литературах народов зарубежного Востока. Ташкент: Фан, 1983. С. 17–48.
45. Ян К. Тридцать лет новой жизни. Тридцать лет новой поэзии (о современной вьетнамской поэзии) // Звезда Востока. № 4. 1976. С. 146–147.
46. Ле Винь Куок. Вьетнамская поэзия 30-х — первой половины 60-х годов (Становление и развитие революционной поэзии). Автореферат д.филол.н. М.: Наука, 1991. 48 с.
47. URL: <http://www.nhat-nam.ru/forum3/viewtopic.php?t=635&ysclid=ll7uswsmki368482778> (дата обращения 12.08.23).
48. URL: <http://litgazeta.dompsitel.ru> (дата обращения 12.08.2023).
49. Соколовский А.Я. Ле Ван Нян — вьетнамский поэт с русской душой // Вьетнамские исследования. Выпуск 6. М.: ИДВ РАН, 2016. С. 262–267.
50. Ле Ван Нян. По-русски я пишу стихи, смеюсь и плачу... Ханой: *Thế Giới*, 2006. 97 с.

KNOROZOVA E. To the issue of studying Vietnamese poetry of the 20th — early 21st centuries in Russia

Knorozova Ekaterina — Candidate of Philological Sciences, Research Department of Oriental Languages Publications of the Russian Academy of Sciences Library; Associate Professor of the Herzen State Pedagogical University of Russia

Russian Academy of Sciences Library, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: knorozova@yandex.ru
ABSTRACT

Articles of Russian researchers devoted to the modern Vietnamese poetry. There are many small-volume translations of Vietnamese poets in literary magazines. The first major collection of Vietnamese authors' translations was published in 1955. In the future appeared several collections, and in 2017 after a long break a collection of poems by Ngo Van Fu was published. The poems of Vietnamese poets reflected the difficult days of the liberation struggle, the period of peaceful construction. Traditional images, mention famous historical figures, military leaders, writers of bygone eras are used by modern poets. Currently, there are quite large collections of Vietnamese poets' translations on the popular websites.

Key words: Russian Academy of Sciences Library, poetry, Vietnam, Modern time, poems.

УДК 001.891.32
ББК 63.5

П.И. Федотова

К ПРОБЛЕМЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ЛЕТОПИСНОЙ ВОДИ

Федотова Полина Игоревна — кандидат философских наук

Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: polinafedotova@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

В статье изложена новая гипотеза этнической принадлежности летописной води. На основании заменяемости этнонимов «венеды» и «водь» в топонимике Восточной Прибалтики автор приходит к выводу, что водью новгородские славяне называли прибалтийских вендов (венедов) — древний индоевропейский этнос, остатки которого сохранялись в восточных регионах Балтийского моря до XIII–XIV вв. С течением времени прибалтийские венеды были ассимилированы другими этническими группами (славянами, балтами, финнами). Автор также прослеживает черты сходства между венедями и варягами.

Ключевые слова: венеды, водь, варяги, топонимика Восточной Прибалтики.

Современная историческая наука никакой проблемы в этнической принадлежности води не видит. Этот этнос отечественными историками однозначно квалифицируется как одна из прибалтийско-финских групп. Основанием для такого рода этнической квалификации выступает финноязычие води, которое устанавливается по свидетельствам и этнографическим исследованиям XVIII–XX вв. Однако экстраполировать современную ситуацию с финноязычием води на более отдаленное время — то же самое, что утверждать германскую принадлежность шотландцев, валлийцев или ирландцев на основании их современного англоязычия. В действительности это кельтские группы, перешедшие на английский язык в силу жесткого административного и экономического давления на протяжении последних трех-четырёх столетий. Аналогичным образом и фиксируемое ныне финноязычие води не может служить достаточным основанием для заключения о ее финской принадлежности в прошлом.

Сведения о води, которая называлась также вожанами, в новгородском летописании скудны и отрывочны. К тому же в некоторых ранних сообщениях о води летописный текст испорчен. Характерно, что в Новгородской первой летописи (НПЛ) младшего извода наименование Ладоги Водским озером (в самом раннем Комиссионном списке 40-х гг. XV в.) в последующих ее списках заменено на Невское, а сообщение 1069 г. о нападении води на Новгород вообще удалено. Такого рода манипуляции с текстом свидетельствуют о стремлении скрыть информацию, связанную с водью. Известно лишь, что в начале XIII в. обитавшую в новгородских пределах водь постигла демографическая катастрофа. Под 6723 г. НПЛ сообщает о страшном голоде, разразившемся в Новгородской земле в 1215/16 г. Ранние морозы уничтожили весь урожай,

а контролировавший Торжок князь Ярослав Всеволодович (отец Александра Невского) не пустил в Новгород «ни воза» из Суздальской земли, организовав экономическую блокаду. В итоге «ядяху люди сосновую кору и листь липовъ и мохъ». Люди умирали прямо на улицах: «по тьргу трупие, по улицамъ трупие, по полю трупие, не можаху пси изедати человекъ». Мертвых приходилось хоронить в «скудельницах» (братских могилах). Больше всего пострадала вода: «а Вожане помроша, а останъке разидеся» [14, с. 54]. Таким образом, в начале XIII в. новгородская вода оказалась на грани физического исчезновения; разбежавшиеся кто куда остатки этой этнической группы, надо полагать, оказались не в силах противостоять ассимиляционным процессам. Последующие беглые упоминания об участии «вожан» в новгородских ополчениях XIII — начала XIV в. не несут никакой конкретной информации о воде. Трудно даже сказать, идет ли речь о вожанах как особой этнической группе или же о разноплеменных жителях Водской земли.

В то же время бросается в глаза странное несоответствие между этно-маркирующим названием Водская (Вотьская) пятина и ее расположением. Охватывая огромную территорию от южных берегов Финского залива до побережья Белого моря, она носила название небольшой этнической группы, жившей по обе стороны от нижнего течения реки Луги¹. Основную массу населения Водской пятины составляли карелы и лопь (саамы). Но сама пятина назвалась при этом Водской, а не Корельской (хотя и разделялась на «полугскую» и «корельскую» половины). Саамы проживали как на севере Водской пятины, так и на юге. На севере при Белом море находились семь Лопских погостов; еще один Лопский погост имелся в Южном Приладожье в составе Ореховского уезда. Кроме карел и саамов, в Водской пятине в низовьях р. Луги проживала чудь (Опольский и Толдожский погосты Ямского уезда «в чюди»), а по реке Ижера — ижора, что зафиксировано в названии Ижерского погоста. При этом Ижорское плато, как и Полужье, были освоены русским населением еще в XI в., к XV в. заселившим также южное и северное Приневье и побережье Финского залива и, судя по новгородским писцовым книгам, численно преобладавшим над неславянским. Такое явное несоответствие названия пятины реальной этнической картине — как она известна из позднесредневековых русских источников XV–XVI вв. — говорит о некогда существовавшей здесь иной конфигурации этнических групп.

В свое время один из первых русских исследователей исторической географии Руси Н.П. Барсов в своих историко-географических «Очерках» (1873) отмечал, что объем Водской пятины, занимавшей весь северо-запад Новгородской земли, дает основание думать, что первоначально вода имела гораздо большее распространение. Следы пребывания воды он усматривал в таких названиях, как деревня Водова у Нарвского за-

¹ По археологическим данным, в начале II тыс. н.э. основная часть воды обитала на Ижорском плато между низовьями реки Луги и современной Гатчиной. Однако в I тыс. н.э. вода занимала более обширную территорию, охватывая восточное побережье Чудского озера, вплоть до Гдова и южнее. В дальнейшем часть воды мигрировала в эстонские области на западных и северо-западных берегах Чудского озера [12, с. 63–65]. Топонимические же данные — название «Водское озеро» в отношении Ладоги и «водские» названия в бассейне Волхова — указывают на то, что вода когда-то занимала территорию вплоть до Ладожского озера.

лива на левом берегу р. Нарвы, село Водское (Новоселки) на р. Оредеж, д. Водосья² на левом берегу Волхова, недалеко от впадения р. Тигоды, село Воцкое на р. Питьбе — вплоть до оз. Вожинское в бассейне р. Паши в юго-восточном Приладожье [2, с. 62].

О более широком ареале проживания води свидетельствует и наименование Ладоги Водским озером в младшей НПЛ [14, с. 270]. Озеро не могло получить название Водского, если бы вода не жила на его берегах. А карело-финское название Ладоги *Veneenmieri* наводит на мысль, что оба названия — славянское «Водское озеро» и финноязычное «Венедское море» — равнозначны и название «вода» было всего лишь славянским обозначением прибалтийских венедов (вендов). Происходившие в течение столетий этнические процессы, в результате которых венедское население постепенно смешалось с финноязычными и славянскими группами, остались за рамками письменной истории. Но консервативная система названий сохранила память об иной этногеографической ситуации в регионе.

Существует и ряд прямых свидетельств о тождестве названий «венеды» и «вода». Некоторые из них приведены в исследовании Ю.Ю. Трусмана о вендской топонимике в Эстонии. Один из самых древних зафиксированных на территории Эстляндии топонимов, содержащий племенное название венедов, относится к 1229 году. В этом году Эзельский епископ пожаловал Дюнамюндскому монастырю расположенную в Вике (провинция в западной Эстонии) деревню *Wendeculle* («Вендская деревня»). Она же упоминается в 1523 г. в форме *Wenküll*. Во времена самого Трусмана (кон. XIX в.) эта деревня, находившаяся в Пенальском приходе Гапсальского уезда, называлась *Wöntküla* (Вотская деревня). В купчей 1388 г. на одну из деревень Трейденского прихода указана дер. *Wenedeculla seu Watendorff* («Венедская деревня или Вотская деревня»; первое название — по-фински, второе — его немецкий перевод), которая переходила через продажу рижскому пробсту и капитулу [17, с. 75–76]. При этом сам Трусман полагал, что венеды — это русские, и потому переводил эти слова как «русская или водская деревня». Отождествление русских с водью он объяснял тем, что в глазах местного населения полуобрусевшие вожане, ижоры и карелы, сходные с новгородскими славянами по одежде и отчасти по языку, могли также называться русскими. Хотя из прямого чтения текста следует, что немецкое название воды *Waten* было другим названием венедов (*Wened*). Замена племенного названия венедов на вода прослеживается и в Литве. Так, литовское местечко *Wendziagola/Vendziogala*³ («Вендский конец» или «Вендский край»?) на реке Урка имело также название *Wandyagol* («Водский конец») [6, с. 108].

Эстонский лингвист Пауль Аристэ в своем исследовании о водской топонимике приводил название деревни на Сойкинском полуостро-

² Деревню *Водосья* вряд ли правильно относить к «водским» названиям. *Водосья* в новгородско-псковских диалектах — «пойма» [8, с. XLIX].

³ В вопросе о семантике и лингвистической принадлежности второго компонента *-gala* в названиях мест и поселений Восточной Прибалтики (включая невско-ладожский регион) нет единого мнения. Как правило, его возводят к лит. *-galas* — «конец, край». Однако в Литве встречаются названия не только на *-gala*, но и на *-galas*, тогда как на территории невско-ладожского региона названий на *-galas* нет, только на *-gala/-gola*. Это говорит о самостоятельности топонимического элемента *-gala* и возможной балтизации (то есть рационализации на литовской почве) первоначальных топонимов на *-gala*. Вопрос о происхождении и значении этого часто повторяющегося в топонимике Восточной Прибалтики форманта остается открытым.

ве (в Каргальском погосте Копорского уезда), которая у ижорско-финского населения носила название *Venakonsta* (варианты *Wenankontza* и *Wenankotza*). В новгородских писцовых книгах она называлась «сельцо Вотский конец» [28, с. 97–98]. Второй элемент *kontza/konsta* представляет собой финноязычную передачу русского *конец*, что говорит о первичности русского названия. Однако примечательно, что слово «Вотский» передается по-фински не как *vaina* или *vadja* («водский»), а как *Vena* и *Wenan* — «венедский».

Эти факты свидетельствуют, что в период средневековья наименования «*vene*», «*wend*» и «*wenan*» (венед, венедский) ассоциировались не с русским населением, а были другим названием воды у всех проживавших в Прибалтике этнических групп (немцев, литовцев, финнов). По крайней мере, в разноязычных топонимах в качестве взаимозаменяемых обозначений выступают не «венеды» и «русские», а «венеды» и «водь». На этом основании ряд исследователей приходили к выводу о тождестве этих этнических групп. В частности, прибалтийско-немецкий историк Генрих Лаакман (1892–1955) заявлял, что проживавшие в г. Венден и его округе «венды относятся к воде». Саму водь он традиционно считал финским племенем, а потому объяснял сохранявшуюся в окрестностях города Вендена (современный Цесис в Латвии) память о финноязычных ливах финским происхождением самих основателей Вендена — вендов [29, с. 207]. Практика взаимозаменяемости этнонимов «венды» и «водь» у народов Восточной Прибалтики позволяет заключить, что и у славян слово *водь* служило наименованием вендов. Но из этого следует вывод не о финском происхождении вендов, а о первоначально индоевропейской принадлежности воды. Лишь последующая ассимиляция этой индоевропейской группы в финноязычной среде превратила ее остатки в финноязычный этнос.

Не случайно этническая принадлежность прибалтийских вендов уже около двухсот лет является предметом неутрачиваемых научных споров. В них видели славян, балтов, финнов, русских, кельтов и даже германцев. Причина столь неординарной ситуации заключается, видимо, в том, что некогда многочисленный (по словам готского историка Иордана) «народ венедов», занимавший юго-восточные и восточные побережья Балтийского моря, со временем подвергся ассимиляции со стороны разных этнических групп. Название славянизированной части венедов перешло на балтийских славян, которых их соседи германцы продолжали называть венедками. Ассимилированная балтами общность сохранилась как особая группа латышей под названием венетиков. Проживавшая в невско-ладожском регионе и финнизированная в период позднего средневековья группировка сохранилась под славянским именем «водь», ставшим ее самоназванием — *vaddalaizōd*. В то же время на самих русских славян, занявших бывшие венедские земли в невско-ладожском регионе, перешло название прежде жившего здесь этноса. У современных финнов термины *venäläinen* («венед») и *venäläiset* («венеды») до сих пор означают русских, а Россия называется *Venäjä* (*Wänäjä*), *Wenälänmaa* — Венедская земля [5, с. 725; 26, с. 157; 6, с. 114]. И если исходная этническая принадлежность известных с античных времен венедов определяется лишь в общем — как индоевропейская, то относительно прибалтий-

ских вендов наиболее убедительной выглядит версия об их кельтском происхождении из бретонской Арморики⁴.

Что касается известной из новгородских летописей води, то, несмотря на ее нынешнее финноязычие, существует весомый топонимический аргумент против ее первоначальной финской принадлежности. Если бы водь была финским племенем, то гидронимия Водской земли (то есть южного Приневья — от рек Луга и Нарва до Невы и Ладожского озера) была бы преимущественно финской. В то время как наоборот: гидронимия этого региона в подавляющем большинстве — не финская. Такую ситуацию невозможно списать на последующую славянизацию региона, поскольку славянские названия относятся преимущественно к малым водным объектам, тогда как наиболее значительные из них носят не славянские и не финские имена. Эта дославянская и дофинская гидронимия распадается, как минимум, на три крупные топонимические группы.

Одна из них — балтская, по-видимому, ближайшая по времени к эпохе славянской колонизации региона. К ней относятся такие названия, как: река Ладога⁵ (ныне Ладожка), от латыш. *lataka, lataga* со значением «водосточный желоб; поток, струя; канава, ров» [13, с. 47], реки Лава и Ловать (от лит. *lova* — «ложе; русло реки» + суффикс прилагательного *-otis*) [15, с. 215–219], Луга (от латыш. *luga* — «лужа», «место, где стоят лужи воды», «грязное, илистое место»), Шелонь и Лига (южный приток Финского залива), прямые аналоги которым имеются на территории Литвы [22, с. 182]. Ведущий советский топонимист Р.А. Агеева относила к гидронимам балтийского происхождения оз. Бебро («Бобровое») в бассейне реки Оредеж, р. Тосна (южный приток Невы), р. Велькотка и дер. Велькота в бывшем Ямском уезде (нижнее течение р. Луги), р. Нотика (левый приток Луги) и дер. Нотея Ямского уезда, р. Овнова («Овечья», левый приток Луги), речка Удрайка (от лит. *udra* — выдра) [1, с. 186–188, 193–197].

Другая группа — палеоевропейские названия, известные также под именем «северно-русских» или топонимики «волго-окского типа» (по определению академика Б.А. Серебренникова). К ней следует отнести названия, имеющие прямые аналоги на территории Волго-Окского междуречья и русского Севера или сходные с ними морфологически. Этот пласт не поддается этимологизации, вследствие утраты древнеевропейского языка и неизвестности первоначальной фонетической формы. К палеоевропейской гидронимии невско-ладожского региона можно отнести такие названия, как Охта, Ковоша, Токса, Сестрь (Сестра), Вокса (Вокша), Нарва, Вишера и многочисленные гидронимы юго-восточного Приладожья (Воложба, Паша, Шамокша, Шапша, Капша, Габордукса и др.).

На территории невско-ладожского перешейка есть еще третья группа гидронимов, не имеющая аналогов на Русской равнине, но не поддающаяся объяснению из финских, славянских или балтских языков. Это,

⁴ См., например, недавнюю работу самарских археологов и историков, на основе топонимических данных обосновавших миграцию армориканских венедов на восток Балтийского моря после их поражения от римлян в середине I в. до н.э.: [3]. Причем сразу вслед за этим — в первых веках нашей эры — античная историко-географическая традиция начинает фиксировать присутствие венедов на побережье Балтики к востоку от Вислы.

⁵ Название речки Ладога может быть объяснено и из кельтск. *latkv (ирл. lathach): тина, грязь. Заимствованием этого кельтского слова полагают финское lotakko, ldtakhc: лужа, лужица [27, с. 805].

прежде всего, названия двух главных водных объектов — озера Нево и реки Невы. Современный петербургский историк В.С. Кулешов в своем исследовании показал, что традиционное мнение об их финском происхождении ошибочно. В действительности они принадлежат индоевропейскому языку, каковым он признал прагерманский [10, с. 27–36]. Хотя гипотеза В.С. Кулешова о германской этимологии названия Нева не может быть принята, важность его исследования заключается в обосновании индоевропейской принадлежности этого гидронима со значением «Новая», а также в невозможности признать его первоисточником финские языки, где такая семантика отсутствует⁶. Вопрос о действительных носителях и.-е. названий Нева и Нево, таким образом, остается открытым. Не поддаются этнической атрибуции и такие гидронимы, как Оредеж (варианты Аредеж, Уредеж) и Ижера. Не исключено, что такого рода названия неопределенной принадлежности оставлены водью, как этнической группой, предшествовавшей в данном регионе славянам. По крайней мере, почти сплошная палео- и индоевропейская гидронимия Водской земли исключает финскую принадлежность исторической воды. Ведь гидронимия — самый устойчивый пласт географических названий и главный индикатор этнической принадлежности территории.

Остаются неясными и отношения воды с новгородскими славянами. Судя по глухим и отрывочным свидетельствам Новгородской первой летописи, эти отношения поначалу были враждебными. Под 6577 (1069) г. старшая НПЛ содержит сообщение о нападении воды на Новгород. При этом дефектность оборванной и обрезанной фразы «опять приде Все[слав ...] къ Новугороду; новгородци же поставиша пълъкъ противу ихъ» говорит о стремлении скрыть информацию о тех «их», от которых защищались новгородцы. Из последующего текста выясняется, что речь шла о воде: «О, велика бяше сеця Вожняномъ, и паде ихъ бещисльное число» [14, с. 17]. В младшей НПЛ это известие из статьи 6577 г. полностью изъято. В ней информация о нападении воды на Новгород в 1069 г. отсутствует, будучи заменена текстом киевской летописи о событиях вокруг киевского стола: бегстве из Киева князя Всеслава Полоцкого и возвращении на киевский стол Изяслава Ярославича. Обращает внимание и замена названия Водское озеро в Комиссионном списке младшей НПЛ на Невское озеро в ее последующих списках. С чем связано явное желание исключить сведения о воде из новгородских летописей при их московских переделках середины XIV–XV в. — этот вопрос тоже нуждается в выяснении.

Здесь может иметь значение тот факт, что названия «озеро Нево» и «Варяжское море» в новгородских источниках не употребляются. Они содержатся в памятниках северо-восточного происхождения и появляются в тексте древнекиевской летописи в составе варягофильской редакции конца XIII в., созданной идеологами влиятельного варяжского клана из Владимиро-Суздальской земли⁷. Так не были ли варяги как-то связаны с венедами-водью?

⁶ Критику прагерманской гипотезы В.С. Кулешова см.: [19].

⁷ Обоснование варяжского (а не древнерусского, как принято считать) происхождения названия *Варяжское море* см. в монографии: [23]. О появлении варягофильской историографии в составе великокняжеского свода Дмитрия Переяславского 1283/84 г. см.: [24].

Уже упоминавшийся Юрий Трусман приводил любопытный факт: мелочные торговцы в Эстонии носили имя *harjakas* или *haria wenelane* — «щетинник, коробейник». Их еще называли *Somrak*, *Sombrak*, *Somberlane* («сомерцы», «жители Сомерской области») — по названию Сомерского погоста в Шелонской пятине Новгорода. Они занимались по преимуществу меновой торговлей, меняя материи и металлические изделия на щетину и воск [17, с. 57]. Имя венедев (*wenelane*) в данном случае означает торговцев из русских областей, но нельзя исключить, что первоначально эти скупщики щетины были и в самом деле венедами, проживавшими в Сомерском погосте на границе Шелонской и Водской пятин Новгорода. Именно в Сомерском погосте вдоль восточного побережья Чудского озера в I тыс. н.э. проживала группировка води, которая в научной литературе получила название «южной группы» [12, с. 63–67].

По крайней мере, роль, которую играли сомерские *haria wenelane* («венедеды-щетинники») в Эстонии, идентична той, которую играли варяги в русских землях. По свидетельству словаря В.И. Даля, слово *варяг* имело в русском языке значение «скупщик всячины по деревням», «офеня, коробейник, меняющий мелочной товар на шкуры, шерсть, щетину, масло, посконь и пр.» [8, с. 169]. Таким образом, бродячие торговцы, которые занимались архаичной меновой торговлей, меняя товары деревенского ширпотреба на щетину и другие сельские полуфабрикаты, в Эстонии назвались венедами (*wenelane*), а на Руси — варягами. Обращает внимание и тот факт, что на русской территории «венедедская» топонимика сосредоточена в Водской пятине Новгорода⁸, где находилась и основная масса «варяжских» названий: Варяжские улицы в Ладоге и Новгороде, Варяжская божница в Новгороде и все пять известных по новгородским писцовым книгам деревень с названием Варягово (четыре непосредственно на берегах Невы в составе Спасо-Городенского погоста Ореховского уезда и одна — Варягово на Кобылицах — к северу от Невы в составе Келтушского погоста того же Ореховского уезда) [16, с. 130, 139, 140, 248–249]⁹. В то же время местонахождение собственно «варяжских градов» русские источники относят к району Гданьска на балтийском побережье современной Польши (бывшей Восточной Пруссии), что, по указаниям античных авторов, соответствует району проживания венедедов в первых веках нашей эры¹⁰. О присутствии варягов в этом регионе свидетельствует и топонимика, содержащая этноним варяги: *Warengen* (Варенген в Самбии, Восточная Пруссия), *Wareżyn* (Варяжин, под Вильно), *Waregowice* (Варяговице, под Гнезно), *Wareżyn* (Варяжин, повет Бядзин), *Wareška Kuźnica* (Варяшка кузница, там же), *Warežanka* (Варяжанка, приток Буга), *Warež* (Варяж, на Варезжанке) [30, с. 243]. Там же — от Вислы до реки Хесун (возможно, Гауя или Пернава) — античные авторы раз-

⁸ О названиях, содержащих этноним «венедеды» на территории Приневья, Финляндии и Швеции, см.: [22, с. 187–191].

⁹ За пределами невско-ладожского региона на территории России известны варяжские топонимы в Мурманской области (Варангер-фьорд на современной российско-норвежской границе), Варяжский остров на Днепре (рядом с островом Хортица) и Варанголиман на Черном море, недалеко от устья Днепра.

¹⁰ О проблеме местожительства варягов см.: [18].

мещали акваторию Венедского залива. По свидетельству С. Герберштейна, море у берегов Жемайтии (современной Литвы) и в XVI в. еще сохраняло название Венедского (*Veneticum mare*) [7, с. 196]. А на карте северной Европы (1539 г.) современника Герберштейна — шведского историка О. Магнуса — название Венедского носит Финский залив: *MARE FINNONICUM SIVE SINUS VENEDICUM* (Финское море или Венедский залив). Как Синусь Венедикусь (Венедский залив) обозначена акватория Вислинского (Калининградского) залива на одной из карт в Атласе Балтийского моря А.И. Нагаева (1757 г.) [23, с. 66]. Таким образом, обозначение Балтики у прусско-литовских берегов Венедским заливом дожило в картографии до середины XVIII в.

Исходя из этих фактов, просматривается определенное сходство варягов с венетами. Обе группы проживали на территории Восточной Прибалтики, Приневья и русско-карельского Севера (о чем свидетельствуют оставленные на этих территориях «венедские» и «варяжские» топонимы), имели одинаковый род занятий и кельтскую этническую принадлежность¹¹. В этой связи следует обратить особое внимание на сообщение польского собирателя славянских древностей З. Ходаковского, что проживавшую в Копорье водь русские называли варягами: «Сия водь именуется от тамошних русских чудью», а бранным образом — «белоглазю чудью и варягами» [25, с. 494–495]. А.А. Куник, комментируя это сообщение Ходаковского, соглашался, что слово «варяги» в данном случае нужно понимать в переносном смысле: не в качестве обозначения этнической группы, а со значением «ворюги», «вора» или «пронеры», как это слово зачастую употреблялось в народных говорах [11, с. 409]. Однако в свете вышесказанного сохранение за копорской водью (финнизированными венетами) названия варяги является еще одним свидетельством в пользу тесной связи (если не тождества) этих этнических групп. К слову сказать, и «варяжский» язык, столь заинтересовавший императрицу Екатерину II, на поверку оказался языком копорской воды [4].

Представленные выше соображения являются гипотезой, основанной, прежде всего, на анализе топонимического материала. Документального или хроникального подтверждения тождества вендов и воды нет. Но и гипотезы скандинавского происхождения варягов, как и финского происхождения летописной воды тоже не имеют документального обоснования и тем не менее выдаются за исторические факты. Иные точки зрения априори объявляются «ненаучными», хотя очевидно, что проблема этнического происхождения этих групп остается открытой. К сожалению, научные силы до сих пор были сосредоточены на создании псевдопроблем, связанных с поисками скандинавского присутствия на русском Севере. Остается надеяться, что загадки древнего Приневья все же получат более адекватное освещение. Пангерманистская парадигма, возобладавшая в российской исторической науке в постсоветский период, должна быть заменена на непредвзятую и действительно научную интерпретацию исторических фактов.

¹¹ Доказательства кельтской принадлежности варягов см.: [20; 21; 23, с. 93–94]. Впервые кельтская принадлежность варягов была обоснована советским историком А.Г. Кузьминым почти столетия назад. См.: [9].

Список источников

1. Агеева Р.А. Гидронимия русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. Изд. 2-е. Москва : Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
2. Барсов Н.П. Очерки русской исторической географии. Москва : Кучково поле, 2012. 336 с.
3. Богачев А.В., Захарова Л.Б., Кузнецов А.В., Хохлов А.А. Венеды-мореходы побережья «Океана» в свете данных топонимики (постановка проблемы) // Вопросы археологии Поволжья. Самара : Слово, 2020. Вып. 8. С. 229–245.
4. Варяжской языкъ. URL: <https://varangica.livejournal.com/61705.html>? (дата обращения: 21.06.2022).
5. Вахрос И., Щербаков А. Большой финско-русский словарь. 5-е изд., стер. Москва : Русский язык, 2002. 816 с.
6. Вилинбахов В.Б. Славяне в Ливонии (Некоторые соображения о вендах Генриха Латыша) // *Slavia Antiqua*. Warszawa ; Poznan, 1971. Т. XVIII. С. 105–121.
7. Герберштейн С. Записки о Московии. Москва : Изд-во МГУ, 1988. 430 с.
8. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Санкт-Петербург ; Москва, 1880. Т. 1. 723 с.
9. Кузьмин А.Г. Об этнической природе варягов // Вопросы истории. 1974. № 11. С. 54–83.
10. Кулешов В.С. Нева // Ладога. Первая столица Руси. 1250 лет непрерывной жизни. Сельские чтения памяти Анны Мачинской. Санкт-Петербург : Нестор-История, 2003. С. 27–36.
11. Куник А.А. Дополнения к «Каспию» Б.А. Дорна // Дорн Б.А. Каспий: о походах древних русских в Табаристан, с дополнительными сведениями о других набегах их на побережья Каспийского моря. Санкт-Петербург : Тип. Академии наук, 1875. Доп. III. С. 357–462.
12. Моора Х.А., Моора А.Х. Из этнической истории води и ижоры // Из истории славяно-прибалтийско-финских отношений. Таллин : Ээсти раамат, 1965. С. 63–90.
13. Невская Л.Г. Балтийская географическая терминология. Москва : Наука, 1977. 227 с.
14. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // ПСРЛ. Москва : Языки русской культуры, 2000. Т. 3. 720 с.
15. Откупщиков Ю.В. Об этимологии гидронима Ловать // Индоевропейское языкознание и классическая филология — X. Материалы чтений, посвященных памяти профессора И.М. Тронского. Санкт-Петербург, 2006. С. 215–219.
16. Переписная окладная книга по Новугороду Вотьской пятины. 2-я половина. Москва, 1851. 464 с.
17. Трусман Ю.Ю. Русские элементы в Эстляндии в XIII — XV вв. // Временник Эстляндской губернии, 1893. Ревель, 1894. Кн. 1. С. 55–85.
18. Федотова П.И. Варяжский путь апостола Андрея // Свободная мысль. 2020. № 4. С. 39–62.
19. Федотова П.И. Гидронимы Нево и Нева: конфликт интерпретаций // Наука и библиотека. Сборник научных трудов. Санкт-Петербург : БАН, 2022. Вып. 5. С. 37–46.
20. Федотова П.И. Кельтские корни варяжской легенды. Часть первая // Свободная мысль. 2020. № 6. С. 173–192.
21. Федотова П.И. Кельтские корни варяжской легенды. Часть вторая // Свободная мысль. 2021. № 1. С. 5–24.
22. Федотова П.И. К проблеме «вендских следов» в нево-ладожском регионе // Свободная мысль. 2022. № 5. С. 181–201.
23. Федотова П.И. Названия Балтийского моря в русских средневековых источниках: монография / отв. ред. Н.В. Колпакова. Санкт-Петербург : БАН, 2022. 120 с.
24. Федотова П.И. У истоков варяжской историографии: кто и когда внедрил варяжский фальсификат в русские летописи? // Свободная мысль. 2020. № 3. С. 117–136.
25. Ходаковский З. Путевые записки // Журнал Министерства народного просвещения. 1838. Ч. 20. С. 479–527.

26. Шафарик П.Й. Славянские древности / пер. с чеш. О.М. Бодянского. Москва : Академический проект : Альма матер, 2015. 476 с.
27. Шахматов А.А. К вопросу о финско-кельтских и финско-славянских отношениях // Известия Имп. Академии наук. 1911. Т. 5. Вып. 10. С. 790–812.
28. Ariste P. Vадja kohanimes [Аристэ П.А. Водь в топонимике] // Из истории славяно-прибалтийско-финских отношений. Таллин : Ээсти раамат, 1965. С. 91–106.
29. Laakmann G. Estland und Livland in frühgeschichtlicher Zeit [Лаакман Г. Эстония и Ливония в раннеисторическое время] // Baltische Lande. Bd. 1. Ostbaltische Frühzeit. Leipzig, 1939. S. 204–262.
30. Rudnicki M. [Рец.] H. Janichen. Die Wikinger im Weichsel- und Odergebiet // Slavia Occidentalis. Poznan, 1938. T. 17. S. 223–269.

FEDOTOVA P. To the problem of ethnicity of the chronicle vod'.

Fedotova Polina — Candidate of Philosophy, an independent researcher
Saint-Petersburg, Russia, e-mail: polinafedotova@yandex.ru

ABSTRACT

The article presents a new hypothesis of the ethnicity of the chronicle Vod'. Based on the substitutability of the ethnonyms «Wends» and «Vod'» in the toponymy of the Eastern Baltic region, the author comes to the conclusion that the Novgorod Slavs called the Baltic Vends (Veneds) — an ancient Indo-European ethnos, the remnants of which were preserved in the eastern regions of the Baltic Sea until the 13th–14th centuries. Later, the Baltic Veneds were assimilated by other ethnic groups (Slavs, Balts, Finns). The similarities between the Veneds and the Varangians is also traced by the author.

Key words: Venedy, Vod', Varangians, toponymy of the Eastern Baltic region.

Д.Д. Дымская

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ АНТИКОВЕДЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В БАН

Дымская Дарья Дмитриевна — кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела научной систематизации литературы БАН

Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: cromwell@inbox.ru

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются особенности систематизации литературы по антиковедческим дисциплинам в Библиотеке Российской академии наук. Делается вывод о том, что в основном систематизация осуществляется по формуле $Y(0)32\dots$, где Y — буквенное обозначение дисциплины, а вместо многоточия ставится 1 (Древняя Греция), 2 (эллинизм) или 3 (Древний Рим). Исключение составляют филологические науки, искусство и религия.

Ключевые слова: Библиотека Российской академии наук, систематизация литературы, наука об античности, Библиотечно-библиографическая классификация (ББК).

Антиковедение представляет собой комплекс дисциплин, изучающих различные аспекты античной цивилизации, т.е. греко-римского мира в древности. Чтобы понять принцип, по которому систематизируется касающаяся их литература в Библиотеке Российской академии наук (далее — БАН), необходимо в первую очередь проанализировать, как представлена античность в разделе истории, получив таким образом представление о ее периодизации.

История древнего мира и, в частности, античности является частью всемирной истории (1), для систематизации литературы по которой используется первая часть XIV выпуска «Библиотечно-библиографической классификации», опубликованная в 1964 г. [2]. Во многих отношениях эта схема уже устарела, но именно античная ее часть (ТЗ(0)32) сохраняет свою актуальность и соответствует современному уровню развития науки. Античный период делится на три больших этапа:

ТЗ(0)321 — Древняя Греция;

ТЗ(0)322 — Эллинизм;

ТЗ(0)323 — Древний Рим и Италия.

Рассмотрим их по порядку.

История Древней Греции подразделяется на четыре периода, общая хронологическая протяженность которых составляет около двух тысячелетий. В каждом из них создавалась особая социально-экономическая система, государственность и культура. При этом между ними прослеживается определенная связь и преемственность, придающая единство древнегреческой цивилизации как историческому целому [3, с. 5–6].

ТЗ(0)321.1 — Крито-микенский период (III–II тыс. до н.э.). Эта эпоха стоит особняком от остальной греческой истории: цивилизация Крита, возможно, даже не была греческой. Судя по всему, на острове существовала теократическая монархия с сильным жречеством и бюрократическим аппаратом, а центрами власти были большие, роскошно укра-

шенные дворцовые комплексы-«лабиринты». В сфере искусства важное место занимают красочные декоративные фрески и вазопись. Пик критского могущества приходится на XVII–XV вв. до н.э. Критяне создали процветающую экономику и имели торговые связи с Египтом, хеттами, Сирией и Финикией. В XV в. до н.э. Крит захватили микенцы, т.е. греки-ахейцы. Они многое заимствовали у критян, но многое было и самобытным. Для микенской цивилизации была характерна сильная царская власть, развитая бюрократия, свободный демос, военная аристократия и частное рабство. Микенское искусство отчасти напоминает критское, но отличается большей суровостью. Цивилизация Микен прекратила свое существование в результате дорийского нашествия XIII в. до н.э.

ТЗ(0)321.2 — Гомеровский период (XI–IX вв. до н.э.). Археологи называют его темными веками, а историки и филологи — гомеровским периодом, потому что поэмы Гомера являются основным источником по его изучению. И Гомер, и археология показывают крайне примитивное общество, отброшенное в домикенское время: разрушенные дворцы, низкий уровень жизни, натуральное хозяйство и отсутствие бытовых различий между верхами и низами общества. Происходит упадок ремесла, разрыв внешних и внутренних торговых связей, исчезновение письменности, скульптуры и прикладного искусства.

ТЗ(0)321.3 — Архаический период (VIII–VI вв. до н.э.). Эта эпоха — время небывалого технического и экономического прогресса, «великой колонизации», создания полисной системы, борьбы между демосом и знатью. В VIII–VI вв. Греция снова обрела письменность, на сей раз на основе финикийского алфавита. Зарождаются греческие астрономия, математика, медицина, а также основные направления философии — материализм, идеализм и скептицизм. Формулируются основные принципы физики и биологии. В литературе преобладают эпос (героический — Гомер, дидактический — Гесиод) и лирика. В это время складывается система архитектурных ордеров, в скульптуре преобладают изображения человека (обнаженные юноши — куроры и одетые девушки — коры), происходит зарождение чернофигурного и краснофигурного стилей вазописи.

ТЗ(0)321.4 — Классический период (V–IV вв. до н.э.). С одной стороны, этот период был временем тяжелых испытаний для греков: греко-персидские войны сделали Афины центром греческого мира, противники Афин концентрировались вокруг Спарты, и в итоге между обоими союзами разразилась Пелопонесская война. После нее начался кризис полиса, массовое разорение крестьян и горожан, обострение социально-политической борьбы. IV в. стал временем возрождения тирании. С другой стороны, именно на классический период приходится пик развития культуры, искусства и философии. В литературе эпос и лирика сходят со сцены, на их место приходит театр, представленный великими классиками — Эсхилом, Софоклом и Еврипидом. Наблюдается расцвет исторической (Геродот, Фукидид, Ксенофонт) и ораторской (Лисий, Исократ, Демосфен, Эсхин) прозы. Сократ, Платон и Аристотель развивают новые направления в философии. В изобразительном же искусстве период классики характеризуется поисками абсолютного совершенства, а также стремлением к идеалу героизма и гражданственности.

Период эллинизма (IV–II вв. до н.э.), который часто рассматривается как часть истории древней Греции, в схеме вынесен в подраздел ТЗ(0)322. Эта эпоха отмечена рядом судьбоносных событий: кризисом полисной системы, македонской гегемонией в Греции, восточными походами Александра, взаимопроникновением греческой и восточной культур и, наконец, их синтезом, техническим прогрессом, в особенности отразившимся на военном деле, судостроении и строительстве. В это время развиваются естественные науки, это период, в котором жили и творили Феофраст, Евклид, Архимед и Эратосфен. В искусстве заметен расцвет декоративной архитектуры и монументальной скульптуры — именно тогда были построены колосс Родосский и Пергамский алтарь. На основе учений Платона и Аристотеля возникли новые философские школы — стоицизм, эпикурейство и кинизм. В литературе на место политизированной комедии приходит бытовая, а в поэзии утверждаются малые жанры (идиллии, буколики, диатрибы). Упадок творчества компенсируется развитием филологии [4, с. 17–28].

Римская история развивалась параллельно с греческой, а ее периоды называются по форме государственного устройства.

ТЗ(0)323.2 — Эпоха царей (754–510 гг. до н.э.). Это время постепенного формирования римского городского поселения, усложнения социальной структуры (выделяются сословия патрициев и плебеев, группы патронов и клиентов), появления системы административно-территориального деления. Что же касается царя, то он совмещал в себе функции военачальника, верховного жреца и судьи, его власть не была наследственной. О сфере культуры в эту эпоху известно немного, можно лишь констатировать, что она испытывала на себе сильное этрусское влияние. Кроме того, именно в царский период, по-видимому, появилась латинская письменность на основе греческого алфавита.

ТЗ(0)323.3 — Эпоха Республики (510–30 гг. до н.э.). После свержения царской власти начался процесс формирования и развития аристократической Республики. В это время Рим объединил под своим главенством всю Италию, разгромил Карфаген, подчинил себе территории по периметру Западного Средиземноморья, а затем — Македонию и Грецию, результатом чего явился приток богатств и рабов, в свою очередь вызвавший значительные социально-экономические сдвиги. Это, а также усиление эллинистических влияний, проникших в Рим благодаря его выходу на международную арену, привело к кризису существующей политической системы и обострению политической борьбы, следствием чего стала целая эпоха гражданских войн, которая завершилась падением Республики и началом новой и последней эпохи в истории Рима — Империи. Все вышеперечисленное оказало существенное влияние на римскую культуру: среди высших слоев общества стали распространяться греческий язык и образованность, римляне познакомились с греческой философией и искусством, начали творчески их перерабатывать и развивать собственный, латинский язык. В этот период появляется и развивается латинская поэзия (Лукреций, Катулл), драматургия (Плавт и Теренций известны как авторы комедий, а Пакувий и Акций — трагедий) и проза (Варрон, Цицерон, Цезарь, Саллюстий), достигает расцвета ораторское искусство, формируется система римского права. В архитектуре, изна-

чально находившейся под этрусским влиянием, преобладали военно-инженерные (оборонительные стены) и гражданские (водопроводы и дороги) сооружения, но затем стали появляться новые типы зданий — базилики, амфитеатры, термы, триумфальные арки. В изобразительном искусстве, также испытывавшем на себе этрусское и эллинистическое влияние, наибольшим своеобразием отличается римский скульптурный портрет, передающий индивидуальные черты изображенного.

T3(0)323.4 — Эпоха Империи (30 г. до н.э. — 476 г. н.э.). Свое обозначение период получил от усвоенного носителями высшей власти почетного титула «император», который ранее предоставлялся победоносному полководцу его войском, а теперь был включен в систему официального имени победителями гражданских войн. Кроме того, свою роль здесь сыграла и римская правовая традиция, обозначавшая термином «империй» (*imperium*) полномочия высокого должностного лица, наделенного правом военного командования, а также ареал применения этих полномочий.

Хотя Римское государство в течение пяти веков находилось под властью императоров, сама эта власть менялась так же, как и внутреннее состояние общества и положение государства. Период ранней империи (T3(0)322.4,022.1 — 30 г. до н.э. — 192 г. н.э.) характеризовался расцветом городской жизни, интенсивностью торговых связей и культурным подъемом. Это было время создания официального государственного эпоса («Энеида» Вергилия), развития лирики (Овидий, Гораций), сатиры (Гораций, Персий, Ювенал) и эпиграммы (Марциал), появления замечательных прозаических произведений (Петроний, Плутарх, Апулей, Лукиан). Продолжалось правотворчество, достигло пика градостроительное искусство и архитектура.

При этом в экономике наметились симптомы упадка, а сильные сопредельные варварские народы заставили императоров прекратить наступательные войны и перейти к защите своих границ. Затем наступил т.н. кризис III в. (T3(0)323.4.2), когда внутреннее разложение сомкнулось с угрозами извне, т.е. со стороны перешедших в наступление варваров. На некоторое время императорам удалось отразить варварские нашествия, справиться с сепаратистскими движениями в провинциях и сохранить единство империи. В период Поздней империи (T3(0)323.4.3) государственная система была полностью реформирована, однако остановить разложение античного общественного строя, основой которого было рабство, и поставить преграду нарастающему натиску варваров было уже невозможно. Империя разделилась на Западную и Восточную, в 476 г. последний император западной империи был низложен и она прекратила свое существование, а восточная продержалась в виде Византии до 1453 г. Но это уже не была цивилизация классической древности, поэтому традиционной датой завершения античного периода истории принято считать именно 476 г. [5, с. 6–11].

Помимо истории, антиковедение включает в себя целый ряд вспомогательных дисциплин, как например: T211 — источниковедение, T212 — археография, T218 — историческая география, T221 — нумизматика, T223 — палеография, T224 — папирология, T229 — эпиграфика, T4 — археология. Их деление строится аналогично историческому

разделу: (0)32 — Античный мир, (0)321 — Древняя Греция, (0)322 — Эллинизм, (0)323 — Древний Рим и Италия [2, с. 78–82; 5, с. 50–52].

Также неотъемлемой частью антиковедческих штудий является классическая филология. Классические языки обозначены в схеме следующим образом: Ш145.1 — древнегреческий язык, Ш146.1 — латынь, Ш146.11 — классическая латынь [7, с. 48].

Переводную античную литературу следует искать в разделе Ш5 — художественная литература. Хотя в схеме особо подчеркивается, что под индексом Ш5(0)32/35 (Ш5(0)33 — греческая литература, Ш5(0)35 — римская литература) собираются «произведения всех античных авторов, независимо от отраслей знания» [7, с. 99], сочинения, имеющие междисциплинарное значение, дублируются в соответствующих разделах. Так, например, произведения, которые могут считаться историческими источниками, помещаются в соответствующий подраздел раздела Т3(0)32 с добавлением типового деления ,012. Наиболее характерным примером в данном случае может служить творчество Цицерона. Его речи являются одновременно и яркими литературными произведениями, и источниками по изучению известных событий периода Республики, а потому должны быть отнесены как к литературе (Ш5(0)353), так и к истории (Т3(0)323.3,012). Это касается и других отраслей знаний: трактаты Цицерона об ораторском искусстве помещаются в раздел Ш7 Ораторское искусство (Ш733(0)35) (2), философские сочинения — в раздел Ю3 История философии (Ю3(0)323-237) и т.д.

Издания же античных авторов, предназначенные для изучения греческого и латинского языка в средней школе, собираются в соответствующих подразделениях индексов Ш145.1 и Ш146.11 под типовым делением -947 [7, с. 99].

Литература по античному фольклору, к каковому относятся главным образом мифы, помещается в раздел Ш3 — Фольклор и систематизируется аналогично художественной литературе: Ш3(0)323 — Греческий фольклор, Ш3(0)325 — римский фольклор [7, с. 66]. Однако мифологический эпос, т.е., например, поэмы Вергилия, считается художественной литературой и должен ставиться на Ш5(0)353-6, а мифы, адаптированные для детей, считаются детской литературой и размещаются в разделе Ш9.

Литература по остальным наукам в период античности систематизируется так же, как в разделе истории. Общая схема выглядит следующим образом: Y(0)32..., где Y — буквенное обозначение дисциплины, а вместо многоточия может ставиться 1 (Древняя Греция), 2 (эллинизм) или 3 (Древний Рим). Например: Ю3(0)32 — античная философия, Ю3(0)321 — философия Древней Греции (возникновение, первые философские школы, материализм, софисты, Сократ, Платон, Аристотель и т.д.), Ю3(0)321 — философия в эллинистический период (академия, перипатетики, Эпикур, стоики и т.д.), Ю3(0)323 — философия Древнего Рима (римский материализм, римский стоицизм, скептицизм, эклектизм, неопифагореизм, неоплатонизм) [8, с. 65–66]. То же самое касается экономики и права.

Однако существуют и исключения. Периодизация истории искусства отличается тем, что крито-микенская эпоха выделена в самостоятельный подраздел Ш103(0)320 Эгейское искусство и включает в себя искусство не только собственно Крита и Микен, но также Трои и Кипра [9, с. 60].

Выделяется из общего ряда и раздел религии: под индексом Э32 собирается литература по религиям древнего мира в целом, а религиям античного мира посвящен подраздел Э322, включающий в себя религии Древней Греции (Э322.1), эпохи эллинизма (Э322.2) и Древнего Рима (Э322.3). Христианство же вынесено в самостоятельный подраздел Э37, поэтому вся литература о его зарождении и существовании в античной форме относится не к религиям Рима в период Империи, а к подразделу раннего христианства Э371 [10, с. 151–154] (3).

Стоит отметить, что в разделе «История» предусмотрены специальные деления для детализации материала: так, например, -5 обозначает государственный строй, -7 — культуру, идеологию и быт и т.д. В этой связи может возникнуть вопрос, как систематизировать литературу, если получается, что многие антиковедческие дисциплины так или иначе перекликаются с историей? Нужно ли дублировать индексы или деление должно быть более предметным? По нашему впечатлению, второй подход является более правильным. Думается, что междисциплинарную границу следует проводить исходя из того, с позиций какой науки рассматривается то или иное явление: если речь идет об исторических событиях, ставить индекс истории, если рассматривается культура — то индекс соответствующей ее отрасли и т.д. Проблемы же и «темы, интересующие в определенном аспекте историю, но изучаемые другими науками, отражаются в отделе Т только отсылками», — подчеркивают составители схемы [2, с. 31].

Подведем итоги. В целом можно констатировать, что систематический каталог БАН позволяет надлежащим образом систематизировать поступающую литературу об античности. По нашему впечатлению, это во многом обусловлено логично выстроенной периодизацией, а также консервативностью самой науки об античности и, следовательно, меньшей ее подверженностью идеологическим изменениям по сравнению с другими историческими эпохами и периодами.

Примечания

1. Исключение составляет история территорий, которые впоследствии вошли в состав Советского Союза. Литература об этих областях в древности собирается под индексом Т3(2)2... — История СССР. Рабовладельческий строй. Многоочие заменяется на цифры, обозначающие определенный народ или государство [1, с. 58–59]. Этот принцип верен и в отношении вспомогательных исторических дисциплин.

2. В схеме отражен только индекс Ш733 — История ораторского искусства в античный период [7, с. 130]. Каталог отличается более глубокой детализацией, и приведенные данные указаны по его образцу.

3. При этом в разделе «Искусство» раннехристианское искусство (Щ103(0)323.49) отнесено к искусству Римской империи (Щ103(0)323.4) [9, с. 61].

Список источников

1. Библиотечно-библиографическая классификация. Таблицы для научных библиотек. Выпуск XIV : С Общественные науки в целом. Т История. Исторические науки. Часть 2. Т3(2) История СССР. Москва, 1964. 186 с.

2. Библиотечно-библиографическая классификация. Таблицы для научных библиотек. Выпуск XIV : С Общественные науки в целом. Т История. Исторические науки. Часть 1. Москва, 1964. 230 с.
3. Кузищин В.И. История древней Греции. Москва, 2006. 479 с.
4. Егоров А.Б. История древней Греции. Санкт-Петербург, 2014. 239 с.
5. Фролов Э.Д. Древний Рим: история, культура, историография // Ковалев С.А. История Рима. Москва ; Санкт-Петербург, 2006. С. 3–20.
6. Библиотечно-библиографическая классификация. Таблицы для научных библиотек. Выпуск XIV : Т История. Исторические науки. Часть 4. Т4 Археология. Т5 Этнография. Москва, 1964. 193 с.
7. Библиотечно-библиографическая классификация: Таблицы для научных библиотек. Выпуск XX : Ш Филологические науки. Художественная литература. Москва, 1963. 203 с.
8. Библиотечно-библиографическая классификация. Таблицы для научных библиотек. Выпуск XXII : Ю Философские науки. Психология. Москва, 1967. 292 с.
9. Библиотечно-библиографическая классификация. Таблицы для научных библиотек. Выпуск XXI : Ц Искусство. Искусствознание. Москва, 1964. 262 с.
10. Библиотечно-библиографическая классификация. Таблицы для научных библиотек. Выпуск XXII : Э Религия. Атеизм. Москва, 1967. 299 с.

DYMSKAYA D. The history of systematization of literature on classical antiquity in the Russian Academy of Sciences Library

Dymskaya Daria — Candidate of Historical Sciences, Systematization Department
Russian Academy of Sciences Library, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: cromwell@inbox.ru

ABSTRACT

The paper deals with the systematization of literature on classical antiquity in the Russian Academy of Sciences Library according to the presently used Library-Bibliographical Classification of 1964. The study concludes that the systematization is almost always carried out by the following formula: Y(0)32..., where Y refers to the discipline, and the ellipses are to be replaced by 1 (Ancient Greece), 2 (Hellenism) or 3 (Ancient Rome). The only exceptions are Philological Sciences, Art and Religion.

Keywords: Russian Academy of Sciences Library, systematization of literature, classical studies, Library-Bibliographical Classification.

А.Н. Новоселова

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЕ ВЕДОМОСТИ С ЭКСЛИБРИСОМ
АЛЕКСЕЯ АНДРЕЕВИЧА АРАКЧЕЕВА
ИЗ ГАЗЕТНОГО ФОНДА БАН**

Новоселова Анна Николаевна — главный хранитель Газетного фонда, Отдел фондов и обслуживания

Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: novoselova.an@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В Газетном фонде БАН выявлен экземпляр газеты «Санкт-Петербургские ведомости» за 1820 г. с экслибрисом Алексея Андреевича Аракчеева и со штампом из Архива АН СССР. Благодаря штапу удалось установить, когда данный экземпляр поступил в фонд, но не удалось проследить путь газеты из личной библиотеки в Архив.

Ключевые слова: газетный фонд, Библиотека Российской академии наук, экслибрис, Аракчеев, Санкт-Петербургские ведомости, дореволюционные газеты.

В Газетном фонде Библиотеки Российской академии наук выявлен экземпляр «Санкт-Петербургских ведомостей» за 1820 г. с графским экслибрисом Алексея Андреевича Аракчеева (1769–1834).

Это издание с хорошо сохранившимся оригинальным переплетом, где была использована мраморная бумага в красно-коричневых оттенках, крышки переплета укреплены кожаными вставками (сохранились частично). На верхней крышке переплета имеются следы, характерные для изданий, которые находились в фонде во время пожара 1988 г. На кожаном корешке переплета можно увидеть красную кожаную наклейку с тиснением «САНКТ / ПЕТЕРБУРГСКИЕ / ВЕДОМОСТИ / 1820 / ГОДА». Сохранился бумажный ярлык, на котором чернилами написано «698». Экслибрис наклеен в середине форзаца, а на другой стороне и на титульном листе подшивки стоит штамп «Архив А.Н.С.С.С.Р. п. VI оп 9 № 169». Обрез газеты окрашен с трех сторон (брызги). Размер подшивки: 37,5 × 25 × 3,5 см. Просмотр подшивки выявил недостаток отдельных страниц: номера сохранялись и переплетались не полностью.

Исследователи выявили несколько вариантов экслибрисов, которые применялись для обозначения изданий из личной библиотеки А.А. Аракчеева. Дадим описание экслибриса из нашего экземпляра газеты: гербовый щит, увенчанный графской короной; по сторонам щита два воина — гренадер полка Аракчеева и артиллерист; снизу расположен девиз: «Без лести предан». Размер экслибриса: 8,5 × 8,5 см.

В ходе полистного просмотра экземпляра были выявлены пометы, вероятно сделанные рукой Алексея Андреевича, поскольку они были частично обрезаны при переплете газеты. Пометы встречаются преимущественно на первой полосе номеров. При сравнении почерка помет с образцом подчерка Алексея Андреевича из письма Н.П. Румянцева

к А.А. Аракчееву от 8 июля 1824 г. с проектом ответа А.А. Аракчеева — из Записок Отдела рукописей Российской государственной библиотеки [1, с. 76], можно с уверенностью предположить, что пометы были сделаны рукой Аракчеева. Пометы в виде подчеркиваний или отчеркиваний в подшивке не были обнаружены.

История формирования библиотеки А.А. Аракчеева представляется весьма интересной. Алексей Андреевич родился в 1769 г. в семье отставного военного. Отец — Андрей Андреевич и мать — Елизавета Андреевна. Был определён в Артиллерийский и инженерный шляхетский кадетский корпус в Петербурге. Рвением и исполнительностью сумел завоевать симпатии императора Павла I, так, что 5 апреля 1797 г. в день своей коронации, император возвел генерал-майора Аракчеева в баронское достоинство и наградил орденом Святого Александра Невского. Утверждая герб Аракчеева, Павел сам начертал девиз на гербе Аракчеева: «Без лести предан». Назначенный при Александре I военным министром, Аракчеев преобразовал артиллерию, обеспечил численный рост и улучшил снабжение армии. С началом Отечественной войны ведал комплектованием войск, поддержал назначение Кутузова на пост главнокомандующего. Сопровождал императора во время Заграничных походов, сам командовал артиллерией в нескольких сражениях. После войны Аракчеев руководил Государственным Советом и Кабинетом министров. Железной рукой претворял в жизнь проект Александра I о военных поселениях, грубо подавляя при этом любые формы недовольства. Император Николай I отстранил его от дел. Аракчеев поселился в своём имении Грузино под Новгородом. Умер 21 апреля (3 мая) 1834 г. в с. Грузино Новгородской губернии, не оставив наследников [2].

Современный исследователь, В.А. Томсинов, ссылаясь на печатный каталог 1824 г., сообщает, что Аракчеев начал собирать библиотеку уже в 1795 г., а к 1824 г. она насчитывала более 11 тысяч томов [2, с. 74].

Крайне интересные архивные сведения об аракчеевском книжном собрании обнаружил в Российском государственном военно-историческом архиве К.М. Ячменихин. Эти материалы позволяют составить общее представление о количественном и качественном составе библиотеки, содержавшей «многие сочинения, правительством запрещенные». По данным Ячменихина, аракчеевские «грузинская и малая библиотека в Петербурге насчитывали 15 тысяч книг, периодических изданий, карт и эстампов. Из них свыше 100 наименований были запрещены цензурой, либо были ей неизвестны» [3, с. 111–112].

Небольшая часть книг хранилась в его апартаментах в Санкт-Петербурге, но основная часть располагалась в его поместье Грузино, и была разделена на части и размещена в различных местах: так называемая Большая Грузинская библиотека хранилась в оранжерее, небольшая часть в гостинице для приезжих и в каменном дворце Аракчеева и часть библиотеки, была размещена в отдельно стоящем здании в саду — «Китайской беседке» [3, с. 109].

Современники отмечали большое количество военной литературы («кажется, большая и отборная часть оной состоит из творений, касающихся до военного искусства») и «бедность» «отдела русской литературы»: «Отдел русской литературы в грузинской библиотеке был крайне

беден и ограничивался Державиным, Фонвизиним, письмами Карамзина и сочинениями Булгарина ... Литературы, особенно новой, Аракчеев не любил, и когда его книжный поставщик купец Заикин прислал в Грузино в числе прочих книг «Цыган» и «Пленника» Пушкина, то граф отметил в счете «Возвратить обратно» [4, с. 329]

Полноценно оценить количественный и качественный состав Грузинской библиотеки позволяют не только архивные данные, но и печатный каталог этого книжного собрания, изданный в 1824 г. В Военном отделе РГБ хранится экземпляр этого редчайшего издания, по своей информативности не уступающий рукописным источникам. Его точное название «Каталог книг из Грузинской б-ки графа Алексея Андреевича Аракчеева, составленный флигель-адъютантом его императорского величества подпоручиком Шумским» (СПб., 1824). В РГБ книга поступила в 1929 г. в составе богатейшей, насчитывавшей около 400 000 томов, Библиотеки Главного штаба [5, с. 91–92].

Благодаря зафиксированному свидетельству У.Г. Иваска, можно добавить, что «библиотека Аракчеева составила из подаренного ему собрания Кампенгаузена, из книг, поднесенных авторами и издателями, и из собственных приобретений». Балтазар Балтазарович Кампенгаузен (1772–1823) — личность яркая и значительная. Он получил образование в Геттингенском университете, в разные годы был послом в Польше, служил в Стокгольме, в годы правления императора Александра I занимал должности государственного казначея, управляющего делами Министерства внутренних дел, входил в кружок М.М. Сперанского. К сожалению, исследователям пока не удалось обнаружить сведения о составе его библиотеки, дате и обстоятельствах, при которых она была передана Аракчееву. Так или иначе, Аракчеев принял этот дар, хранил и каталогизировал [5, с. 92].

В «Каталоге Грузинской библиотеки» учтено порядка 2400 изданий, «расклассированных по предметам», что представляет интерес как попытка систематизации книжной продукции в рамках личной библиотеки. Расхождение цифр может объясняться наличием в Грузинской библиотеке «шкафа листового материала», не учтенного в «Каталоге». «Шкаф» вполне мог содержать не одну тысячу карт и планов. Кроме того, учет многотомных изданий и периодики возможен как по числу наименований, так и по числу томов, номеров, «корешков», что дает принципиально разные цифры [5, с. 92].

По высочайшему повелению, переданному 17 июня 1834 г. комиссии, учрежденной для разбора и продажи вещей Аракчеева, все находящиеся в шкафах книги и бумаги были доставлены в Санкт-Петербург к графу П.А. Клейнмихелю. По окончанию разбора Аракчеевской библиотеки часть ее передана новгородскому кадетскому корпусу — примерно 1500 наименований книг и журналов. Другая часть библиотеки была распродана с аукциона в июле 1837 г. и попала в частные собрания и коллекции: Н.И. Бахтина, М.Н. Похвиснева, В.Д. Давыдова, А.А. Титова и др. Карта из личной библиотеки А.А. Аракчеева была выявлена в картографическом собрании БАН с экслибрисом Михалковых [6].

Некоторое количество книг и документов архива Аракчеева вошло в состав библиотеки Генерального штаба, которая в 1929 г. была пере-

дана в РГБ. Эта группа документов составляет основной массив архива Аракчеева, хранящегося в Отделе рукописей РГБ.

Нет информации о том, что часть библиотеки А.А. Аракчеева когда-либо поступала в БАН. С помощью Елены Николаевны Груздевой — старшего научного сотрудника Отдела информационного обеспечения и учета материалов Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук, удалось выяснить следующее: имеющийся на экземпляре БАН штамп «Архив А.Н.С.С.С.Р. п. VI оп. 9 № 169» свидетельствует о том, что данная подшивка была передана из Ленинградского отделения Архива АН СССР в БАН по акту от 30.03.1979. г. «О передаче документов на постоянное хранение». Это позволило разрешить загадку появления данного экземпляра из библиотеки Аракчеева в Библиотеке Российской академии наук. Но достоверно выявить, как данный экземпляр поступил в Архив АН СССР нам не удалось.

Работа над выявлением экземпляров из личной библиотеки А.А. Аракчеева будет продолжена, что, возможно, позволит найти и другие интересные экземпляры и поможет разгадать способ их появления в БАН.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Герасимова Ю.И. Архив А.А. Аракчеева // Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки им. В.И. Ленина. Москва, 1980. Вып. 41. С. 56–80.
2. Томсинов В. А. Аракчеев. Москва: Молодая гвардия, 2003. 427 с.
3. Ячменихин К.М. Библиотека «фрунтового солдата» // Библиофильский сборник 1. Москва, 1999. С. 105–112.
4. Сидорова М.В. «Обязаны навсегда сохраняться в Грузии...» (к вопросу о судьбе архива графа А.А. Аракчеева) // Судьбы музейных коллекций: материалы VII Царскосельской научной конференции. Санкт-Петербург, 2001. С. 324–335.
5. Фоменко И.Ю. Экземпляр книги А.Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» в библиотеке А.А. Аракчеева // А.Н. Радищев: русское и европейское просвещение: материалы международного симпозиума (2002). Санкт-Петербург, 2003. С. 90–99.
6. Красникова О.А. Карта из личной библиотеки А.А. Аракчеева в Картографическом собрании Библиотеки Российской академии наук // Книги имеют свою судьбу: материалы научной конференции, посвященной 250-летию библиотеки Государственного Эрмитажа (1762–2012), Санкт-Петербург, 13–15 марта 2013 г. Санкт-Петербург: Издательство “Государственный Эрмитаж”, 2016. С. 119–123.

NOVOSELOVA A. “Sankt-Peterburgskiye vedomosti” with ex-libris by Aleksey Andreevich Araktcheev from the RASL Newspaper fund

Novoselova Anna — chief custodian of the Newspaper Fund, Department of funds and services

Russian Academy of Sciences library, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: novoselova.an@gmail.com

ABSTRACT

A copy of the newspaper “Sankt-Peterburgskiye vedomosti” dated 1820 with an ex-libris of Aleksey Andreevich Araktcheev and a stamp of the Archives of the USSR Academy of Sciences was found in the Newspaper fund of the RASL. Thanks to the stamp, it was possible to determine when this copy came into the fund, but it was not possible to trace the path of the newspaper from the personal library to the Archive.

Keywords: newspaper fund, Russian Academy of Sciences library, ex-libris, Araktcheev, Sankt-Peterburgskiye vedomosti, pre-revolutionary newspapers.

С.И. Зенкевич

А.Л. ЗЕЛИКМАН И ЕГО КНИЖНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ В ФОНДЕ СЕКТОРА БАН ПРИ СПБФ ИИЕТ

Зенкевич Светлана Игоревна — кандидат филологических наук, научный сотрудник, научно-исследовательский отдел

Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: s.zenkevich@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрена часть книжной коллекции биолога-эволюциониста А.Л. Зеликмана, которая хранится как мемориальное собрание в фонде сектора БАН при Санкт-Петербургском филиале Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук, и судьба самого коллекционера, никогда не становившегося главным героем историко-научных исследований. Приводятся сведения о коллегах А.Л. Зеликмана, оставивших дарственные надписи ему на своих трудах. Одна из основных задач статьи — на конкретном примере показать связь личности ученого и его библиотеки.

Ключевые слова: Абрам Львович Зеликман, Кирилл Михайлович Завадский, сектор БАН при Санкт-Петербургском филиале Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук, книжная коллекция, мемориальное собрание, августовская сессия ВАСХНИЛ 1948 г.

Личная библиотека биолога-эволюциониста Абрама Львовича Зеликмана (1897–1969) в количестве 200 ед. хр. была принята на баланс сектора БАН при Ленинградском отделении (ныне Санкт-Петербургский филиал) Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова АН СССР в 1980 г. [20, с. 29–35]. Это второе пополнение фонда сектора за счет личной библиотеки после довольно большого перерыва. Начало такой форме ретроспективного комплектования в секторе положила купленная в 1962 г. [35, л. 20] и оформленная в течение 1963 г. [19, с. 63] богатейшая книжная коллекция историка техники, профессора Ленинградского политехнического института В.В. Данилевского (1898–1960), насчитывающая 2,5 тыс. ед. хр., содержащая в основном литературу по истории науки из разных технических областей. В случае с коллекцией А.Л. Зеликмана сам факт ее включения в специализированный библиотечный фонд также вполне закономерен: это собрание посвящено другому «титულльному» направлению исследовательской работы института — истории естествознания, а также персоналиям ученых-биологов, эволюционному учению и собственно биологии.

Между тем обстоятельства обретения сектором этой книжной коллекции, произошедшего более чем через десять лет после смерти коллекционера, еще предстоит выяснить. Вехи биографии А.Л. Зеликмана, которая еще не написана, и география его жизни, формально не связанная с Ленинградом, напрямую этому не способствовали. Будущий ученый родился в самом конце XIX в. в черте оседлости (местечко Никополь Екатеринбургского уезда Екатеринбургской губернии; ныне Криво-

рожского района Днепропетровской области, Украина), переехал в Москву и окончил факультет естествознания Московского государственного педагогического института им. А.С. Бубнова (ныне Московский педагогический государственный университет). После защиты кандидатской диссертации работал на биологическом факультете Московского государственного университета [34, с. 232], где стал доцентом основанной в 1936 г. кафедры дарвинизма, которую в 1939 г. возглавил выдающийся биолог-эволюционист, основоположник теории стабилизирующего отбора [см.: 8] академик И.И. Шмальгаузен [21, с. 370; 25]. А.Л. Зеликман, по узкой специализации гидробиолог, в годы работы в МГУ применил теоретические построения И.И. Шмальгаузена на практике, разработав «экспериментальную модель стабилизирующего отбора» на рачках-циклопах [11; 33, с. 2]. Как вспоминала о московском периоде его научной деятельности генетик Р.Л. Берг, А.Л. Зеликман был человеком «титанической работоспособности» [2, с. 135] и мог работать «с утра до ночи» [3, с. 133].

В феврале 1948 г. А.Л. Зеликман принял участие в представительной Всесоюзной конференции по дарвинизму, сделав на своем материале доклад о борьбе за существование в связи с перенаселением [12]. Чуть ранее, в 1946 г., он подготовил на площадке Московского зоопарка выставку «Чарльз Дарвин и его учение», анонсированную в московской периодической печати [7, с. 1], и написал путеводитель по ней [16]. Целью ученого и его коллег в процессе подготовки выставки была пропаганда эволюционной теории среди максимально широкой аудитории. Однако дарвиновская выставка, вопреки тщательно продуманному замыслу и его убедительному воплощению, просуществовала недолго: она была признана методологически ошибочной и как следствие 29 августа 1948 г. по идеологическим причинам закрыта [38, с. 119].

Август 1948 г. стал переломным в судьбе коллектива кафедры дарвинизма МГУ, равно как и сотен биологов-эволюционистов, не разделявших установок официальной «передовой мичуринской биологии» как лженаучной [21, с. 420] и не согласных с укреплением позиций народного академика Т.Д. Лысенко. После постановления августовской сессии ВАСХНИЛ и приказа министра высшего образования СССР С.В. Кафтanova «О состоянии преподавания биологических дисциплин в университетах и о мерах по укреплению биологических факультетов квалифицированными кадрами биологов-мичуринцев» от 23 августа 1948 г. [25], губительных для прогрессивной отечественной биологии, эволюционист И.И. Шмальгаузен и большинство сотрудников возглавляемой им кафедры, а также многие представители других университетов и академических институтов были уволены «за свои научные убеждения», то есть за враждебное отношение «к мичуринской науке» [33, с. 1; 34, с. 232]. В наши дни хорошим шагом к восстановлению исторической справедливости и к осознанию преемственности «современного биологического сообщества МГУ всей прежней биологической традиции Московского университета» стало открытие в конце 2022 г. на биологическом факультете Московского университета мемориальной доски в память о пострадавших за научную честность биологах — сотрудниках МГУ, среди которых — и наш герой А.Л. Зеликман [32, с. 211–212].

А.Л. Зеликману, потерявшему работу в возрасте за пятьдесят, удалось трудоустроиться только через год, в 1949 г. [33, с. 2], причем не в Москве: он стал доцентом кафедры зоологии Костромского государственного педагогического института имени Н.А. Некрасова, открытого 1 сентября 1949 г. [23, с. 373–374, 383], а в 1965 г. профессором [34, с. 232]. На новом месте он ярко проявил себя. По воспоминаниям одного из студентов, а впоследствии коллеги, в нем «покоряла эрудиция лектора, обширные познания, логика и последовательность изложения материала» [23, с. 47]. А.Л. Зеликман проводил в институте большую учебную, научно-исследовательскую и общественную работу, вел научно-методический семинар факультета, всячески продвигая самостоятельную деятельность студентов [34, с. 232]. Ему удалось не терять связь с Москвой и часто приезжать в столицу [34, с. 233]. С ним в контакте оставались московские и ленинградские биологи-эволюционисты — ученые и педагоги: это А.А. Парамонов (1891–1970), профессор дарвинизма Московской сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева [21, с. 370], редактор той самой дарвиновской выставки в Московском зоопарке, также уволенный из Московского университета в 1948 г., но вернувшийся туда и в 1965 г. возглавивший кафедру дарвинизма МГУ [26]; это К.М. Завадский (1910–1977), профессор Ленинградского университета, первый заведующий сектором истории и теории эволюционного учения ЛО ИИЕТ (ныне сектор истории эволюционной теории и экологии СПбФ ИИЕТ). Вместе с К.М. Завадским, А.А. Парамоновым и другими коллегами А.Л. Зеликман работал над учебником по дарвинизму, который, однако, так и не вышел в свет [22, с. 172, 210], зато появились два обобщающих коллективных труда по эволюционной биологии [4, 5]. За «костромские» годы А.Л. Зеликман подготовил несколько остро необходимых в то время и по сей день востребованных учебных пособий по зоологии беспозвоночных [34, с. 233], одно из которых — в соавторстве с московским гидробиологом И.И. Малевичем [14, 15, 17], а также научно-популярную брошюру [13]. В этот период наш герой также завершил работу над докторской диссертацией, однако скоропостижно умер незадолго до защиты [22, с. 172, 210].

Более подробные биографические данные об А.Л. Зеликмане еще только предстоит собрать и обобщить. В связи с этим немаловажен факт наличия в секторе БАН при СПбФ ИИЕТ части его библиотеки, дающей нам, как это обычно бывает с таким весомым биографическим источником [см. об этом: 18, с. 4], весьма оригинальную информацию о жизненном и творческом пути ученого. Библиотека А.Л. Зеликмана, как и другие личные библиотеки, хранится в секторе как мемориальное собрание (то есть отдельным массивом в отдельном шкафу, с отдельным шифром и отдельной записью в инвентарной книге). Принадлежавшие ученому книги аккуратнейшим образом помечены на титульных листах и содержат разборчивый автограф, дату приобретения и в целом ряде случаев порядковый номер поступления. Тем самым они могут быть без труда выявлены даже с учетом того, что коллекция, по всей вероятности, была частично раздроблена (так, несколько книг А.Л. Зеликмана обнаруживается в другом мемориальном собрании из фонда сектора БАН при СПбФ ИИЕТ — К.М. Завадского; они могли попасть туда случайно, пока ждали

оформления, хотя может статься, что коллеги-соавторы делились литературой и один другому какие-то книги не вернул). По датам приобретения можно с уверенностью сказать, что А.Л. Зеликман тщательно следил за литературой и старался оперативно приобретать новейшие книги по интересующей его тематике, хотя в Москве, судя по всему, это было несколько легче, чем в Костроме. От привычки проставлять даты он отказался только в поздние годы. От фиксации порядкового номера книги ученый тоже в определенный момент отошел, поскольку при разросшейся библиотеке это не очень удобно. Между тем подобные штрихи позволяют говорить о том, что в его книжном собрании царил образцовый порядок; скорее всего, у него имелась рабочая картотека книг. На мысль о рабочей картотеке наводят и оригинальные маргиналии-цифры, которые можно обнаружить в нескольких книгах, — очень возможно, это отсылки к некоему научно-библиографическому аппарату.

Вообще маргиналиями книги, принадлежавшие А.Л. Зеликману, небогаты. Он читал книги очень бережно и так же бережно делал редкие заметки, которые, однако, весьма показательны. На форзаце первого тома сочинений Ч. Дарвина [9] А.Л. Зеликман дает экспликацию своих помет: галочка — «любопытные факты», вертикальная черта — «важные в теоретическом отношении». По имеющимся маргиналиям мы можем судить не только об аккуратности, но также и об исследовательской дотошности ученого и его научных взглядах. Так, он порой по ходу чтения стремится установить источники цитат. Например, на полях русского перевода «Философии зоологии» Ж.Б. Ламарка [24] явственно различимы сделанные рукой владельца коллекции ссылки на К.А. Тимирязева, Ю.А. Филипченко и др.; эти заметки являются весьма содержательным материалом как для научного комментария к классическому естественнонаучному труду, так и для лекции о французском эволюционисте. Аналогичные пометы имеются и в книге о биологических взглядах классиков марксизма-ленинизма [29]. Отдельный интерес представляют собой маргиналии на книге П.П. Сахарова «Наследование приобретаемых свойств», которая вышла в свет под редакцией и с предисловием Ф.А. Дворянкина [36], в 1950 г. возглавившего ту самую поневоле покинутую ведущими биологами кафедру дарвинизма МГУ. В редакторском предисловии вынесенная в заглавие книги гипотеза, споры вокруг которой велись десятки лет, именуется «основным биологическим законом». А.Л. Зеликман, судя по пометам на полях, изучал эту книгу очень скрупулезно и по возможности непредвзято, ничего не отвергая огульно. На титульном листе можно видеть частично стертый карандашный список контраргументов читателя автору, в котором фигурирует и слово «жульничество». Дарвинист А.Л. Зеликман поставил целью прямо в ходе чтения отдельно взятой книги тщательно выявить и доказать неосновательность этой гипотезы.

Научные контакты А.Л. Зеликмана отражены в дарственных надписях на книгах из его библиотеки, пусть немногочисленных и достаточно стереотипных, однако прорисовывающих траекторию его жизни и диалога с коллегами. Еще в его московский период генетик, заведующий кафедрой генетики и дарвинизма Саратовского университета В.Е. Альтшулер написал свою книгу, посвященную ученому-селекционеру А.П. Шехурдину [1]: «Глубокоуважаемому Абраму Львовичу Зеликману от автора». Вско-

ре А.Л. Зеликман пересекся с В.Е. Альтшулером на уже упоминавшейся Всесоюзной конференции по дарвинизму, состоявшейся в феврале 1948 г. [21, с. 319], а через полгода саратовский коллега нашего героя также был уволен из университета [39, с. 359]. И.И. Малевич, соавтор А.Л. Зеликмана [17], в 1946–1950 гг. возглавлял отдел беспозвоночных Зоологического музея МГУ [27, с. 574–575]. Он надписал коллеге брошюру [28]: «Дорогому Абраму Львовичу Зеликману от автора». Историк биологии С.Л. Соболев оставил дарственную надпись на научно-популярном очерке о Ч. Дарвине [37]: «Абраму Львовичу Зеликману с уважением от автора 24. XII.57».

К.М. Завадский, многолетний товарищ и единомышленник, сделал надпись на своем ключевом труде «Учение о виде» [10]: «Дорогому Абраму Львовичу Зеликману от К. Завадского 20/X 61 г.». В свою очередь А.Л. Зеликман также надписал К.М. Завадскому два своих труда: «Многоуважаемому Кириллу Михайловичу Завадскому на добрую память соавтор Зеликман. Москва 16 июня 1956 г.» [17]; «Дорогому Кириллу Михайловичу Завадскому с наилучшими пожеланиями автор. 1/XII 65» [14]. Эти «взаимные» надписи являются своего рода вещественным доказательством многолетнего сотрудничества ученых и взаимного уважения, а также пересечения их библиотек, наблюдаемого в фонде сектора.

Биолог, эмбриолог, историк науки Л.Я. Бляхер, до того же 1948 г. возглавлявший кафедру общей биологии во 2-м Московском государственном медицинском институте [21, с. 370], надписал книгу, посвященную зоологу и эмбриологу К.Н. Давыдову [6]: «Глубокоуважаемому Абраму Львовичу Зеликману с искренним приветом от автора 29.V.66».

Давний коллега А.Л. Зеликмана А.А. Парамонов надписал нашему герою два труда с более чем 20-летней разницей между ними. Сначала — когда адресат еще был в Москве, а дарвиновская выставка в Московском зоопарке находилась в процессе совместной подготовки двумя учеными. Надпись на учебнике «Курс дарвинизма» [30] гласит: «Глубокоуважаемому Абраму Львовичу Зеликману от автора. 28. VI.1946». А поздняя научно-популярная брошюра [31], изданная в год выхода коллективного труда по эволюционной биологии с участием обоих ученых [4], надписана так: «Абраму Львовичу Зеликману от автора в знак дружбы и уважения. Подпись. 3.II.67».

Таким образом, часть книжной коллекции А.Л. Зеликмана, которой владеет сектор БАН при СПбФ ИИЕТ, как своим составом, так и владельческими знаками тесно связана с перипетиями жизненного и творческого пути ее владельца и в очередной раз доказывает, что личная библиотека ученого дает нам бесценный биографический, биобиблиографический и историко-научный материал.

Список источников

1. Альтшулер В.Е. А.П. Шехурдин — преобразователь растений. Саратов: Саратовское обл. изд-во, 1946. 40 с.
2. Берг Р.Л. Почему курица не ревнует? Эволюция и жизнь. Санкт-Петербург: Алетей, 2013. 296 с.
3. Берг Р.Л. Суховой: Воспоминания генетика. 2-е изд., доп. Москва: Памятники исторической мысли, 2003. 527 с.

4. Берман З.И., Завадский К.М., Зеликман А.Л., Парамонов А.А., Полянский Ю.И. Современные проблемы эволюционной теории / отв. ред. В.И. Полянский, Ю.И. Полянский. Ленинград: Наука, 1967. 489 с.
5. Берман З.И., Зеликман А.Л., Полянский В.И., Полянский Ю.И. История эволюционных учений в биологии / ред. В.И. Полянский, Ю.И. Полянский. Москва; Ленинград: Наука, 1966. 324 с.
6. Бляхер Л.Я. Константин Николаевич Давыдов. Москва: Изд-во АН СССР, 1963. 244 с.
7. В зоопарке // Московский комсомолец. 1946. 21 мая. № 62 (601). С. 1, без подписи. [Электронный ресурс]: Электронекрасовка. URL: <https://electro.nekrasovka.ru/books/6149627/pages/1> (дата обращения: 17.08.2023).
8. Галл Я.М., Колчинский Э.И. И.И. Шмальгаузен: генетика, эмбриология, морфология, кибернетика и эволюционный синтез // Создатели современного эволюционного синтеза / отв. ред.-сост. Э.И. Колчинский. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2011. С. 262–320.
9. Дарвин Ч. Сочинения. Т. 1: Путешествие натуралиста вокруг света / отв. ред. С.Л. Соболев. Москва; Ленинград: Биомедгиз, 1935. 608 с.
10. Завадский К.М. Учение о виде / отв. ред. Е.Н. Синская. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1961. 256 с.
11. Зеликман А.Л. Опыт экспериментального изучения действия стабилизирующего отбора на плодовитость *Susclors serrulatus* // Журнал общей биологии. 1946. Т. 7. № 4. С. 239–252.
12. Зеликман А.Л. Борьба за существование и перенаселение в их соотношениях // Конференция по проблемам дарвинизма (3–8 февраля 1948 года). Тезисы докладов. Москва: Тип. МГУ, 1948. С. 41–47.
13. Зеликман А.Л. Как произошел человек. Кострома: Костромское кн. изд-во, 1955. 24 с.
14. Зеликман А.Л. Практикум по зоологии беспозвоночных. М.: Высшая школа, 1965. 332 с.
15. Зеликман А.Л. Практические задания по зоологии беспозвоночных на межсезонный период. Учебно-методическое пособие. Москва: Просвещение, 1965. 148 с.
16. Зеликман А.Л. Путеводитель по выставке «Чарлз Дарвин и его учение». [Объяснительный текст. Москва]: Тип. МИД СССР, 1947. 48 с.
17. Зеликман А.Л., Малевич И.И. Экспериментальные работы по курсу зоологии беспозвоночных. Ч. 1. Москва: Учпедгиз, 1951. 136 с.
18. Ильина О.Н. Изучение личных библиотек в России: материалы к указателю литературы на русском языке за 1934–2006 гг. Санкт-Петербург: Сударыня, 2008. 502 с.
19. Инвентарная книга № 3 сектора БАН при ЛО ИИЕТ. Книги отечественные. № 5 881–8 860.
20. Инвентарная книга № 7 сектора БАН при ЛО ИИЕТ. Книги отечественные. № 17 771–20 740.
21. Колчинский Э.И. Единство эволюционной теории в разделенном мире XX века. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2014. 824 с.
22. Колчинский Э.И. Кирилл Михайлович Завадский. 1910–1977 / отв. ред. К.В. Манойленко. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2013. 320 с.
23. Костромской университет: страницы истории и современность / сост. Д.А. Волков, В.Л. Миловидов, А.Н. Рябинин. Кострома: [б. и.], 1999. 392 с.
24. Ламарк. Философия зоологии / пер. с фр. С.В. Сапожникова; ред. и биогр. очерк В.П. Карпова; вступ. ст. В.Л. Комарова. Т. 1. Москва; Ленинград: Биомедгиз, 1935. 332 с.
25. Летопись Московского университета. Летопись биологического факультета. URL: <http://letopis.msu.ru/content/letopis-biologicheskogo-fakulteta> (дата обращения: 21.08.2023).
26. Лысенков С.Н., Северцова Е.А. История кафедры биологической эволюции биологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. URL: <https://bioevolution-msu.ru/index.php/ru/o-kafedre/istoriya-kafedry?ysclid=lial1u8o77434790582> (дата обращения: 12.08.2023).

27. Любарский Г.Ю. История Зоологического музея МГУ. Идеи, люди, структуры. Москва: Товарищество научных изданий КМК, 2009. 744 с.
28. Малевич И.И. Собрание и изучение дождевых червей — почвообразователей. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1950. 40 с. (Серия: «В помощь работающим на ползащитных лесных полосах». Вып. 5.)
29. К. Маркс, Ф. Энгельс, В. Ленин о биологии / сост. Б.П. Токин, М.П. Айзупет. Москва: Партиздат ЦК ВКП(б), 1934. 320 с.
30. Парамонов А.А. Курс дарвинизма / отв. ред. М.М. Местергази. Москва: Советская наука, 1945. 432 с.
31. Парамонов А.А. Современные проблемы эволюционной теории. Москва: Знание, 1967. 32 с.
32. Птушенко В.В. Мемориальная доска в память о жертвах лысенковщины на биологическом факультете МГУ // Историко-биологические исследования. 2023. Т. 15. № 1. С. 209–213.
33. Птушенко В. Ценность научной истины: локальная история // Троицкий вариант. Наука. 2021. 24 августа. № 17 (336). С. 1–3.
34. Рябинин А.Н., Евдокимов В.Д., Зеликман Абрам Львович // Костромской университет: страницы истории и современность / сост. Д.А. Волков, В.Л. Миловидов, А.Н. Рябинин. Кострома: [б. и.], 1999. С. 232–233.
35. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 158. Оп. 3. Д. 792. Л. 20.
36. Сахаров П.П. Наследование приобретаемых свойств / под общ. ред. Ф.А. Дворянкина. М.: Советская наука, 1952. 336 с.
37. Соболев С.Л. Чарлз Дарвин (Популярный очерк жизни и научного творчества). Москва: Знание, 1957. 40 с.
38. Спицин В.В., Костина И.Л., Балуян Т.Э. Послевоенные годы. Восстановление зоопарка // Московский зоологический парк: К 140-летию со дня основания. Страницы истории / под общ. ред. Л.В. Егоровой. М.: Эллис Лак 2000, 2004. С. 113–125.
39. Юдакова О.И. 90 лет биологическому факультету Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Химия. Биология. Экология. 2021. Т. 21. Вып. 3. С. 353–363. DOI: 10.18500/1816-9775-2021-21-3-353-363.

ZENKEVICH S. A.L. Zelikman and his book collection in the Department of the Russian Academy of Sciences Library at the St. Petersburg Branch of S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology

Zenkevich Svetlana — Candidate of Philological Sciences, Research Department
Russian Academy of Sciences Library, Saint Petersburg, Russia, e-mail: s.zenkevich@gmail.com

ABSTRACT

The paper examines the part of the personal library of evolutionary biologist A.L. Zelikman that has been held as a memorial collection in the Department of the Russian Academy of Sciences Library at the St. Petersburg Branch of S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology. In addition, the author deals with the destiny of the owner himself, who has never been a main hero of historical and scientific research. The author also indicates A.L. Zelikman's colleagues who made gift inscriptions on their books. One of the main goals of the paper is to demonstrate with a concrete example a deep relation between a personality of the scientist and his library.

Keywords: A.L. Zelikman, K.M. Zavadsky, Department of the Russian Academy of Sciences Library at the St. Petersburg Branch of S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, memorial book collection, personal library of a scientist, August session of the Academy of Agricultural Sciences.

УДК 001.891.32
ББК 85.15

Е.А. Гриша

РАЗВИТИЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ В ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ НА ПРИМЕРЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЫ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в. ИЗ ФОНДОВ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ

Гриша Елизавета Александровна - заведующая Отделом редких изданий Научной библиотеки Российской академии художеств

Центр научных учреждений Российской академии художеств, Санкт-Петербург, Россия,
pelizabet@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены журналы и газеты из собрания Научной библиотеки Российской академии художеств, выходившие во Франции в первой половине XIX века и проанализировано иллюстративное наполнение — какие виды гравюр использовались по мере развития французской прессы, и в журналах какой тематической направленности они чаще всего использовались. Периодические издания описываемого периода стали важным этапом развития прессы, именно благодаря развитию иллюстративного ряда.

Ключевые слова: периодические издания, французские журналы, французские газеты, иллюстративные журналы, журналы XIX века.

Научная библиотека Российской академии художеств обладает богатым фондом журналов и газет на русском и на иностранных языках, который собирается с середины XIX века по настоящее время в соответствии с профилем комплектования — издания об искусстве, архитектуре и археологии, художественной и культурной жизни России и зарубежья, и др. В собрании представлены образцы отечественной прессы со второй половины XVIII в. (самое старое издание — «Ежемесячное увеселения к пользе и увеселению служащих»), а также, в первую очередь периодика на немецком и французском языках конца XVIII в. («Journal des Dames», «Kleines Ideen Magazin für Gartenliebhaber oder Sammlung von Ideen»), а начиная со второй половины XIX в. и на других европейских языках. Наиболее полно представлены журналы, отражающие художественную жизнь России середины XIX — начала XX вв.: «Вестник изящных искусств», «Художественные сокровища России», «Зодчий», «Мир искусства», «Аполлон», «Золотое руно», «Отечественные записки», сатирические журналы «Смехач», «Барабан», «Ванька-встанька», «Искусство и жизнь», «Аргус», «За пролетарское искусство» и другие. Отдельный интерес представляют зарубежные журналы и газеты начала XIX в., богато иллюстрированные в различных графических техниках. В собрании иностранных периодических изданий 60% журналов и газет представлено на французском языке. Это позволило проследить изменения иллюстративной составляющей зарубежной прессы.

История периодических изданий связана с развитием средств массовой информации, прессой, предназначенной для информирования аудито-

рии на регулярной основе. В 1605 году появляется первое периодическое издание — «Relation Aller Fürnemmen und gedenckwürdigen Historien», начатое в Страсбурге под редакцией Иоганна Каролуса (Johann Carolus) и выходившее раз в неделю на 4 листах [8]. В 1610 году во Франции появляется первое ежегодное издание «Mercure François», печатавшееся под редакцией Жана и Этьена Рише (Jean et Étienne Richer), объемом более 1000 страниц, новости Европы и Франции [6]. До этого момента во Франции время от времени издавались случайные новостные печатные издания, которые распространялись торговцами или продавались в книжных лавках и, как правило, были посвящены какому-то определенному событию такому, как победа армии, стихийное бедствие или визит монарха. В XVII–XVIII веках пресса приобретает все более светский характер, появляется больше новостей, посвященных повседневным событиям. Это начинает привлекать большое количество читателей, не смотря на существовавшую в ряде европейских стран строгую цензуру. Следует отметить, что вплоть до XIX столетия используются та же технология печати, которая была изобретена Иоганном Гутенбергом, в связи с чем сохранялась низкая производительность печати [2, с. 9–15].

В начале XIX века происходит ряд технологических и социально политических изменений, которые способствуют развитию мировой периодической печати в целом. Радикальные сдвиги в этом процессе во многом были вызваны научно-техническими открытиями, изменившими жизнь мирового сообщества.

Более заметный технический прогресс происходит в сфере передачи новостей и связан с изобретением телеграфа, который позволил передавать информацию на дальние расстояния. В связи с этим увеличивается не только поток новой информации, но и появляется возможность быстрее узнавать свежие новости из других городов, регионов и стран. Возрастает потребность в получении новой информации, число читателей резко растет, увеличивается количество и тематическое разнообразие периодических изданий. В XIX веке начинают появляться новые технологии и в области печати, такие как ротационная печатная машина и линотипия, которые позволили издавать печатную продукцию в больших объемах, благодаря высокой скорости.

К концу XVIII века во Франции начинают выходить журналы, нацеленные на исследование новых областей знания и сфер жизни людей, такие как «Journal de Médecine» (1754), «Journal des Dames» (1759) или «Journal des Théâtres» (1770). Их количество сильно возрастает в первой половине XIX века. В коллекции Научной библиотеки хранится ряд французских журналов и газет первой половины XIX века, в которых освещаются вопросы моды, живописи, искусства, археологии и архитектуры, имеющие особую ценность в том числе благодаря тому, что издавались в период, когда во Франции была свергнута монархия и ушел Старый режим. Периодические издания в области образования и искусства в меньшей степени были подвержены цензуре, поэтому именно здесь начинает развиваться иллюстративное сопровождение статей и новостей. На примере этих образцов печати становится возможным проследить, как менялась иллюстративная составляющая периодических изданий.

Среди наиболее ранних по году издания журналов, в коллекции Научной библиотеки Российской академии художеств следует отметить издание, ориентированное на женскую аудиторию — «Journal des Dames et de Modes». «Journal des Dames et de Modes» является одним из первых французских иллюстрированных журналов, посвященных вопросам моды и выходил с 1797 по 1839 гг. Издание было организовано книготорговцем Жаном Батистом Селлеком (Jean-Baptiste Sellèque), а с 1801 года издавалось под руководством философа, писателя и журналиста Пьера де ла Мезанжера (Pierre de la Mésangère). Журнал представляет собой информационное издание, посвященное вопросам моды и содержит иллюстрации высокого качества. Длительное время этот журнал являлся лучшим в этой сфере. Он выходил каждые пять дней и каждый номер сопровождался одной или двумя раскрашенными гравюрами. «Journal des Dames et de Modes» является примером ранних иллюстрированных периодических изданий во Франции. Все изображения представляют собой гравюры на металле, выполнявшиеся в несколько этапов. Процесс изготовления был сложным и длительным. Сначала художники, такие как Карл Верне (Carle Vernet), Филибер-Луи Дебюкур (Philibert-Louis Debucourt), Бушарди (Bouchardey), чуть позже Луи-Мари Ланте (Louis-Marie Lanté) и Поль Гаварни (Paul Gavarni) разрабатывали акварельный эскиз, который предоставляли на утверждение Ла Мезанжеру. Иногда над эскизом могли работать два художника, тогда один отвечал за эскиз позы модели, а второй детально разрабатывал костюм. На основе выбранного эскиза выполнялась гравюра такими мастерами как Этьен-Шарль Войсар (Étienne-Charles Voysard), Жорж-Жак Гатин (Georges-Jacques Gatine) или Пьер-Шарль Бакуа (Pierre-Charles Vaquo). Готовое изображение отдавалось словорезу для выполнения текстового сопровождения, включавшим в себя название костюма, использованные материалы для его пошива и др. На последнем этапе гравюры в ручную раскрашивались акварельными красками [4, с. 112–126]. Сложный технологический процесс объясняет малое количество иллюстраций в журнале. Часто случались задержки в производстве, в результате чего модели, анонсированные в одном номере, удавалось опубликовать только в следующем.

Значительный прогресс в этом вопросе прослеживается в более позднем издании, поменявшем модель иллюстративного сопровождения во французской периодике. «Le Magasin Pittoresque», издаваемый с января 1833 года по 1938 год, являлся для читателей своего рода популярной энциклопедией, целью которой было оживлять прошлое, не забывая про современные открытия. Здесь освещались вопросы морали, истории, археологии, искусства, естественных наук, промышленности, путешествий и многие другие. Издание выходило в виде восьмистраничного буклета, иллюстрированного гравюрами, сначала раз в месяц, а затем раз в две недели и было предназначено для просвещения и развлечения всей семьи. Эдуард Шартон (Édouard Charton) создал свой журнал по английским образцам [3]. Он хотел, чтобы все идеи и учения в журнале были проиллюстрированы, что требовало решения технического вопроса о размещении достаточно большого количества гравюр в одном номере. Как видно на примере «Journal des Dames et de Modes» принятая во Франции модель иллюстрирования изданий не позволяла обеспечить журнал

Эдуарда Шартона достаточным количеством оттисков и осуществить его идею. Для этого он использовал метод ксилографий (гравюры на дереве), который не был популярен во Франции, но активно использовался в периодических изданиях Англии. Шартон в первые годы существования журнала сотрудничал с парижской компанией граверов ABL, объединившей Джона Эндрю (John Andrew), Жана Беста (Jean Best) и Исидора Лелуара (Isidore Leloir) которая позже стала известна как Best LHR (for Best, Leloir, Abraham Hotelin, Régnier). Успех «Le Magasin Pittoresque» привел к активному развитию подобных изданий во Франции и возрастанию конкуренции между граверами Франции и Англии в мастерстве и производительности.

Похожим журналом является «Musée des familles». Его основатель Эмиль де Жирардан (Émile de Girardin) хотел сделать журнал доступным для семей с невысоким доходом и культурой, которых больше привлекают изображения, чем тексты, чтобы информация о музеях и музейных коллекциях была доступна более широкому кругу лиц [7]. Журнал начал издаваться с октября 1833 года и выходил до июня 1900 года. За это время в нем было опубликовано большое количество различных иллюстраций и разнообразных статей. Здесь были впервые напечатаны ранние версии известных романов, выходивших в форме сериалов, по одной главе в номере. Для изображений использовалась техника гравюры на дереве (ксилография). Иллюстрации давали представление читателю как о залах музеев, так и об экспонатах, и сопровождались подробными подписями. Все изображения в журнале представлены таким образом, чтобы читатель мог совершить некую экскурсию по залам. Здесь редко освещались вопросы, связанные с современными проблемами общества или политики, но часто присутствовали события религиозного плана. В «Musée des familles» печатались многие известные авторы: Оноре де Бальзак, Александр Дюма, Теофиль Готье, Эжен Сю, Виктор Гюго и др. С изданием сотрудничали такие иллюстраторы как Поль Гаварни, Гранвиль, Оноре Домье и др. (Paul Gavarni, Grandville, Honoré Daumier)

С 1832 г. начал издаваться журнал «Penny Magazines», который стал предшественником популярной еженедельной французской газеты «L'Illustration». Частично вдохновленная газетой «The Illustrated London News» французская газета «L'Illustration» появилась благодаря партнерству Эдуарда Шартона с журналистом Александром Поленом (Alexandre Paulin), со швейцарским издателем Жаком-Жюльеном Дюбоше (Jacques-Julien Dubochet) и географом Адольфом Жоанном [11]. Газета издавалась в Париже с 1843 по 1944 гг. и была ориентирована на «либеральную» буржуазную аудиторию. Основное содержание издания было политически нейтральным, здесь освещались текущие новости с точки зрения культуры и влияния на нее. С самого начала своего существования издание пригласило лучших ксилографов своего времени и применяло новейшие технологии в области иллюстрации. Так 26 августа 1843 года в одном из номеров появляется первая гравюра, выполненная с дагерротипа. «L'Illustration» отличалось от предыдущих изданий тем, что здесь была предпринята попытка проиллюстрировать современные культурные, социальные и политические новости, отразить текущие события не только в текстовой форме. Постепенно читателю предлагалось по-

лучить доступ к событию, наблюдаемому с помощью документально-го изображения, стать свидетелем события. С журналом сотрудничали известные иллюстраторы и граверы того времени такие как Альфонс Муха, Берталль (Bertall), Поль Гаварни (Paul Gavarni), Огюст Жерардан (Auguste Gérardin) или Франсуа Паннемакер (François Pannemaker). Говоря о более позднем периоде существования журнала, выходящем за рамки первой половины XIX столетия, следует отметить, что в «L'Illustration» в 1883 году были предприняты первые попытки издания фотогравюры. В 1886 году впервые были опубликованы фотографии Феликса Надара (Félix Nadar), и это стало поворотным моментом для газеты.

Идея иллюстративного сопровождения, отражающего текущие события была воплощена в юмористической форме в газете «Le Journal pour rire», созданной Шарлем Филипоном (Charles Philipon) в 1848 году и просуществовавшим под этим названием до 1855 года [5]. Журнал несколько раз переименовывался, чтобы более точно отразить основную концепцию издания. С 1856 года было запущено еженедельное издание «The Fun Journal» с подзаголовком «Le Journal pour rire» (до 1862 г.). Газета выходила еженедельно по субботам на четырех больших страницах и на три четверти состояла из иллюстраций социальной сатиры, комедии нравов, также здесь уделялось внимание моде и театру. Это издание известно тем, что именно здесь были опубликованы первые работы юного иллюстратора Гюстава Доре (Gustave Doré). Также издание сотрудничало с Надаром, Берталлем и многими другими иллюстраторами и граверами (Nadar, Bertall).

Среди узкоспециализированных периодических изданий следует отметить «Revue générale de l'Architecture et des travaux publics» и «Revue Archéologique». «Revue générale de l'Architecture et des travaux publics» был создан Цезарем Дали (César Daly) и посвящен обзорам архитектуры, выходил раз в месяц с 1840 по 1888 г. Журнал был ориентирован на архитекторов, инженеров, археологов и промышленников. Издание включало в себя ежегодное оглавление, где публиковались резюме вышедших выпусков. [10]. Оглавление было придумано Эмилем Лавеццари (Émile Lavezzari), который также регулярно писал обзоры. Каждый номер сопровождался ксилографическими иллюстрациями, на которых мог быть изображен общий вид архитектурного сооружения, план здания или отдельные архитектурные и декоративные элементы. В этом журнале были опубликованы сведения о значительном количестве построек XIX века, которые включали в себя не только описательную часть, но и техническую информацию.

«Revue Archéologique» или «Revue archéologique ou Recueil de documents et de mémoires relatifs a l'étude des monuments et a la philologie de l'Antiquité et du Moyen âge» — независимый французский журнал, посвященный вопросам археологии, был создан в 1844 году, который существует по сей день [9]. В «Revue Archéologique» изначально основной акцент был сделан на региональной археологии, затем начали появляться новые разделы, посвященные греко-римской античности, однако здесь публикуются и статьи, посвященные археологии других регионов, таких как этруская Италия, Азия или древний Ближний Восток. Издание охватывает все области исследования: живопись, скульптуру, керамику, ремесла,

градостроительство, архитектуру и другие. Большинство статей имеет иллюстративное сопровождение, говоря о начале существования журнала — гравированные оттиски (преимущественно ксилографии, позднее литографии), на которых отражены места раскопок, обнаруженные артефакты, виды на восстановленные сооружения или планы зданий. На сегодняшний день издание дополняют цветные печатные иллюстрации.

Стремительный технический прогресс, появление новых способов передачи информации, печати, развитие методов иллюстрирования журналов привело к появлению так называемого «золотого века» французской прессы. Ко второй половине XIX — началу XX вв. основную массу французской периодики составляли многочисленные специализированные издания [6, с. 30–45]. В первой половине XIX века значительную роль сыграло в том числе развитие иллюстративного сопровождения. Концепция сопровождения текстовой части актуальными изображениями, наглядно отражающими информацию в публикации сыграла немаловажную роль в периодике. Если в конце XVIII — первой половине XIX вв. иллюстративное сопровождение было характерно для прессы, предназначенной широкому кругу читателей для увеселения публики, то с началом повсеместного использования ксилографии, постепенно изображения появляются в изданиях для отображения актуальных событий не только в области архитектуры или археологии, но и описывающие текущую обстановку в государстве и в мире. Особый вклад внесла газета «L'Illustration», которая задалась целью иллюстрировать современные новости и одна из первых начала публиковать гравюры, выполненные с ранних фотографий, а в дальнейшем начала публиковать и фотографические свидетельства происходящих событий не только во Франции, но и в мире. Развитие фотографии в целом и постоянное усовершенствование ее процессов позволяли получать документальные свидетельства высокой точности, которые были не доступны другим техникам воспроизведения изображений.

На примере рассмотренных журналов можно проследить, какой путь проделала иллюстративная французская периодика в первой половине XIX века от гравюры на металле, до ксилографий, выполненных в том числе с первых фотографий, являющихся предшественниками бурного развития прессы на рубеже XIX и XX веков.

Список источников

1. Аникеев В.Е. История французской прессы: учебное пособие / В.Е. Аникеев. Москва, 1999 г. 55 с.
2. История мировой журналистики / Беспалова А.Г., [и др.]. Москва: МарТ, 2003. 432 с.
3. Aurenche M.-L. Édouard Charton et l'invention du Magasin pittoresque, 1833–1870 / Marie-Laure Aurenche. Paris : H. Champion, 2002. 534 p.
4. Kleinert A. Le Journal des dames et des modes ou la conquête de l'Europe féminine / Annemarie Kleinert. Stuttgart : Jan Thorbecke Verlag, 2001. 488 p.
5. Le journal pour rire : journal d'image, journal comique, satirique et moqueur / dirigé par Ch. Philipon. Paris. 1851. № 3. 15 p.: il.
6. Le Mercure françois : en 25 t. — Paris : fondé par l'imprimeur-libraire Jean Richer, 1611–1648. — 25 t.

7. Musée des familles : lectures du soir. Paris, 1834. Année 1833–1834. 419 p.: il.
8. Relation: Aller Fürnemmen und gedenckwürdigen Historien / J. Carolus. — Strassburg: Oberrheinischer Gauverlag und Druckerei GmbH, 1609. — IV, 145, XII S.
9. Revue archéologique ou Recueil de documents et de mémoires relatifs a l'étude des monuments et a la philologie de l'Antiquité et du Moyen âge. Paris. 1859. P. 1. 784 p., pl. 354–377.
10. Revue générale de l'architecture et des travaux publiés journal / sous la direction de M. César Daliz. Strasbourg, 1841. V. 2. 678 p., 33 pl. il.
11. Tétu J.F. L'illustration de la presse au XIX siècle / Jean-François Tétu // Semen : Revue de sémio-linguistique des textes et discours. 2008. № 25. URL: <https://journals.openedition.org/semen/8227#quotation>

GRISHA E. The development of illustration in periodicals on the example of the French press of the first half of the 19th century from the Russian Academy of Arts Scientific Library funds

Elizaveta Grisha — Head of the Rare book department of the Russian Academy of Arts Scientific Library

Centre of Scientific Institutions of the Russian Academy of Arts, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: pelizabet@yandex.ru

ABSTRACT

The article considers the magazines and newspapers from the Russian Academy of Arts Scientific Library collection, published in France in the first half of the 19th century. The author analyzes the illustrative content of publications, revealed what types of engravings were used with development of the French press, determined in magazines what thematic orientation they were mostly used. Periodicals of the described period became an important stage in the press development, precisely due to the development of the illustrative series.

Keywords: periodicals, French magazines, French newspapers, illustrative magazines, magazines of the 19th century.

С.Ю. Гусева

БРОНИРОВАННЫЙ ФОНД АКАДЕМИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ: прошлое и настоящее

Гусева Светлана Юрьевна — кандидат философских наук, главный хранитель, Научно-исследовательский отдел изданий Академии наук
Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: bronfond@rasl.nw.ru

АННОТАЦИЯ

В статье представлен краткий обзор истории Бронированного фонда академических изданий Российской академии наук, обозначены основные направления его деятельности. Особое внимание уделено роли Бронированного фонда в комплектовании научных учреждений академической литературой.

Ключевые слова: академические издания, Бронированный фонд, Библиотека Российской академии наук, комплектование.

Бронированный фонд академических изданий создан в 1728 году и представляет собой собрание изданий Академии наук со времени ее основания до наших дней. В разные периоды своего существования фонд назывался Книжной палатой, Книжной лавкой, Книжным складом, Книгохранилищем академических изданий, много раз менялись адреса размещения фонда. В 1930 году Книгохранилище получило официальное название — Бронированный фонд академических изданий Президиума Академии наук СССР [1, с. 65].

С 1944 г. оперативное управление Бронированным фондом перешло к Библиотеке Академии наук СССР (БАН). Почти сорок лет Фонд обслуживается сотрудниками Отдела изданий Академии наук, образованного в 1986 году. Основные функции Бронированного фонда академических изданий Российской академии наук (так в настоящее время называется подразделение Научно-исследовательского отдела изданий Академии наук БАН) — обеспечение дальнейшего формирования, хранения и использования академической литературы. В сборнике научных трудов «Библиотека и наука» в 2022 г. была опубликована статья С.Е. Хаздан, освещающая историю передачи Бронированного фонда Библиотеке Академии наук в 1944 году [2]. Цель нашей публикации — дать краткую характеристику деятельности Фонда в прошлом и настоящем.

Бронированный фонд комплектуется научными изданиями, которые в дореволюционный период печатались в Академической типографии, в советский период выходили под грифом АН СССР, в наши дни — под грифом Российской академии наук или ее учреждений. Общеакадемические издательства, издательства региональных отделений РАН, а также все другие организации РАН, издающие научную литературу, до 2014 г. были обязаны доставлять в Бронированный фонд

книжную и журнальную продукцию в течение 10 дней со дня выхода первой партии тиража в специально оговоренных количествах. До революции тиражи книг, поступающих в Книгохранилище академических изданий, достигали 800 экземпляров. С конца 1945 г. в Бронированный фонд поступало 25 экз. каждого названия вышедших из печати академических монографий и периодических изданий на русском языке и языках народов СССР и 40 экз. изданий на иностранных языках, с 23 мая 1963 г. — по 7 экз. всех изданий Академии наук, по 3 экз. реферативных журналов [4, с. 79, 81].

Сотрудники Бронированного фонда на всех этапах существования этого структурного подразделения Академии наук принимали активное участие в комплектовании библиотек отечественных и зарубежных научных учреждений монографиями и периодическими изданиями. Эта важная составляющая работы Бронированного фонда раскрыта в публикациях Юлии Михайловны Тарасовой, возглавлявшей Отдел изданий Академии наук в 1986–2004 гг. и изучавшей архивные материалы, связанные с историей передачи, рассылки академических изданий в библиотеки и научные центры мира в дореволюционный период и в советское время [3; 4]. Для нас наибольший интерес представляют данные о деятельности Бронированного фонда после его вхождения в состав БАН. Согласно статистическим данным, которые приводит в своей статье Ю.М. Тарасова, Бронированным фондом Президиума АН СССР в 1944–1989 гг. было отправлено в академические библиотеки союзных республик 630 847 библиотечных единиц, в научные учреждения стран социалистического лагеря — 89 тыс. изданий. Бронированный фонд принимал участие в комплектовании библиотек и библиотечных центров, находящихся в США, Финляндии, Индии. Сотрудники Отдела изданий Академии наук БАН участвовали в организации книжных выставок, которые проходили в нашей стране и за рубежом [4, с. 81–83].

Во второй половине 1995 года количество монографий и периодических изданий, поступающих в Фонд, уменьшилось. С начала XXI в. Бронированный фонд официально комплектуется изданиями, выходящими под грифом Российской академии наук или ее учреждений, в следующих количествах: монографиями в двух экземплярах, периодическими изданиями — в одном экземпляре. Если в советский период ежегодный объем поступлений в Бронированный фонд достигал 35–40 тыс. экз., то в 2017–2022 г. он снизился до 350–500 экз. В настоящее время все академические научные издания, находящиеся в Бронированном фонде в количестве двух и менее экземпляров, считаются выполняющими мемориальную функцию и не подлежат выдаче читателям, передаче в другие фонды БАН и другие библиотеки, а также изъятию в иных целях. Временная выдача этих изданий из Бронированного фонда может быть разрешена директором Библиотеки РАН только в целях экспонирования и репродуцирования.

Издания, имеющиеся в Бронированном фонде в количестве более двух, не включенные в состав особо ценных фондов, могут использоваться для докомплектования подразделений Библиотеки РАН (БАН), библиотек академических учреждений России, даров, гуманитарной помощи и других научных и культурных целей. Так, в 2004 г. большая партия ли-

тературы из Бронированного фонда была передана в Ирак Багдадскому университету (500 экз.), в 2005 г. гуманитарная помощь (450 ед. хр.) была оказана школе в Беслане, в 2007 г. академическая литература (более 1000 ед. хр.) была отправлена в научные и культурные учреждения Тобольска. В 2010-е годы монографии из Бронированного фонда выдавались, в основном, в библиотеки академических институтов и подразделения БАН. Издания XVIII в. из Бронированного фонда в 2016–2018 гг. экспонировались в петербургском музее «Нарвская застава» в бывшем усадебном доме княгини Е.Р. Дашковой Кирияново и были возвращены в БАН после проведения выставочных мероприятий.

Одно из важных традиционных направлений работы сотрудников ОИАН БАН — ведение и редактирование карточного алфавитного каталога Бронфонда, создание которого началось в прошлом столетии. В апреле 2006 г. был введен первый документ в электронный каталог Бронфонда. Сейчас в электронных базах данных Бронфонда насчитывается более 10 000 записей. И в карточном, и в электронном каталогах отражена информация о новых поступлениях, о выдаче литературы во временное пользование и ее возвращении в фонд, о передаче академических монографий и журналов в организации науки и культуры.

Рассказывая о современном состоянии Бронированного фонда, следует обратить внимание на несколько важных моментов. На 01.01.2023 г. в Бронированном фонде хранилось 1 842 542 библ. единиц (в 1944 г. общее количество изданий в фонде, присоединенном к БАН, составляло 827 133 ед. хр.). В мае текущего года заключено соглашение о долгосрочном сотрудничестве Русского географического общества и Библиотеки Российской академии наук. Бронированный фонд под руководством Дирекции и Отдела ретроспективного комплектования и обменно-резервного фонда БАН принимает участие в мероприятиях по реализации этого важного проекта. За 2–3 кварталы 2023 г. для библиотек РГО отобрано более шестисот библиотечных единиц из Бронированного фонда. В первую партию вошли монографии, сборники статей, большая часть которых посвящена исследованию вопросов, относящихся к разделу наук о Земле. Последующие партии книг — литература исторического, культурологического, регионоведческого, страноведческого направлений. Особо следует выделить книги по истории русского и зарубежного изобразительного искусства. Третья партия — произведения русских и советских писателей и поэтов, литературоведческие труды, академические периодические издания, освещающие проблемы отечественной филологии. Все издания подобраны в соответствии с запросами представителей различных подразделений Русского географического общества.

К сожалению, в настоящее время существуют определенные ограничения, которые специалистам Отдела изданий Академии наук следует учитывать, отбирая литературу для выдачи из Бронированного фонда. Сотрудники Фонда могут оказать помощь в ретроспективном комплектовании библиотек многоэкземплярными монографиями и периодическими изданиями, которые издавались с середины 1950-х годов до второй половины 1995 года. Из фонда не выдаются издания XVIII–XIX вв., первой половины XX в., относящиеся к особо ценным книжным памят-

никам. Новейшая литература поступает в фонд в количестве 1–2 экз. и также не может быть передана в другие учреждения.

Помещения, выделенные для хранения Бронированного фонда в здании БАН № 2 и в корпусе, находящемся в отдаленном от центральной библиотеки помещении, требуют ремонта и перемещения в более подходящие условия. Часть фондов книг и журналов хранится в штабелях, что существенно затрудняет отбор литературы для передачи в библиотеки научных организаций и экспонирования. Несомненно, этот фонд требует создания благоприятных условий для поддержания сохранности академических изданий, имеющих большую историческую, культурную и научную ценность.

Главное, что работа, связанная с участием Бронированного фонда в комплектовании российских библиотек, в том числе и в новых регионах, академическими изданиями, продолжается.

Список источников

1. Лютова К.В., Тарасова Ю.М. Академические издания в фондах Библиотеки Российской академии наук. Санкт-Петербург: БАН, 1992. 112, [1] с.
2. Хаздан С.Е. Отдел бронированного фонда в составе Библиотеки АН СССР: первая бригада (январь–март 1944 г.) // Наука и библиотека: сборник научных трудов / отв. ред. Н.В. Колпакова. Санкт-Петербург: БАН, 2022. Вып. 5. С. 155–159.
3. Тарасова Ю.М. Бронированный фонд академических изданий Президиума АН СССР // Из истории академических библиотек: сборник научных трудов. Москва: Библиотечный совет по естественным наукам при Президиуме АН СССР, 1983. С. 105–118.
4. Тарасова Ю.М. Бронированный фонд Президиума АН СССР как источник комплектования академических библиотек // 275 лет Библиотеке Академии наук: сборник докладов юбилейной науч. конференции, 28 ноября — 1 декабря 1989 г. / отв. ред. В.П. Леонов. Санкт-Петербург: БАН, 1991. С. 77–85.

GUSEVA S. The Reserved fund of academic editions: past and present

Guseva Svetlana — Candidate of Philosophical Sciences, Chief Conservator of funds of the Research Department of Academy of Sciences Editions
Russian Academy of Sciences Library, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: bronfond@rasl.nw.ru

ABSTRACT

The article presents a brief overview of history of the Reserved fund of academic editions of the Russian Academy of Sciences, outlines the main directions of its activities. Special attention is paid to the Reserved fund's role in the acquisition of scientific institutions with academic literature.

Keywords: academic editions, Reserved fund, Russian Academy of Sciences Library, acquisition.

Н.А. Гринченко

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО КНИЖНОГО ДЕЛА XIX — НАЧАЛА XX в. В исследованиях 2008–2022 гг.

Гринченко Наталья Александровна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского отдела книговедения

Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург, Россия. e-mail: books@nlr.ru

АННОТАЦИЯ

Библиографический обзор отечественной литературы по истории книги в России в XIX — начале XX в. продолжает серию библиографических указателей, созданных в Государственной Публичной (Российской национальной) библиотеке и охватывает последние 15 лет. В статье представлен анализ современной литературы по жанрам исследований (учтены монографии, справочники, сводные каталоги-репертуары, диссертации, статьи в периодических изданиях, в сборниках конференций и семинаров) и по содержанию (история российского издательского дела, книжной торговли, чтения в столицах и провинции). Научная активность историков книги демонстрирует устойчивый интерес исследователей к отечественной книжной культуре рассматриваемого периода.

Ключевые слова: книжное дело в России, книгоиздание, книжная торговля, история чтения, библиографический обзор, издательский репертуар.

С конца 1980-х гг. книговедческое подразделение РНБ (в настоящее время — Научно-исследовательский отдел книговедения [1]) в рамках изучения истории книги в России в XIX — начале XX в. проводит научные конференции — «Павленковские чтения», издает сборники научных трудов — «Книжное дело в России», готовит монографии по истории книжного дела [2–4], пополняет библиографическую базу исследования. В серии библиографических указателей — «Книга в России», подготовленных в 1980–2000-е гг., отражена литература по теме с середины XIX в. до 2007 г. [5–10]. Хронологическими рамками настоящего обзора являются следующие 15 лет: с 2008 до 2022 г.

Источниками выявления материала являются указатели и базы данных ИНИОН, данные РИНЦ, каталоги библиотек и ряд других универсальных и отраслевых библиографических источников. Содержательно обзор ограничен историей создания и распространения книги: учтены работы по истории книгоиздания и искусства книги, типографского дела, книжной торговли и чтения в России в целом, в столицах и в провинции. Не рассматривалась литература по истории цензуры, хроники конференций, рецензии и другие подобные материалы.

Литература о российском книжном деле за указанный период нашла отражение в следующих видах изданий: учебниках, монографиях, справочниках, хрестоматиях, сводных каталогах-репертуарах, диссертациях, авторских и коллективных сборниках, статьях в периодических изданиях, сборниках конференций и семинаров. Многие исследования выполнены на стыке смежных дисциплин: истории, филологии, социологии, культурологии, краеведения, педагогики, языкознания, экономики.

Всего выявлено более 1300 работ. Эта цифра не является окончательной, тем не менее позволяет представить общую картину современных историко-книговедческих исследований и демонстрирует, что интерес исследователей к истории российского книжного дела XIX — начала XX в. не ослабевает: с одной стороны, выявляются ранее не известные источники и углубляется изучение прежде рассматривавшихся сюжетов, относящихся, главным образом, к истории книги в столицах, с другой, в сферу историко-книговедческих исследований включаются новые регионы. Именно вниманием к истории региональной книжной культуры характеризуется современный этап. Исследования, проводимые на местах, приобрели планомерный и целенаправленный характер.

В этой связи уместно вспомнить, что еще в 1983 г. историк книги, организатор историко-книговедческих исследований в ГПБ (РНБ) И.И. Фролова отмечала, что разрабатывать историю книжного дела в провинции целесообразно в рамках отдельных областей или исторически сложившихся регионов силами местных ученых [11]. Тогда подчеркивалось, что важнейшим условием успешной работы является воссоздание репертуара местных издания, создание сводных каталогов. Именно в этом направлении в настоящее время развивается историко-книговедческая наука.

Современная концепция изучения регионального книжного дела сформулирована томскими историками книги: «При наличии общих закономерностей развития книжной культуры на уровне страны существуют ярко выраженные особенности эволюции полиграфической техники, репертуара, путей распространения книги, формирования авторского корпуса в различных ее регионах; это особенно актуально для такой обширной страны, как Россия. В результате появление целостной картины зависит не только от исследования общерусского процесса бытия и эволюции книги в обществе, но и от построения „локальных картин“, являющихся не простыми иллюстрациями, а полноправными фрагментами единого целого» [12, с. 3]. Эта идея является продолжением концепции «культурных гнезд» Н.К. Пиксанова. «Неравномерность» развития региональных «ветвей» российского книжного дела историки книги объясняют социально-экономическими, административными, культурно-образовательными особенностями административных территорий Российской империи на фоне национальных особенностей народов, их населявших.

В рассматриваемый период была продолжена работа по созданию ретроспективных сводных каталогов-репертуаров, охватывающих отечественное книгоиздание XIX — начала XX в. Для историков книги эти труды являются важным библиографическим источником изучения российского издательского репертуара [13]; базой для проведения фундаментальных историко-книговедческих исследований как в общероссийском масштабе, так и на региональном уровне. Они необходимы для изучения издательского репертуара, его тематико-видовой структуры, языковой принадлежности изданий, издательств и издающих учреждений, типографий и книжной торговли, а также статистики книгоиздания.

Созданные в последнее десятилетие библиографические своды охватывают как общероссийский издательский национальный репертуар: издания первой четверти XIX в. отражены в «Сводном каталоге русской книги, 1801–1825 гг.» [14], так и региональные. Сотрудниками областных

и республиканских библиотек, преподавателями институтов культуры составлены каталоги-репертуары оренбургской книги XIX — XXI вв. [15], самарской книги второй половины XIX — начала XX в. [16], якутской книги 1812–1917 гг. [17], сызранской книги 1874–1926 гг. [18].

Продолжена работа по библиографическому учету отдельных сегментов национального издательского репертуара, например, нотных изданий XVIII — первой половины XIX в. [19] и памятных книжек губерний и областей Российской империи [20, 21]. Созданы каталоги и указатели отдельных видов изданий: открыток [22]; песнопений и сборников духовно-музыкальных сочинений [23]; букварей, азбук и прописей [24]; старообрядческих гектографированных изданий [25]; были переизданы сводные каталоги изданий епархий Русской Православной церкви [26] и губернских ученых архивных комиссий [27].

За 15 лет было защищено 38 диссертаций по теме, из них 4 докторских. Диссертационные исследования посвящены литографскому делу, деятельности отдельных издателей (например, московского издателя С.А. Полякова), студенческому книгоизданию, издательской деятельности политических партий, отдельным видам изданий (учебной литературе, книгам для детей, открыткам, нотам), книжной торговле, использованию рекламы в книжном деле. Темой 15-ти кандидатских диссертаций и всех докторских является провинциальное книжное дело. Материалы 10-ти диссертационных исследований были изданы в виде монографий — все они касаются региональной книжной культуры.

В монографических исследованиях — их было напечатано свыше 50 — история книги включена в общеисторический процесс.

В 2008 г. вышло в свет завершающее исследование Российской национальной библиотеки «Книга в России, 1895–1917» [4], посвященное истории книги, издававшейся на русском языке и бытовавшей на территории Великороссии, то есть России без национальных окраин. Основное внимание в ней сосредоточено на вопросах законодательства о печати, производства и распространения книг — книжной торговли в столицах, истории издательств С.-Петербурга и Москвы, взаимоотношений авторов и издателей, читательской аудитории, книжного дела в отдельных провинциях. В коллективной монографии провинциальное книжное дело впервые рассматривается «как равноправная составляющая российской практики в целом» [28, с. 161].

Экономическая интерпретация истории российского книжного дела, дополняющая и уточняющая традиционный историко-книговедческий анализ, предпринята в исследованиях московских ученых Ю.А. Горшкова [29] и Т.Г. Куприяновой [30], в которых авторы подходят к истории книги как к историко-экономической теме.

Две работы имеют персональный характер. В коллективной монографии томских исследователей, посвященной издательско-книготорговой деятельности просветителя и предпринимателя П.И. Макушина [31], содержатся: хроника основных этапов его жизни и деятельности, обзор документов томских архивохранилищ, историографические и библиографические материалы. В монографии о Н.А. Рубакине [32] для истории книжного дела представляют интерес факты его сотрудничества с российскими издательствами и его собственные издательские проек-

ты, связанные с созданием и распространением книг для народа в 1890–1900 гг.

Книжная культура отдельных российских регионов освещена в 33 монографиях: история типографского дела, книжной торговли, чтения, в ряде случаев наряду с историей библиотек представлены в работах о книжном деле Верхнего [33] и Среднего [34] Поволжья, Оренбургской губернии [35], Северного Кавказа [36], Ставрополя [37], Урала [38, 39], Казахстана [40], Мордовии [41], Чувашии [42], Якутии [43], Сибири и городов этого региона (Иркутска [44] и Томска [12]). В монографии В.Н. Волковой [45] исследована история зарождения и развития в Российской империи самостоятельных национальных книжных культур, становление которых приходится на конец XIX — начало XX в.: алтайцев, якутов, бурят, сибирских татар. В других монографиях отразились история отдельных издательств и книгораспространения в регионах.

Рассмотрим литературу, относящуюся к основным этапам создания и распространения книг в столицах и провинции.

Изготовление бумаги в XIX в. нашло отражение в справочнике Ю.И. Вишняковой [46]. Приводимые в нем сведения о российских писчебумажных фабриках позволяют представить масштабы производства бумаги в России в целом и в отдельных губерниях, выявить основные центры производства бумаги.

В рассматриваемый период исследователи обратились к истории отдельных типографий С.-Петербурга и Москвы: Морского кадетского шляхетного корпуса, Экспедиции заготовления государственных бумаг, Р.Р. Голике, «Сельского вестника», «Русского вестника». На основе архивных документов изучена работа литографий С.-Петербурга и Москвы. Типографское дело отдельных регионов исследовано в монографии о смоленском полиграфическом производстве [47] и статьях, посвященных типографиям в Поволжье, в губерниях Ярославской, Ростовской, Вятской, Казанской, Оренбургской, Томской, Тюменской, а также в Удмуртии и на Северном Кавказе.

Среди основных направлений изучения издательского дела — история издательств, история издания литературы по определенным отраслям знания, издательская деятельность политических партий, ведомственные издания, отдельные виды и типы изданий (учебные и справочные издания, календари, памятные книжки, открытки, ноты, книги для детей), иноязычное отечественное книгоиздание, история выхода в свет отдельных книг. История книгоиздания рассматривается в разных аспектах: книга и ее содержание, книга и ее форма, книга и ее полиграфическое исполнение, книга и ее распространение и чтение.

Продолжено изучение петербургских и московских издательств: вышли в свет монографии об издательстве «Пантеон» [48], издательской деятельности З.Гржебина [49]; а также статьи обзорного характера о крупнейших издателях — А.Ф. Марксе, И.Д. Сытине, А.С. Суворине, вклад которых в российское книгоиздание в достаточной степени изучен в ранее вышедших исследованиях, и работы, освещающие отдельные направления деятельности М.М. Стасюлевича как издателя произведений А.К. Толстого, Ф.Ф. Павленкова во время его пребывания в Вятке, а также содержащие новые сведения об издательствах «Мусагет» [50] и

«Скорпион». Исследователи обратились и к истории других издательств, не столь масштабных, среди них, например: «Парус», «Копейка», Товарищество «Общественная польза», Издательское товарищество писателей в С.-Петербурге, Книгоиздательство писателей в Москве, М.М. Ледерле, Э. Гранстрема, П.А. Картавова, Н.Г. Мартынова.

В последние годы исследователи изучали издательскую деятельность ведомств, учреждений, обществ. Земская концепция книгоиздания и библиотечного дела на материалах земских губерний Урала (Уфимской, Вятской, Пермской) изложена в монографии Т.Д. Рубановой, второе издание которой вышло в 2011 г. [38] Автор исследует основные сферы деятельности земств в области книгоиздания и книгораспространения, направленные на развитие образования и просвещения, обеспечение земской работы, комплектование земских библиотек. Главное внимание уделено репертуару земских изданий.

Историки книги в регионах обратились к издательской деятельности губернских статистических комитетов и губернских ученых комиссий, а также обществ, прежде всего Русского географического общества: изучены его издательские инициативы и работа отделов в европейской части России, в Сибири и на Дальнем Востоке, в Оренбургском крае и Туркестане [51]. Русское географическое общество рассматривается как крупная научно-издательская организация, сплотившая вокруг себя исследователей и предпринимателей российских регионов для освоения и изучения обширных территорий Российской империи. Не осталась без внимания историков книги и издательская продукция XIX — начала XX в. Общества изучения Амурского края, Юридического общества, Одесского общества истории и древностей, а также Академии наук, учреждений (Сенатского архива), библиотек (Императорской Публичной библиотеки), музеев (Эрмитажа, Русского музея). В ряде работ затронуты некоторые вопросы военного и церковного книгоиздания. Последняя тема освещена на примере православных изданий Вятки и Западной Сибири.

Переходя к литературе, посвященной видам изданий XIX — начала XX в., назовем в первую очередь учебное книгоиздание, рассмотренное как часть репертуара томских издательств конца XIX в., а также учебные пособия татарского и марийского языков и языка карелов, создание которых было вызвано становлением национальной системы образования, возникновением письменности на национальных языках. Внимание историков книги было обращено на студенческое книгоиздание в Москве и на Урале и издание книг для детей — сборников детских игр, азбук в картинках.

Среди других видов изданий следует назвать открытки (Общины Св. Евгении, художественного объединения «Мир искусства», Скобелевского комитета попечения о раненых), военный лубок периода Русско-Японской войны 1904–1905 гг., ноты (в изданиях М.Л. Беляева, А. Гутхеля, В.В. Бесселя, П.И. Юргенсона); карты (в издательских проектах А.Д. Савинкова). Затрагивались и вопросы издания памятных книжек и справочников — энциклопедий, адрес-календарей, путеводителей [52]. Как тип издания были изучены литературно-художественные сборники (альманахи, антологии, хрестоматии) конца XVIII — первой трети XX в.

контексте историко-культурного и издательского развития Сибирского региона [53].

Многонациональный состав населения Российской империи обусловил развитие книгоиздания на национальных языках, которое активно изучалось в последние годы. Анализу некоторых национальных издательских репертуаров посвящены самостоятельные монографии: в частности, книгоизданию на бурятском [54] и чувашском [42] языках; восточных языках в Волго-Камском крае [55] и на Северном Кавказе [36]; а также отдельным сегментам такого репертуара, например, удмуртской детской книге [56]. Как часть отечественного издательского репертуара рассматривалось книгоиздание на немецком языке в Российской империи в целом и в Поволжье, а также на польском, французском, монгольском языках.

Исследователи обратились также к изучению отдельных тем в российском книгоиздании: выпуску литературы по сельскому хозяйству, технике, железнодорожному строительству, типографскому делу. Вышли монографии об издательской деятельности политических партий — народнических и демократических [57], а также социалистов в Сибири [58]. Активно изучалось научное и учебное книгоиздание в Сибири и на Дальнем Востоке различной тематики: по вопросам экономики, истории, естественных наук, сельскому хозяйству, лесному делу, краеведению, археологии, этнографии [59].

При изучении истории книги нельзя понять тенденции развития книгоиздания, не учитывая состояния книгораспространения: от степени развития книготорговой сети зависит судьба того или иного издательского предприятия.

Авторы обратились к характеристике различных форм развития книжной торговли (стационарной, разносной), отмечали причины развития той или другой в регионе, среди которых были названы экономические (прежде всего строительство железных дорог), наличие учебных заведений, типографий, библиотек. Подготовлены исследования о книготорговых заведениях, организованных при учреждениях (Академии наук, Министерстве народного просвещения, Главном штабе) и принадлежавших частным лицам в С.-Петербурге (А.К. Гомулину, Д.Е. Кожанчикову, М.М. Ледерле, А.А. Черкесову, Н.П. Карбасникову) и Москве (Н.Я. Башмакову, А.Я. Панафидиной). Историки книги обратились к изучению законодательного регулирования книготорговой отрасли, комиссионерской деятельности владельцев книжных магазинов, распространения отдельных видов изданий (на примере памятных книжек) и печатной продукции на иностранных языках, рекламы в книготорговом деле, работы учебных заведений в этой сфере, антикварной книжной торговли и ее представителей (П.П. Шибанова, Л.Ф. Мелина, Н.В. Соловьева). В ряде работ книготорговые каталоги и мемуары книгопродавцев были использованы как источник изучения книжного дела.

Не осталась без внимания исследователей и история книгораспространения в провинции: ей посвящены монографии о книжной торговле в Казанской [60] и Оренбургской [61] губерниях, в Западной Сибири [62]; статьи о книжной торговле в губерниях Ярославской, Тверской, в Мордовии, на Кубани и Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке.

История чтения освещалась в разных аспектах: с учетом специфики регионального развития; особенностей восприятия литературы отдельными социальными, профессиональными и возрастными группами (духовенством, крестьянами, представителями дворянства, учителями, детьми, студентами, институтками). Авторы интересовало читательское восприятие отдельных видов изданий — путеводителей, календарей, «сказочной» книги, духовной литературы, творчества отдельных российских писателей (например, Л.Н. Толстого) и произведений иностранных авторов.

В 2009 г. вышло расширенное издание книги А.И. Рейтблата «От Бовы к Бальмонту» [63], в которой чтение рассмотрено как элемент социальной и культурной жизни российского общества. В коллективной монографии, подготовленной в Томском университете [64], освещены малоизученные страницы истории становления провинциальной читательской аудитории рубежа XIX–XX вв. на примере Томской губернии: читательские интересы томских горожан, интеллигенции и чиновничества, специфика детского чтения и особенности читательских интересов сибирского крестьянства, формирование студенческой культуры чтения.

Современная ситуация изучения российского книжного дела характеризуется интенсивностью и широким тематическим охватом, появлением новых региональных центров изучения истории книги XIX — начала XX в., вниманием к частным проблемам книгоиздания, чему способствует проведение научных конференций и выход в свет продолжающихся сборников научных трудов. Среди них, «Книжная культура» Научного центра исследований истории книжной культуры РАН, «Федоровские чтения», «Книжное дело в России в XIX — начале XX века» по материалам Павленковских чтений, «Смирдинские чтения», «Макушинские чтения», «Смышляевские чтения», «Культурно-исторические исследования в Поволжье», «Книжное дело на Северном Кавказе», «Юргенсоновские чтения», «Книжная культура Ярославского края», «Книжная культура региона: исторический опыт и современная практика» и другие. Материалы об отечественном книжном деле печатаются на страницах профессиональных периодических изданий: журналов («Библиография и книговедение», «Текст. Книга. Книгоиздание», «Библиография», «Библиотекведение», «Библиосфера») и продолжающихся изданий (сборниках «Книга. Исследования и материалы», трудах высших учебных заведений, библиотек).

В настоящее время историко-книговедческая тема разрабатывается исследователями библиотек (РГБ, РНБ, Центральной научной сельскохозяйственной библиотеки, Национальных библиотек Республик Саха (Якутия) и Бурятия, Дальневосточной научной библиотеки); учебных заведений, научных учреждений Российской академии наук, музеев. Можно говорить о формировании научных историко-книговедческих центров: в С.-Петербурге, Москве, Новосибирске, Томске, Казани, Перми, Оренбурге, Самаре, Челябинске. История книжного дела XIX — начала XX в. стала темой исследований многих историков книги, научные труды которых посвящены российскому книжному делу в столицах и провинции.

Список источников

1. Патрушева Н.Г. К 45-летию Научно-исследовательского отдела книговедения Российской национальной библиотеки // Книжное дело в России в XIX — начале XX в.: сб. науч. тр. / РНБ. Санкт-Петербург, 2022. Вып. 21. С. 10–19.
2. Книга в России, 1861–1881: в 3 т. / Науч. совет по истории мировой культуры АН СССР; ГПБ; под общ. ред. И.И. Фроловой. Москва: Книга, 1988–1990.
3. Книга в России, 1881–1895 / РНБ; под общ. ред. И.И. Фроловой. Санкт-Петербург, 1997. 430 с.
4. Книга в России, 1895–1917 / РНБ; под общ. ред. И.И. Фроловой. Санкт-Петербург, 2008. 720 с.: ил.
5. Никольцева Г.Д. Книга в России. 1850-е гг. — 1917 / ГПБ. Ленинград, 1986. Ч. 1: Период с середины 50-х гг. до середины 90-х гг.: указ. дорев. лит. 212 с.
6. Никольцева Г.Д. Книга в России. 1890-е — 1917 гг. / РНБ. Санкт-Петербург, 1994. Ч. 2: указ. дорев. лит. 277 с.
7. Белов С.В. Книга в России, 1850–1917 гг.: (материалы к указ. сов. лит. 1917–1982 гг.). / ГПБ. 2-е изд., доп. Ленинград, 1983. 503 с.
8. Белов С.В. Книга в России, 1850–1917 гг.: (материалы к указ. сов. лит. 1983–1990 гг.) / ГПБ. Ленинград, 1991. 157 с.
9. Книга в России, 1850–1917 гг.: (материалы к указ. отеч. лит. за 1990–1997 гг.) / РНБ; сост. И.С. Зверева, Г.Д. Никольцева, Н.Г. Патрушева. Санкт-Петербург, 2004. 127 с.
10. Книга в России, 1850–1917 гг.: материалы к указ. отеч. лит. за 1998–2007 гг. / РНБ; сост. О.Н. Ильина. Санкт-Петербург, 2015. (Сайт РНБ URL: [https://ivaldi.nlr.ru/bx000007889/view/#page=\(дата обращения 4.09.2023\)](https://ivaldi.nlr.ru/bx000007889/view/#page=(дата%20обращения%204.09.2023))).
11. Фролова И.И. К вопросу об источниках и перспективах исследования истории книгоиздания и книготорговли в провинции во второй половине XIX в. // Книга: исслед. и материалы. Москва, 1983. Сб. 46. С. 121–125.
12. Книжная культура Томска (XIX — начало XX в.) / Нац. исслед. Томский ун-т. Томск, 2014. 415 с.
13. Соколинский Е.К. Сводный каталог как основная форма национального репертуара печати Российской Федерации / автореф. дис. ... доктора пед. наук / С.-Петерб. ун-т культуры и искусств. Санкт-Петербург, 2008. 26 с.
14. Сводный каталог русской книги, 1801–1825 / РГБ; отв. ред. И.Ю. Фоменко. Москва: Пашков дом, 2007–2019. Т. 1–4.
15. Оренбургская книга: XIX — XXI вв.: библиогр. указ.: в 3 ч. / Оренб. обл. универс. науч. б-ка им. Н.К. Крупской. Оренбург: Изд. центр ОГАУ, 2009. 356 с.
16. Самарская книга второй половины XIX — начала XX в.: свод. каталог-репертуар / сост.: М.В. Курмаев, Л.П. Машенцева; Самар. акад. культуры и искусств, Самар. обл. универс. науч. б-ка, ЦГА Самар. обл., Самар. обл. ист.-краевед. музей им. П.В. Алабина. Самара: Ас Гард, 2013. 682 с.
17. Сводный каталог якутской книги (1812–1917 гг.) / Арктический ин-т искусств и культуры; Нац. б-ка Республики Саха (Якутия). Новосибирск: Наука, 2015. 518 с.
18. Курмаев М.В. Сызранская книга (1874–1926 гг.): свод. каталог-репертуар / Самар. ин-т культуры. Самара, 2018. 215 с.
19. Сводный каталог российских нотных изданий / РНБ; рук. проекта И.Ф. Безуглова. Санкт-Петербург, 2017. Т. 4: Издания, выпущенные на территориях стран, входивших в состав Российского государства (XVIII — первая половина XIX века). 394 с.
20. Памятные книжки губерний и областей Российской империи: указ. содерж. / РНБ; сост. Н.М. Балацкая [и др.]. Санкт-Петербург, 2002–2011. Т. 1–4.
21. Памятные книжки губерний и областей Российской империи (1833–1917): свод. каталог-репертуар / РНБ; сост. Н.М. Балацкая, А.И. Раздорский. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2008. 645 с.
22. Открытые письма Общины Святой Евгении: каталог / [сост. Н.А. Мозохина]. Киров: Крепостное, 2019. Т. 1–3.
23. Песнопения русской православной церкви в фондах Российской государственной библиотеки: каталог / РГБ. Отд. нот. изд. и звукозаписей; сост. А.А. Семенов. Москва: Пашков дом, 2019. 391 с.

24. Каталог коллекции букварей, азбук и прописей XVIII–XX веков / Гос. публ. ист. б-ка России; сост. Н.А. Земцова, Л.Б. Шицкова, при участии А.А. Сенькиной, Ю.А. Шустовой. Москва, 2018. 128 с.

25. Старообрядческие гектографированные издания Библиотеки Российской академии наук: последняя четверть XIX — первая четверть XX вв.: каталог изданий и избранные тексты / Б-ка РАН; авт.-сост. Н.Ю. Бубнов. Санкт-Петербург, 2012. 458 с.

26. Справочные издания епархий Русской Православной церкви (1861–1915): свод. каталог и указ. содерж. / РНБ, С.-Петерб. ун-т; сост. А.И. Раздорский. Изд. 2-е, доп. и испр. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2011. 671 с.

27. Губернские ученые архивные комиссии, 1884–1923 гг.: аннот. указ. содерж. / сост. Л.Ф. Писарькова. Изд. 2-е, испр. и доп. Москва: Новый хронограф, 2015. 941 с.

28. Фролова И.И. Завершение многолетнего проекта. К выходу в свет монографии «Книга в России, 1895–1917» // Книга: исслед. и материалы. Москва, 2010. Сб. 92/ I-II. С. 158–165.

29. Горшков Ю.А. Экономическая модернизация книжного дела в России XVIII — первой половины XIX в.: монография / РГБ. Науч.-исслед. отдел библиотековедения. Москва: Пашков дом, 2009. 237 с.

30. Куприянова Т.Г. Предпринимательство в книжном деле: историография, история, тенденции развития: монография / Моск. ун-т печати имени Ивана Федорова. Москва, 2012. 368 с.

31. Петр Иванович Макушин. Новый взгляд на легенду / ГПНТБ СО РАН, ГАТО, Науч. б-ка Нац. исслед. Томского ун-та, Томская обл. универс. науч. б-ка, Томский обл. краевед. музей им. М.Б. Шатилова; отв. ред. С.Н. Лютов. Новосибирск, 2018. 534 с.

32. Столяров Ю.Н. Возвращенный Рубакин / Ассоциация школьных библиотекарей русского мира; РГБ. Москва, 2019. 416 с.

33. Соловьев А.А. История книжно-библиотечного дела Верхнего Поволжья в лицах, XIX — начало XX века / Иванов. с.-х. акад. им. акад. Д.К. Беляева. Иваново, 2013. 212 с.

34. Курмаев М.В. Книжная культура Среднего Поволжья (конец XVIII — начало XX вв.). Самара, 2008. 549 с.

35. Камскова Т.А. Книжная культура XIX — начала XX вв.: (по материалам Оренб. губернии): монография / Т.А. Камскова, Т.Н. Савинова, Д.В. Шаргалов; Оренб. ин-т искусств им. Л. и М. Ростроповичей, Ин-т степи Урал. отд-ния РАН. Оренбург, 2011. 179 с.

36. Курмансеитова А.Х. У истоков ногайской книги (XIX — начало XX века): монография / Карачаево-Черкес. ин-т гуманитар. исследований. Черкесск, 2009. 215 с.

37. Немашкалов П.Г. Формирование традиций издательской культуры в российской провинции XIX — начала XX в.: (На материалах Ставроп. губернии и Кубан. области) / Ставропольский пед. ин-т. Ставрополь, 2010. 166 с.

38. Рубанова Т.Д. Земская концепция книжно-библиотечного дела: историко-теоретическая реконструкция: (по материалам земских губерний Урала): монография. / Моск. ун-т культуры и искусств, Челяб. акад. культуры и искусств. 2-е изд. Челябинск, 2011. 419 с.

39. Морева О.В. Книжная культура населения Урала: вторая половина XIX — начало XX века. Saarbrücken, 2012. 285 с.

40. Шалгынбай Ж. История казахской книжной культуры (XIX в. — 1917 г. — 1991–2001 гг.): монография. Алматы: Баспалар үйі, 2009. 322 с.

41. Кубанцева И.А. История книжного дела Мордовии (вторая половина XVIII в. — 1930-е гг.) / Мордов. ун-т им. Н.П. Огарева. Саранск, 2014. 129 с.

42. Фомин Э.В. Чувашская книга XVIII — начала XX вв. / Чуваш. ин-т культуры и искусств. Чебоксары: Пегас, 2013. 139 с.: ил.

43. История книжной культуры Якутии, 1638–1917 гг. / Нац. б-ка Республики Саха (Якутия), Арктический ин-т культуры и искусств; отв. ред. С.В. Максимова. Новосибирск: Наука, 2018. 223 с.

44. Шинкарева А.П. Очерки истории издательского дела и печати Иркутска (1785–1920): монография / Иркут. ун-т. Иркутск, 2009. 433 с.

45. Волкова В.Н. Книга и чтение на пересечении эпох и культур: из века XIX в век XXI: (сибирские наблюдения) / ГПНТБ СО РАН. Новосибирск, 2009. 358 с.
46. Вишнякова Ю.И. Русские писчебумажные фабрики в первой трети XIX века: справочник / РГБ. Москва: Пашков дом, 2018. 107 с.
47. Степченков Л.Л. Полиграфия Смоленщины, 1795–1915 гг. Смоленск: Коллекция, 2008. 335 с.: ил.
48. Голлербах Е.А. Хлеб да соль. Из истории российского германофильства. Петербургское издательство «Пантеон» в преддверии Первой мировой войны. Санкт-Петербург: Изд-во имени Н.И. Новикова, 2016. 511 с.; ил.
49. Динерштейн Е.А. Синяя птица Зиновия Гржебина. Москва: НЛЮ, 2014. 430 с.; ил.
50. Книгоиздательство «Мусaget». История. Мифы. Результаты: исслед. и материалы / Рос. гуманитар. ун-т; [сост. А. Резниченко]. Москва, 2014. 529 с.
51. Базылева Е.А. Русское географическое общество и книга: очерк истории издательской, библиотечной и библиографической работы в XIX — начале XX в. / ГПНТБ СО РАН. Новосибирск, 2008. 386 с. : ил.
52. Руцинская И.И. Провинциальный путеводитель в России второй половины XIX — начала XX в. Москва: Макс пресс, 2012. 281 с.
53. Макарова Е.А. Литературно-художественные сборники Сибири конца XVIII — первой трети XX в. в аспекте формирования регионального книгоиздания / Нац. исслед. Томский ун-т. Томск, 2020. 236 с.
54. Грошева Е.Н. Книгоиздание на бурятском языке (XIX — начало XXI в.) / Нац. б-ка республики Бурятия. Улан-Удэ, 2008. 223 с.
55. Валеев Э.Н. История книжного дела в Волго-Камском крае (1773–1917) / Казан. ун-т. Казань, 2012. 407 с.
56. Павлова И.Ф. Удмуртская детская книга в 1847–1941 гг.: история, типология: монография / Удмуртский ун-т. Ижевск, 2011. 127 с.
57. Кельнер В.Е. Очерки по истории издательской деятельности народнических и демократических партий и организаций, 1895–1917 гг. / РНБ. Санкт-Петербург, 2014. 232 с. (Книга в России в XIX — начале XX в.).
58. Курусканова Н.П. Нелегальная издательская деятельность сибирских социалистов (1901 — февраль 1917 г.) / Краснодар. центр науч.-техн. информации (ЦНТИ). Краснодар, 2012. 514 с.
59. Эрлих В.А. Историческая книга в Сибири и на Дальнем Востоке в XIX — начале XX века: (издания по краеведению, археологии и этнографии) / ГПНТБ СО РАН. Новосибирск, 2013. 164 с.
60. Габдельганеева Г.Г. История казанской книжной торговли (вторая половина XVIII в. — 1917 г.). Москва; Берлин: Изд-во Директ-Медиа, 2016. 188 с.
61. Шицкова М.А. История книгораспространения в Оренбургской губернии во второй половине XIX — начале XX века / Челяб. акад. культуры и искусств. Челябинск, 2014. 155 с.
62. Тимофеева Ю.В. Книжная культура сельского населения Западной Сибири (конец XIX — начало XX века): монография / Центр развития науч. сотрудничества; под ред. В.А. Зверева. Новосибирск: СИБПРИНТ, 2012. 192 с.
63. Рейтблат А.И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. Москва: НЛЮ, 2009. 447 с. (Historia Rossica).
64. Читатель и читательские практики Томска и Томской губернии (конец XIX — начало XX в.) / Нац. исслед. Томский ун-т. Томск, 2020. 308 с.

Список сокращений

- ГАТО — Государственный архив Томской области
 ГПБ — Государственная Публичная библиотека
 ГПНТБ СО РАН — Государственная Публичная научно-техническая библиотека
 Сибирского отделения Российской академии наук
 НЛЮ — Новое литературное обозрение

РАН — Российская академия наук
РГБ — Российская государственная библиотека
РНБ — Российская национальная библиотека
ЦГА — Центральный государственный архив

GRINCHENKO N. History of Russian book publishing in the 19th and early 20th centuries in studies 2008–2022

Natalya Alexandrovna Grinchenko — Candidate of Philological Sciences, senior researcher of the Research Department of book science
Russian National Library, Saint Petersburg, Russia, e-mail: books@nlr.ru

ABSTRACT

Bibliographic review of domestic literature on the history of books in Russia in the 19th — early 20th centuries continues the series of bibliographic indexes created in the State Public (Russian National) Library and covers the last 15 years. The article presents an analysis of modern literature by genre of research (monographs, reference books, union catalogues-repertoires, dissertations, articles in periodicals, in collections of conferences and seminars are taken into account) and by content (history of Russian publishing, book trade, reading in capitals and provinces). The scientific activity of book historians demonstrates the steady interest of researchers to the domestic book culture of the period under review.

Keywords: book business in Russia, book publishing, book trade, history of reading, bibliographic review, publishing repertoire.

УДК 76.026.4
ББК 85.03(4)/85.03(8)

Т.И. Виноградова

КОЛЛЕКЦИЯ КИТАЙСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО КОНВЕРТА АКАДЕМИКА В.М. АЛЕКСЕЕВА В ГОСУДАРСТВЕННОМ ЭРМИТАЖЕ

Виноградова Татьяна Игоревна — кандидат исторических наук, заведующий отделом литературы стран Азии и Африки

Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: olsaa@rasl.nw.ru

АННОТАЦИЯ

Коллекция художественных конвертов и декоративной почтовой бумаги В.М. Алексеева, Государственный Эрмитаж, до сих пор не была предметом научного изучения. В статье рассказывается об истории коллекции; о бумаге, на которой печатались конверты; о символическом значении изображений, истолковываются надписи на конвертах. Прослеживается связь с другими жанрами китайского искусства, как народного, так и профессионального.

Ключевые слова: академик В.М. Алексеев, Государственный Эрмитаж, почтовый конверт, декоративная бумага, ксилография, символика.

Основоположник современной школы отечественной синологии академик Василий Михайлович Алексеев (1881–1951) за время пребывания в Китае собрал несколько коллекций произведений китайского искусства, уникальных в силу того, что именно он начал покупать и изучать вещи, которые до этого игнорировались научным сообществом. Первые приобретения были сделаны в 1906–1909 гг., коллекции пополнялись в 1912 и 1926 гг. Многие коллеги и друзья ученого привозили ему вещи из Китая, поступали они и по почте от корреспондентов из Китая, среди которых были и китайцы, и соотечественники, и русские эмигранты, и европейские ученые. Наиболее известно собрание китайской народной (лубочной) картины, рассредоточенное ныне между Эрмитажем и Музеем истории религии в Санкт-Петербурге. Репродукции картин неоднократно публиковались с научными пояснениями и комментариями. Коллекции старинного почтового конверта и почтовой бумаги, второго любимого детища В.М. Алексева, повезло меньше.

Сам ученый так пишет о конвертах в своем дневнике (запись от 1 сентября 1907 г.): «Культ письма, конверта и бумаги в Китае не имеет себе равного во всем мире. Так называемые церемонии (*ли*), как высшее проявление вежливости, свойственное культурному человеку, отражены здесь полностью. Основной темой, изображаемой на конверте, является дружба ученого с ученым во всех виртуозных вариациях и с непременным приветом. На обороте конвертов обязательно написана цитата из классиков, и по обилию литературных тем это искусство, стоящее как бы посередине между профессиональным и народным, приближается к первому. В сущности, конвертик есть то же произведение искусства, лишь в диктуемой размером и назначением форме» [1, с. 236–237].

В своих бумагах он определял этот вид искусства как «орнаментальная почтовая бумага» и «орнаментированный конверт». Из его неопубликованных работ на эту тему следует назвать доклад «Культ привет в китайском изобразительном искусстве» [2].

Информацию о коллекции можно найти в статьях учеников В.М. Алексева. Л.Н. Меньшиков указывал на общность тематики и символики китайской народной картины с почтовой бумагой и конвертами: «В связи с лубком, заключающим пожелания, нужно вспомнить и другие коллекции В.М. Алексева — собрания почтовой бумаги и художественного конверта. Рисунки на бумаге и конвертах постоянно заключают привет и доброе пожелание адресату. Здесь пожелания выражены сложнее, в более утонченной форме, с множеством литературных и исторических намеков, но связь того, что В.М. Алексеев называл “поэзией приветов”, с благожелательными символами народной картины несомненна» [3, с. 305].

Б.Л. Рифтин сообщает следующее: «В.М. Алексеев обратил также внимание на разделы малой гравюры и каллиграфии — особые поздравительные художественные конверты, небольшие по размерам (примерно в половину современных почтовых), в которых тогда посылали поздравления по случаю удачи на государственных экзаменах, дня рождения, свадьбы, повышения в чине и прочих торжеств. Конверты (Алексеев собрал их 700 шт., причем разных) замечательны своими символическими рисунками и образцами каллиграфии». И далее: «Старинные поздравительные художественные конверты до сих пор остаются неведомой искусствоведам областью “малого” китайского искусства, и надо было видеть, с каким изумлением и восхищением разглядывали коллекцию Алексева в Эрмитаже приехавшие в конце 1984 г. китайские ученые, торопясь сделать краткие записи, чтобы рассказывать о ней китайским издателям и вдохновить их на возможность совместных изданий этих собраний» [4, с. 94].

Коллекция почтовой бумаги и конвертов поступила в Государственный Эрмитаж в 1956 г., тогда же, когда и собрание народных картин. В последнее время Эрмитаж выложил сканированные копии конвертов на своем сайте в открытом доступе среди прочих китайских графических материалов [5]. Это более восьмисот конвертов с дублетами, среди них есть некоторое количество конвертов современного типа, отпечатанных типографским способом. Таким образом указанное Б.Л. Рифтиным количество примерно в 700 единиц подтверждается.

Конверты вертикального формата 6,5 × 12,5 см, с разницей меньше сантиметра с каждой стороны, предназначались для почтовой бумаги, на которой писали традиционным образом — сверху вниз справа налево. На конвертах нет места для почтового адреса, то есть услугами почты не пользовались, корреспонденцию разносили слуги или вручали лично.

Бумага, из которой изготовлены конверты, довольно плотная, в отличие от тонкой почтовой. Почтовая бумага как особая разновидность ксилографической гравюры сформировалась ранее конверта и с самого начала демонстрировала высочайший художественный уровень. Наряду

с художественной бумагой существовали и простые образцы, с разграфленными вертикальными линиями для удобства письма. Бумага была тонкая, писать на ней можно было только на одной стороне, противоположной рисунку. В коллекции В.М. Алексеева представлены в основном образцы чистой бумаги, купленной в альбомах. Исписанные листы свидетельствуют об интересе ученого не только к оформлению китайской почты, но и к эпистолярному стилю, образцы которого он собирал, систематизировал и преподавал как особое проявление китайского языка, знание которого необходимо каждому китаисту. Это подтверждается и материалами так называемой «Синологической картотеки» В.М. Алексеева: он копировал надписи на улицах как примеры бытовой эпиграфики, собирал образцы печатной продукции — бланки, готовые формы, чтобы поместить их в общий контекст эпистолярного стиля. Вот несколько записей из «Картотеки»:

Бланки для приглашений девицы из «дома» в кабачок или в обмен между домами. 3 л.

Красные карты приглашения на свадьбы из Харбина от Рязановского¹ 18.2.29. 5 карт.

Распорядок свадебного приема в Харбине от Рязановского. 17.2.29.

Конверт и бумага с образцовыми надписями — 龍鳳帖² — целая коллекция.

迎書³ родители новобрачного. Образцы высокопарного стиля. Конверт красной бумаги.

復書⁴ форма брачного «ответного» на 迎書 письма.

Образцы 訃聞⁵ с моими примечаниями и переводами. 1 пакет.

Специальная художественная почтовая бумага как вид ксилографической гравюры начала производится в период бурного развития коммерческой ксилографии в первые десятилетия XVI в. Продукция стала пользоваться успехом, что подтолкнуло совершенствование технологических процессов и увеличение тиражей. Вершиной считаются альбомы с образцами почтовой бумаги, отпечатанные уже в следующем столетии. В 1963 г. найден самый старый альбом почтовой бумаги, ныне он хранится в Шанхайском музее, создан в Нанкине мастером У Фа-сяном 吳發祥 (У Ло-сюань, 1579–?). Название альбома «Лосюань бьянь гу цзянь пу» 蘿軒變古箋譜 «Альбом отличающейся от древней художественной бумаги Ло-сюаня») свидетельствует о наличии гораздо более ранних произведений в этом жанре. Альбом в двух тетрадах-цзюанях включает 178 цветных гравюр, некоторое время назад был полностью издан факсимиле [6].

Другой известнейший альбом «Ши-чжу чжай цзянь пу» 松竹齋箋譜 «Альбом художественной бумаги из Мастерской сосны и бамбука» состоит из четырёх цзюаней и включает в себя 289 гравюр, разбитых

¹ Валентин Александрович Рязановский (1884—1968), юрист, в 1922–1934 гг. профессор гражданского права юридического факультета в Харбине; в 1924—1929 годах его декан, автор многих работ по юриспруденции. в том числе по китайскому и монгольскому праву. Постоянный корреспондент и информатор В.М. Алексеева.

² Лунфэнте, букв. контракт дракона и феникса, т.е. брачный контракт.

³ Иншу — устраивать праздник в честь кого-нибудь.

⁴ Фушу — письменный ответ.

⁵ Фувэнь — извещение о смерти, некролог.

на 36 тематических раздела, частично опубликован известным дизайнером Яном Чихольдом (1902–1974) [7], В.М. Алексеев свидетельствует, что альбом у него был: *Tschichold (Jan) Edit. Chinese poetry paper by the Master of the Ten Bamboo Hall. См. Альбом «оригиналов». Выпущено 31.5.1948. Получено сент. 48.* Эта запись важна для определения даты издания редкого альбома, одни библиографии уверяют, что он издан в 1951 или в 1952 г., фигурирует даже 1959 г. Мастерская была основана в Пекине в 1672 г., в 1894 г. была переименована в «Жун бао чжай» 榮寶齋 «Мастерская прославленных драгоценностей», под этим названием работает и ныне, известна прорывными технологиями в области цветной печати. На большинстве конвертов коллекции В.М. Алексеева стоит печать, удостоверяющая, что они были сделаны в мастерской «Жун бао чжай» или в подражание стилю этой мастерской.

Конверты отпечатаны на бумаге различных цветов, т.е. перед нами не тот скомпрометировавший себя современный «красный конверт» для размещения в нем эквивалентов благодарности. Чаще всего используется неокрашенная бумага естественного желтоватого оттенка, на которой печатаются рисунки разной тематики красного, красно-оранжевого, зеленого и черного цветов. На красные конвертах рисунки часто отпечатаны темным цветом и почти незаметны. Иероглифы как основной элемент декора чаще располагаются на конвертах желтого цвета. Менее распространена бумага с растительным или геометрическим орнаментом, по верх которого оттиснут основной рисунок.

26 конвертов⁶ сделаны на бумаге, окрашенной пятнистыми узорами в желтых, розовых или зеленых тонах, позволяющей допустить, что перед нами образцы так называемой мраморной бумаги, аналогичной турецкой эбру или японской суминагаси: лист бумаги прикладывается к поверхности воды, покрытой слоем краски. Цветовая гамма таких конвертов — желтые, розовые и зеленые пятна произвольной формы подтверждает свидетельства китайских источников: «...XIX в. были известны образцы мраморной бумаги с рисунком «тигровая шкура» в желтом цвете, «орех бетель» зеленый и розовый, а также «золотые пузырьки» [8, с. 96]. Чаще всего встречаются золотисто-желтый фон с пятнами менее интенсивного оттенка желтого цвета, на нем темно-красный рисунок растений, животных и насекомых, древних сосудов и надписей. Например, ЛТ-3729, конверт золотистого цвета с более бледными желтоватыми пятнами, рисунок темно-красного цвета, изображает бабочку, летающую над цветком персика. Красная печать мастерской «Бао чжай» 寶齋. Четыре конверта «мраморной бумаги» имеют фон другого цвета.

ЛТ-3717: Конверт из мраморной бумаги, желто-зеленый фон в мелких темных пятнах. Темно-красным контуром изображены два аиста, сидящие на скале среди веток сосны.

⁶ Список инвентарных номеров конвертов на мраморной бумаге в Государственном Эрмитаже: ЛТ-3918 = ЛТ-5083, ЛТ-3939, ЛТ-3991, ЛТ-4084, ЛТ-4133, ЛТ-4170, ЛТ-4183, ЛТ-4180, ЛТ-4217, ЛТ-4221, ЛТ-4296, ЛТ-4446, ЛТ-5121, ЛТ-3718, ЛТ-5141, ЛТ-5137, ЛТ-6318, ЛТ-5205, ЛТ-3717, ЛТ-5103, ЛТ-5184, ЛТ-3714, ЛТ-3726, ЛТ-5110, ЛТ-3729. Для доступа к изображению достаточно ввести инвентарный номер в строку поиска на главной странице официального сайта музея: <https://collections.hermitage.ru/>

ЛТ-5137: Конверт из мраморной бумаги, розовый фон мелкие фиолетовые пятна. Крупные иероглифы Лэтянь 樂天 красным контуром. Значение двоякое: «быть довольным своей судьбой» и псевдоним великого поэта Бо Цзюй-и 白居易 (772–846). Ниже подпись хозяина мастерской (псевдоним) с пожеланием долголетия.

ЛТ-5121: Конверт из мраморной бумаги, оранжевый фон, белый размытый узор линиями. Надпись крупными белыми иероглифами — «Тунсинь чжи янь» 同心之言 «Речи согласных сердцем», сокращенная цитата из первого свитка комментариев на «Книгу перемен» «Ицзин» 易經 «Си цы шан» 繫辭上: «Речи согласных сердцем подобны аромату орхидей» 同心之言其臭如蘭.

ЛТ-4183: Конверт из мраморной бумаги, желтый фон с очень мелкими темными пятнами. Красный контур древнего ритуального сосуда.

Небольшое количество конвертов из мраморной бумаги не позволяет прийти к выводам, насколько такая бумага влияла на манеру рисунка на конверте. Можно заметить, что на таких конвертах часто встречается не закрашенный рисунок, пропечатывается только контур, на одноцветной бумаге такой прием встречается реже.

Примерный список сюжетов на конвертах, составленный В.М. Алексеевым, по материалам его «Синологической картотеки» восстанавливается следующим образом:

Аист / Амулеты / Архаты

Бабочки 吉祥話 / Бамбук / Баран 羊 / Богатство 富

Вино

Гранаты

Долголетие 壽 / Древности без значения / Дружба

Знатность 貴

Жуи 如意

Камни / Compliment / Корица / Красавицы

Ласточки / Лотос / Лю Хар

Новые государства / Новый год

Орнамент / Орхидеи / Осенние цветы

Пейзаж / Персик / Пинань 平安 / Птахи и растения

Рыба

Семья / Слива 梅 / Слон / Сорока / Сосна / Счастье 福 / Счастье и долголетие 福壽

Хризантема / Хэшан

Цапля / Цветы *varia*

Присутствуют также группы «Непонятно» и «Сомнительно». В этом списке иероглифы написаны самим ученым. В рамках одной статьи дать подробный комментарий к каждому пункту не представляется возможным, поэтому ограничимся несколькими описаниями, чтобы был понятен общий принцип формирования сюжетов и символики изображений на конвертах.

Надпись, как основной объект изображения, встречается почти на половине конвертов коллекции, т.е. так орнаментировано свыше 350 конвертов. Крупные иероглифы могут занимать почти весь лист, наиболее часто встречаются знаки «долголетие» 壽, «счастье» 福 и по-

желание мира и спокойствия *пинань* 平安. Более пространные надписи из четырех и более иероглифов часто используют древние формы иероглифов, иногда трудно читаемые. Это могут быть строки классических стихотворений, распространенные фразеологические обороты с выражением благопожеланий и комплиментов.

Особую группу составляют конверты с надписями, имитирующими так называемую талисманную каллиграфию. Талисманы, заклинания от злых духов были важнейшей частью китайской религиозной жизни, предписания духом убираться писались обычно красными знаками на желтой бумаге. Для того, чтобы талисман обрел силу, с ним нужно было совершить определенные ритуальные действия, но и имитация его на предмете светского назначения обладала защитной силой. «Талисманные письма, графические заклинания, главный блок которых находится в даосском каноне “Даоцзан”, представляют собой прихотливые изломы и извивы черт, входящих в состав китайских знаков, самые знаки и, наконец, символы звезд, влияющих на судьбу человека», — отмечал В.М. Алексеев [9, с. 209]. Цветовая гамма конвертов, покрытых талисманными письмами, желто-красная, иногда надписи оттиснуты на «мраморной бумаге» (см.: ЛТ-3918).

Конверт из неокрашенной бумаги с талисманными иероглифами красного цвета под номером ЛТ-3779 примечателен тем, что на нем имеются комментарии китайца и самого В.М. Алексеева. Известно, что во время пребывания в Китае он просил китайцев из своего ближайшего окружения толковать ему сюжеты изображений и трактовать надписи.

Лист условно можно разделить на две части. Вверху два больших скорописных иероглифа красного цвета *жуи* 如意 исполнение желаний, написанных без отрыва кисти от бумаги. Над ним красные иероглифы древним почерком расшифровывают каллиграмму: 天然如意, строчка иероглифов черного цвета стандартным почерком подтверждает: картина «Исполнение желаний в согласии с Небом».

В нижней половине листа изображает более сложная иероглифическая композиция из нескольких отдельных иероглифов. Над ней расположенная полукругом надпись из иероглифов древнего стиля 心在玉壺圖: Картина «Сердце в нефритовом чайнике для вина». Справа черными цветом комментарий консультанта В.М. Алексеева: 王昌齡詩 — 片冰心在玉壺: «Стихотворение Ван Чан-лина» «Чистое как лёд сердце в нефритовом чайнике для вина». Слева продолжение комментария: 中有尺素書 «письмена в центре листа». Нижняя каллиграфическая композиция представляет собой строку из известного стихотворения танского поэта Ван Чао-лина (698? — 756), все иероглифы составляют рисунок чайника для вина. Эта известная стихотворная цитата — метафора неподкупного чиновника, давно легла в основу каллиграфической игры, входящие в нее знаки группировали таким образом, чтобы получить рисунок чайника. Прислать конверт с таким рисунком чиновнику значит выразить уверенность в его честности и неподкупности. Фиолетовым карандашом рукой В.М. Алексеева написано: «= 8 знаков цао», т.е. 8 знаков, написанных скорописным почерком *цаошу* «трава» 草書, в действительности знаков 9 — два сверху и семь снизу.

Большинство изображений на конвертах выводятся из ребуса. Китайский язык — слоговой, в нем ограничено число фонетических сочетаний и множество омонимов. Для всего китайского искусства характерна игра словами и смыслами, когда рисуется некий предмет, название которого звучит также, как и другой предмет, некая нравственная категория, пожелание или эмоция. Расшифровка таких ребусов на китайской народной картине — любимый сюжет В.М. Алексеева.

На 21-м конверте коллекции изображены карпы. Здесь двойное толкование: ребус: карп (золотая рыбка) *лишуй* 鯉魚: омоним слов «прибыль» *ли* 利 и «избыток» *юй* 余. Широко известна поговорка «Карп перепрыгнул ворота дракона» 鯉躍龍門, что означает «сдать государственный экзамен, получить повышение и сделать стремительную карьеру». Имеется в виду ущелье Лунмэнь (Драконовы ворота) на Хуанхэ, где каждый год весной карпы поднимаются вверх по бурному течению реки, отсюда метафора.

Второе место по частоте появления на конвертах занимают летучие мыши, поскольку летучие мыши *фу* 蝠 — омоним слова «счастье» *фу* 福. Распространены такие представители животного мира, как аист (журавль) *хэ* 鶴 — бессмертие, олень *лу* 鹿: омоним слова *лу* 祿 — «чины», «чиновное жалование». Слон *сян* 象 записывается тем же иероглифом, что «благий знак, благое событие».

Из растений часто изображается бамбук *чжу* 竹 — стойкость и благородство, счастливая старость: обыгрывается прочность и живучесть растения. Также омоним *чжу* 祝 «пожелать». Корица, коричное дерево *гуй* 桂: омоним слова *гуй* 貴 — «знатный» (для ребусов). Гранат *лю* 榴 — многочисленное потомство мужского пола, обычно изображался полуоткрытым, чтобы видны были многочисленные зерна.

Мир и спокойствие: Ваза *пин* 瓶 — покой: омоним слова *пин* 平 «мир», «спокойствие», «покой» (для ребуса): *пин ань жуи* 平安如意 «Пусть будет мир и спокойствие, *жу бао пин ань* 竹報平安 — «Бамбук извещает о мире».

Много на конвертах изображений принадлежностей кабинета ученого: книг, кистей, тушечниц, древних сосудов, которые первичны все же для почтовой бумаги.

ЛТ-3766: Над рисунком древнего треного кубка надпись 自慚書迹濫劣合飲墨繙一升, в переводе В.М. Алексеева: «Стыжусь я своей каллиграфией крайне убогой. Надо бы выпить мне туши-чернил — жбан, этак, с целый шэн⁷. — Привет другу-адресату с вином и тушью в руке!» [1, с. 236]. Подпись мастерской «Жун бао чжай». Считается, что эти строки один каллиграф адресовал другу в новогоднюю ночь, что зафиксировано в исторической хронике «Книга северной Ци», государства на севере Китая в 550–577 гг.

Как отдельную тему рисунков на художественных конвертах и бумаге В.М. Алексеев выделяет буддийский элемент как часть общекитайской культуры: изображения буддийских монахов, лотосов, прочих символов, изначально характерных для буддизма.

Новые реалии запечатлены на конверте под номером ЛТ-5215: карта мира в западной картографической традиции. На неокрашенном конверте

два полушария одно над другим, зеленые океаны и красные континенты. Сверху — восточное полушарие, Северный Ледовитый океан 北冰洋, Южный Ледовитый океан 南冰洋, Тихий океан 太平洋, Индийский океан 印太洋, Великий Западный океан 大西洋. Как государство подписан только Китай — 國, все остальное — континенты: Азия 亞洲, Европа 歐羅巴, Африка 亞非利加 не отделена морем от Европы, Австралия не подписана. Снизу — западное полушарие: сверху — Северная Америка 北美利加洲, и внизу — Северная Америка 北美利加洲 и Океания 海洋洲. Внизу надпись 玉春林, Юй чунь линь, Лес яшмовой весны, название мастерской.

Коллекции конвертов и почтовой бумаги В.М. Алексеева нуждаются в тщательном и подробном изучении. Предварительные выводы: почтовая бумага и конверты печатались традиционным ксилографическим образом. Иногда для печати использовалась бумага разных цветов, в том числе и мраморная, что нехарактерно для прочих видов гравюры. Тематика и символика изображений почтовой бумаги и конвертов общая для них и для народной гравюры, однако заметно, что они предназначались для более образованной и интеллектуальной публики, отсюда изобилие надписей с цитатами из классической поэзии, рисунков письменных принадлежностей, древностей.

Список источников

1. Алексеев В.М. В старом Китае. Дневники путешествия 1907 г. М.: Издательство восточной литературы, 1958. 310 с. (Русские путешественники в странах Востока).
2. Алексеев В.М. Культ привета в китайском изобразительном искусстве. Конспект и тезисы доклада, 1940 г. 111 л. СПб ФАРАН, Ф. 820, Оп. 1, Д. 457.
3. Меньшиков Л.Н. Китайские коллекции академика В.М. Алексеева (лубок, эстамп, почтовая бумага и художественный конверт) // Страны и народы Востока. Вып. I. География, этнография, история. М.: Издательство восточной литературы, 1959. С. 302–313.
4. Рифтин Б.Л. Путешествия русского китаеведа в Китай // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 10: Востоковедение. С. 91–99.
5. Ткани и графические материалы на бумаге и шелке. Дальний Восток. Государственный Эрмитаж (hermitage.ru). Дата обращения 10.07.2023.
6. У Фа-сян 吳發祥. Лосянь бян гу цзянь пу 蘿軒變古箋譜 (木盒精裝) Альбом отличающейся от древней художественной бумаги Ло-сюаня. Шанхай 上海: Коммерческое издательство 商務印書館, 2017. В деревянной коробке.
7. Chinese Poetry Paper by the Master of the Ten Bamboo Hall / Tschichold, Jan ed. Boston: Boston Book and Art Shop, [1948]. 22 p., 24 color prints.
8. Tsien Tsuen-Hsuei. Paper and Printing. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. 504 p. (Science and Civilization in China: Volume 5. Chemistry and Chemical Technology. Part 1 / Joseph Needham, Tsien Tsuen-Hsuei).
9. Алексеев В.М. Заклинатели демонов в китайских народных верованиях и изображениях // В.М. Алексеев. Китайская народная картина. Духовная жизнь старого Китая в народных изображениях. М.: Наука: ГРВЛ, 1966. С. 207–226.

VINOGRADOVA T. Academician V.M. Alekseev's collection of Chinese art envelopes in the State Hermitage Museum

Vinogradova Tatiana — Candidate of Historical Sciences, head of Oriental publications department Russian Academy of Sciences Library Saint-Petersburg, Russia, e-mail: olsaa@rasl.nw.ru

ABSTRACT

V.M. Alekseev's collection of the Chinese art envelopes and decorative letter-paper in the State Hermitage Museum has not been the subject of scientific study until now. The article tells about the history of the collection. We try to investigate the paper of the envelopes, to decipher the symbolic meaning of the images and to interpret the inscriptions on the envelopes. We can trace a connection with other genres of Chinese art, both folk and professional.

Key words: academician V.M. Alekseev, State Hermitage Museum, postal envelopes, decorative paper, xylography, symbolics.

В.С. Фирсова

ТЕКСТОВЫЕ СТРАНИЦЫ СВИТКОВ ГЭНДЗИ-МОНОГАТАРИ-ЭМАКИ

Фирсова Варвара Сергеевна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела литературы стран Азии и Африки

Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: varvarafirsova@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается история создания и отличительные черты оформления текстовых страниц свитка «Гэндзи-моногатари эмаки» (Иллюстрированные свитки «Повести о Гэндзи»). Созданные в XII веке они являются наиболее ранними сохранившимися до нашего времени иллюстрированными свитками к знаменитому роману писательницы Мурасаки Сикибу «Повесть о Гэндзи», написанному в начале XI века. Текстовые страницы свитка выполнены на декоративной бумаге и также, как и страницы с иллюстрациями, обладают высокой художественной ценностью.

Ключевые слова: рукопись, свиток, Япония, декоративная бумага.

«Гэндзи-моногатари эмаки» (源氏物語絵巻, «Иллюстрированные свитки «Повести о Гэндзи»), созданные в XII веке, являются наиболее ранними сохранившимися до нашего времени иллюстрированными свитками к знаменитому роману Мурасаки Сикибу «Повесть о Гэндзи» («Гэндзи-моногатари»), написанному в начале XI века. Кроме того, иллюстрации свитков являются ранним примером живописи светского жанра, развившегося на японской почве, и оказавшего значительное влияние на развитие японского изобразительного искусства.

Довольно много работ в Японии, на Западе и в России посвящены изучению данного произведения искусства, например, среди отечественных исследователей их рассматривал В.Е. Бродский [1]. Однако в них рассматривались прежде всего иллюстрации, а текстовой части было уделено гораздо меньше внимания. В то же время в Японии значительное количество работ посвящено рассмотрению текстовых страниц свитков, в которых анализируется техника декорирования этих страниц, а также строятся гипотезы относительно замысла создателей по выбору оформления свитка.

Свитки были созданы примерно спустя 100–150 лет после написания романа. Они сохранились не полностью, и большая часть оригинальных свитков утрачена. До нашего времени дошло только около 15% от первоначального произведения. Часть сохранных свитков содержит 65 листов с текстами — так наз. *котобагаки* (詞書, досл. «текст»), представляющими собой выдержки из 13 глав романа, и 19 листов с иллюстрациями к 12 главам [4, с. 15]. Три из четырёх сохранившихся свитков находятся в Художественном музее Токугава в Нагоя, а ещё один — в Музее изобразительного искусства Гото. Также сохранились небольшие фрагменты текстовых листов к другим главам романа, которые представлены в очень плохом качестве. В целом листов с текстами дошло до нашего

времени гораздо больше, чем листов с иллюстрациями, и можно предположить, что и в оригинале главная роль отводилась именно тексту: длинный текст довершается иллюстрацией, на которой изображена одна сцена из предшествующего ей текстового фрагмента.

В настоящее время свитки не представлены в своей изначальной форме. Для обеспечения лучшей сохранности, они были разделены по месту склейки, в результате получились отдельные листы с иллюстрациями и отдельные листы с текстом. Полученные листы были наклеены на более плотную подложку [4, с. 12]. Такая работа была проведена в 1930-х гг., однако в 2018 г. в галерее Токугава вновь соединили текстовую часть с иллюстрированной, воссоздав изначальную форму свитка. Так было воссоздано 7 свитков, включая главы «Сопоставление картин», «Касиваги», «Такэкава». Размер страниц свитков составляет 22 см по вертикали и от 23 до 28 см по горизонтали [7, с. 1].

Достоверно неизвестно, кто является создателем свитков, имена каллиграфов и художников до нас не дошли. Долгое время авторство картин приписывалось кисти придворного художника конца эпохи Хэйан Фудзивара Такаёси, в связи с чем свитки часто атрибутировали как «Такаёси Гэндзи». Каллиграфами часто указываются Фудзивара Корэфуса (1030–1096), Дзякурэн (?–1202) или Асукаи Масацунэ (1170–1221) [7, с. 9]. Тем не менее, в последнее время большинство исследователей сходятся во мнении, что они были созданы не одним человеком, а группой людей, уровень художественного мастерства которых значительно различался. Также распространена точка зрения, что, по крайней мере, часть свитков была создана придворными дамами, состоящими на службе при императорском дворе [4, с. 184].

Хорошо известно, что дамы эпохи Хэйан не только являлись авторами многих повестей, но и принимали активное участие непосредственно в процессе создания рукописей. Об этом свидетельствует один из эпизодов «Дневника» Мурасаки Сикибу:

«Государыня была занята переплетением книг. С рассветом мы являлись в ее покои, подбирали нужную по цвету бумагу и отправляли вместе с самой рукописью с приложением просьбы к переписчику. С утра и до ночи мы приводили в порядок уже перебеленные рукописи» [5].

Несмотря на то, что происхождение свитков «Гэндзи-моногатари» досконально неизвестно, ряд исследователей выдвигают гипотезу, что возможно, иллюстрацию разных глав Гэндзи поручили нескольким дамам, распределив между ними разные главы. При этом существовали заранее оговоренные правила единства в оформлении, которые им нужно было соблюдать, как, например, зеленый фон, форму лиц изображаемых мужчин и женщин, расстояние перспективы и т.д.

Листы с текстом представляют собой прекрасный образец японской декорированной бумаги, расцвет которой пришелся на эпоху Хэйан (794–1185). Еще с VIII в. в Японии тексты сутр печатали на декорированной или окрашенной бумаге, а в более поздние века такую бумагу начали использовать для писем и записи текстов художественных произведений. Бумагу, используемую для записи текстов, называют *рё:си* (料紙 бумага для письма), а окрашенную бумагу называют *сомэгами* (染紙 досл. окрашенная бумага). Среди других памятников литературы, выполненных

на декорированной бумаге, можно назвать «Антологию тридцати шести бессмертных поэтов» (「三十六人家集」 Сандзю:рокунин касю:), а также «Антологию старых и новых песен» (「古今和歌集」 Кокинвакасю:), создание которых также приходится на XII век [8, с. 179–201]. Еще одним шедевром, созданным с применением декорированной бумаги, является сборник религиозных текстов «Сборник сутр Хэйкэ» (「平家納経」, Хэйкэ но:кё:) XII века.

Неизвестно точно, кто и когда изготовил бумагу, из которой были сделаны свитки. Скорее всего, она была японского производства, так как к XII веку японцы довели производство бумаги до степени высокого искусства [Завадская, 15]. В Главе «Сверчок-колокольчик» повести о Гэндзи есть любопытный эпизод, доказывающий превосходство японской бумаги над китайской, что она была декорированной, а также отсылки к тому, что бумагу заказывали в специальных бумажных мастерских:

«Рассудив, что непрочная китайская бумага не годится для вседневного употребления, он призвал к себе человека из мастерских Канъя (прим. автора: возможно «ками-я», досл. «бумажная мастерская») и распорядился, чтобы ему прислали оттуда тонкой белой бумаги самого лучшего качества. На ней он и писал, причем старался не зря — всякий, кому удавалось увидеть хоть краешек свитка, начинал превозносить редкостную красоту его почерка. Казалось, что знаки, начертанные тушью, сверкают ярче проведенных золотом линий. Вряд ли стоит говорить об обрамлении, валиках и футлярах для свитков» [6, с. 102].

Основными приемами декорирования бумаги в эпоху Хэйан были различные техники окрашивания, а также техника коллажирования, при которой лист бумаги создавался из различных бумажных фрагментов. В свитках «Гэндзи моногатари» используются в основном окрашенная бумага, а коллажированные листы отсутствуют. В целом в эпоху Хэйан хорошо увлажненную бумагу декорировали с помощью нанесения белого или красочного порошка. Также в бумагу вдавливали кусочки золотой или серебряной фольги (яп. 金箔 «кимпаку» и 銀箔 «гимпаку», соответственно), или кусочки перламутра [2, с. 2–3]. Порошок из измельченной золотой или серебряной фольги также могли наносить на бумагу путем распыления (яп. 金砂子 «кинсунаго» и 銀砂子 «гинсунаго», соответственно). Благодаря этому фон переливался, мерцал и создавалось ощущение объема.

Страницы свитка большей частью коричневатого оттенка, основным приемом оформления текстовых страниц свитка является нанесение золотого и серебряного распыления в виде легких облаков разных форм и размеров с помощью определенной формы и без, так что создается эффект легкого тумана или дымки. Также здесь активно используется вкрапление небольших кусочков фольги. В целом, этот же прием характерен для декорирования лаковых изделий. На основании этого исследователь Фумиэ Минамото делает предположение, которое косвенно подтверждает создание свитка женщинами, а также объясняет причины столь частого использования декорированной бумаги в эпоху Хэйан. Согласно его версии, декорированная бумага получила большую популярность в эпоху Хэйан благодаря тому, что женщины, которые любили лакированную мебель и утварь, хотели и на бумаге воспроизвести технику росписи по лаку, которую видели на любимых вещах, предметах

быта и мебели. Именно в эпоху Хэйан появилось много разнообразной мебели, шкатулок, утвари, которые изготавливались по заказу дам в соответствии с их вкусами. Техника нанесения золотого и серебряного распыления, вкрапление небольших кусочков фольги, эффект размытия часто применялись в лаковой живописи, и уже позже были перенесены в искусство оформления декорированной бумаги, чтобы имитировать полюбившуюся дамам эпохи Хэйан роспись по лаку [4, с. 198].

Текстовые листы свитка имеют различное художественное оформление, которое довольно часто не получается напрямую соотнести с содержанием написанного на них текста. Скорее, они в целом передают эстетику и настроение романа. Однако ряд исследователей, как, например, Ёко Икэда считают, что оформление страниц не случайно и связано с текстом с помощью художественных образов и ассоциаций, для понимания которых, впрочем, читатель должен быть хорошо знаком с художественной традицией и художественными образами эпохи Хэйан [3, с. 49–52].

Например, последняя текстовая страница главы «Сверчок-колокольчик» содержит следующие строки:

«Луна поднималась все выше. Любуясь прекрасным ночным небом, молодые люди тихонько наигрывали на флейтах. Так, без особого шума процессия продвигалась ко дворцу Рэйдзэй» [6, с. 108].

Страница с этими строками декорирована очень ярко золотым и серебряным напылением, более крупными кусочками фольги, в которых можно разглядеть звезды и луну, которыми любят придворные, а текст написан слегка вытянутыми буквами, вероятно, чтобы передать на письме мелодичный звук флейты (Рис. 1).

В первой части этой же главы повествуется о пострижении принцессы Онна-сан-но Мия в монахини. Принцесса сидит вечером на веранде и прислушивается к звукам, которые кажутся ей уже невероятно далекими, ведь мысленно она уже не принадлежит этому миру. В этот момент приходит Гэндзи и обменивается со своей уже теперь бывшей супругой стихотворениями. Их пути расходятся. И будто бы чтобы усилить эффект от расставания Гэндзи со своей возлюбленной, через страницу с текстом по диагонали проведена прямая линия, разделяющая текстовую страницу. Гэндзи и принцесса больше не могут быть вместе (Рис. 2). Интересно, что эта линия согласуется с иллюстрацией к данному текстовому фрагменту, на котором проходит почти такая же прямая линия под тем же углом (Рис. 3). Неизвестно, какая страница была создана раньше, иллюстрированная или текстовая, но в том, что между ними есть связь, не вызывает сомнений [4, с. 170–171].

На текстовых страницах главы «Великий закон», в которой повествуется о смерти возлюбленной Гэндзи Мурасаки, можно увидеть изображения бабочки, водоросли и водоворота (Рис. 4). В эпоху Хэйан они стали символизировать связь этого мира с загробным и появление их на страницах этой главы вполне объяснимо [3, с. 51–52]. Стилль линий, простота и мягкость рисунков, скорее всего, говорят, что авторами этих изображений являются дети, вероятно, девочки, живущие при императорском дворе [4, с. 172]. Несмотря на детскость рисунков и их неприятность они усиливают эффект написанного поверх них текста драматического содержания.

Рис. 1. Свиток «Гэндзи моногатари эмаки» Глава Судзумуси (2), лист № 4

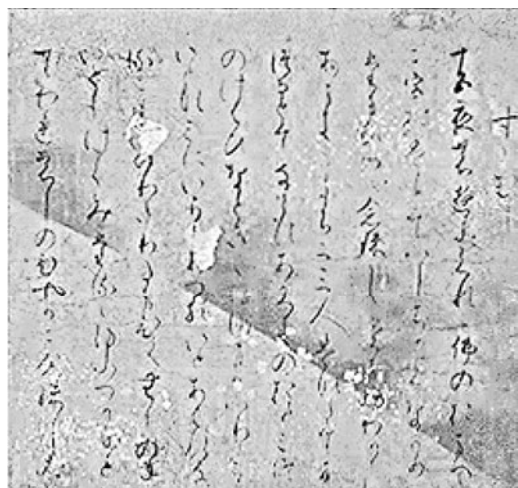

Рис. 2. Свиток «Гэндзи моногатари эмаки» Глава Судзумуси (1), лист № 1

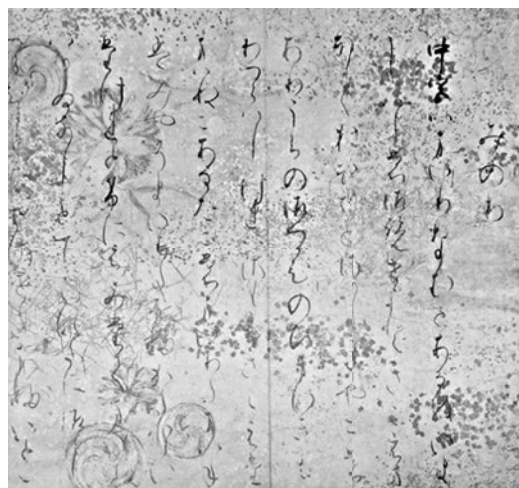

Рис. 4. Свиток «Гэндзи моногатари эмаки» Глава «Великий закон» (1), лист № 1

Рис. 3. Свиток «Гэндзи моногатари» Глава Судзумуси (1), иллюстрация

История создания иллюстрированных свитков «Повести о Гэндзи» продолжает хранить в себе много тайн, а художественно-оформительский замысел создателей вряд ли когда-нибудь будет полностью раскрыт. Тем не менее, есть все основания полагать, что создатели свитков имели четкий творческий замысел, согласно которому бумага для текстовых страниц должна была быть оформлена так, чтобы дополнять и украшать содержание текста.

Список источников

1. Бродский В.Е. Японское классическое искусство. Живопись. Графика. Москва : Издательство «Искусство», 1969. 264 с.
2. Завадская Е.В. Японское искусство книги VII–XIX века. Москва : Книга, 1986. 222 с.
3. Икэда Ёко Гэндзи-моногатари эмаки (Токугава, Гото: бидзюцуканхон) котобагаки-но рё:си со:секу то модзи хё:гэн ни кансуру «Иллюстрированные свитки «Гэндзи моногатари»» (Художественные музеи Токугава и Гото). Размышления о декорировании текстовых страниц, а также стилистике каллиграфии // Бидзюцуси. № 117. С. 47–61.
4. Минамото Фумиэ Дарэ га Гэндзи моногатари эмаки о кайта но ка (Кто создал «Иллюстрированные свитки «Повести о Гэндзи»). Токио : Сосися, 2004. 214 с.
5. Мурасаки Сикибу. Дневник / пер. с яп., предисл. и коммент. А.Н. Мещерякова. Санкт-Петербург : Гиперион, 1996. 173 с.
6. Мурасаки Сикибу. Повесть о Гэндзи: в 2 т. Т. 2. Санкт-Петербург : Гиперион, 2001.
7. Такэути Дзюнъити Кокухо: Гэндзи моногатари эмаки. Кайсэцу оёби котобагаки сякубун. (Национальное сокровище. Иллюстрированные свитки «Гэндзи моногатари» Толкование и комментарий). Киото : Бэнридо, 2023. 10 с.
8. Фирсова В.С. Японская книжная декоративная бумага (VIII–XIII вв.) // Наука и библиотека. Санкт-Петербург, 2022. Вып. 5. С. 104–109.

FIRSOVA B. The text pages of the scroll “Genji-monogatari emaki”

Varvara Firsova — Candidate of Historical Sciences, researcher of the Research Department of Oriental Languages Publications
Russian Academy of Sciences Library, Saint-Petersburg, Russia,
e-mail: varvarafirsova@yandex.ru

ABSTRACT

The article examines the history of creation and distinctive features of the design of text pages of the scroll “Genji-monogatari emaki” (Illustrated scrolls of “The Tale of Genji”). The “Tale of Genji” Illustrated scrolls, created in the 12th century, are the earliest illustrated scrolls to the famous novel, written by the writer Murasaki Shikibu, “The Tale of Genji”, written in the early 11th century. The text pages of the scroll are made on decorative paper and, like the pages with illustrations, have high artistic value.

Keywords: manuscript, scroll, Japan, decorative paper.

О.Н. Курова

ДЕКОРАТИВНЫЕ БУМАГИ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Курова Ольга Николаевна — младший научный сотрудник ОЛСАА БАН

Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: olga_kurova@rambler.ru

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена описанию техник декорирования бумаги, используемых на Ближнем Востоке. Особое внимание уделено рассмотрению и описанию способов подготовки бумаги для письма и нанесения орнамента. Рассматриваются бумаги: Вассале, Аккясе, Зерефшан, Зернишан, силуэтная, эбру.

О техниках украшения бумаг на Ближнем Востоке почти не сохранилось никаких сведений, неизвестны также и названия большинства из них. Однако эти декоративные бумаги остаются ценнейшими прекрасными образцами книжного и бумажного искусства.

В статье использованы сведения из книги немецкого исследователя А. Хеммерле «Декоративная бумага. Происхождение, история, техники, связь с искусством» (A. Haemmerle "Buntpapier. Herkommen, Geschichte, Techniken, Beziehungen zur Kunst") (Мюнхен, 1961), глава которой «О декоративных бумагах Ближнего Востока» была переведена автором.

Ключевые слова: декоративная бумага, Ближний Восток, силуэтная бумага, эбру.

Бумага пришла в Европу с Востока в раннее Средневековье. И Ближний Восток на протяжении веков опережал Запад в технике обработки и оформления бумаги.

Арабская вязь была словно создана для того, чтобы превозносить шедевры великих мастеров каллиграфии. Это искусство радует глаз, даже если смотрящий не понимает ни символов, ни языка. Запад может противопоставить ему римскую антикву, однако изначально она чаще использовалась для высекания надписей на камне, чем для письма на бумаге. Изобразительное искусство, которое процветало в Европе в основном в виде живописи, на Ближнем Востоке развивалось в форме орнамента и письма, которые равноценно сосуществовали друг с другом, а также с живописной миниатюрой — узором, написанным словно легкой рукой, письмом, превратившимся в орнамент. В ценнейших рукописях Корана, а также сборниках персидских поэтов отражены вся фантазия, все величие и изящество этой культуры [1, с. 37].

Уникальными, в особенности для быстро развивающейся Европы, являются уже приготовления, которые проводятся для создания таких рукописей путем специальной подготовки бумаги. В Турции и на Ближнем Востоке использовали исключительно льняную бумагу ручной работы самого высокого качества, которую к концу Средневековья часто закупали в Италии. Об этом пишет французский путешественник Жан Шарден (1643–1713) в своем произведении «Путешествие кавалера Шардена по Персии и другим странам Востока» (Амстердам, 1711): «Они [персы] используют много бумаги из Европы, после того как они ее готовят. Но они берут только самую прочную и тонкую бумагу, прежде

Рис. 1. Образец мраморной бумаги с гребневым узором из семейного альбома Вольфганга Лойткауффа. Цвета: серо-голубой, жёлтый и малиново-красный. Турция, около 1620 г. [1, с. 50]

всего из Генуи, т.к. другая не обладает необходимой прочностью. Их прекрасная бумага поступает из Малой Тартарии, из городов Балк (Balk), Бокора (Bocoga) и из Самарканда. Они применяют все краски, за исключением черной, и изготавливают мраморную бумагу, или окропляют ее серебром, или создают гребневый узор под мрамор с цветочными мотивами и очень нежными серебряными арабесками, чтобы они не мешали написанию текста и его прочтению. Эти различные виды бумаги используют в первую очередь для написания писем, и выбирают в зависимости от статуса адресата, а также от почтения, которое к нему испытывают. Первым сортом считается белая бумага с серебряными крапинками» [2, с. 48].

Бумаги, используемые в Турции, в зависимости от их вида, носили разные названия: «Кхатай» (Khatao), «Хинт-Абади» (Hint-Abado), «Ипекли» (Эпекли), «Али-Курна» (Ali-Kurna)¹ [1, с. 37].

Бумага, предназначенная для письма, перед использованием особым образом подготавливалась —

покрывалась слоем специального раствора, который назывался ахер. Такая обработка позволяла бумаге лучше передавать нанесенный на нее текст или изображение, чем это делала обыкновенная необработанная бумага, а также вносить исправления, не оставляя при этом следов. Бумага без этой предварительной обработки ахером почти не использовалась на Востоке для письма. Исключением были официальные документы, для написания которых, согласно османскому законодательству, обработанная ахером бумага была запрещена, поскольку она могла быть подделана. Также мало использовалась и бумага, только что покрытая ахером. Обычно обработанная бумага долгое время — годами — хранилась до использования [1, с. 37].

Раствор, который называли ахером, готовили двумя способами: с яичным белком или с крахмалом. Для приготовления первого вида собирали яичный белок, взбивали его в пену и распределяли ее, перемешивая квасцовым камнем. Оставшуюся жидкость, после извлечения квасцового камня, процеживали и наносили на бумагу с помощью губки. Незадол-

¹ Название «Кхатай» носила бумага, производимая в городе Катха (Хата) в Туркестане; «Хинт-Абади» — бумага из Индии, например, из Аллахабада; «Ипекли» — бумага из шелка; «Али-Курна» — бумага из Ливорно.

го до полного высыхания, еще немного влажная, бумага разглаживалась на липовой доске с помощью полировального камня до тех пор, пока слой ахера не становился равномерно распределенным, гладким и блестящим. Чтобы уменьшить трение в процессе полирования, бумагу предварительно протирали тканью, натертой сухим мылом [1, с. 37–38].

Описание процедуры полирования бумаги в Константинополе встречается в произведении французского путешественника Пьера Белона (1517–1564) «Заметки о многих интересных и редких вещах, обнаруженных в Греции, Азии, Иудее, Египте, Аравии и других чужеземных странах, собранные в трех книгах Пьером Белоном из Мана» (впервые опубликовано в Париже в 1553 г.). Он пишет: «В Константинополе есть много людей различных профессий, которые нам неизвестны. Наряду с тем, что у турок нет печати, у них есть правило писать на полированной бумаге. Они не производят бумагу в Турции, а покупают у итальянских купцов, которые доставляют ее по морю. Полировщики пользуются доской из очень прочно соединенных кусков древесины самшита и слегка загнутой внутрь. Они расстилают бумагу по этой доске, чтобы в процессе полирования она становилась гладкой. Бумага натирается халцедоном или яшмой, которые закреплены на гибкой доске поперек длинного древка. Держа за два конца этого древка, полировщики натирают лежащую на указанной доске из самшита бумагу камнем» [3, с. 73 об].

Следующая процедура обработки бумаги считалась особенно красивой: сначала на бумагу наносили слой ахера, который оставляли высыхать и лопаться, чтобы образовались тонкие прожилки. Затем поверх первого наносили второй слой, через который просматривались ниже лежащие прожилки. Этот метод особенно часто использовался для лакированных переплетов произведений, в которых в основном расписанная вручную и обработанная ахером бумага после переплетения закрывалась покрытой лаком обложкой. Крахмальный ахер использовался так же, как и ахер из яичного белка. Но если ахер из яичного белка придавал подготовленной бумаге оттенок слоновой кости, то бумага, обработанная ахером на основе крахмала, оставалась белой. Поэтому в ахер из крахмала часто добавляли немного краски. Иногда сначала слегка окрашивали саму бумагу, затем покрывали крахмальным ахером и, наконец, ахером на основе яичного белка [1, с. 38].

В Стамбуле, в районе Беязит, с XVI века существовала целая улица с лавками, занимавшимися производством покрытой ахером бумаги. Название этой улицы сохранилось до сих пор, звучит оно как «Кяйтчилар сокааы»² — или «улица производителей и торговцев бумагой». Еще в 1900-х годах бумага, покрытая ахером, производилась в Стамбуле для продажи. Сегодня лишь немногие ценители изготавливают ее для личного использования [1, с. 38].

Чтобы придать странице книги двухцветный оттенок, что было очень популярно, турки применяли следующую технику: часть листа, на которой должна быть сделана надпись, т.е. область шрифта, вырезалась, а на ее место вставлялся более темный или более светлый фрагмент бумаги. Этот фрагмент очень аккуратно и тщательно приклеивался, места соеди-

² Kâğıtçılar sokağı (тур. яз.).

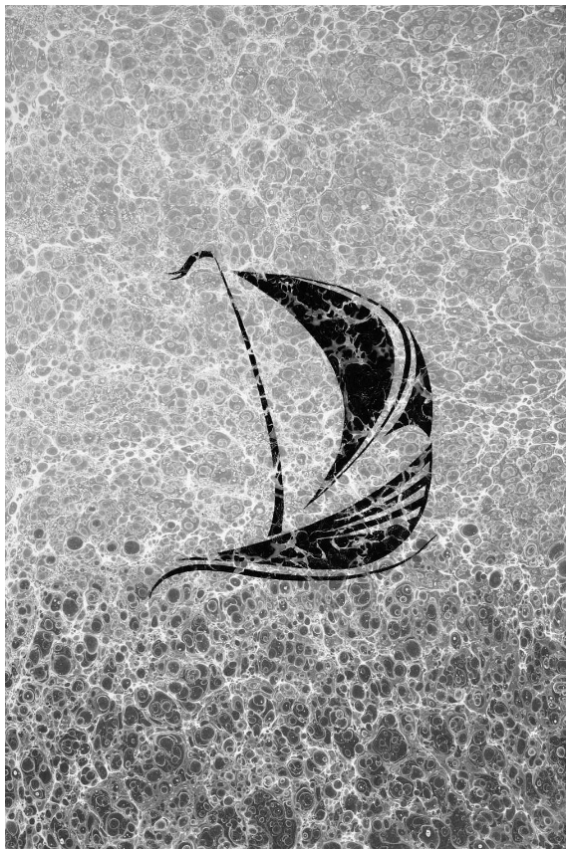

Рис. 2. Декоративная бумага «Аккясе» [4]

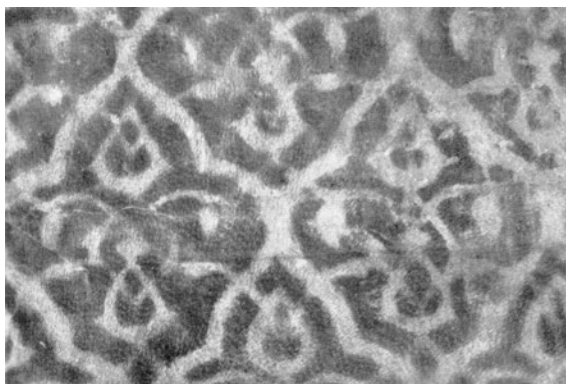

Рис. 3. Метрическая обработка книги «Калила ва Димна», или рассказов Бидпаи. Арабский язык. Копия завершена в 1458 г. в городе Сармин в районе Халеба (Алеппо). Кожаный форзац с темно-коричневым узором под плитку. Фрагмент в натуральную величину [1, с. 38]

нений обивались молотком, за счет чего достигалась тесная «сварка» двух частей бумаги. Такая техника называлась «Вассале» (Vassale) и выполнялась отдельной профессией людей. Сохранилось достаточно много турецких рукописей, все страницы которых обработаны подобным образом [1, с. 38].

Другой способ получения двухцветной бумаги носил имя «Аккясе» (Akkyase). При выполнении этой техники предназначенная для нанесения текста или рисунка поверхность покрывалась ахером, а оставшийся непокрытым край окрашивался. Этот вид напоминал своего рода трафарет. Полоса, где сходились два оттенка, как правило, украшалась золотым орнаментом. В качестве примера использования техники Аккясе можно привести Кораны XVI века. Она была популярна и для оформления манускриптов со стихами. Аккясе особенно часто применялась во времена Газневидов по инициативе правителя Хорасана Хюсейна Байкары (1438–1506) в школах городов Самарканд и Герат. Позже сельджуки, персы и османы продолжили развивать этот вид украшения бумаги [1, с. 38].

Выполненные в технике Аккясе шедевры появляются и в наши дни. Современные мастера не только бережно сохраняют традиции и приемы изготовления этого вида декоративной бумаги, но и продолжают развивать технику ее выполнения, внося новые элементы и формы.

Орнамент на Востоке всегда украшался золотом. Использовалось только сусальное золото, которое растиралось, готовилось к нанесению, наносилось кистью и после полировки

становилось блестящим. Самая великолепная бумага такого рода, расписанная вручную золотом на нежно-розовой основе, хранится в Австрийской национальной библиотеке в Вене в качестве обложки и заключительного листа к персидскому изданию с картами, датируемому приблизительно

но 1570 годом. Ее можно сравнить только с некоторыми расписанными золотом обложками, использование которых в XVII и XVIII веках высоко ценилось в Китае и Японии для сборников стихов: это были пейзажи сказочной нежности и благородства. Следует отметить, что у персидских и арабских переплетов кожа иногда приклеивалась к внутренней стороне обложки как форзац, куда при помощи деревянных форм набивался похожий на плитку орнамент в темных тонах [1, с. 39].

Другим искусством украшения бумаги было посыпание ее золотой или серебряной пылью — техника, которая также была очень распространена на Дальнем Востоке, в Китае и Японии. Бумага такого вида была популярна в качестве основы для каллиграфических надписей. Также она использовалась для более дешевого оформления рукописей. Существовали две техники изготовления такого рода бумаги, называемые «Зерефшан» (Zerefşan) и «Зернишан» (Zerrişan). В обоих случаях бумага должна была быть предварительно покрыта ахером. Затем кисточкой наносили слой жидкого желатина, а поверх еще влажного слоя рассыпали измельченное сусальное золото кисточкой (Зерефшан) или через сито (Зернишан) [1, с. 39].

Особой техникой изготовления бумаги с разноцветным рисунком в качестве основы для письма было нанесение силуэтов. Предположительно, этот вид украшения бумаги имеет иранские корни. Искусство создания силуэтов — изготовления цветов и всевозможного вида орнаментов путем вырезания ножом контуров — представляло собой в Турции ветвь декоративно-прикладного искусства. В XVII веке мастер по имени Фахри из Бурсы развил это искусство особенно высоко. Около десяти его работ, на которых изображены силуэты цветов и надписи, хранятся в музее Топкапы в Стамбуле [1, с. 39].

Узоры силуэта вырезались из тонкой кожи в том количестве отдельных частей, которые соответствовали предусмотренному набору красок и пропитывались ими. Прилипшая к поверхности трафарета краска удалялась. Затем шаблон наносился на предназначенную для печати половину страницы так, чтобы она обрамляла пространство, отведенное для письма, с трех сторон. Другая же половина страницы накладывалась сверху и прижималась. Тонкая бумага смачивалась перед прессованием слабой квасцовой водой, чтобы предотвратить растекание красок и улучшить их проникновение. После печати обе стороны страницы смазывались ахером на основе яичного белка и полировались камнем, получая восковой вид. Иногда до полировки контуры силуэтов вручную покрывались настоящим золотом. Чтобы избежать монотонности, обрамляющие текст силуэты повторялись в произведениях только с большими интервалами [5, с. 127; 1, с. 39–41].

Поскольку по религиозным соображениям художественные изображения были под запретом, для Коранов и других религиозных книг силуэтная бумага не использовалась. Она не пользовалась большой популярностью у турок, т.к. выглядела достаточно грубой рядом с тщательно продуманными золотыми орнаментами, расписанными вручную [1, с. 39].

Очень часто привозимую с Востока европейскими путешественниками декоративную бумагу можно увидеть в так называемых *album amicorum*

Рис. 4. Образец силуэтной бумаги из семейного альбома Прака фон Аша [6, с. 488]

(альбомах друзей), также известных под названием *liber amicorum* (книгах друзей) или *Stammbuch* (генеалогическом альбоме, родословной книге)³. Этими терминами, значение которых достаточно сложно передать несколькими словами, обозначали в немецкоязычном мире раннюю форму поэтического альбома, в котором друзья, знакомые, родственники, профессора, преподаватели и другие уважаемые владельцем лица увековечивали себя изречениями о чувствах, избранности или дружбе, пожеланиями, посвящениями, гербами, рисунками, силуэтами, гравюрами, вышивками, локонами волос, прессованными цветами и другими подобными вещами [6, с. 3–4].

Предположительно, силуэтная бумага изготавливалась прежде всего художниками султанского дворца. Также можно допустить, что турецкая силуэтная бумага в немецких семейных альбомах в конце XVI — начале XVII в. происходит из этого источника и потому очень высоко ценилась путешественниками по Турции [1, с. 39].

Такую силуэтную бумагу можно встретить в генеалогическом альбоме Иоганна Иоахима Прака фон Аша (скорее всего, дипломатического атташе из Вены, прикомандированного к османскому двору в Стамбуле), содержащем записи за период с 1587 по 1612 гг., составленные в основном в Стамбуле (в частной коллекции Хельмута Домицлаффа в Мюнхене); в книге турецких национальных костюмов (последняя четверть XVI в.), сочетающей в себе изображения одеяний людей разных рангов и профессий с турецкими силуэтными бумагами (в Кобургской крепости); в генеалогическом альбоме Каспара Коха (в коллекции Ольги Хирш, Кембридж); в генеалогическом альбоме Вольфганга Лойткауффа, посетившего Италию, Стамбул, Адрианополь и Белград в период с 1616 по 1632 гг. (в музее Виктории и Альберта в Лондоне); в генеалогическом альбоме Amb. 26 (в городской библиотеке Нюрнберга) и других⁴.

³ *Album amicorum* (*liber amicorum*, *Stammbuch*) напоминает современный ежедневник — альбом, содержащий заметки, стихи, высушенные цветы, представляющие для владельца какую-либо ценность записи и памятные вещи.

⁴ Прекраснейшим произведением, выполненным в технике силуэтной бумаги, можно считать хранящуюся в музее дворца Топкапы в Стамбуле рукопись, содержащую стихи султана Сулеймана Великолепного (1520–1566).

Рис. 5. Образец силуэтной бумаги из книги турецких национальных костюмов (последняя четверть XVI в.). Султан Мурад III на коне [7, с. 117]

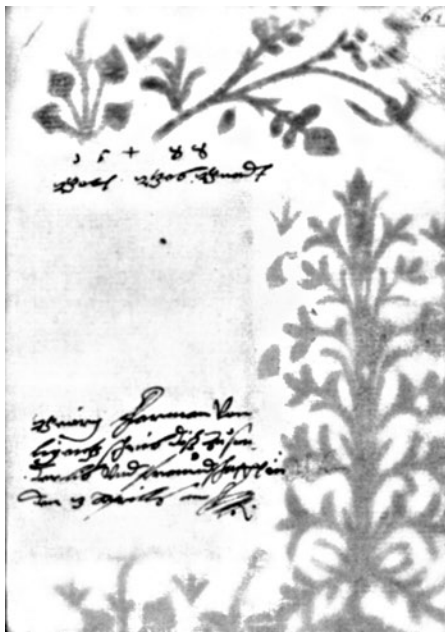

Рис. 6. Образец силуэтной бумаги из семейного альбома Каспара Коха [1, с. 41]

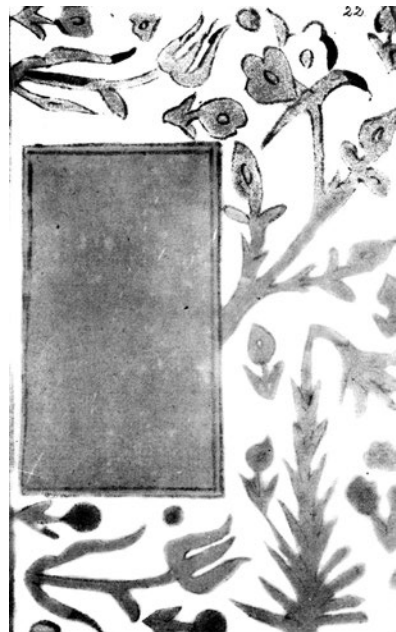

Рис. 7. Образец силуэтной бумаги из семейного альбома Вольфганга Лойткауффа [1, с. 42]

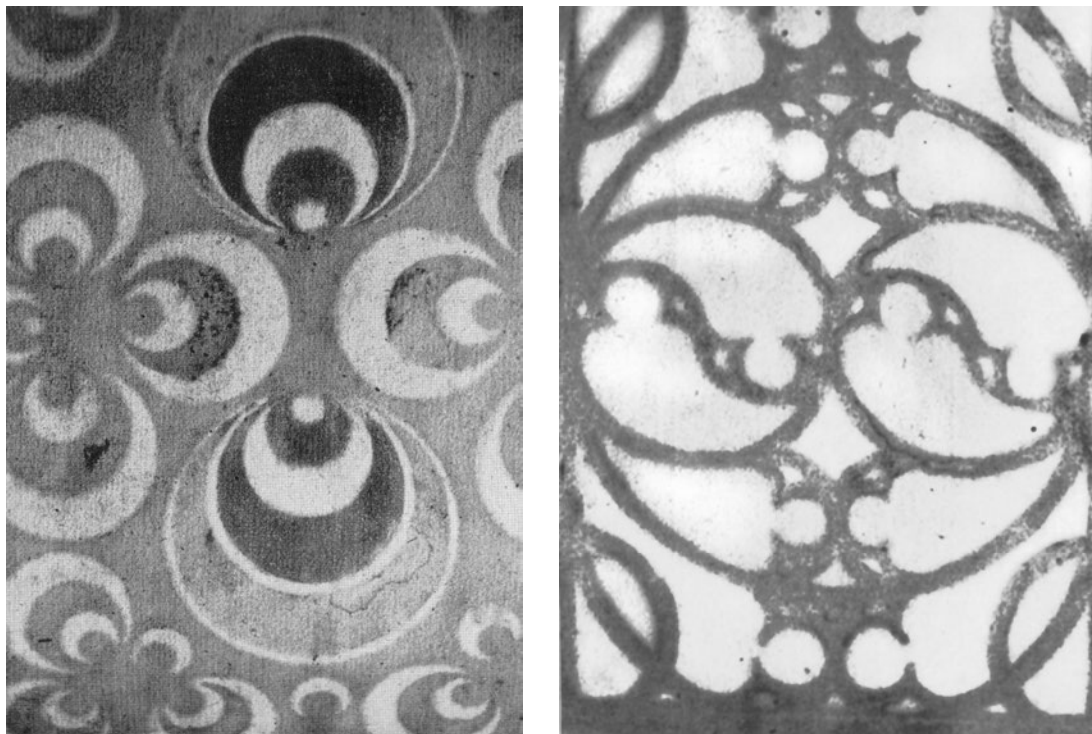

Рис. 8. Образец силуэтной бумаги из семейного альбома Amb. 26 из городской библиотеки Нюрнберга [1, с. 43]

Зачастую силуэтная бумага не отличается особой изысканностью, а также богатством форм и цветов. Часто повторяющиеся мотивы — цветы, в частности тюльпаны, дольчатая листва, пагоды, луна — указывают на общий источник происхождения этих узоров. Цвета таких силуэтных бумаг — в основном красный, желтый и зеленый. При окрашивании они проникают и на обратную сторону бумаги, однако на ней они видны слабее, чем на лицевой. Часто можно обнаружить, что узор представлен в двух экземплярах, один зеркально отражает другой. Это обусловлено техникой изготовления силуэтных бумаг, которая заключалась в создании отпечатка, оттиска [1, с. 39].

Ценным примером такого зеркального отражения страниц является генеалогический альбом Иоганна Иоахима Прака фон Аша, силуэтный узор каждого из листов которого выступает на его обратную сторону.

Самая старая известная в Европе силуэтная бумага — простая рыночная бумага без позолоты, была обнаружена в *album amicorum* (альбоме друзей) Михаэля фон Заурау, посетившего Стамбул в 1567 году. Предполагается, что Заурау приобрел 16 силуэтных бумаг для своего альбома в Стамбуле, поскольку впоследствии в других альбомах были обнаружены изготовленные по тем же трафаретам силуэтные бумаги, стамбульское происхождение которых доподлинно установлено. Это самые старые известные турецкие бумаги, которые были привезены в Европу и включены в альбом друзей [5, с. 128].

К одному из видов силуэтной бумаги можно отнести технику нанесения трафарета (шаблона). Узор вырезался ножом из пропитанной

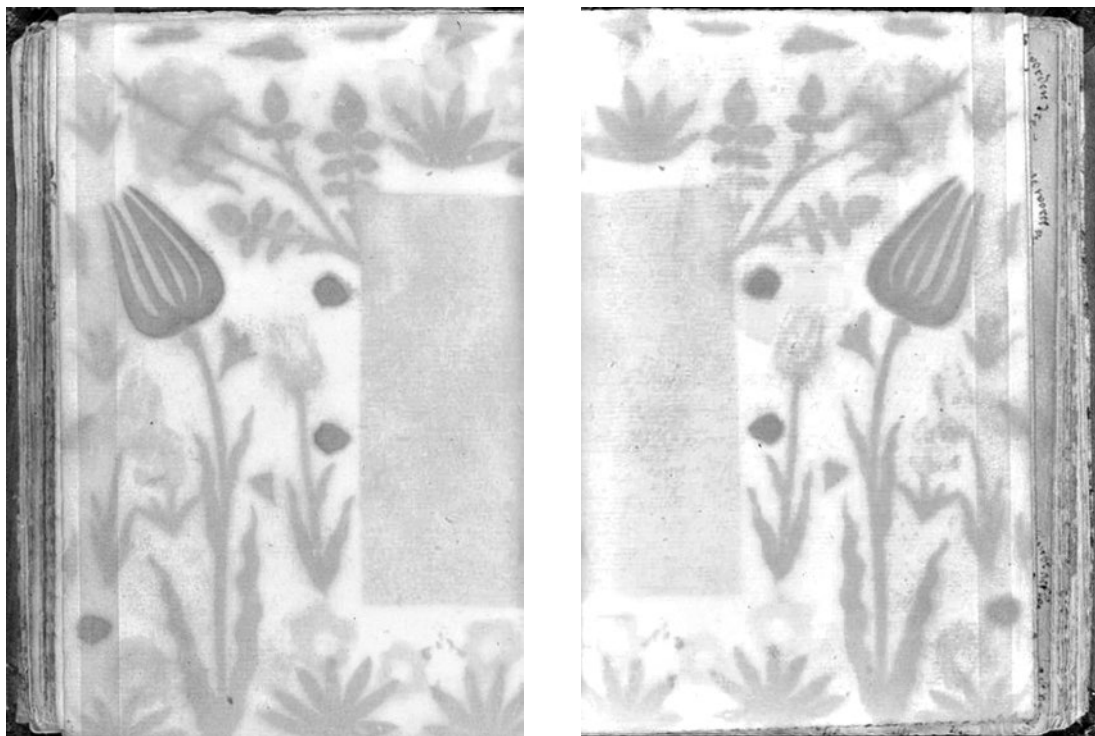

Рис. 9. Образцы силуэтной бумаги из альбома Прака фон Аша [6, с. 588, 589]

маслом или воском бумаги. Эти трафареты наносились на обработанную ахером на основе яичного белка неполированную бумагу и кисточкой закрашивались ахером на основе крахмала с добавлением минералов. Прежде всего в подобной технике раскрашивалась область шрифта [1, с. 41].

Суть еще одного метода декорирования бумаги сводилась к нанесению на ее поверхность краски путем ударов жесткой кистью из щетины с применением трафарета или без него. Работа в этой технике позволяла добиться очень интересных эффектов. Образцы такого вида декоративной бумаги можно встретить в уже упомянутых семейном альбоме Прака фон Аша и семейном альбоме Amb. 26 из городской библиотеки Нюрнберга [1, с. 41].

К одному из наиболее выдающихся видов декоративной бумаги следует отнести эбру, ставший известным в Европе в XVI веке под названием «турецкая бумага». Эбру является одним из видов традиционного тюрко-исламского искусства украшения бумаги, техника которого заключается в разбрызгивании нерастворимых в воде красок на специально подготовленный раствор и создании рисунка при помощи палочек из розы и кистей из конского волоса с последующим переносом полученного изображения на бумагу. Свое название искусство эбру получило, согласно одной из версий, от персидского слова «эбри», что означает «облачный» или «подобный облаку» [9, с. 14].

Техника эбру на протяжении многих веков использовалась каллиграфами и переплетчиками книг. В те времена, когда каллиграфы пользовались большим уважением, а безупречно выполненный шрифт считался

Рис. 10. Образец силуэтной бумаги из альбома друзей Михаэля фон Заурау. Земельная библиотека Вюртемберга [5, с. 127]

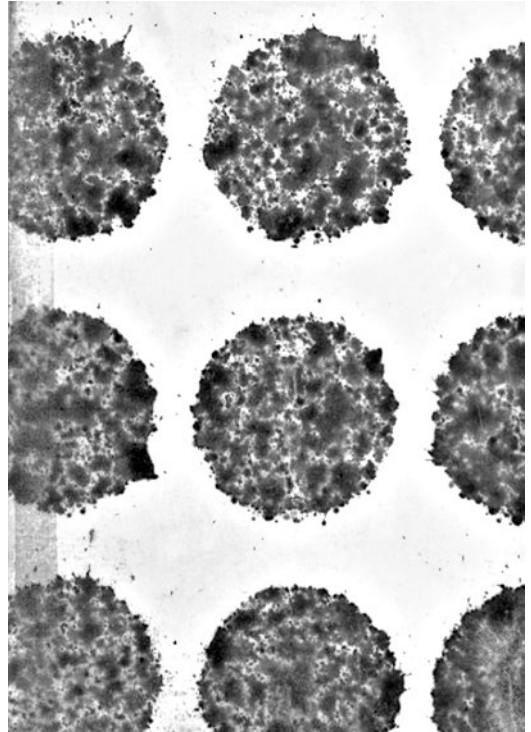

Рис. 11. Образец декоративной бумаги из альбома Прака фон Аша. Узор нанесен щеткой с жесткой круглой щетиной [6, с. 121]

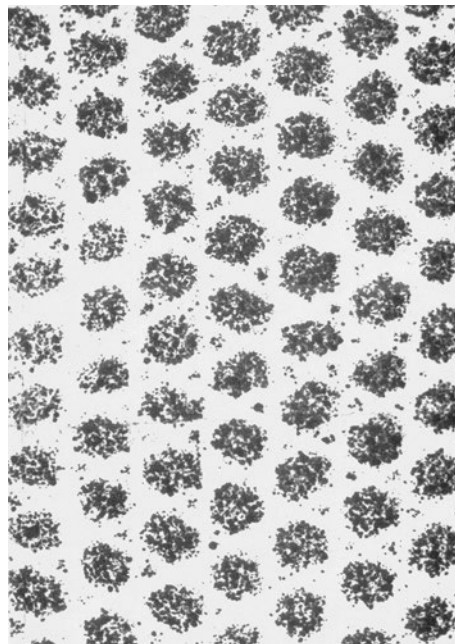
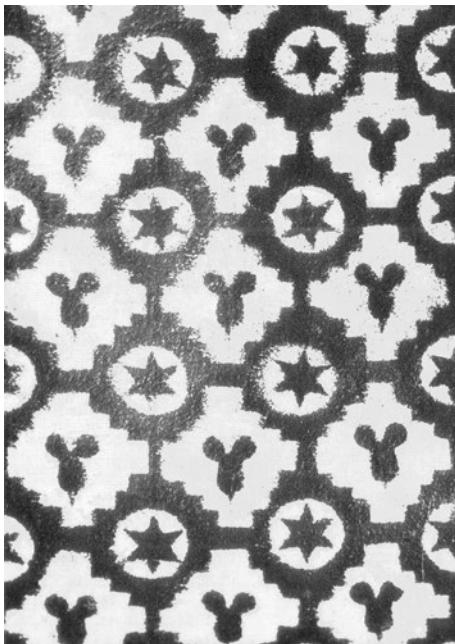

Рис. 12. Образцы декоративной бумаги из семейного альбома Amb. 26 (около 1610 г.) из городской библиотеки Нюрнберга. Слева: черный узор на желтом фоне. Нанесен щеткой с жесткой круглой щетиной. Справа: буро-зеленый узор по белой бумаге. Нанесен щеткой с жесткой круглой щетиной [1, с. 44]

художественным произведением, искусство эбру процветало, и, наряду с каллиграфией, служило для создания непревзойденных образцов книжного искусства [5, с. 128].

В XVI веке бумажное искусство Ближнего Востока переживало свой золотой век. В последней четверти XVI столетия многочисленные восточные техники декорирования бумаги начали проникать в европейские круги и оказывать влияние на книжное и бумажное искусство Европы. Прежде всего это происходило благодаря путешественникам и составляемым ими альбомам, в которых хранились образцы привезенных из путешествий по дальним странам декоративных бумаг.

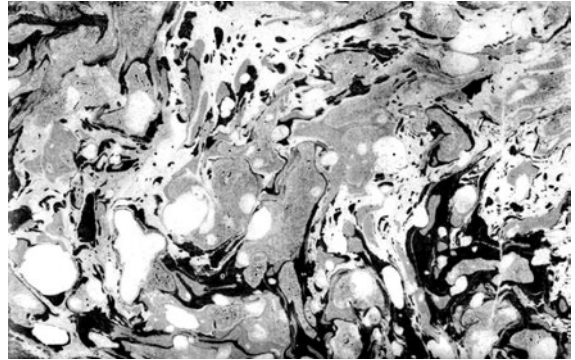

Рис. 13. Образец эбру из альбома Прака фон Аша [6, с. 361]

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Haemmerle A., Hirsch O. Buntpapier. Herkommen, Geschichte, Techniken, Beziehungen zur Kunst. München : Verlag Georg D.W. Callwey, 1961. 251 S.
2. Chardin J. Voyages de Monsieur le chevalier Chardin, en Perse, et autres lieux de L'Orient. Amsterdam : Chez Jean Louis de Lorme, 1711. T. V. 312 p.
3. Belon P. Les Observations de plusieurs singularitez et choses memorables, trouvees en Grece, Asie, Judee, Egypte, Arabie, & autres pays estranges, redigées en trois livres, Par Pierre Belon du Mans. Paris, 1554.
4. <http://www.ebrusitesi.com/galeri/akkase.html> (дата обращения: 26.10.2023).
5. Sönmez N. The Inseparable Cycle of Album, Turkish Paper and Watermark in Dating Process // Artist's Paper. A Case in Paper History. Wien : Verlag Berger Horn, 2023. S. 125–132.
6. Wolfe R.J. Marbled Paper: its History, Techniques, and Patterns: with Special Reference to the Relationship of Marbling to Bookbinding in Europe and the Western World. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1990. 245 p.
7. [Autograph album of Johann Joachim Prack von Asch] : Prack von Asch, Johann Joachim, active 1587–1612, former owner : Free Download, Borrow, and Streaming : Internet Archive (дата обращения: 26.10.2023).
8. Graf von Bothmer H. — С. Papiere // Türkische Kunst und Kultur aus osmanischer Zeit. Western Germany : Verlag Aurel Bongers KG Recklinghausen. 1985. Bd. 2. S. 117–123.
9. Dere Ö. Ebrû sanatı. İstanbul : ЭСМЕК, 2007. 191 s.

KUROVA O. Decorative papers of the Middle East

Kurova Olga — Junior Researcher of the Research Department of Oriental Languages Publications Russian Academy of Sciences Library
Saint-Petersburg, Russia, e-mail: olga_kurova@rambler.ru

ABSTRACT

This article delves into paper decoration techniques prevalent in the Middle East. It offers a comprehensive exploration of the methods employed in preparing paper for both writing and ornamental purposes. Decorated papers described in the article: Vassale, Akkase, Zereşan, Zernişan, silhouette, ebru.

Despite their undeniable significance, the techniques of paper decoration in the Middle East remain shrouded in mystery, with many yet to be formally named or documented. Nevertheless, these exquisite decorative papers stand as precious samples at the pinnacle of artistic expression within the realms of book and paper art.

The article is based on the book of the German researcher A. Haemmerle "Buntpapier. Herkommen, Geschichte, Techniken, Beziehungen zur Kunst" published in Munich in 1961. The chapter "Von den Buntpapieren des Nahen Ostens" was translated by the author.

Key words: decorative paper, Middle East, silhouette paper, ebru.

Н.Н. Ванюшкина

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ДЕКОРИРОВАНИИ БУМАГИ НА ПРИМЕРЕ ТЕХНИК «БАРУТ ЭБРУ» И «РЕНГ-И СУ»

Ванюшкина Наталья Николаевна — мастер эбру и мраморной бумаги, преподаватель Центра искусства рукотворной книги «Академия редкой книги» при издательстве «Редкая книга из Санкт-Петербурга»

Санкт-Петербург, Россия, e-mail: nvebru@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В статье описываются работы и приемы современных турецких мастеров мраморирования, а также рассматриваются биографии двух современных художников: Хикмета Барутчугила и Бурхана Эрсана. Автор приводит общую характеристику отличительных черт двух различных современных техник декорирования бумаги: «Барут эбру» и «Ренг-и су». Кроме того, рассматривается вклад двух турецких художников в популяризацию искусства эбру и создание «мраморной бумаги».

Ключевые слова: мраморирование, эбру, Барут эбру, Ренг-и су, искусство Турции, турецкая мраморная бумага, турецкие мастера эбру, современное мраморирование.

На сегодняшний день существует достаточно много способов мраморирования бумаги. Развитие технологий получения различных составов красок дает новые возможности мастерам и художникам для декорирования предметов и бумаги. Эбру на сегодняшний день остается важным элементом в культуре Турции. Изучение основ и традиций этого искусства вдохновляет художников и мастеров на создание новых узоров и способов последующего использования «мраморных» предметов и бумаг.

Современные тенденции декорирования бумаги в Турции проявляются в использовании двух видов мраморирования — «Барут эбру» и «Ренг-и су». Есть некоторые схожие черты в их происхождении и методах. Первая особенность заключается в том, что создатели этих двух техник, Хикмет Барутчутил и Бурхан Эрсан, вдохновлялись прежде всего традиционным турецким эбру и, соответственно, использовали похожие способы и методы работы с материалами в «Барут эбру» и «Ренг-и су». Однако следует отметить, что они имеют визуальную схожесть с древним японским искусством суминагаси. Так же, как и в суминагаси, для нанесения некоторых узоров художники раздувают краску по поверхности воды.

Вторая общая особенность двух техник заключается в том, что используются синтетические краски, изготовленные промышленным способом. С помощью таких красок можно декорировать не только бумагу, но и различные поверхности: дерево, ткань, холсты, гипс, стекло, керамику и прочее.

Еще одной общей особенностью является то, что довольно часто декорированные с использованием техник «Барут эбру» и «Ренг-и су» бумагу или холсты в дальнейшем используют в качестве основы для других ху-

дожественных техник. Бумагу дополняют акварельными рисунками, наносят сверху слои масляной или акриловой краски.

Наибольшей популярностью среди современных турецких техник мраморирования пользуется «Барут эбру». Если дословно перевести с турецкого языка это название, то получится «пороховое эбру», однако к пороху эта техника не имеет отношения. Так ее назвали в честь мастера Хикмета Барутчугила, используя часть его фамилии.

Хикмет Барутчугил родился в 1952 г. в городе Малатья. В 1973 г. он начал обучение на факультете художественной промышленности Стамбульской государственной академии изящных искусств [1, с. 47]. В качестве специализации он выбрал художественный текстиль, так как в то время текстильная промышленность в Турции развивалась быстрыми темпами; помимо основного обучения занимался исламской каллиграфией. В ранние годы Хикмет Барутчугил познакомился с искусством эбру и решил полностью посвятить себя этому искусству. Он осваивал его самостоятельно, поэтому не ограничивался рамками традиционного эбру, а стремился открыть новые формы и способы работы с материалами. В 1977 году Хикмет Барутчугил завершил обучение в Академии и получил специальность дизайнер текстиля, после чего сосредоточил свои художественные искания в сфере эбру. Его работы можно увидеть во многих музеях, в том числе в постоянной экспозиции Британского музея. В 1996 г. в районе Ускюдар он создал культурный центр-дом «Эбристан», посвященный искусству эбру. Мастер преподает на кафедре традиционных турецких искусств Университета изящных искусств Мимара Синана (Стамбул, Турция) [2, с. 41–42].

Также он является автором ряда книг о традиционном эбру — «Бесконечность цветов», «Цветы, танцующие на воде» и другие. Мастер выпустил каталоги-сборники с работами в технике «Барут эбру». Он активно сотрудничает с художниками, которые создают на основе его работ пейзажи или исламскую миниатюрную живопись [3]. В 2014 г. совместно с горным факультетом Стамбульского технического университета состоялась выставка «Мраморная сторона Эбру». Основу выставки составили работы мастера в технике «Барут эбру», в которых были найдены общие черты с породами камней и мрамора (Рис. 1).

К сожалению, Хикмет Барутчугил не описывает в открытом доступе методы и способы получения узора «Барут эбру», он держит в секрете используемые материалы и способы переноса изображения с воды. Однако этот узор вызывает большой интерес среди мастеров эбру и мраморирования. Путем подбора красок и инструментов некоторые мастера могут создавать узор «Барут эбру», но дают иное название полученным листам и окрашенным предметам. Так, Илькер Селимлер называет подобный узор «Современное эбру». Некоторые мастера и исследователи традиционного турецкого эбру, например Альпарслан Бабаоглу, высказывают мнение о том, что к подобным новым способам декорирования бумаги и вовсе нельзя добавлять слово «эбру», так как методы и основные материалы совершенно иные [4]. Работы «Барут эбру», по его мнению, технологически и визуально ближе к искусству «Суминагаси».

Каким образом можно получить подобный узор? На палитру из металла или пластика наносят краски двух и более цветов. Затем мастер

Рис. 1. Мраморная бумага «Барут Эбру» и камень

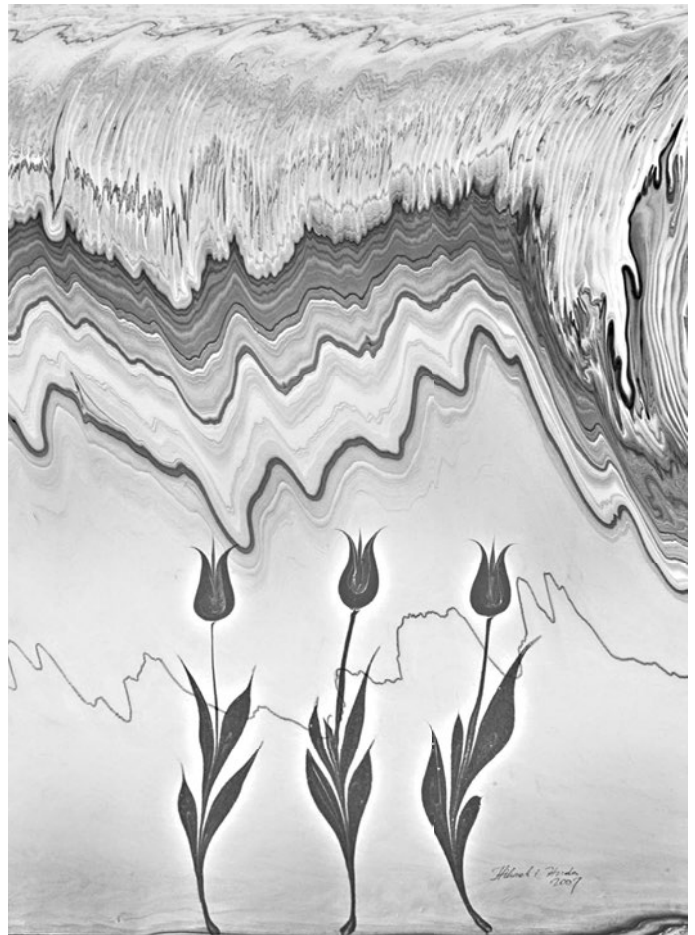

Рис. 2. Тюльпаны, нарисованные в технике эбру, на фоне бумаги «Барут эбру» художника Хикмета Барутчугила

Рис. 3. Акварельный рисунок на фоне, декорированном в технике «Барут эбру» в «хаотичном» порядке

опускает в воду эту палитру под наклоном, краски соприкасаются с водой и медленно распределяются по поверхности воды. Чтобы распределить краску по поверхности воды необходимо дуновение, сильный поток воздуха, поэтому в качестве дополнительных материалов можно использовать фен. Похожий на «Барут эбру» узор можно сделать не только синтетическими промышленными красками, но и красками для эбру на водно-акриловой основе. В качестве грунта можно использовать водный раствор с загустителем для эбру, но более жидкой консистенции (Рис. 2).

В этой технике узоры получаются неповторимыми, вода распределяет краски в хаотичном порядке, размер линий не предугадать. Можно выделить два вида «Барут эбру». В первом виде линии красок тонкие и перемешаны в разном направлении. Узор, похожий на рябь на воде, распределяется неоднородно (Рис. 3).

Второй вид «Барут эбру» немного отличается. В таких работах появляется упорядоченность. Можно отчетливо выделить ломаные крупные линии разного цвета и оттенков. В этом случае мастера наносят краску линиями, не размешивая на палитре. В результате получается контрастный узор (Рис. 4.)

Технику «Ренг-и су» разработал Бурхан Эрсан. В переводе с турецкого языка название означает «красочная вода». Мастер хотел расширить области применения эбру для окрашивания различных поверхностей. Поиски в этом направлении привели его к разработке нового вида мраморирования, который отличается экспрессией, многообразием форм,

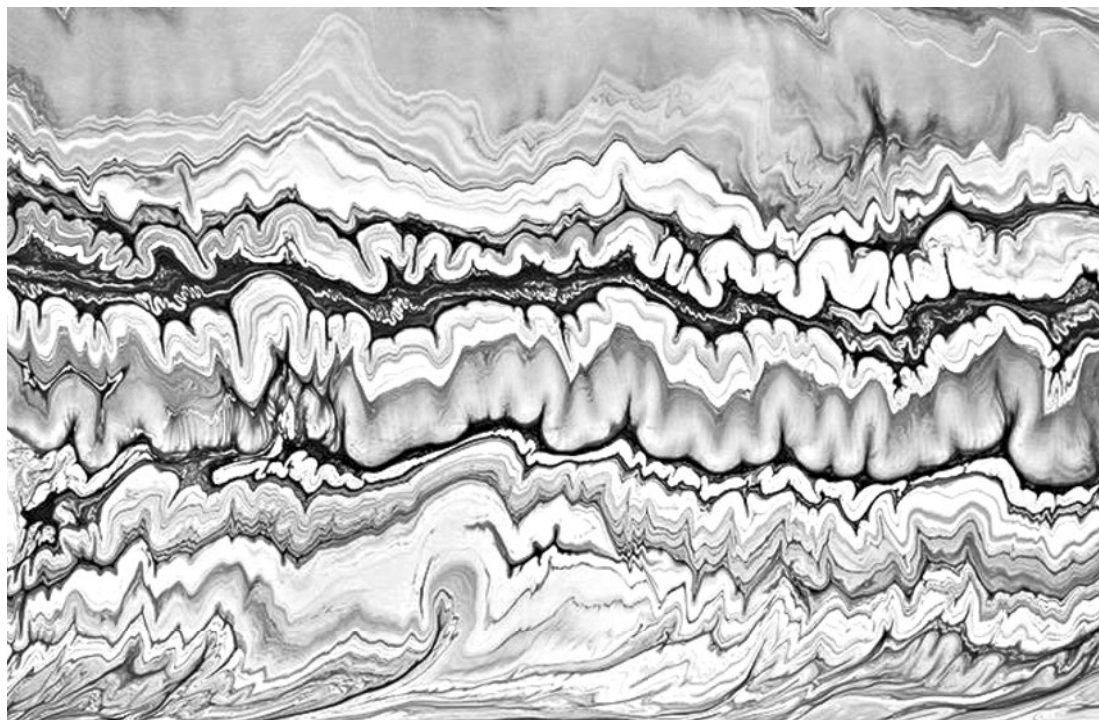

Рис. 4. Бумага, декорированная в технике «Барут эбру» с контрастными ломаными линиями

цветовых переходов. Работы в данной эстетике можно отнести к абстрактной живописи. Также художники используют декорированную бумагу и холсты «Ренг-и су» как основу для смешанной техники.

Али Бурхан Эрсан родился в Стамбуле в 1957 г. В 1990 г. он уединился в отдаленной деревне и сосредоточил свои искания в поэзии и искусстве [5, с. 42]. Его желание объединить традиционное искусство эбру и выразительность образов привело к созданию «Ренг-и су». В этой технике он стремился объединить опыт мастеров прошедших эпох и современный подход. Работы отражают чувства художника через цвет и сочетают свободу движения красок. Али Бурхан Эрсан — участник многочисленных выставок как на родине, в Турции, так и за ее пределами. В Бодруме расположено его ателье, где он проводит курсы и выставки (Рис. 5).

Текстуры и узоры на воде получаются следующим образом. Краски смешиваются в резервуаре-палитре и свободно распределяются по поверхности воды. Используются синтетические краски на основе сольвента для окрашивания стекла, металла и пластика (Рис. 6).

Достаточно сложно выделить общие элементы у этой техники. В работах прослеживается имитация мрамора, переходы различных оттенков цветов, фрагменты капель округлой формы, фрагменты с прямыми линиями, как будто вырезанными из разных работ, напоминающие коллаж (Рис. 7).

Каждая работа отличается своеобразием форм на поверхности воды, невозможно повторить или создать идентичный рисунок. Вода проявляет себя в процессе формирования узоров таким же «художником», как и мастер их создающий, ставит свои условия. Краскам и формам мож-

Рис. 5. Художник Али Бурхан Эрсан на фоне своих работ в технике «Ренг-и су»

Рис. 6. Работа в технике «Ренг-и су» художника Али Бурхана Эрсана

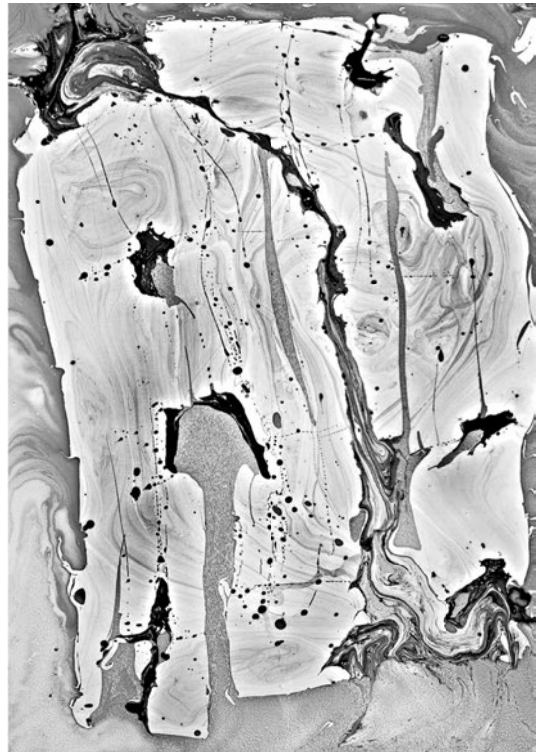

Рис. 7. Работа в технике «Ренг-и су» художника Али Бурхана Эрсана

но лишь слегка дать направление. Полученный «оттиск» на бумаге либо других материалах ценен не только как сформированный конечный результат, но и как напоминание об удивительном процессе создания работы. Есть сложности при переносе красочных узоров на поверхность бумаги, так как слои красок не распределяются однородно на поверхности воды.

Рассмотренные два вида техник интересны не только как самостоятельные абстрактные работы, но и как основы для последующего использования. Они добавляют новое креативное измерение тем образам и пейзажам, которые наносятся сверху. Бумага, окрашенная синтетическими красками, не требует дальнейшего закрепления и готова к использованию после высыхания. Это расширяет возможности использования окрашенных бумаг в техниках «Барут эбру» и «Ренг-и су» для различных декоративно-прикладных целей. Подобная бумага практически не используется в книжном деле, так как является достаточно редкой. Однако мраморная бумага «Барут эбру» и «Ренг-и су» имеет преимущества в сравнении с мраморной бумагой, изготовленной традиционным способом. Чтобы краски с пигментами и желчью крепко располагались на окрашенном листе, их необходимо дополнительно закреплять шеллак лаком, вощением или другим способом. Используемые краски в «Барут эбру» и «Ренг-и су» крепко схватываются на листе, нет необходимости закреплять их лаком либо другими средствами.

Список источников

1. Dere O.F. Ebru sanatı, tarihçe, malzeme, uygulama. İstanbul, 2007. 191 p.
2. Dere O.F. Devlet-I Aliyye'den Günümüze Ebrû Sanatı. İstanbul, 2011. 176 p.
3. Barutcugil H. Ebristanbul. İstanbul, 2003. 204 p.
4. Alparslan Babaoplu «Ebru Sanatında Gelenek ve Yenilik» // Küçükçekmece Belediyesi Güzel Sanatlar Akademisi : [официальный сайт]. URL: <http://guzelsanatlarakademisi.ist/haber-detay-Alparslan-Babaoglu-> (дата обращения: 09.09.2023).
5. Aydın M. Çağdaş ebru sanatında resimsel figüratif çalışmalar yapan sanatçılar ve eserleri. İstanbul, 2016. 128 p.

VANUYSHKINA N. Modern trends in the paper decoration on the example of the techniques «Barut ebru» and «Reng-i su»

Vanuyshkina Natalya — master of ebru and marbled paper, teacher of the Center for the Art of handmade books “Academy of Rare Books” at the publishing house “Rare Book from St. Petersburg”

Saint-Petersburg, Russia, e-mail: nvebru@gmail.com

ABSTRACT

The article describes the works and techniques of modern Turkish masters of marbling, and also examines the biographies of two contemporary artists: Hikmet Barutcugil and Burhan Ersan. The author gives a general description of the distinctive features of two different modern paper decorating techniques “Barut ebru” and “Reng-i su”. In addition, the contribution of two Turkish artists to the popularization of the art of ebru and the creation of marbled paper is considered.

Keywords: marbling, ebru, Barut ebru, Reng-i su, art of Turkey, Turkish marbled paper, Turkish masters of ebru, modern marbling.

УДК 069.44+096
ББК 76.10

Т.В. Кульматова

МРАМОРНАЯ БУМАГА В КНИЖНОМ ПЕРЕПЛЕТЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.: «химические» паттерны

Кульматова Татьяна Васильевна — кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник, руководитель ОИАН БАН

Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: kulmatova@gmail.com

АННОТАЦИЯ

На основе перевода глав книги французского фабриканта М. Фихтенберга (1854 г.), выполненного З.А. Пановой и А.Б. Мелех, в статье дается характеристика группы мраморных бумаг, изготавливаемых с добавлением в краску химических веществ. Варианты описания отдельных мотивов (паттернов) даются на примере рабочих тетрадей А.С. Пушкина (РО ИРЛИ) и изданий из Академического собрания БАН.

Ключевые слова: декоративные бумаги, мраморная бумага, форзацы, книжный переплет, рабочие тетради Пушкина, Академическое собрание БАН.

На рубеже XVIII–XIX вв. в Европе появляются и со временем получают распространение в русском переплете новые разновидности мраморной бумаги — одной из наиболее востребованных в то время в переплетном деле декоративных бумаг. Особые эффекты в рисунке достигаются в них не за счет использования инструментов (шила, разнообразных гребней, их комбинаций) или особых манипуляций с бумагой (когда ее складывают, мнут, ритмичными движениями укладывают на рисунок, выполненный на воде с загустителем), а за счет добавления в краску различных веществ. Возникает новая группа мраморных бумаг.

Возможно, первоначальный опыт был получен случайно: в краску попало масло или скипидар, которые в мастерской могли использоваться для очищения рук или инструментов, и родился новый мотив. Это стало началом экспериментирования с химическими добавками. Техника изготовления отдельных «химических» паттернов была описана в середине XIX в.: в Германии в 1845 г. вышло пособие для переплетчиков Й.А.Ф. Шейда [13], во Франции в 1852 г. — руководство по изготовлению декоративных бумаг М. Фихтенберга [12]. Мы обратились к более полному пособию Фихтенберга. Автор — французский фабрикант с немецкой фамилией — делит мраморные бумаги на «немецкие» (описывает технику изготовления 8 рисунков), «английские» (2) и «французские» (5), причем относит к последним декоративные бумаги, которые выполнены в другой технике — не на воде, а непосредственно на бумаге, — позднее Р.Д. Вольфе назовет их «псевдомраморными» [13, р. 113]. Следует отметить, что вплоть до XX в. «мраморными» называли любые декоративные бумаги (в т.ч. и клейстерные), хотя бы отдаленно напоминающие поделочный камень. Возможно, между «немецкими» и «французскими» бумагами есть преемственность: добавки (прежде все-

го поташ), использованные в мраморировании немцами, стали применяться французами при создании декоративных бумаг по упрощенной технологии (не на воде, а на увлажненной бумаге, что сокращало целый технологический этап — приготовление загустителя, трудоемкое в то время). Еще раньше поташ использовался переплетчиками для тонирования кожи, например, под дерево. В настоящей работе мы обратимся к «немецким» бумагам, изготовление которых требует химических добавок. Перевод глав, посвященных «немецким» бумагам, был выполнен З.А. Пановой и А.Б. Мелех. Он публикуется в приложении.

Своего рода вступлением, преамбулой к «химическим» паттернам являются «ракушка» и «Стормонт» (приводим англоязычные названия в переводе и транслитерации на русский). У себя на родине во Франции «*французская ракушка*» (или просто «ракушка») не получила собственного названия и осталась разновидностью «камня» (*caillouté*) — рисунка, выполненного на поверхности воды с помощью только одного инструмента — кисти. У немцев известно два названия: *Ringader* (кольцевая жилка) — отразившее техническую особенность рисунка, и *Vogelaugen* (птичьи глаза) — образная аналогия. Английское название (*French shell, Shell*) указывает на страну происхождения и предлагает свою образную характеристику рисунка. Мотив появляется в самом конце XVIII в. В краску добавляется растительное масло. Производимый эффект — пятна краски обретают объем за счет того, что пигмент концентрируется к центру, а края бледнеют так, что начинает просвечивать основа (бумага), у пятна появляется легкий ореол (нем. — кольцевая жилка). Особенно выразительно этот рисунок смотрится на цветной бумаге. Фихтенберг описывает его как «камень» (разделы № 1 — «*pariers cailloutage ou turcs*»). В фонде БАН на казенных академических переплетках часто встречается этот рисунок, выполненный одной краской (черной или темно-коричневой) на цветной — желтой, зеленой, оранжевой — гладкокрашенной бумаге (т.е. окрашенной с одной стороны, а не в массе, другая сторона остается белой, — и в местах износа, и на обороте это видно). В Академическом собрании БАН «ракушка» встречается на крышках изданий 1762–1870 гг., — верхняя граница свидетельствует о долгой популярности, востребованности рисунка. Как описать такую бумагу? В случае иностранных переплетов, а также если известна страна-производитель мраморной бумаги (что маловероятно), может быть использована иностранная терминология: для немецких — немецкая, французских — французская и т.д. Но как быть в отношении изданий, переплетенных в России, в особенности книжных памятников, требующих точного исторического описания? Русская терминология отсутствует, а если переводить название, то с какого языка? При описании современной бумаги XX–XXI вв., полагаем, пока допустим общеупотребительный английский термин. Его можно использовать и при указании группы бумаг. Но для описания единичного памятника, например, рабочих тетрадей Пушкина, о чем речь пойдет ниже, это не вполне корректно и может оказаться анахронизмом: мы не знаем, где и когда была произведена бумага, например в Англии мраморная бумага появляется несколько позже, чем в Европе, поэтому давать французской бумаге английское название было бы неверно.

Один из вариантов: опустить в описании название и дать представление о разновидности через перечисление инструментов и материалов. Например, на крышках мраморная бумага (кисть, черная краска, растительное масло); основа — зеленая гладкокрашенная бумага. Такое осторожное описание оставит бумагу без названия, но позволит ее идентифицировать с определенной группой. Другой вариант — привести название как название группы, типа.

Мраморной бумагой с мотивом «ракушка» оклеены 2 из 18 рабочих тетрадей Пушкина (РО ИРЛИ. ПД 829–846). Все переплеты изготовлены при жизни Пушкина. Переплет тетради с записями 1828–1833 г., известной как «второй альбом» (ПД 838) [5, т. 5, л. [60], [165] об.], легко поддается датировке: на его листах филигрань Кинешемской фабрики Федосьи Мещаниновой с годом изготовления: «КФФМ / 1826» (Клепиков, М., 1959. С. 51, № 308). Тетрадь была подарена Пушкину (видимо, Е.А. Баратынским) 18 мая 1827 г. в Москве [6, с. 240]. Таким образом, полукожаный переплет с интересующей нас мраморной бумагой изготовлен не ранее 1826 г. и не позднее весны 1827 г. Мраморная бумага выполнена одной черной краской на красной гладкокрашенной бумаге. Последнее обстоятельство не совсем обычно: в русском переплете первой половины XIX в. для «ракушки» на цветной бумаге чаще использовалась зеленая, желтая и оранжевая бумага.

Другая тетрадь или «записная книжка» 1828–1835 гг. (ПД 840) [5, т. 6, л. [79], [116] об.] имеет на крышках как раз такую мраморную бумагу — «ракушка» выполнена одной черной краской на желтой бумаге (последняя хорошо просматривается в прожилках).

Примерно в то же время, вероятно, чуть позже, в начале XIX в. во Франции появляется еще один рисунок, в англоязычной традиции получивший названия: «**Stormont**», а также «French» и «Empire». У Фихтенберга его описание отсутствует. В последнюю краску добавляют несколько капель скипидара или терпентинного масла (очищенного скипидара). Производимый эффект: в пятнах краски возникают крапинки — округлые разрывы, мелкие дырочки, сквозь которые просвечивает основа — белая (или реже цветная) бумага. Возникает эффект ажурного пенящегося рисунка.

В Академическом собрании БАН эта бумага встречается в переплетах изданий 1770–1823 гг. (Не трудно заметить, что верхняя хронологическая граница ее бытования намного ниже, чем у «ракушки»). Так, ее можно увидеть на крышках «Санкт-Петербургских ведомостей» из библиотеки А.А. Аракчеева. Примечательно, что до 1814 г. крышки переплетов газеты оклеены клейстерной бумагой, а с 1815 г. — различными вариантами мраморной бумаги с мотивом «Стормонт» (1815, 1817–1819, 1821–1823 гг.). Крышки Пушкинской лицейской тетради 1817–1825 гг. (ПД 829) [5, т. 2, л. [7], [100] об.] также оклеены подобной бумагой. Несмотря на сильные потертости, износ бумаги, мотив читается.

Бумагой типа «Стормонт» оклеена еще одна — «вторая кишиневская» — тетрадь Пушкина с записями 1821–1825 гг. (ПД 832) [5, т. 3, л. [89], [165] об.]. Это достаточно часто встречающаяся разновидность. В Академическом собрании ее можно увидеть в переплетах книг 1803,

1815 г. из библиотеки графа С.Г. Строганова. На пушкинской тетради бумага сильно выцвела, но просматриваются цвета: черный, синий, красно-коричневый и серый (изначально серо-сиреневый) в крупных пятнах. Скипидар (эффект дырочек) — во всех красках. Встречаются варианты с синими или розовыми пятнами.

(Повторение этого мотива выполнила мастер Е. Савельева-Хююрюнен в 2019 г.).

Таким образом, в 1815–1821 г. бумага с этим рисунком уже используется в русском переплете или, во всяком случае, проникает в Россию.

Пример описания ПД 832: на крышках мраморная бумага с мотивом «Стормонт» (кисть, краска, скипидар); краски: черная, синяя, красно-коричневая (фон); серая (крупные пятна); основа — белая бумага; скипидар во всех красках; потертости, износ, выцветание бумаги.

«Тигровый глаз» (*Tiger, Tigeraugen, Sonnen, Tigré, Soleil, Oeil de Chat, Oeil de Tigré, Sun Spot*). Описан Фихтенбергом как немецкая мраморная бумага. Первоначальное название и на немецком, и на французском — «тигровый мрамор». Более поздние европейские названия: «солнечный мрамор», «солнечное пятно». Современное устоявшееся название (практически на всех языках) — «тигровый глаз», поэтому мы остановились на этом общеизвестном варианте названия как основном. По Фихтенбергу, в краску добавляют крепкий поташ. Эффект: пятна с черным «зрачком» и «радужкой» — радиальными лучами, исходящими от центра к периферии. Физико-химическая причина образования лучистых ореолов вокруг пятен основана на молекулярных явлениях в жидкостях и прежде всего на «контактном движении жидкостей». Подробнее об этом явлении пишет П.В. Пробер [3, с. 187–188]. Описание, правда, имеет отношение к «солнечному мрамору» промышленного производства (псевдомраморные бумаги).

Поскольку самое раннее описание приведено у Фихтенберга, принято считать временем появления этой бумаги 1850-е гг. Однако, полагаем, эту хронологическую границу можно немного отодвинуть. Именно такая бумага использована в переплете дневника Пушкина (1833–1835), первая запись в котором датируется 24 ноября 1833 г. (РО ИРЛИ. ПД 843) [5, т. 8, л. [8], [61] об.]. Известно, что переплет прижизненный, после смерти поэта тетради не переплетались, хранились в сундуке у В.А. Жуковского, а затем у Н.Н. Ланской [7, с. 295–297]. По словам ученого хранителя Пушкинского рукописного фонда ИРЛИ Т.И. Краснобородько, к которой мы обратились за консультацией, Пушкин не переплетал свои рукописи (то, что было написано им на отдельных листах, так и осталось непереpletенным), но охотно использовал готовые конторские книги, которые либо ему дарили, либо приобретались им самим. Купить их можно было в модных лавках (например, в английской лавке на Б. Морской), где наряду с модными товарами продавались и канцелярские. Известны счета Пушкина на чернила, купленные в одной из таких лавок. Приобрести иностранные конторские книги можно было и во время навигации, которая открывалась в мае (практически ко дню рождения Пушкина), когда из-за границы приходили суда и можно было приобрести новый, буквально вчера произведенный товар. Именно так Пушкин покупал

книжные новинки, заодно мог купить и конторские тетради — французского, немецкого или английского производства.

Рассмотрим тетрадь дневника Пушкина (ПД 843): необычный полужокожаный переплет в виде портфеля с замочком — книга-тайник. Напоминает восточный переплет с клапаном, прикрывающим обрез (по тур. такой клапан назывался лисан, по-арабски сартабл — язык). Такой переплет предназначался для дополнительной защиты книжного блока (или даже непереплетенных тетрадей) при кочевьях. У Пушкина тоже была кочевая жизнь и такой дневник удобно было возить с собой. На крышках мраморная бумага с мотивом «тигровый глаз» (у Фихтенберга «marbre tigry»); цветовая гамма: оранжевый, черный, красный; примечательно, что основа — оранжевая гладкокрашенная бумага. По качеству рисунка видно, что мастер уже имел некоторый опыт его изготовления: рисунок хорош. Таким образом, дневник Пушкина сдвигает дату появления этого рисунка с 1850-х к началу 1830-х гг. (не позднее 1833). Мраморная бумага, как нам представляется, кое в чем близка к «ракушке» на тетради, подаренной Баратынским: и по цветовой гамме, и по выбору основы — яркой цветной (красной, оранжевой) бумаги. Не были ли они произведены в одной мастерской? Возможно ли, что Баратынский подарил Пушкину две тетради?

В Академическом собрании мраморная бумага «тигровый глаз» встречается на крышках переплетов изданий 1838–1910 гг. Самый ранний — экземпляр месяцеслова на 1839 г. из Библиотеки Типографии Академии наук, базовый рисунок выполнен шилом по диагонали. Переплет, вероятно, изготовлен в 1840-е гг. — на корешке сохранилась наклейка: «Библ. Типогр. | Импер. А.Н. | до 1849 г.».

«**Шротель**» (*Schrott*, *Scrotel*, *Schroëtel*, *Schroffel*, *Schrot*). Название происходит от немецкого слова *der Schrot*, означающего отрубок, отрезок. В «Полном немецко-русском лексиконе» Аделунга 1798 г. одно из значений: «обрезки, обломки, а от того картечь, дробь, коею по волку, по лилице стреляют... дробью стрелять; также: крупно молотой хлеб, отруби», что соответствует рисунку, состоящему из крошечных черных пятен, окруженных белым (точнее прозрачным) ореолом. Глагол, произведенный от этого слова, означает также «толочь, крупно молотый хлеб, ячмень». Кроме того, это слово иногда указывает на старину, используется в выражениях: «Ein Mann von altem Schrot und Korn» — «человек старого покроя, старинных обычаев, старинной честности. Nach altem Schrot — по старинному» [3, с. 446]. Т.о. название «шротель» может совмещать два значения: указывать на старину рисунка и образно описывать его характер. Название никогда не переводилось на другие языки — это редкий случай терминологической определенности. При описании мы смело можем его использовать.

Первое описание «шротеля» приведено у Шейда в 1845 г. [13, с. 41–42] и у Фихтенберга в 1852 г. [12, р. 61–62]. Согласно последнему, в краску добавляют марсельское мыло (которое на 72% состоит из оливкового масла и соды, остальные 28% — вода) — аналог современному хозяйственному мылу — с небольшим количеством бычьей желчи, немного поташа и несколько капель квасцов. Производимый эффект: пятна основного цвета имеют зернистый слипшийся вид, не-

которые зерна окружены четким белым ореолом — глазками. Фихтенберг также описывает вариацию «шротеля» — «чемпион». Главное отличие в размере капель последнего цвета, которые у «чемпиона» намного крупнее. К вышеперечисленным добавкам в краску вводится еще «лощильный клей» (пастообразный воск или восковая эмульсия). Оба рисунка готовятся на смеси старых растворов семян подорожника и камеди трагаканта.

Гаррет Диксон считает, что «технически все это можно рассматривать как вариант точечного рисунка» [11]. Другой исследователь — Джейк Бенсон — полагает, что такой мотив был известен еще в начале XVIII в. персидским мастерам [9]. Нюсрет Хепгюль обнаружил его у Хагиба Мехмеда Эффенди (ум. 1773) в альбоме, подписанном 1729 г. От себя добавим, что в Художественном музее округа Лос-Анджелес в коллекции Nasli M. Heeramaneck хранится дар Джоан Палевски (M.73.5.571) — миниатюра «Стоящий юноша в коричневой верхней одежде» (15 × 9 см), выполненная в Ширазе (Иран), ок. 1610–1620 гг. [8]. Поля миниатюры украшены мраморной бумагой (перс. — абри) с рисунком, аналогичным европейскому «шротелю». Если это не более поздняя вставка, то бытование бумаги с этим мотивом можно распространить на начало XVII в.

Бенсон отмечает, что в трактате об искусстве абри 1615 г. «Тертиби Рисале-и Эбри» среди добавок в краски, используемых мастерами, упоминается порох (состоял из селитры или нитрата калия, а калий — это поташ). Возможно, между персидским порохом и немецким «шротелем» есть некая связь. В число канонических рисунков эбру он не входит.

В Академическом собрании мраморной бумаги с таким мотивом нет, однако в основном фонде БАН она встречается. Приведем пример описания наиболее распространенного варианта: мраморная бумага «шротель», базовый рисунок «камень»; краски: красная, синяя, черная; основа — белая бумага.

«Глаз куропатки» (Oeil de Perdrix, Stein Marmor mit Griefstropfen, *Gloster*, Gloucester, Partidge's Eye). Надо отметить, что «глазом куропатки» назывался один из любимых орнаментов северского фарфора, появившийся в 1770–1780 гг. Его основной элемент — это кружок из синих, зеленых или золотых точек, в центре которого точка другого цвета (иногда она отсутствует). И сам кружок, и обрамляющие его точки могут быть одного цвета или разных. Так что это название отсылает нас к фарфоровому мотиву. Наиболее раннее упоминание «глаза куропатки» и описание техники его изготовления приводится в учебнике переплетного дела Л.-С. Ле Нормана, изданного в Париже в 1827 г. и недавно переведенного А.И. Марковой (к сожалению, при редакции перевода «глаз куропатки» был ошибочно исправлен на «тигровый», в оригинале речь идет именно о «глазе куропатки»). По Ле Норману, в последнюю краску (синюю № 2) добавляется скипидар (мотив «Стормонт»). Базовый рисунок создается тремя красками (карминовый лак, умбра, синяя краска № 1), по которым после нанесения на воду с загустителем проводят шилом, совершая произвольные движения: «делаем круговые разводы по желанию» [2, с. 166].

В цифровой коллекции библиотеки Вашингтонского университета этот мотив под основным названием «Глостер» («глаз куропатки» отнесен к альтернативным) также представлен образцом с использованием скипидара в последней краске [10]. Такой же рецепт приводит Р.Д. Вольфе [13, с. 168].

Рецепт Фихтенберга отличается, его «глаз куропатки» — это вариация «шротеля»: краски перетираются с белым марсельским мылом, восковой эмульсией, добавляется поташ (меньше, чем в «тигровый глаз»), — глазки должны быть небольшого размера и без «радужки». Для основного цвета «берут только коричневый; что касается прожилок, их могут сделать как хотят; но, чтобы сделать глаз куропатки, используют лишь красный или фиолетовый лак» [12, р. 58]. В целом описание рисунка особо не отличается от «шротеля»: «глаз куропатки» также должен сформироваться в «небольшую круглую точку, окруженную маленьким белым кружком». К сожалению, Фихтенберг не приводит образец этого рисунка, в отличие от других. «Глаз куропатки» с фиолетовой или красной точкой нам не встречался.

В Академическом собрании мраморная бумага с этим мотивом, по цветовой гамме близкая к описанной Ле Норманом, украшает форзацы книги 1806 г. в красном сафьяновом переплете из Императорской русской эрмитажной библиотеки [1]. Базовый рисунок (фон) выполнен шилом по диагонали, его краски: черная, желтая, оранжевая. Основной заключительный рисунок образуют крупные синие пятна с крошечными белыми пятнышками (в центре точка из концентрированного пигмента) и трещинками — разрывами красочного слоя. Добавление скипидара дало бы другой эффект — мелкие круглые пятнышки. Так что рисунок выполнен, судя по всему, по рецепту Фихтенберга. Справедливости ради следует отметить, что оба рецепта достигают одной цели и вызывают примерно одно впечатление: рябь, крапчатость, неоднородность последней краски. Только со скипидаром изготовить такую бумагу значительно проще. Видимо, поэтому со временем стал популярен именно этот рецепт.

«**Битый мрамор**» (*Marbres cassés, Griesß Marmor, Romantic, Broken, Gravel*). Предлагаемое название — дословый перевод раннего названия, которое Фихтенберг приводит по-французски (*marbres cassés*). Рецепт по Фихтенбергу: в последнюю краску (обычно это земляная краска, например, кассельская земля), добавляют мыло, клей для лощения: воск и соль винного камня. Эффект — трещинки в краске в виде ломаных линий. Вероятно, в отдельных случаях, когда рисунку после нанесения не давали постоять и сразу переносили на бумагу, получался промежуточный вариант между «шротелем» и «битым мрамором», когда трещинки еще не успели вполне сформироваться. На подобный экземпляр в коричневой гамме из фонда НБ СПбФ ИИЕТА нам любезно указала научный сотрудник С.И. Зенкевич. Это т. 1 «Энциклопедии» Дидро (Лузанна; Берн, 1781) из библиотеки Лейб-Гвардии Семеновского полка. Форзацы — мраморная бумага «битый мрамор»; базовый рисунок шилом; краски: черная, желтая, темно-коричневая (прожилки), светло-коричневая (пятна); основа — белая бумага. Похожий образец можно также видеть в экземпляре из Баварской государственной библиотеки.

В этом мотиве Фихтенберг уделяет внимание базовому рисунку: «Производят очень симпатичную бумагу, когда, нанеся краску для прожилок, берут перо или маленькую палочку и вытягивают линии в длину... тогда краска становится тысячью штрихов, после чего наносят краску фона [последнюю], которая их раздвигает и сжимает. Все это производит прекрасный эффект» [12, р. 63–64].

Именно такой бумагой оклеены крышки последней рабочей тетради Пушкина (ПД 846) с записями 1833–1836 гг. [5, т. 8, л. [74], [139] об.], что свидетельствует о ее применении в русском переплете в начале 1830-х гг. (при условии, что Пушкин использовал уже переплетенную конторскую книгу). С оригиналом нам не довелось поработать. На факсимильном воспроизведении видно, что бумага сильно потерта, местами вплоть до утраты фрагментов (вероятно, хранение оставляло желать лучшего), но рисунок «битого мрамора» читается хорошо. Базовый рисунок «камень», краски: черная, красно-коричневая и синяя; основной рисунок — последние крупные пятна с трещинками — выполнен черной краской; основа — белая бумага.

В Академическом собрании подобная бумага встречается на изданиях 1796–1852 гг., в частности в полукожаном переплете издания 1852 г. из библиотеки графа Строганова. На его крышках — мраморная бумага «битый мрамор»; краски: черная, оранжевая (прожилки), синяя (пятна); основа — зеленая гладкокрашенная бумага.

Подводя итоги сказанному, следует отметить, что основная задача, которой добиваются мастера в «химических» паттернах — заставить краску рассыпаться на воде (мастер Т. Зудина называет краску с таким эффектом «рассыпухой»), раздробиться, расколоться, чтобы красочный слой перестал быть однородным. Об этом говорят и сами названия: «шротель» (дробь, картечь), «битый мрамор». В краски включаются химические добавки: поташ, марсельское мыло, лощильный клей (восковая эмульсия?), желчь. В работе эти рисунки требуют большой настройки, корректировки; достижения баланса красок, добавок и раствора, что делается до нанесения красок на воду, но при этом минимальной манипуляции после нанесения. По сути — это «камень», рисунок выполненный с использованием одной только кисти («шротель», «тигровый глаз»). В некоторых случаях при желании выполняется базовый рисунок шилом по диагонали («глаз куропатки», «битый мрамор»).

«Химические» паттерны сложны и капризны в исполнении, сегодня их делают не все мастера. Наиболее освоен «тигровый глаз». Московские мастера Елена Белозерова и Татьяна Зудина (мастерская «Ваш реставратор») в минувшем году сделали первые работы с мотивом «битый мрамор». Несколько работ Елены было представлено на выставке в БАН в рамках 3-го семинара «Декоративные бумаги: история, современность, проблемы изучения и описания». «Шротель», популярный в Германии на протяжении всего XIX в., сегодня практически никто не делает.

Фихтенберг М. Немецкие мраморные бумаги [12] Перевод А.Б. Мелех и З.А. Пановой

Мелех Анна Бернадовна — главный библиотекарь сектора картографии ОФО БАН
Панова Зоя Алексеевна — независимый исследователь

Немецкие мраморные бумаги представляют наибольшее разнообразие рисунков. Чтобы сделать эти рисунки, употребляют растительные слизи № 1 или № 2, или № 1 и № 2 вместе. Нужно быть внимательным и для рисунка, который должен изготавливаться на семени [подорожника], не использовать слизь на камеди, так как рисунок изменится; но искусный мастер может создавать новые рисунки, смешивая их или изменяя.

Немецкие мраморные бумаги называются: № 1. Камни (cailloutages) или турецкие; № 2. Глаз куропатки; № 3. Тигровые; № 4. Шротель; № 5. Большие камни; № 6. Битые; № 7. Польские; № 8. Большие чемпионы.

№ 1. Камни или турецкие

Приготовление красок и слизей для рисунка. Берут слизь № 2 (семена подорожника), в ведре или большом чане ее разбавляют водой в зависимости от ее крепости, все вместе взбивают, пропускают через сито, которое размещают на ванне для мраморирования на двух деревянных рейках, пока ванна не наполнится; тщательно перемешивают, чтобы жидкость в ванне была совершенно однородной (она должна быть как сироп); удаляют пену и полностью закрывают листами бумаги, чтобы жидкость в ванне постепенно успокоилась, и в это время готовят краски.

Берут котелок, величина которого зависит от количества бумаги, которое хотят сделать, но вообще, лучше сделать больше краски, чем меньше, потому что она не портится; только по прошествии долгого времени она высыхает, тогда ее нужно перетереть и пропустить через сито. Котелок должен быть достаточно сухой, и внутрь помещают [из расчета] на полкило краски 5–6 капель одного из масел высших сортов, несколько капель мыльного раствора и растирают маленькой кистью размером с палец. Эта работа должна быть сделана тщательно; затем сюда постепенно добавляют маленькую ложечку бычьей желчи; и так же хорошо растерев ее в котелке до образования белой массы, постепенно добавляют краску с небольшим количеством лощильного клея (colle a lisser) из мыла и воска (1), всегда растирая, и затем воды, чтобы краска была достаточно жидкая, приблизительно как густое масло, и легко отделялась от кисти. Сюда еще добавляют ложечку бычьей желчи и наконец переливают в другой котелок через сито; невозможно точно определить количество желчи, которое следует добавить, потому что есть краски, для которых ее требуется больше, чем для других, и кроме того, иногда одна желчь бывает сильнее другой, тогда ее нужно положить меньше. Мраморист может попробовать свою краску, и в случае если она не расходится в должной степени, он добавляет скорее немного желчи, чем краски.

Коричневый цвет — кассельская земля; желтый цвет — итальянская земля; розовый цвет — красный лак; синий цвет — синяя прусская; фиолетовый цвет — фиолетовый лак; черный — черная сажа.

Нужно брать немецкую черную сажу или ландскую; черная парижская очень легкая. Можно смешать немецкую или ландскую черную сажу с черной, так называемой немецкой, которая привозится из окрестностей Саарбрюккена и стоит примерно 60 сантимов за килограмм, тогда как черная сажа стоит от 1 франка 60 до 1 франка 80 сантимов.

Можно сделать коричневый более желтым, примешивая к нему итальянской земли, или более красным, добавляя в него красный лак; более темным, добавив черную. Таким же образом с фиолетовым, при добавлении красного лака в фиолетовый

лак цвет становится более красноватым, а с синей прусской он делается сиреневым. Синий стальной или серый — добавлением черной в фиолетовый лак. Зеленый — желтый лак и синяя прусская.

Бумага должна быть положена на край ванны, как и рейки; котелок для красок поставлен на табурет, и кисть должна быть на котелке. В краске — маленькая кисть, чтобы размешивать ее в случае необходимости.

После этого мраморист располагается напротив ванны для мраморирования, он снимает листы бумаги, которыми была накрыта ванна; для этого он кладет рейку на ванну поперек, откидывает на нее лист бумаги до его половины и несет на сушилку, чтобы слизь, еще оставшаяся на бумаге, стекала в слив (*égouttoir*), о котором говорилось выше. Сделав это, он поворачивается к котелку с краской, берет немного краски на кисть из пырея и слегка окропляет ванну со слизью. Тут же в этот момент он видит, расходится ли краска достаточно, то есть нужно, чтобы эта краска расширялась таким образом, чтобы становилась совершенно ровной и однородной, не тонула в ванне, и чтобы капли, которые падали и расплывались, распространялись, не соприкасаясь между собой. Если краска не расходится достаточно, нужно добавить немного желчи, но быть внимательным, чтобы не добавить ее слишком много за один раз, особенно когда нет опыта, или, скорее, навыка мастерства. В противном случае, то есть если краска расходится очень быстро, нужно добавить красок. И в том и в другом случае очень тщательно перемешивают краску, чтобы она была совершенно однородной.

Когда краска приведена в надлежащее состояние и все в порядке, мраморист берет кисть в правую руку, погружает ее в краску и делает пробу, чтобы увидеть, что кисть не слишком [много] или не слишком мало наполнена, потом он поднимает левую руку до уровня груди, четыре пальца сжаты, ладонь обращена к корпусу, рука неподвижна, и большой палец немного отведен. Тогда он поднимает кисть за кончик рукоятки, чтобы иметь возможность ударять по [пястным] костям пальцев, то есть по первым фалангам, рукояткой кисти примерно за 3–4 см (1 дюйм) перед местом, где пырей вставлен в рукоятку, таким образом краска очень хорошо сходит с кисти. Мраморист, ударяя, немного отступает, чтобы капли падали на ванну как можно более равномерно. Если на кисти недостаточно краски, он берет краску второй раз, и когда ванна достаточно покрыта краской, он начинает второй и даже третий раз, но более мелкими каплями, единственный способ, — чтобы мраморирование получилось красивым.

Сделав это, мраморист берет лист бумаги за середину, потом правой рукой он подносит конец этого листа к краю ванны, и направляет его таким образом, чтобы лист, катясь, расположился на ванне, и чтоб он не взял слишком много красок сразу; если действовать иначе, между листом и поверхностью ванны останется воздух, и образуются пузыри, и в этих местах краска совсем не пристанет к бумаге.

Когда первый лист положен, со вторым производят такие же действия от края первого листа. Ванна будет, таким образом, закрыта двумя листами, смотрят, не попал ли воздух, и если он есть, стучат по этим местам пальцем или совершают несколько проколов иглой, чтобы воздух вышел. Пальцем снимают краску с борта ванны, чтобы она [не?] пристала к бумаге и не смешалась со слизью; затем берут рейку, которую кладут на ванну поперек, поднимают рукой уголок бумаги и кладут ее на рейку: когда откинута половина листа, рейку берут в правую руку, снимают бумагу и несут ее на сушилку, чтобы слизь стекала в слив, где собиралась. Затем осматривают свою бумагу: если краски были приготовлены как следует, то они хорошо пристают к бумаге и не остается никаких крупинок; в противном случае добавляют немного желчи. Мрамор должен представлять [рисунок, состоящий] из кружочков, [соединенных] по два, по три, с тонким ободком вокруг каждого: если этот маленький ободок не обнаружился, это значит, что было недостаточно масла, но если его наличие не обязательно, то масло добавлять не нужно, потому что тогда было бы необходимо снова начать первую операцию, и потому что лучше оставить рисунок немного плоским, чем возобновлять операцию, так как можно плохо растереть масло, которое тогда оставит мелкие круглые пятнышки в рисунке, это возникает, когда масло было плохо растерто в первый раз. Нет хорошего средства исправить этот недостаток, и единственное, что можно попытаться сделать, это долго мешать краску маленькой кистью, чтобы маленькие пятна от масла становились еще меньше.

Мраморист должен очень постараться выбрать лучший способ ударять кистью. От этой операции зависит, будет ли бумага ровного цвета. Нужно, чтобы он четко понимал, какой хочет сделать рисунок: крупный, средний или мелкий. К тому же, если он хочет получить очень мелкий рисунок, нужно брать на кисть очень небольшое количество краски, и вместо того чтобы ударять по руке, ударять по деревянной или даже железной палке, и повторять удары четыре, пять и даже шесть раз. Первый день работать на свежеприготовленной слизи особенно сложно, ванна слишком тянет; но когда поработали день и добавили в ванну воду, которая стекла с листов, ванна становится более удобной в работе и более мягкой и рисунок более стабильным. После нескольких часов работы, когда ванна становится неполной, нужно добавить свежую слизь, смешанную с той, что стекла с листов, снова взбить и снять пену.

Если работников двое, то один из них мраморирует, а другой (обычно он проходит обучение) кладет листы и их снимает. На сушилке листы помещают один рядом с другим, но так, чтобы они не касались друг друга, и когда сушилка заполнена, ее берут вдвоем и помещают на самую высокую кулису (*coulisse*); там ее оставляют некоторое время, чтобы вода, которая осталась на снятых листах, стекала в желоб, и когда она совсем стечет, убирают обратно и оставляют сушиться. Когда бумага высохла, ее снимают, и ровной, [не сворачивая], отправляют на лощение.

Речь идет о самых простых мраморных бумагах, сделанных несколькими красками; назовем, таким образом, предыдущую работу фоном, который при дальнейшей работе становится прожилками.

Чтобы приготовить краску для прожилок нужно действовать следующим образом. Берут в котелок [из расчета] на 150–200 грамм (5–6 унций) краски лощильный клей (воск и крем тартар из винного камня) величиной с орех, в него добавляют небольшое количество бычьей желчи, краску и воду, тщательно перемешивают и пропускают через сито. Не нужно наливать сразу слишком много воды, потому что можно вымыть или промыть котелок и сито, и добавить эти промывные воды в краску. Необходимо точно дозировать бычью желчь и добавлять необходимое количество, чтобы краска расходилась, и фон должен быть довольно сильным, чтобы раздвигать прожилки. Если хотят сделать бумаги с двумя, тремя или четырьмя прожилками, нужно чтобы вторая сжимала первую и так далее, и наконец, чтобы фон сжал их все таким образом, чтобы прожилки стали тонкими. Если изготавливают бумагу с несколькими прожилками, не нужно их слишком сжимать или перегружать, потому что тогда краски будут опускаться на дно. Невозможно войти во все детали практики искусства мраморирования, мраморист должен иметь достаточно сообразительности, чтобы до чего-то дойти самому, и стоит один раз сделать несколько листов, чтобы потом с легкостью видеть, достаточно ли краски.

Чтобы сделать прожилки, нужны кисти из пырея потоньше, и в каждом котелке своя маленькая кисть из свиной щетины, чтобы время от времени размешивать краску и собирать ту, которая остается вокруг котелка, чтобы она не сохла. Работая с красками для прожилок, [по кисти] бьют не так сильно. И не нужно ударять повторно, чтобы капли не падали в большом количестве одни на другие, особенно если прожилок много. (Карта образцов, № 1).

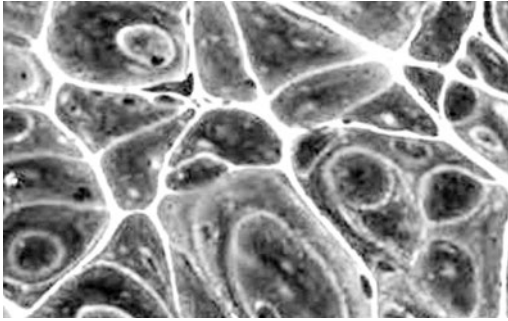
Также можно сделать красивый мрамор, используя для прожилок краску фона, делая еще и фон очень редким краплением красным, синим, зеленым, желтым, но с большим количеством желчи, чтобы разогнать первые.

Обычно для желтых прожилок берут лак, но можно в него добавить немного желтой хромовой. В другие краски не нужно ничего добавлять, потому что если что-то добавить, например, белую, то краска начнет тонуть, и вода делается грязной.

Иногда случается, особенно с красным лаком, что краска свертывается и становится комковатой, тогда следует добавить несколько капель квасцовой воды и несколько капель раствора винной кислоты. В остальном поступают таким же образом, как с предыдущей бумагой.

N.B. Для большего удобства, первыми кропят светлые краски, желтый, красный, [затем] синий и черный, и всегда последним — фон.

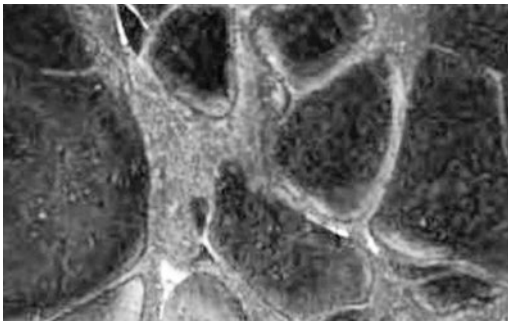
№ 1

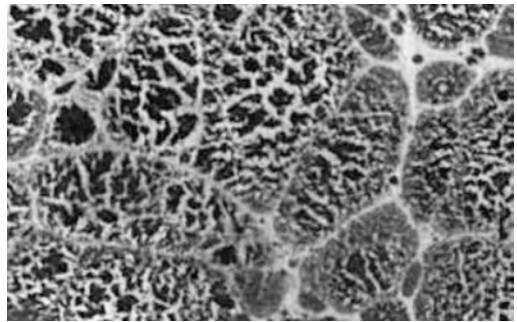
2

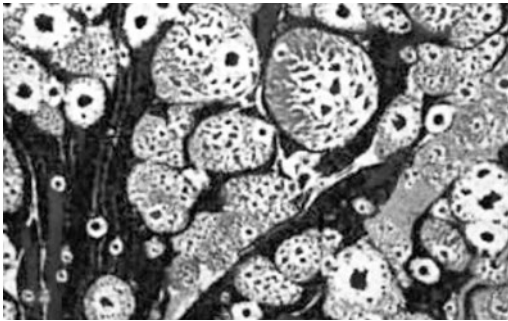
3

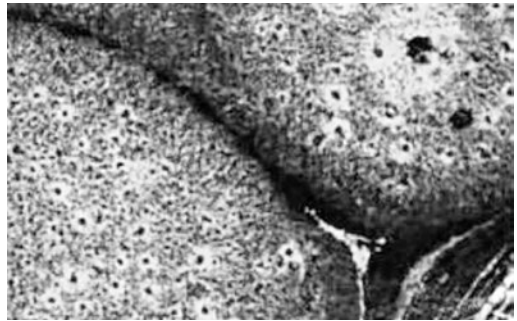
4

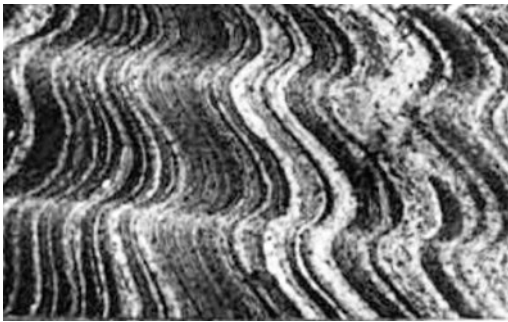
5

6

7

8

Papiers de fantaisie.

№ 2. Глаз куропатки

Готовят краски и для прожилок, и для фона так же, как для предыдущих бумаг, но для фона используют только коричневую; что касается прожилок, их можно сделать какими угодно; но чтобы сделать глаз куропатки, используют только красный или фиолетовый лак.

Приготовление. В котелок помещают [из расчета] на полкило (ливр) краски две ложки белого мыла, разведенного в воде до консистенции хорошего сиропа; туда добавляют очень небольшое количество лощильного клея и начинают перетирать этот мыльный раствор с густой краской, но избегая образования пены. Когда вся краска смешана с мылом, добавляют немного воды и пропускают через сито, после чего добавляют пол-ложки раствора поташа и в конце добавляют немного воды до тех пор, пока краска не станет достаточно светлой (*clairé*), чтобы делать крапление.

Сначала кропят краску для прожилок, затем делают фон и заканчивают глазом куропатки, который должен сформироваться в небольшую круглую точку, которая не расходитя и не тонет в слизи, на поверхности которой она должна плавать. В случае если она не плавает, нужно добавить немного мыла, а если она расходится, — было слишком много мыла и мало краски и поташа. Эта маленькая точка должна быть окружена маленьким белым ободком. Если ободок очень маленький, добавляют немного поташа, но только нужно быть внимательным, чтобы не добавить его слишком много; иначе точка образует неравномерные и неприятные для глаза лучи.

Во время работы часто случается, что краски перестают работать, то есть хорошая точка больше не формируется, тогда нужно добавить несколько капель мыла или поташа.

№ 3. Мрамор тигровый

Этот мрамор (карта образцов, № 2) делается на старой слизи, смешанной с большим количеством воды, которая уже использовалась; чем эта вода старше, тем лучше формируется рисунок, даже если эта ванна начинает уже плохо пахнуть.

Приготовление красок. Начинают с приготовления красок для прожилок, как это уже было указано, и [затем] в котелок кладут немного немецкой черной сажи, так называемой саксонской. Она доставляется обычно в небольших бочонках от 20 до 25 килограмм (от 40 до 50 ливр), а в случае если ее нет, можно взять черную ландскую, но она не так хороша; в эту черную сажу добавляют немного бычьей желчи с несколькими каплями воды и растирают кистью; сажа постепенно расходуется, и продолжают до тех пор, пока ее не приготовят в достаточном количестве. Если она слишком сухая, добавляют немного желчи. Можно также растереть эту черную сажу на камне накаткой с желчью, разбавленной небольшим количеством воды, и приготовить сразу довольно большое ее количество, потому что она очень хорошо сохраняется, и старая лучше, чем недавно сделанная.

После того как эта краска пропущена через сито, в нее добавляют воды, чтобы она была жидкой, приблизительно как растительное масло, и немного очень крепкого поташа, так как чем он крепче, тем лучше. Нужно даже для этого использовать каустический поташ с небольшим количеством воды. Когда взбили жидкость в ванне, сняли пену и оставили успокоиться, всегда после этого накрывают ванну бумагой (чтобы накрыть ванну, используют старые макулатурные листы, которые каждый раз сушат и хранят для этой цели). Потом пробуют краску, сначала кропят для прожилок, потом — краску для «тигрового», которая должна падать маленькими каплями, и в зависимости от того, как она падает, отбрасывать во все стороны разнообразные лучи. Нужно быть очень внимательным при изготовлении этого рисунка, использовать только очень тонкую кисть из пырея и не очень большую, иначе капли будут падать очень часто. Если видят, что капли падают очень большими, это случается иногда, когда краска очень густая, добавляют немного воды, и если прожилки плохо сжимаются, значит краска недостаточно сильная, [и] нужно добавить немного бычьей желчи и поташа. Когда в процессе мраморирования краска перестает работать, то есть когда лучи не располагаются

больше надлежащим образом, [тогда] нужно добавить несколько капель поташа. Мраморист должен быть внимательным и соблюдать все эти нюансы, и прикладывая некоторое старание, он сможет за короткое время распознать все ошибки или случайности, которые могут произойти. С другой стороны, он не должен краску для «тигрового» перегружать поташом; иначе маленькая черная точка была бы сожжена и стала бы желтой.

Нужно также быть очень внимательным, чтобы не возвращаться на одно и то же место несколько раз при краплении, иначе капли упадут одни на другие, и рисунок получится весь запачканный; но можно капли ставить часто.

№ 4. Мрамор шротель

Это название дали в Германии разновидности мраморной бумаги, и так как другого не нашли, оно сохранилось за ней во Франции. (Карта образцов, № 5).

Чтобы изготовить эту мраморную бумагу, используют ванну из 3 частей очень старой слизи подорожника и одной части уже использованной слизи адрагантовой камеди. Хорошо смешивают вместе эти две слизи, взбивая их, и работают так же, как и с другими слизями.

Краски для прожилок готовят всегда одним способом, затем кладут в котелок одну ложку белого марсельского мыла, к которому добавляют совсем немного бычьей желчи. Мешают с краской и наливают туда немного поташа (всегда красного американского или каустического, растворенного в небольшом количестве воды и доведенного до прозрачного состояния) и несколько капель квасцов.

Для этой бумаги из красок используют только красный или фиолетовый лак. Можно также сделать с зеленой [краской] из индиго, растертого в воде, и очень мелкого, и смешанного с желтым лаком, или [сделать] с синей [краской] из одного индиго. Другие краски не подходят для этой работы.

Можно также [из красок] использовать коричневую кассельскую, сделанную по рецепту № 1, и приготовленную с маслом для последней прожилки; но не нужно увеличивать крапление; иначе краска фона не будет достаточно сильной [не будет хорошо раздвигать прожилки]. Чтобы это исключить, берут не слишком толстую и не слишком наполненную краской кисть из пырея.

№ 5. Большие камни

Эта бумага очень красиво смотрится в переплетах книг и картонажах большого формата, потому что рисунок хорошо покрывает их, и поверх него можно сделать блестящие вены. (Карта образцов, № 3).

Готовят ванну со слизью из семян подорожника, которая должна быть не очень старая и [поэтому] не очень прозрачная.

Готовят краску для прожилок как обычно, и кропят более крупными каплями. Мелко измельчают кассельскую землю с водным раствором очень крепкого поташа, ее помещают в котелок, куда постепенно добавляют раствор мыла, примерно 32 грамма (1 унция) мыла на полкило коричневой краски, и совсем немного бычьей желчи. Все хорошо перемешивают. После того как накропили [краску] для прожилок, бросают коричневую краску, так называемый фон, которая образует камни. Нужно, чтобы капли падали величиной с большую горошину, и расходясь, в диаметре были с орех (грецкий орех). Когда пробуют краску и видят, что она недостаточно расходится, оставляет на воде лишь маленькую ниточку, добавляют немного мыла, растворенного в воде; в противном случае, если она слишком расширяется, нужно добавить коричневой краски и поташа. Кропят очень осторожно, используют не слишком наполненную кисть из пырея, чтобы капли не получились очень мелкими.

Для этого камня нельзя использовать другую краску, кроме кассельской земли.

№ 6. Битый мрамор

Чтобы изготовить эти мраморные бумаги, нужно иметь две ванны, наполненные слизью адрагантовой камеди, пропущенной через сито над ванной; ванна должна быть густоты легкого сиропа. Ее взбивают и оставляют успокоиться, всегда накрывая бумагой. (Карта образцов, № 4).

Готовят краски для прожилок, как раньше, и для фона растирают земляную краску (желтую итальянскую, кассельскую землю, желтую итальянскую с индиго для зеленого [цвета] или только индиго для синего [цвета]), с водой с бычьей желчью, и с лощильным клеєм (воск и соль винного камня). На полкило краски достаточно ложки желчи и кусочка величиной с орешек лощильного клея; добавляют ложку содового мыла. *Невозможно точно определить количество бычьей желчи, которое нужно взять, потому что есть желчи более сильные, чем другие; это количество также сильно зависит от ванны, чем она старее и прозрачнее, тем лучше она раздвигает [краски], но не подойдет и слишком прозрачная ванна, потому что краска тогда не будет спокойной и не ляжет хорошо. Мраморист должен быть внимателен и приложить все свои старания в этой работе.*

Кропят, как всегда, сначала [краску] для прожилок, после — для фона, который трескается, оставаясь в открытой ванне, и когда закончили кропить краску на вторую ванну, в это время сработала краска в первой, и [только] тогда ее покрывают бумагой, снимают бумагу с рисунком и снова кропят. Оставляют открытой и покрывают вторую ванну, и так далее, имея всегда открытую ванну с красками, потому что краска трескается через некоторое время. Чтобы получить эти трещинки, нужно быть очень внимательным и положить необходимое количество желчи и мыла для произведения этого эффекта; если [краска] недостаточно трескается, и рисунок (фон) получается слишком плоским, значит положили слишком много желчи, и нужно добавить краски и мыла; напротив, если [краска] слишком трескается, добавляют немного краски, но без желчи, по крайней мере стоит попытаться.

Получается очень красивая бумага, когда накропив [краску] для прожилок, берут перо или маленькую палочку и проводят длинные линии, проходя вперед и назад по ванне, тогда краска становится тысячью лучей, после чего кропят [краску] для фона, которая раздвигается и сжимает их. Все это производит очень красивый эффект. Важное замечание: класть бумагу на ванну с камедью следует очень осторожно, так как каждое движение оставляет след.

№ 7. Польские бумаги

Мрамор, который так называется, — фантазийный, он очень элегантен, особенно когда по нему делают теневой фон (трокадеро), как описано выше. (Карты образцов, № 7 и 8.)

а. Простые рисунки

Готовят краски для прожилок трех-четырёх оттенков, например: желтый, красный, синий и черный и кропят. Когда закончили крапление, проводят поперек ванны пером или палочкой, проходя вперед и назад по всей ванне, тогда прожилки образуют тысячу лучей, или же вместо проведенных длинных линий рисуют маленькие круги, которые образуют рисунок. Берут бумагу, чтобы его перенести, но вместо того чтобы переносить спокойно, делают небольшие движения рукой, то есть протаскивают бумагу, двигая ее вперед — назад, и чем чаще [совершают эти движения], тем более частыми будут полосы. Нужно стараться, чтобы полосы были либо прямыми, поперек или вдоль бумаги, либо от угла до угла [по диагонали]. Бумагу [начинают] укладывать левой рукой на ванну и берут другой конец правой рукой, потом левой рукой оттаскивают бумагу, [продолжая] ее укладывать. Нужно избегать делать полосы несколько раз на одном и том же месте, и каждый раз когда вынимают бумагу, нужно снимать [оставшуюся краску] с воды, чтобы она не становилась грязной. Можно варьировать рисунки до бесконечности, изменяя прожилки или цвета и движения.

б. Та же бумага, более сложная

Действуют как ранее. Бросают краски [для] прожилок, их вытягивают [в длинные линии], потом готовят краски как для мрамора № 4 (шротель), с лаком, мылом, поташом и лощильным клеєм (очень прозрачным), делают крапление очень мелкими каплями и дают разойтись. Можно работать на двух ваннах, но нужно быть очень искусным и очень быстрым, иначе появятся слишком большие трещины. Когда краска достаточно растрескалась, местами кое-где проводят широким гребнем [с расстоянием между зубчиками] 5–6 мм (2–3 линии) (2), и наконец кладут бума-

гу осторожно или с движением. Чтобы выиграть время, можно также вытягивать прожилки гребнем, но [расстояние между зубчиками должно быть] 3–4 см (14–18 линий), и [нужно] четко проходить туда и обратно.

№ 8. Мраморы чемпионы

Готовят краски для прожилок и ванну, как в предыдущих [случаях], и для фона растирают черную сажу с бычьей желчью, мылом и небольшим количеством лощильного клея. Когда краска готова, добавляют немного водного раствора поташа и водного раствора квасцов. После того как накропили эту краску, по ней проводят широким гребнем. Кропят черный, предварительно вспенив, но нужно быть осторожным, чтобы не сделать слишком много пены, и не кропить очень крупными каплями; иначе «чемпионы» получатся слишком большими. Сильно расходящаяся капля образует чемпион. После того как сделали эту бумагу, нужно оставить ванну как следует успокоиться и снять краску, потому что этот рисунок оставляет на воде краски, и вода становится слишком грязной. (Карта образцов, № 6).

Примечания к приложению

1. Фихтенберг приводит 3 рецепта «лощильного клея» на с. 29–30:

«Нужно его иметь два вида, первый служит для обычных бумаг, подразумевают: фоны гладкие яшмовые; второй для сатиновых (атласных), мраморных и т.д.

I. Разводят полкило (1 ливр) хорошей белой муки в 2–3 литрах воды, туда приешивают 400–450 гм (12–15 унций) желтого воска, разрезанного на маленькие кусочки, ставят на умеренный огонь и дают покипеть, пока воск не расплавится, тогда дают охладиться, и если видят, что масса стала очень густой, добавляют, кипятя, немного воды; напротив, если она слишком прозрачная, добавляют немного разбавленной [водой] густой муки.

II. Ставят на огонь в сосуде 1,5 литр воды с 60 гм (2 унции) соли винного камня. Когда раствор закипит, туда добавляют 500 гм (1 ливр) белого воска, кипятят, пока все не расплавится, часто помешивая, потом дают охладиться. Эта лощильная паста долго сохраняется.

III. Разводят в дождевой или речной воде одну часть марсельского белого мыла, и когда это мыло хорошо распустилось (растаяло), туда кладут две части белого воска, дают всему этому покипеть, снимают с огня и время от времени мешают, пока клей не охладился. Нет необходимости брать воск первой белизны, но он должен быть чистый и без примесей. Не нужно также использовать желтый воск, потому что он более жирный и не плавится также хорошо».

2. «Французская» линия (ligne) — мера длины, равна 2,255 мм.

Подписи к QR-кодам на полях

1. «Ракушка». Пушкин А.С. Рабочие тетради. 1996. Т. 5. С. 118, 330. ПД 838.
2. «Ракушка». Пушкин А.С. Рабочие тетради. 1996. Т. 6. С. 158, 234. ПД 840.
3. «Стормонт». Пушкин А.С. Рабочие тетради. 1995. Т. 2. С. 12, 198. ПД 829.
4. «Стормонт». Пушкин А.С. Рабочие тетради. 1995. Т. 3. С. 176, 330. ПД 832.
5. Пушкин А.С. Рабочие тетради. 1997. Т. 8. «Тигровый глаз». С. 15, 122. ПД 843. «Битый мрамор». С. 146, 277. ПД 846.
6. «Шротель». Персидская миниатюра «Стоящий юноша». Los Angeles country museum of art.
7. «Глаз куропатки» (скипидар). Экз. из собрания Баварской гос. библиотеки.
8. Экз. из собрания Баварской гос. библиотеки.

Список источников

1. Бюффон Ж.Л.Л. де. Всеобщая и частная естественная история ...: [в 10 ч.]. Ч. 9. Санкт-Петербург: изданием Императорской Академии Наук, 1806.

2. Ле Норман Л.С. Учебник переплетного дела во всех его аспектах, а также подробное изложение сборки листов, фальцевания, брошюровки, мраморирования и золочения обрезов, золотого тиснения по коже и сатинирования. С большим количеством иллюстраций / пер. А.И. Марковой. Москва : СНЕГ, 2021. 221, [3] с. : ил.

3. Полный немецко-российской лексикон, : Из большого граматикально-критического словаря господина Аделунга составленный, : С присовокуплением всех для совершенного познания немецкого языка нужных словоизречений и объяснений; Издано Обществом ученых людей. Санкт-Петербург : печатан в Императорской типографии, у Ивана Вейтбрехта, 1798. Ч. 2. 1060 с.

4. Пробер П.В. Производство обоев и декоративных бумаг. Москва ; Ленинград : Гослесбумиздат, 1956. 246, [2] с.

5. Пушкин А.С. Рабочие тетради = The Working Notebooks : [в 8 т.]. Факс. изд. Санкт-Петербург ; Лондон, 1995–1997.

6. Сандомирская В.Б. Рабочая тетрадь Пушкина 1828–1833 гг. (ПД № 838): (история заполнения) // Пушкин: исследования и материалы. Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1956. Т. 10. С. 238–271.

7. Цявловский М.А. «Посмертный обыск» у Пушкина // Цявловский М.А. Статьи о Пушкине. Москва : Изд-во АН СССР, 1962. С. 276–356.

8. Персидская миниатюра «Стоящий юноша». URL: <https://pin.it/1KW2SFT> (дата обращения: 20.09.2023).

9. Benson J. A brief history, and possible origin of the Schrottel pattern // Society of marbling annual. 2006. P. 7–10.

10. Decorated and decorative paper collection. URL: <https://content.lib.washington.edu/dpweb/patterns.html> (дата обращения: 20.09.2023).

11. Dixon G. Schrotel marble // Society of marbling annual. 2006. P. 11–13.

12. Fichtenberg M. Nouveau manuel complet du fabricant de papiers de fantaisie: papiers marbrés, unis, piqués, jaspés, bois, granits, satinés, maroquinés, gaufrés, moirés, dorés, argentés. De la peau d'ane factice, papiers métalliques, impression a la congève. De la fabrication de la cire a cacheter, crayons de mine de plomb; des plumes a écrire, des pastels, etc., par M. Fichtenberg. Ouvrage orné de modèles de papiers. Paris : A la librairie encyclopédique de Roret, 1852. 233 p. URL: https://www.google.ru/books/edition/_/pnx9o2MJH68C?hl=ru&gbpv=1&pg=PR3 (дата обращения: 20.09.2023).

13. Schade J.A.F. Die Marmorir-Kunst, oder Anweisung den Kamm und Turkischen Marmor Anzufertigen fur Buchbinder. Berlin, 1845. 22, [2] S. URL: https://www.google.ru/books/edition/Die_Marmorir_Kunst_oder_Anweisung_den_Ka/MGVeAAAAcAAJ?hl=ru&gbpv=1&dq=Schade+J.A.F.+Die+Marmorir-Kunst,+oder+Anweisung+den+Kamm+und+Turkischen+Marmor+Anzufertigen+fur+Buchbinder.+Berlin,+1845&pg=PA1&printsec=frontcover (дата обращения: 20.09.2023).

14. Wolfe R.J. Marbled paper: its history, techniques and patterns: with special reference to the relationship of marbling to bookbinding in Europe and the Western World. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1990. 245 p. : il.

KULMATOVA T. Marbled paper in a book cover of the first half of the 19th century: “chemical” patterns

Kulmatova Tatyana Vasilyevna — Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Researcher, Head of the OIAN BAN

Russian Academy of Sciences Library, Saint Petersburg, Russia, e-mail: kulmatova@gmail.com

ABSTRACT

Based on the translation of chapters from the French manufacturer M. Fichtenberg's (1852) book, made by Z.A. Panova and A.B. Melekh, the article describes a group of marbled papers made with addition of chemicals into the paint. Variants of the description of patterns are given on the example of A.S. Pushkin's workbooks (MD IRLI) and editions from the Academic Collection of the RASL.

Keywords: decorative papers, marbled paper, flyleaf, book binding, Pushkin's workbooks, Academic Collection of the RASL.

Е.А. Тилева, И.В. Цевелева

СОВРЕМЕННЫЕ ДЕКОРАТИВНЫЕ БУМАГИ И ВОЗМОЖНОСТЬ ИХ ПРИМЕНЕНИЯ В РЕСТАВРАЦИИ ДОКУМЕНТОВ ИЗ ФОНДОВ БИБЛИОТЕК, АРХИВОВ И МУЗЕЕВ

Тилева Екатерина Анатольевна — к.б.н., заведующая Научно-исследовательским отделом консервации и реставрации фондов Российской академии наук

Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: tilekaterina@ya.ru

Цевелёва Ирина Владимировна — ведущий инженер Научно-исследовательского отдела консервации и реставрации фондов Российской академии наук

Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: tilekaterina@ya.ru

АННОТАЦИЯ

Изготовление мраморных бумаг по образцам паттернов в старых книгах становится популярным. В этой связи возникает вопрос о возможности использования современных декоративных мраморных бумаг в реставрации. В статье приведены современные требования, предъявляемые к реставрационным материалам и качеству реставрации бумажных документов и книг, и рассмотрены наиболее популярные материалы, пигменты и красители, используемые при изготовлении декоративных бумаг. Авторы обсуждают целесообразность применения современных декоративных бумаг для реставрации библиотечных документов.

Ключевые слова: реставрация, консервация, библиотечные документы, декоративные бумаги, мраморная бумага.

В последнее время техника изготовления мраморной бумаги переживает очередное возрождение: она находится в фокусе внимания историков, хранителей библиотечных фондов [1–5], искусствоведов, дизайнеров, педагогов и психологов [6–8]. Современные бумаги, полученные благодаря технике мраморирования, рассматриваются как интересный декоративный материал, а процесс изготовления бумаги — как одна из возможных техник арт-терапии. Изготовление мраморной бумаги для многих наших современников стало личным увлечением, в интернете возникли целые сообщества, практикующие различные способы ее создания с представлением и обсуждением работ. Крупные библиотеки, например РГБ, проводят мастер-классы по изготовлению «эбру — мраморной бумаги». Такая бумага издавна используется в качестве переплетного материала для книг» [9].

Техника изготовления мраморной бумаги имеет давнюю историю [5, 11, 12]. Близкие техники нанесения рисунка известны в Японии, Китае, Персии, Турции [11, 12]. Европейские переплетчики познакомились с мраморной бумагой в XVII веке. Паттерны (напр. «нонпарель», «камешки», «павлинье перо») мраморированных бумаг давно находятся в фокусе внимания историков и используются в атрибуции старинных книг.

В этой связи закономерно возникает вопрос о возможности и целесообразности использования современных декоративных бумаг в практике

консервации и реставрации. И в отношении отдельных вариаций технологии изготовления мраморированной бумаги вопрос решен вполне положительно, но результаты этих исследований [10] не распространяются на любые современные мраморные бумаги, поскольку к материалам, применяемым в консервации и реставрации, предъявляются вполне определенные и достаточно жесткие требования. Кроме того, необходимо учитывать условия, в которых специалистам библиотек, архивов и музеев приходится работать, выполняя свои обязанности по обеспечению сохранности фондов, умножающихся и, в силу обстоятельств, подвергающихся действию неблагоприятных условий.

В последние годы специалисты отмечают увеличение в фондах библиотек, архивов и музеев количества документов, которым требуется профессиональное внимание консерваторов и реставраторов [13–15]. Причин сложившегося положения много, перечислим основные: фонды растут, документы, которые их пополняют, далеко не всегда находятся в идеальном состоянии. Стоит учитывать естественное старение материальной основы документов, условия хранения, далекие от нормативных, что приводит к накоплению небольших повреждений, которые затем переходят в качественные изменения. Использование и экспонирование таких документов, даже самое бережное, ведет к постепенной утрате эксплуатационных свойств.

Использование современных технологий в консервации документов — создание электронных копий, и оцифрованных массивов — позволяет снять часть нагрузки с оригинала, вывести его из сферы интенсивного использования, но не отменяет необходимости дальнейшего сохранения, консервации и реставрации.

В последние годы требования к реставрационным вмешательствам и к материалам, которые используются в консервации и реставрации, стали более строгими, чем те, что предъявлялись два-три десятилетия назад.

Задачи библиотечных реставраторов постепенно усложняются, поскольку на них возложена большая часть ответственности за обеспечение сохранности больших массивов документов при дефиците времени и ресурсов. В сложившихся условиях специалисты все чаще прибегают к массовым консервационным технологиям, позволяющим в короткое время стабилизировать материальную основу больших массивов документов.

Многие специалисты считают, что реставрация документов на бумажной основе из фондов библиотек и архивов должна не только возвращать эксплуатационные свойства, но и обладать еще целым комплексом качеств:

- быть заметной при сохранении целостного вида;
- выполняться квалифицированными специалистами, прошедшими специальную подготовку.

Комплекс реставрационных мероприятий:

- формулируется на основе исследований материальной основы документа и выполненных проб и тестов, неразрушающих физических и химических анализов;

- утверждается реставрационным советом;

– выполняется с помощью материалов, которые предназначены специально для этой цели, с известным составом и свойствами (в том числе достаточной стабильностью при старении).

Надо отметить, что все эти требования соблюдаются далеко не всегда. Эти вопросы на конференциях и в профильных изданиях обсуждались специалистами в разных странах [16–18]. Особый акцент делается на соблюдении нормативных условий хранения, которые позволят стабилизировать материальную основу документов и замедлить процессы естественного старения [13–18].

Отметим, что сам термин «старение», применительно к материальной основе документов — бумаге, краскам, чернилам, клеям, полимерным материалам, коже, понимается далеко не всегда правильно.

Если документ определяют как материальный носитель, на котором каким-либо образом закреплен информационный сигнал, то под старением документа понимается самопроизвольное и необратимое изменение его свойств под влиянием различных факторов (тепло, свет, другие виды излучения, кислород, механические воздействия, гравитационные и магнитные поля), которые делают невозможным получение/воспроизведение информационного сигнала назначенным способом частично или полностью.

Как правило, в качестве материального носителя документов выступают полимеры природного и искусственного происхождения: кожа, пергамен, бумага, полимерные пленки (для аудио- и видеозаписи).

Старение полимеров понимают как процесс деградации макромолекул, когда под воздействием тепла, света и других факторов происходит разрушение макромолекул с разрывом химических связей или образование новых, что приводит к изменению свойств материалов. Заметнее всего меняется прочность, особенности взаимодействия с водой и другими веществами, эластичность. Для документов на бумажной основе наиболее очевидными признаками старения выступают хрупкость, ломкость, изменения окраски, деформации, разрывы, осыпания. Когда накопившиеся повреждения приводят к качественному скачку, говорят, что документ утратил эксплуатационные свойства и нуждается в реставрации.

Комплекс реставрационных мероприятий, как правило, позволяет вернуть эксплуатационные свойства документу. В процессе реставрации используется целый набор специально предназначенных для этой цели материалов, к которым предъявляются определенные требования:

- ◆ долговечность,
- ◆ стабильность свойств,
- ◆ состав (функциональные добавки, связующее).

Еще в 1989 г. реставрационные бумаги и картон подразделяли по назначению на несколько групп, а именно [19]:

- ◆ реставрационные бумаги:
 - для восполнения,
 - для дублирования;
- ◆ архивные бумаги и картон:
 - монтировочные листы,
 - конверты.

В характеристиках реставрационных материалов регламентированы принципиально важные для сохранности свойства. Кроме того, благодаря исследованиям и использованию моделей искусственного старения в значительной степени известна динамика изменения во времени следующих свойств:

- прочность (разрыв, излом),
- кислотность,
- цвет (степень желтизны, белизна),
- поведение красителей в составе и во времени.

Такой подход к реставрационным материалам, которые используются в архивах, библиотеках и музеях, требует полной открытости всех компонентов в составе.

Стоит отметить, что производство реставрационных материалов более дорогостоящее и менее объемное, а значит, менее рентабельное, по сравнению с аналогами, не предназначенными для реставрации.

Применение материалов, не предназначенных для реставрации, даже если в настоящий момент по своим свойствам они соответствуют всем требованиям (прочность, цвет, эластичность, плотность), не оправдано, поскольку особенности их сохранения в разных условиях и динамика старения изучены недостаточно. Материалы неизвестного состава могут стать источником дополнительных трудностей при хранении и проблем при последующей реставрации.

В этом контексте рассмотрим состав, особенности получения и применения красителей и пигментов в истории книги, а также возможность и целесообразность воспроизведения старых художественных техник в современных условиях в архивах, библиотеках и музеях.

Природные красящие вещества — неотъемлемый компонент письменности, известный с древнейших времен.

Самое раннее свидетельство использования индиго (синий краситель) датируется примерно 4000 г. до н.э. Этот краситель получали из индигоферы красильной, растущей в тропиках, он был привозным и, соответственно, дорогим. Позже синий краситель стали получать из других растений, ареал произрастания которых был ближе к месту применения, например из вайды красильной, которая также содержит индиго, но в гораздо меньших количествах, чем индигофера.

Не только из растений добывали красящие вещества. Источником кармина (красный краситель) были насекомые — кошенильные червецы рода *Kermes*. Из различных видов брюхоногих моллюсков — иглянок извлекали знаменитый пурпур (греч. порфи́ра). Применение пурпура отмечено уже в X в. до н.э., о его использовании упоминают древнеегипетские папирусы. В зависимости от вида моллюсков и технологии крашения ткани получали окраски различных цветов и оттенков. Пурпурная краска была самой дорогой в античности и ценилась на вес золота, пурпурные ткани всегда являлись предметами роскоши. Поэтому слово «порфиноносный» — облеченный в порфиру — стало синонимом слову «царственный».

Но натуральные красители имеют ряд существенных недостатков: во-первых, они очень дороги, во-вторых, дают непредсказуемый результат — в зависимости от вида насекомых или места произрастания сы-

рья, от технологии извлечения красящего вещества получались краски различающихся оттенков. Они неустойчивы к воздействию температуры, влажности, света. Начиная с середины XIX в. натуральные красители стали замещаться синтетическими.

В 1856 году английским химиком Уильямом Перкином был получен первый синтетический краситель мовеин на основе химического вещества — анилина. Это событие положило начало синтезу синтетических красителей, получивших название анилиновых.

Были синтезированы индиго, карминовая и кермесовая кислоты, куркумин (желтый краситель, получаемый ранее из куркумы). Синтетические красители позволили получать широкий спектр ярких цветов, они устойчивы и предсказуемы в использовании.

Красящие вещества делятся на красители и пигменты. Эти две группы имеют значительные различия в физических и химических свойствах.

Красители — это красящие вещества, химически связывающиеся с подложкой, на которую наносятся.

Пигменты — высокодисперсные неорганические соединения. Они химически не связываются с материалом, который окрашивают. Обычно это природные минералы. Цвет зависит не только от химического состава, но и от степени помола.

Стоит заметить, что в середине XIX века, в эпоху появления целого ряда синтетических красителей, пигментами назывались именно они, то есть те вещества, которые позже стали называть красителями. Об этом нужно помнить, читая старинные рецептуры получения красок.

Минеральные (неорганические) пигменты являются результатом выветривания и естественного распада горных пород, имеют сложный состав и относятся к различным классам химических соединений: это силикаты, оксиды, сульфиды, сульфаты, фосфаты, карбонаты и пр.

Наиболее известный минеральный пигмент от голубого до темно-синего или сиреневого цвета — лазурит или ляпис-лазурь. Алюмосиликат с присутствием серы. Часть атомов кремния замещена анионами серы, и чем больше анионов серы, тем гуще синий цвет. Переработка минерала лазурита в пигмент — долгий и сложный процесс: нужно отделить синий пигмент от примесей и размельчить. Лазурит использовался до конца 20-х годов XIX века, когда был вытеснен дешевым искусственным ультрамарином.

Вываркой окрашенных тканей («платов») получали «платчатые» краски. «Извлечь краситель из ткани, особенно шелковой, оказалось легче, чем найти специально для живописи способ извлечения красителя из очень дорогого, редкого привозного сырья, требующего часто крайне кропотливой обработки» [20, с. 13].

Краткий обзор красящих веществ показывает, что их природа, состав, химические свойства весьма разнообразны и визуально определить, какой краситель был использован, невозможно. Например, цвет всем известной синей бумаги во второй половине XIX века мог быть получен добавлением в бумажную массу берлинской лазури, синтетического ультрамарина, смальты, индиго, вайды, кампеша, кошенили, лакмуса, анилиновых красителей и т.д. Более того, для получения желаемого оттенка эти вещества могли быть смешаны. Определение веществ, придающих

бумаге синий цвет, возможно только при помощи сложных аналитических методов [21, с. 9].

Выше мы уже коснулись терминологии «краситель — пигмент». Искусствовед и археолог М.В. Фармаковский проследивает развитие живописной техники «акварель», показывая, что на каждом этапе ее существования этот термин обозначал нечто иное, нежели то, что мы привычно считаем акварелью сегодня [20, с. 8–16]. «Было бы большой ошибкой говорить об “акварели вообще”, без хронологических и географических ограничений, еще и по той причине, что “акварели вообще” нет. Есть весьма различные по своим материалам и физико-химическим свойствам: акварельная живопись античная, средневековая, живопись XVIII века, XX века, европейская, ближне- и дальневосточная и т.п.» [20, с. 8–9].

И в более близких к нам по времени рецептурах термины могли обозначать не те вещества, которые мы подразумеваем под ними сейчас. В 1921 году профессор мюнхенской Академии художеств Макс Дернер составил пособие по технике живописи, где эфирными маслами называются продукты переработки нефти: керосин, бензол, толуол, уайт-спирит и даже вазелиновое масло [23, с. 194–204]. Эта книга очень востребована и выдержала 23 переиздания. Надо сказать, что в предисловии к русскому переводу отмечено, что издатели сохранили устаревшие авторские термины [23, с. 7–8].

Если речь не идет о проверенных, общепринятых методиках, то к старинным рецептам стоит подходить с большой осторожностью, нельзя на них полагаться полностью. Во-первых, вполне вероятно, что мы неверно истолкуем термины, а во-вторых, мы должны быть уверены, что артефакты, изготовленные по этим рецептам, прошли испытание временем, дошли до нас в сохранности и не разрушились под влиянием веществ, привнесенных согласно этим рецептурам.

Два из четырех основополагающих принципов реставрации, сформулированных М.В. Фармаковским: первый — никакая реставрация недопустима без точного знания природы объекта, техники его обработки и без основательного знания природы и характера действия применяемых реактивов; второй — нельзя при реставрации вносить в предмет свои домыслы и добавления, изменяющие его документальность и не являющиеся безусловно необходимыми для поддержания целостности данного объекта [22, с. 27], — напрямую касаются применения красящих веществ для восполнения утраченных фрагментов.

Иначе говоря, как недопустимо произвольно восполнять утраченные фрагменты иллюстраций — миниатюр, заставок и т.п., так нельзя и изготавливать мраморную бумагу для замены утраченных участков переплета, не зная природы красящих веществ, использованных в оригинале, и не обосновав целесообразность воссоздания этого элемента переплета.

Если утраты нарушают целостное восприятие объекта, то их устранение должно производиться только после всестороннего обсуждения со специалистами, с учетом сложности и трудоемкости работ и целесообразности их выполнения в конкретных условиях.

В этой связи использование декоративных бумаг и красителей для реставрации остается дискуссионным вопросом и требует дополнительных исследований в каждом отдельном случае.

Список источников

1. Золотова М.Б. Атрибуция декоративных мраморных бумаг при изучении русского переплета XVIII — начала XX века: проблемы и пути решения // Библиотекосведение. 2021. Т. 70, № 1. С. 89–99.
2. Пирогова Е.П. Разновидности книжных переплетов в библиотеках уральских заводчиков XVIII в. // Вестник ЕДС. 2021. № 36.
3. Османова М.Н. Художественное оформление переплета дагестанских арабографических рукописей и старопечатных книг (XVII — начало XX вв.) // Sciences of Europe. 2019. № 45-3(45).
4. Кульматова Т.В. Мраморная бумага в русском переплете эпохи модерна (по страницам альбома образцов из НБ Эрмитажа и материалам Академического собрания БАН) // Наука и библиотека: сборник научных трудов. 2022. № 5. С. 122–130.
5. Неймагзаде С.А. Место искусства эбру в тюрко-исламской культуре // Ислам и исламоведение в современной России : сборник докладов Всероссийского исламоведческого форума. 2019. С. 154–160.
6. Окульская Л.В. Нетрадиционная техника рисования эбру // Инновационные педагогические технологии : материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2016 г.). Казань : Бук, 2016. С. 62–65.
7. Использование мраморированной бумаги в графических изображениях / В.А. Боровкова, Р.А. Сафарян, Е.И. Шевякова, А.С. Шеболдаев. ДИСК-2021 : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 2021. С. 197–200
8. Сорокина И.О. Традиционные материалы техники рисования на воде — эбру // Актуальные вопросы науки и практики : сборник научных трудов по материалам VII Международной научно-практической конференции. 2019.
9. Мастер класс «Искусство Эбру». Официальный сайт Российской Государственной Библиотеки. URL: <https://leninkatour.rsl.ru/masterclassy/ebru> (дата обращения: 17.10.2023).
10. Лоцманова Е.М., Быстрова Е.С., Камбулова Л.В. Стабильность свойств мраморной бумаги, изготовленной с использованием современных акриловых красок // Фотография. Изображение. Документ. 2021. № 10.
11. Виноградова Т.И. Ранние китайские источники о мраморной бумаге // Наука и библиотека: сборник научных трудов. № 5. 2022. С. 98–103.
12. Курова О.Н. Турецкое искусство эбру в европейских источниках // Наука и библиотека: сборник научных трудов. № 5. 2022. С. 110–116.
13. Добрусяна С.А., Подгорная Н.И. Оценка состояния фондов библиотек и архивов // Вестник СПбГИК. 2018. № 4(37). С. 157–164.
14. Постникова В.Ф. Обеспечение сохранности фондов: основные подходы // Ученые записки (АГАКИ). 2017. № 2(12). С. 139–142.
15. Нюкша Ю.П. Моральный выбор: стабилизация или реставрация : книга — не музейный экспонат, она должна работать // Библиотечное дело. 2006. № 7(43). С. 15–16.
16. Ogunmodede T., Adefunke E. Problems of Conservation and Preservation of Library Resources in African Academic Libraries: A Review of Literature // Greener Journal of Social Sciences. 2013. № 3(1). P. 50–57. DOI: 10.15580/GJSS.2013.1.112412291.
17. Oluwaseun A.-F., Ottong E.J., Ottong U.J. Preservation of Library Resources in Nigeria Universities: a Study of Collections in Cross River State Universities // Communications of the IIMA. 2017. Vol. 15, Issue 4. P. 1–10. URL: <https://www.researchgate.net/publication/352330095> (дата обращения: 28.09.2023). DOI:10.58729/1941-6687.1391
18. Nadeeka Rathnabah Preservation and Conservation Initiatives of Libraries in Sri Lanka: A Review of Literature // Journal of the University Librarians Association of Sri Lanka, Vol. 26, Issue 2, June 2023, P. 139–179. DOI: <https://doi.org/10.4038/jula.v26i2>
19. Реставрация документов на бумажных носителях: метод. пособие / В.Ф. Привадов [и др.]. Москва : ВНИИДАД, 1989. 264 с.
20. Фармаковский М.В. Акварель : Ее техника, реставрация и консервация. Москва : В. Шевчук, 2000. 291 с.

21. Messenger M., Rouchon V. Damaged Blue Papers: Optimising Consolidation while Preserving Original Colour. 2013. URL: https://www.researchgate.net/publication/313612983_Damaged_Blue_Papers_Optimising_Consolidation_while_Preserving_Original_Colour (дата обращения: 28.09.2023).

22. Фармаковский М.В. Консервация и реставрация музейных коллекций / Комитет по делам культ.-просвет. учреждений при Совете Министров РСФСР, Науч.-иссл. ин-т краевед. и музейной работы. Москва: тип. «Кр. печатник», 1947. 144 с.

23. Дернер Макс Художественные материалы и их применение в живописи [Текст]: [в 3-х томах] / Макс Дернер; [перевод с немецкого Анны Баренковой под редакцией Елены Смоленчук]. Санкт-Петербург: Симпозиум, 2017. Т. 1: Грунты. Пигменты. Связующие. Масляная живопись. 429, [1] с.

TILEVA E., TSEVELYOVA I. Modern decorative papers and the possibility of their using in the restoration of documents from the funds of libraries, archives and museums

Tileva Ekaterina — leading researcher of the Research Department of Conservation and Restoration of Library Funds

Russian Academy of Sciences Library, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: tilekaterina@ya.ru

Tsevelyova Irina — leading engineer of the Research Department of Conservation and Restoration of Library Funds

Russian Academy of Sciences Library, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: tilekaterina@ya.ru

ABSTRACT

Making ebru papers based on patterns from old books is becoming popular today. As a consequence, the question arises about the possibility of using modern decorative papers in restoration. The article presents modern requirements for restoration materials and quality of restoration of paper documents and books and considers the most popular materials, paints and pigments used in the decorative papers manufacturing. The authors analyze the feasibility of using modern decorative papers for the restoration of library documents.

Key words: restoration, conservation, library documents, decorative papers, ebru papers.

В.В. Неклюдов

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МРАМОРНОЙ БУМАГИ В ПРАКТИКЕ РЕСТАВРАЦИИ И РЕКОНСТРУКЦИИ КНИГ В БИБЛИОТЕКЕ АКАДЕМИИ НАУК

Неклюдов Вячеслав Владимирович — художник-реставратор переплета НИОКиРФ
Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: slawanecludov@mail.ru

АННОТАЦИЯ

История и вопросы технологии создания ручной мраморной бумаги в НИОКиРФ БАН. Использование ее в реконструкции и реставрации переплета. Требования к реставрационным материалам. Перспективы использования мраморной бумаги в библиотеках, музеях и архивах.

Ключевые слова: книжный переплет, реставрация, мраморная бумага, реставрация переплета, реставрационный материал, декоративная бумага.

Среди отделочных материалов переплета книг мраморная бумага занимает особое место. Использование в работе мраморной бумаги — один из способов сделать переплет функциональным, стилистически выразительным и эстетически привлекательным. Начало широкого использования материалов такого рода в русском переплете относится к середине XVIII века, а технологии изготовления мраморной бумаги восходят к восточным традициям украшения произведений декоративно-прикладного искусства периода позднего средневековья. Образцы книг с присутствием таких материалов в переплете имеются в коллекциях БАН.

В сущности, техника изготовления [1] ручной мраморной бумаги мало изменилась с момента ее появления. Узоры, созданные красками на основе пигментов различными инструментами на воде с загустителем, переносятся с ее поверхности на лист белой или тонированной бумаги. Незначительно изменился состав для обработки основы (бумаги) перед нанесением краски, а также рецептура самих смесей (загустителей, пигментов и наполнителей), но прежним остался общий принцип и желательные последующие свойства такой бумаги.

Со временем менялась эстетическая составляющая мраморной бумаги: появлялись, становились традиционными в определенные периоды времени и выходили из употребления разнообразные паттерны. Узоры на бумаге стали носить не только характерные черты эпохи создания, национальные черты, но и черты почерка мастера, который изготовил тот или иной лист. В Библиотеке Российской академии наук исследованием и описанием мраморной бумаги занимается Т.В. Кульматова [2].

Однако к началу XX века, в эпоху всеобщей индустриализации, применение ручной мраморной бумаги в переплете книг уступило место другим, обеспечивающим возросшие тиражи книг, переплетным мате-

риалам, и постепенно перешло в разряд чистого искусства. Не лишним будет упомянуть о появлении в числе новых переплетных материалов тиражной «мраморной» бумаги, которая изготавливается с помощью современных печатных технологий и с успехом имитирует ручную.

В настоящее время интерес к ручной мраморной бумаге снова на подъеме. Появилось значительное количество мастеров эбру, которые не только успешно воспроизводят по старым технологиям паттерны прежних времен, но и создают многочисленные произведения искусства, по праву находящие место в современном переплете. Среди российских известных мастеров можно отметить Елену Белозерову и Татьяну Зудину (Москва), Александру Рязанову (Лоц) (Красноярск), Наталью Ванюшкину, Татьяну Кульматову (Санкт-Петербург) и других. Бережно копируя известные образцы со старых изданий, они при этом часто создают очень удачные современные паттерны, отличающиеся по узору и цветовому решению от оригинальных бумаг, но по ощущению их напоминающие, которые вполне можно использовать в переплете книг.

В реконструкции, редко в реставрации, могут использоваться либо старые декоративные бумаги, либо современные — тиражные, изготовленные способом офсетной печати, либо ручные. Тиражные «мраморные» бумаги, например, широко используются в реконструкции переплета мастерами Федерального центра консервации библиотечных фондов при Российской Национальной библиотеке (Санкт-Петербург) [3].

В сочетании с другими материалами, прежде всего кожей, переплетчик создает обложку, в значительной степени напоминающую оригинальный переплет времени издания книги. В Библиотеке Академии наук, в основном до начала 2000-х годов, были сделаны интересные реконструкции переплетов с использованием мраморной бумаги. Часто это книги, по разным причинам полностью или частично лишившиеся своего переплета. В этом случае, по согласованию с хранителем фонда, на методическом совете иногда принималось решение реконструировать переплет, либо сделать консервационный переплет согласно эстетике эпохи издания.

В это время в Научно-исследовательском отделе консервации и реставрации библиотечных фондов (НИОКиРФ БАН) работало несколько выдающихся художников-реставраторов переплета, которые использовали в своих работах мраморную бумагу. Хотелось бы отметить Андрея Васильевича Дегтева, чьи замечательные реконструкции хранятся в Иностранном фонде ОФО БАН. В числе его работ, например, реконструкция переплета «*Bibliothèque germanique ou histoire littéraire, de la Suisse, et des pays du nord*» (Амстердам, 1722 г.).

Как традиционный декоративный элемент оформления книги, мраморная бумага применялась для оклейки крышек и на форзацах. Мраморирование возможно применять также для декорирования обрезов книги, хотя в НИОКиРФ БАН отделку обрезов мраморированием не использовали.

В настоящее время, из-за более сторгого подхода к эксплуатационным качествам реставрационных материалов, мраморная бумага в реконструкции памятников БАН не используется. Кроме эстетических, к современной мраморной бумаге, используемой в реконструкции изданий,

хранящихся в Библиотеке Академии наук, предъявляется много иных требований. Эти правила основаны на значительном опыте работы с декоративными отделочными материалами в Научно-исследовательском отделе консервации и реставрации библиотечных фондов.

В первую очередь должна быть приведена к определенному стандарту сама бумага как основа: плотностью от 90 до 120 грамм на квадратный метр, длинноволокнистая (т.е. устойчивая на разрыв), достаточно проклеена при изготовлении в массе, при увлажнении с чистой внутренней стороны — ни в коем случае промокать насквозь. В лабораториях НИОКиРФ у любой бумаги прежде всего определяют кислотность и испытывают на устойчивость к старению. Если она окрашена, краситель не должен содержать активных добавок, способствующих дальнейшему окислению и разрушению бумаги.

Кроме этого, наносимые на поверхность листа пигмент и связующее должны быть натуральными, покрытие — стабильным, устойчивым к истиранию. Мраморная бумага, которая может использоваться при реставрации в архивах, библиотеках и музеях, должна соответствовать требованиям к реставрационным материалам [4].

Мраморная бумага, при правильном ее использовании в реконструкции, делает переплет книги эстетически привлекательным, гармонизирует ее с прочими элементами оформления, подчеркивает иные характеристики, иногда даже внутреннее содержание издания. В то же время неправильное использование бумаги, ее произвольный выбор и цвет могут свести к минимуму достоинства переплета, а плохое качество материала способно нанести вред сохранности издания.

Иногда, при частичной утрате покрывного материала на старом переплете, возможен подбор близкой по узору и цвету старой бумаги. Это редкий случай. Многообразие используемых в XVIII–XIX веках бумаг велико, но наличие доступных образцов часто очень ограничено, что сильно осложняет задачу. В том случае, если все же удастся подобрать идентичный оригинальному материал, в лабораториях НИОКиРФ проводятся необходимые исследования (в том числе микробиологические) и выносится окончательное решение о возможности использования такой бумаги в реставрации переплета.

Часто бывает, что утраты мраморной бумаги на переплетных крышках и форзацах незначительны. В этом случае на помощь приходят доставки из бумаг, схожих по плотности и цвету. После вклейки доставки тонируются акварелью так, чтобы с одной стороны не привлекать особого внимания читателя, а с другой — не вводить в заблуждение исследователя. Реставрационные доставки должны всегда отличаться от оригинального материала. Это одно из правил: они должны быть видны. Все процессы и результаты тщательно фиксируются в реставрационном паспорте издания, который отныне будет всегда сопровождать книгу.

Список источников

1. Кушнир Н.И. Изготовление мраморной бумаги. URL: <https://propereplet.ru/izgotovlenie-mramornoj-bumagi-2/?hilite=%D0%98%D0%97%D0%93%D0%9E%D0%A2%D0%9E%D0%92%D0%9B%D0%95%D0%9D%D0%98%D0%95+%D0%9C%D0%A0%D0%>

90%D0%9C%D0%9E%D0%A0%D0%9D%D0%9E%D0%99+%D0%91%D0%A3%D0%9C%D0%90%D0%93%D0%98 (дата обращения: 01.10.2023).

2. Кульматова Т.В. Мраморная бумага в русском переплете XVIII века: основные мотивы // Новое искусствознание. 2022. № 3. С. 142–153. URL: <https://ojs.newart-studies.ru/index.php/journal/article/view/263> (дата обращения: 01.10.2023).

3. Неклюдов В.В. Реставрационные бумаги в реставрации и реконструкции переплета // Наука и библиотека, 2022. Вып. 5. С. 131–135.

4. Реставрационные материалы, средства стабилизации и оформления документов. URL: www.base.garant.ru/70625158 (дата обращения: 01.10.2023).

NEKLYUDOV V. The marbled paper using in the practice of restoration and reconstruction of books in the Academy of Sciences Library

Neklyudov Vyacheslav — artist restorer of the binding of Research Department of Conservation and Restoration of Library Funds

Russian Academy of Sciences Library, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: slawanecludov@mail.ru

ABSTRACT

The history and issues of technology for creating handmade marbled paper in Research department of conservation and restoration of library funds RASL. Its use in the reconstruction and restoration of the binding. Requirements for restoration materials. Prospects for marbled paper using in libraries, museums and archives.

Key words: book binding, restoration, ebru paper, binding restoration, restoration material, decorative paper.

И.А. Иванов

СОВРЕМЕННОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МРАМОРНЫХ БУМАГ В РУЧНОМ ПЕРЕПЛЕТЕ И РЕСТАВРАЦИИ КНИГ

Иванов Иван Александрович — ведущий редактор, редакционно-издательский отдел
Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: ooogarda@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

Современное использование мраморных бумаг в ручном переплете книг имеет свою специфику: цена и декоративность определяет ее место в книжном деле. Сегодня мраморная бумага употребляется в недорогих кожаных и полужокожных переплетах. О причинах такого явления рассказывает материал.

Ключевые слова: мраморная бумага, современный переплет, ручной переплет, реставрация книг

Соотношение цены и качества мраморной бумаги в ручном переплете книг

Исторически мраморная бумага используется как декоративный материал на крышках переплета и форзацах. Сегодня, когда минимальная стоимость полиграфической книги около 350–600 рублей, а стоимость листа мраморной бумаги в 180–3000 рублей, места в полиграфическом производстве для нее не находится. Так как она несет декоративную функцию, но удваивает стоимость книги. Поэтому экономически использование мраморной бумаги возможно только в книгах повышенного качества исполнения. Обычно это книги, где необходим ручной переплет.

Сегодня ручной переплет книг используется в трех сегментах книжного рынка:

- 1) Подарочные или коллекционные издания.
- 2) Ремонт книг.
- 3) Реставрация книг.

Так как рынок ремонта, подарочных и коллекционных книг — коммерческий, то определяющим фактором будет цена и конкуренция (другие материалы). Под которые подбираются и технологии. На этом рынке работают переплетные мастерские, как самостоятельные, так и входящие в состав издательств.

Реставрация книг, их ремонт — выполняются как коммерческими структурами, так и государственными (архивы, библиотеки, музеи). В государственных структурах ремонт и реставрация книг подчиняется уже утвержденным инструкциям и методикам. И использование современной мраморной бумаги государственными учреждениями не предусматривается. В коммерческих структурах реставрация и ремонт зависят от выделяемого бюджета (тендеры при госзаказе, частный заказ). Впрочем, от выделяемого бюджета зависят и государственные структуры (зарплаты, материалы, оборудование).

Условно использование мраморной бумаги и размеры бюджетов в коммерческом секторе можно свести к следующей таблице, где знак «–» означает, что мраморная бумага не используется, а знак «+» — использование ее в технологическом процессе:

Бюджет за услугу (переплет или реставрация) в рублях	Ручной переплет / Подарочные и коллекционные издания	Ремонт книг	Реставрация книг
До 1000–2000	–	–	–
2000–6000	+	+	–
6000–10 000	+	–	+
10 000–30 000	+	–	+
30 000–50 000	–	–	–
50 000–100 000	–	–	–
100 000–300 000	–	–	–
300 000–1 000 000	–	–	–
От 1 000 000	–	–	–

Исходя из данных таблицы выделим две области для мраморной бумаги:

- 1) используется фактически,
- 2) может использоваться при соответствующем качестве.

Фактически использование мраморной бумаги происходит в ручном переплете новых книг и футляров. Это позиции с бюджетом от 6000 до 50 000 рублей.

В ручном переплете книг мраморная бумага используется как покрывной материал на крышках в бюджете от 2000 до 10 000 рублей. Это всегда новый переплет под заказ от переплетной мастерской, когда работает частный мастер [1]. Эти узкие рамки заданы тем, что свыше 10 000 рублей бюджета мраморная бумага конкурирует с натуральной кожей. И проигрывает ей эту борьбу. Поэтому, например, в издательском переплете, где стоимость книг выше 10 000 рублей, мраморная бумага как покрывной материал крышек отсутствует.

В ремонте книг бюджет и так узкий — до 6000 рублей. Поэтому мраморная бумага не используется из-за дешевизны работ и материалов. Как покрывной материал в ремонте книг место мраморной бумаги занимает, чаще всего, коленкор или кожзам.

Как материал для форзаца возможности мраморной бумаги шире — красивые форзацы из бумаги необходимы книгам с бюджетом до 50 000 рублей за переплетные работы [2]. И если в бюджете до 10 000 рублей возможно использование мраморной бумаги дешевых сортов, то бюджет от 10 000 до 50 000 рублей предполагает мраморную бумагу высокого качества исполнения.

Конкуренция ручных и машинных мраморных бумаг существует только в нижнем сегменте цен — до 5000–10000 рублей бюджета за переплет книг или футляр. При цене мраморных бумаг от 180 до 2000 рублей за лист. Однако переплеты с бюджетом от 10 000 до 50 000 рублей — не менее востребованы, чем недорогие, но для них сложно подобрать качественную бумагу на форзацы из-за повышенных требований к ней. Использование качественной ткани (10 000–20 000 рублей за метр)

на форзац [3] еще экономически не оправдано, а использование недорогих мраморных бумаг уже не оправдано эстетически. В этот бюджет хорошо вписывается качественная мраморная бумага, покрытая воском или лаком, бюджет которой 1500–2000 рублей за лист. Однако такую бумагу сложно купить, так как она продается только в Москве, является дефицитной и для регионов требуется время доставки до своего города. А это не от нескольких дней до нескольких недель.

Безусловно, потенциально интересна мраморная бумага на высококачественной основе — художественных бумагах из 100% хлопка¹. Если учесть, что только стоимость основы — бумаги из 100% хлопка — сегодня в продаже 500–1000 рублей, то мраморная бумага стоила бы 1000–2000 рублей за лист. При хорошей печати мраморного рисунка такая бумага смогла бы занять свою нишу для переплетов от 30 000 рублей и выше.

Влияние размеров мраморных бумаг на их спрос на рынке

Один из факторов снижающих спрос на мраморную бумагу любого сорта — ее высокий отход. В мусор уходит до 60% мраморной бумаги с листа. Причина таких отходов — производимые форматы.

Переплетчик раскраивает мраморную бумагу по долевым. Долевая бумага должна быть параллельно корешку блока и переплета. Если переплетчик покупает лист дизайнерской бумаги (70 × 100 см) на форзац, то долевая у этого листа по длинной стороне, и с 1 листа можно нарезать форзацев на 4 книги и более. Отход в мусор при любом формате у дизайнерской бумаги формата 70 × 100 см будет минимальный.

Однако мраморная бумага форматом в лист (70 × 100 см и другие форматы) не производится. В лучшем случае мраморная бумага производится размером в поллиста (56 × 75 см и менее). При ходовом формате у книг в 170 × 240 или 205 × 280 мм с формата в поллиста можно нарезать от 1 до 2 листов на форзац, если учитывать долевую. Таким образом, из-за формата бумаги в поллиста расход мраморной бумаги на 1 книгу — от 1 до 2 листов, то есть от 650 до 6000 рублей (в зависимости от качества и места покупки). При стоимости основы — от 50 до 150 рублей за лист. Складывается парадоксальная ситуация. Если переплетчик купит дизайнерскую бумагу формата 70 × 100 см с рисунком, например, «верже», то ему этого листа хватит на форзацы для 3–4 книг и более. И при этом стоимость самого листа будет в районе 200 рублей максимум. Если же переплетчик купит мраморную бумагу с той же основой «верже» и того же производителя, но с мраморным рисунком и в поллиста, то заплатит за лист уже 650–2000 рублей (в зависимости от отделки) и таких листов для книги ему нужно будет 1 или 2. Простейшие расчеты показывают, что при одной и той же основе (дизайнерская бумага верже) рисунок мраморной бумаги увеличивает стоимость бумаги в 3–10 раз и более, а бюджет бумаги на форзацы вырастает с 50 рублей до 1300–4000 рублей и более. Поэтому высокий отход мраморной бумаги при формате в поллиста удорожает бюджет на форзацы в 2–4 раза, чем это было бы возможно.

¹ Классические бумаги марок: Somerset, Winzor, Hahnemuhle.

При таком удорожании мраморная бумага начинает конкурировать с полиграфическим шелком (шелк на бумажной основе) и дорогими дизайнерскими бумагами. И, чаще всего, мраморная бумага этим материалам проигрывает в качестве из-за более дешевой основы.

Использование мраморной бумаги в реставрации книг

Современная мраморная бумага используется в реставрации книг редко. Для государственной реставрации она недоступна, потому что ее использование не прописано в соответствующих инструкциях и нормативах. И ее просто не приобретает закупочный отдел.

В коммерческой реставрации проблем с ее закупкой нет, так как в небольших реставрационных мастерских нет столь жестких регламентов к единообразию закупаемых материалов. Однако в коммерции реставратор сталкивается с другой проблемой — сложности подбора нужного материала. Научная реставрация, в случае утраты оригинального материала, требует восполнение утраты либо в тот же цвет, либо на полтона светлее. Сочетание исторических расцветок и паттернов образует такое многообразие мраморных бумаг, что найти на рынке такой же рисунок и цвет, что у имеющегося на руках оригинала — сложно или невозможно. И еще это сложнее сделать, если на восполнение утраты приходится выбирать материал на полтона светлее. Чаще всего единственный выход — нужный лист с рисунком и цветом сделать под заказ. Таким образом, перед реставратором стоит выбор — либо заказывать нужную бумагу для восполнения утраты и ждать ее изготовления и доставки, либо поставить на утрату светлую однотонную бумагу и сделать тонировки вручную акварелью. Почти всегда выбирается второй вариант — как наиболее быстрый и доступный.

Дополнительной проблемой является фактура оригинальной бумаги. Одно из требований научной реставрации — выбор на восполнение утрат материала с той же фактурой, что оригинальный материал. Соответственно, реставратору намного легче подобрать самому бумагу нужной фактуры и сделать по ней необходимые тонировки, чем относить эту бумагу под заказ для производства того же цвета и паттерна как в оригинале.

Выводы

Мраморная бумага используется в переплете и реставрации книг редко. Реставраторам она не подходит для восполнения утрат из-за другой основы и неточностей рисунка и цвета, так как современная бумага не копирует уже ранее применяющиеся паттерны, а создается скорее «по мотивам».

В ремонте книг мраморная бумага почти не используется, так как есть более дешевые покрывные материалы и бумаги для форзацев.

В ручном переплете книг мраморная бумага используется редко, так как из-за неудобного формата с высоким отходом по цене становится сравнима с натуральным шелком и высококачественными дизайнерскими бумагами.

Использование мраморной бумаги для реставрации и дорогим ручном переплете имеет потенциал, если при мраморировании будет использо-

ваться другая основа, точные копии исторических рисунков и цветов, высококачественные краски, лаки, воски.

Изменение формата мраморных бумаг (его увеличение) привело бы к меньшему отходу бумаги и снизило бы нагрузку в рублях на каждый экземпляр. Тогда мраморной бумаге не пришлось бы конкурировать с более дорогими материалами и спрос на нее стал бы выше.

Список источников

1. Переплет трех изданий 19 века. Ноябрь 2018 года // Иконы, книги и графика — создание и реставрация. Мастерские Ивана Иванова. URL: <http://iconandbook.ru/bookbinding-2/the-workshop/2018-year/binding-of-three-19th-century-editions/> (дата обращения: 30.09.2023)

2. Беллинсгаузен Ф. Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света // Творческая мастерская «Ламартис». URL: <https://lamartis.ru/book=239/> (дата обращения: 30.09.2023)

3. Основы славянского родноверия. Июль 2023 года // Иконы, книги и графика — создание и реставрация. Мастерские Ивана Иванова. URL: <http://iconandbook.ru/bookbinding-2/2023-year/rodnovery/> (дата обращения: 30.09.2023)

IVANOV I. Modern use of marbled papers in hand binding and restoration of books

Ivanov Ivan — Managing Editor, Editorial and Publishing Department

Russian Academy of Sciences Library, Saint Petersburg, Russia, e-mail: ooogarda@yandex.ru

ABSTRACT

The modern use of marbled papers in hand-bound books has its own specifics: the price and decorativeness determining its place in the book business. Today marbled paper is used in inexpensive leather and semi-leather bindings. The material tells about the reasons for this phenomenon.

Keywords: marbled paper, modern binding, hand binding, book restoration.

УДК 745.54
ББК 85.15+85.125

Е.В. Коршунова, А.В. Зайцева
**ОПИСАНИЕ ДЕКОРАТИВНЫХ БУМАГ
В ОБЩЕДОСТУПНОМ КАТАЛОГЕ БИБЛИОТЕКИ.
ОПРЕДЕЛИТЕЛЬ ДЕКОРАТИВНОЙ БУМАГИ В КНИЖНОМ ПЕРЕПЛЕТЕ**

Коршунова Екатерина Владимировна — главный библиотекарь, отдел редких изданий и коллекций, Государственное бюджетное учреждение культуры города Москвы «Центральная универсальная научная библиотека имени Н. А. Некрасова»
Москва, Россия, e-mail: e.korshunova@nekrasovka.ru

Зайцева Анна Викторовна — кандидат исторических наук, заведующий отделом, отдел редких изданий и коллекций, Государственное бюджетное учреждение культуры города Москвы «Центральная универсальная научная библиотека имени Н. А. Некрасова»
Москва, Россия, e-mail: a.zaytseva@nekrasovka.ru

АННОТАЦИЯ

В статье суммируется опыт описания декоративной бумаги в книжных переплетах для общедоступного библиотечного онлайн-каталога. Рассмотрены проблемы выбора структуры описания и входящих в него терминов. Предложено практическое наглядное пособие по определению типа и узора декоративной бумаги.

Ключевые слова: декоративная бумага, мраморная бумага, узор, каталогизация, визуальный справочник.

В Центральной библиотеке имени Н.А. Некрасова мы наблюдаем интерес к старой книге не только с исторической, но и с эстетической точки зрения. Наши читатели и коллеги интересуются внешним видом книжных переплётов и, в частности, декоративной бумагой. Снимки с форзацев используются для оформления печатной продукции библиотеки, выставочных стендов, постов в социальных сетях и различных проектов. Чтобы удовлетворить спрос и раскрыть всё многообразие декоративных бумаг, которые можно обнаружить в переплётах книг из фонда редких и ценных документов, мы решили внести соответствующие описания в записи общедоступного электронного каталога.

Для описания мы отбираем экземпляры с декоративной бумагой на обложках, форзацах, крышках переплёта или футлярах. Исключения составляют образцы бумаг с однотонной промышленной окраской без дополнительной обработки. Информация о бумаге вносится в область примечания библиографического описания. Мы не создаём обособленную базу, посвящённую только предмету нашего исследования, а расширяем уже существующие библиографические записи. Это обязывает нас писать кратко и ёмко, так чтобы читатель получил все необходимые сведения без информационного шума и в удобном для чтения виде.

При разработке схемы описания мы сочли, что достаточно ответить на вопросы «где искать?» и «что искать?», то есть обозначить элемент переплёта и дать представление о типе бумаги, её узоре и цвете. Приведём несколько примеров из нашего каталога:

1. На форзацах глянцевая мраморная бумага «букет» (коричневые, чёрная краски).

2. На крышках псевдомраморная бумага «агатовый мрамор» (чёрная краска на жёлтой бумаге).

3. На крышках бумага промышленного производства (СССР) с печатным рисунком, имитирующим мраморную бумагу «масляная» (жёлтая, серая краски).

Описание состоит из одного или двух предложений. На первый взгляд может показаться, что фразы написаны «живым» языком, однако для описания был выработан «искусственный» язык с ограниченным набором лексических средств и относительно жёстким синтаксисом. Рассмотрим приведённые выше примеры с точки зрения их структуры:

Как мы видим, фраза состоит из пяти смысловых разделов. Первые четыре следуют друг за другом: сначала указывается элемент переплёта, затем тип декоративной бумаги, далее узор и наконец цвет красок и самого листа, если необходимо. Пятый раздел содержит дополнительные сведения, и только он может менять своё место в структуре фразы для удобства чтения.

Каждый раздел устроен по определённым правилам, чтобы при описании возникало как можно меньше разночтений и, соответственно, при поиске в каталоге бумагу было легко найти.

Раздел 1. Элементы переплёта. С указания элементов переплёта начинается описание. Мы выбрали неизменяемые варианты «на крышках», «на форзацах», «на форзаце», «на нахзаце», «на обложке», «на футляре». Такая формулировка позволяет в следующих разделах использовать именительный падеж, наиболее удобный для поиска по каталогу. Если бумага на крышках и форзацах различается, то для каждого элемента переплёта создаётся отдельное примечание.

Раздел 2. Тип декоративной бумаги. Названия типов в этом разделе всегда приводятся в именительном падеже. Тип чаще всего соответствует технике окраски бумаги.

Раздел 3. Узор. Названия узоров приводятся всегда на русском языке, в именительном падеже. Для клейстерной бумаги в силу сложившейся традиции может быть указана техника.

Раздел 4. Краски и цвет бумаги. В большинстве случаев примечание заканчивается перечислением цветов. Цвета перечисляются в скобках в алфавитном порядке названий, в именительном падеже [1, с. 49]. Мы намеренно не учитываем порядок нанесения красок на грунт, так как он касается только изготовления мраморных бумаг и требует от библиографа специальных технических знаний. Отметим также, что оттенки декоративной бумаги весьма разнообразны и сложны. Но поскольку названия цветов можно использовать для поиска, они упрощены до основных: синего, красного, зелёного, коричневого, розового и т.д.

Раздел 5. Дополнительные сведения. В примечании они присутствуют, если необходимо отметить значимые особенности, например указать, что бумага вощёная, или глянцевая, или что узор напечатан в несколько прогонов.

В практической работе, непосредственно при составлении описаний, больше всего трудностей вызвали второй и третий разделы, посвящённые типу и узору бумаги.

На данный момент в каталоге представлены такие типы бумаг, как клейстерная, мраморная, парчовая, псевдомраморная, с литографированным орнаментом, с печатным узором, с тиснением. Количество техник декорирования бумаги настолько велико, что заранее предсказать количество типов, которое будет представлено в каталоге, невозможно. Их список пополняется постепенно по мере исследования фонда и накопления материалов, по результатам анализа конкретных образцов. При определении типа бумаги мы опирались преимущественно на публикации М.Б. Золотовой, А.И. Марковой, Филиппы Маркс и на сайт международной междисциплинарной группы по декоративной бумаге buntpapier.org. [2–6].

Клейстерная бумага — это бумага, поверхность которой обработана цветной пастой, состоящей из краски и клея. Большинство клейстерных бумаг однотонные, с прожилками. Также встречаются оттиски штампов и разнообразные геометрические орнаменты с характерной иллюзией объёма [3, с. 366–367].

Под мраморной бумагой мы подразумеваем бумагу, рисунок для которой был изготовлен на жидком грунте в резервуаре, ванне или лотке, а затем перенесён с грунта на лист [2, с. 90]. Узоры часто представляют собой сочетания разнообразных пятен и прожилок, распространены арки и завитки.

Парчовая бумага — это бумага с декором из тонких металлических пластинок с тиснением, может быть окрашена в один или несколько цветов [4, с. 99–131; 7].

К псевдомраморным мы относим бумаги с характерными пятнами или потёками, появившиеся в XIX веке во Франции и Германии. Мы опираемся на концепцию Р. Вольфе, считавшего псевдомраморными бумаги, окрашенные с помощью напыска и дальнейшей химической обработки и призванные заместить на рынке переплётных материалов более дорогие и более сложные в производстве мраморные бумаги [8, с. 113]. Дискуссии с исследователями и хранителями показывают, однако, что этим термином пользуются не все, и для взаимопонимания возможно разделить псевдомраморные бумаги на пятнистые и текучие.

Бумага с литографированным орнаментом окрашена при помощи плоской печати, последовательным наложением цветов [9]. Она обнаруживается на изданиях конца XIX — начала XX века. Узоры на ней отпечатаны в две и более красок и могут носить как чисто декоративный, так и рекламный характер, если форзацы изготовлены издателем для популярной серии.

Часто сложно определяемые печатные техники мы относим к обобщённому типу «бумага с печатным узором». В дальнейшем мы надеемся уточнить данные и разделить тип на несколько разных.

Бумага с тиснением — это любая бумага, независимо от способа её окраски, имеющая декоративный рельеф [10]. Нередко она имитирует кожу или муар. В первом случае мы встречаем её на переплётных крышках, во втором — на форзацах.

Мы просматриваем фонд полностью, книгу за книгой. Массив, с которого было начато обследование, включает западноевропейские издания рубежа XIX–XX веков, оформленные в издательские и владельческие переплётыв. Бумаги в таких переплётывах весьма разнообразны сами по себе. При этом многие экземпляры подвергались починке и реставрации с применением бумаги середины и конца XX века. Работа с материалом такой высокой сложности потребовала от нас некоторых теоретических изысканий.

На первом этапе работы мы столкнулись с проблемой определения границ для некоторых типов бумаг. В связи с псевдомраморной бумагой возник вопрос, следует ли объединить в один тип все имитации мраморных бумаг, от нарисованных гребнем по цветной пасте «арок» до продукции Московской обоевой фабрики. На данный момент, как было сказано выше, мы пользуемся определением Р. Вольфе для псевдомраморных бумаг [8, с. 113], а все прочие имитации присоединяем к тем типам, к которым они относятся по способу их окраски. Так, в каталоге имеются следующие описания:

1. На форзаце бумага с литографированным узором, выполненным в несколько прогонов: диагональные полосы (бежевая краска), прожилки (зелёная краска). Узор имитирует мраморную бумагу «испанская волна».

2. На крышках бумага с печатным узором, имитирующим мраморную бумагу (жёлтая с вкраплениями золота, красная, светло-серо-зелёная, серо-зелёная краски).

3. На крышках бумага с печатным узором, имитирующим мраморную бумагу «букет» (голубая, жёлтая, зелёная, красная краски).

К полиграфическим имитациям относятся образцы бумаги, созданные при помощи цифровой печатной машины. Мы обнаружили их на крышках и форзацах отреставрированных экземпляров.

Непросто оказалось идентифицировать современные мраморные бумаги так называемой «полуручной» работы. По рисунку и качеству исполнения они почти неотличимы от мраморной бумаги ручной окраски, но их тиражность говорит о массовом механизированном производстве. При изучении таких бумаг мы сверялись с каталогом фирмы-изготовителя [11]. В нашем каталоге они, как и все прочие имитации, описаны как бумаги с печатным узором, например: «бумага с печатным узором, имитирующим мраморную бумагу “с использованием длинного гребня” с волнообразными рядами арок».

Некоторые техники изготовления декоративной бумаги определить с достаточной точностью не удалось. В таких случаях для каталога мы использовали вместо типа описание внешнего вида бумаги в виде легко узнаваемой метафоры: «бумага с неравномерной окраской, похожей на облака», «бумага “метеоритный дождь”» (название предложено Т.В. Кульматовой).

Следующий шаг в описании декоративной бумаги, после определения её типа, — это определение узора. Именно узор позволяет исследователям ориентироваться в многообразии способов оформления книжных переплётывах разных эпох. Однако насколько сведения об узоре для описания ценны, настолько же и сложны, особенно в случае мраморной бумаги [1, с. 49; 2; 12, с. 143; 13, с. 32–33]. Общего для всех

словаря не существует, и специалисты пользуются терминами и жаргонизмами на нескольких языках. В разговорной речи можно услышать английские, немецкие и французские названия и разные варианты их переводов. Для каталога Библиотеки имени Н.А. Некрасова мы решили использовать только названия на русском языке, в том числе переводы и транслитерации, записанные кириллицей. Это сразу же породило ряд терминологических затруднений. Как показал круглый стол «Декоративная бумага в книжном переплёте: проблемы каталогизации», потребность выработать русскоязычные термины для описания бумаг испытывают книговеды, художники, реставраторы и хранители из разных библиотек и музеев города и страны. По итогам обсуждения термины, использованные в каталоге Некрасовки, были перепроверены, в ряде случаев уточнены или исправлены и приняты как отправные для дальнейшей работы.

Поскольку исследование и нормализация терминов предполагают просмотр большого числа образцов, мы собрали не только словник, но и коллекцию снимков. Так постепенно сформировался визуальный справочник. Мы обсуждали текущую работу с коллегами, в частности с Т.В. Кульматовой, которая, зная о нашем прогрессе в каталогизации и собирании образцов, предложила создать методическое пособие для библиотечарей. Первоначально предполагалась печатная публикация, но мы предпочли цифровой вариант, так как его можно оперативно пополнять

и широко распространять, не тратя средств на дорогую бумагу и многокрасочную печать. Таким образом, весной 2023 года наиболее стабильная часть нашего справочника была опубликована на сайте библиотеки под названием «Определитель декоративной бумаги в книжном переплёте» [14].

Материалы в определителе сгруппированы по типам бумаги, а внутри них по алфавиту названий узоров. Первая версия определителя включает в себя только один раздел — «Мраморная бумага», содержащий описания 24 узоров. Статьи в определителе состоят из одного главного и одного или нескольких дополнительных терминов, краткой характеристики узора и главной иллюстрации, за которой в большинстве случаев следуют иллюстрации дополнительные.

Главный термин — это название узора, принятое в каталоге Некрасовки, переведённое на русский язык или транслитерированное и записанное кириллицей. Источниками для поиска главного термина служили книговедческие и искусствоведческие печатные публикации [1–4; 8; 12; 13; 15–18], тематические сайты [5; 19], чаты по интересам [20–22]. Так в определителе появились «георгин», «испанская волна», «нонпарель», «шроттель» и другие названия. Если принятого краткого обозначения не имелось, мы создавали собственное, ориентируясь на публикации ведущих исследователей. Например, название мраморной бумаги «волнистая с использованием короткого гребня» сконструировано по аналогии с названиями «волнистая с использованием длинного гребня» и «мраморная бумага с использованием короткого гребня», предложенными Т.В. Кульматовой [12, с. 144, 145]. Термин «старинная пятнистая» создан прямым переводом термина «antique spot», чтобы не использовать без необходимости транслитерацию.

Тем не менее лексическое разнообразие имеет право на существование. Для удобства пользователей, применяющих в своей деятельности те названия узоров, которые не вошли в перечень главных терминов, мы оставили термины дополнительные. Кроме вариантов на русском языке в перечни дополнительных терминов включены названия узоров на английском, немецком, французском и других языках.

В краткой характеристике узора мы намеренно отошли от идеи описывать узоры через технику их изготовления, так как для мраморной бумаги в большинстве случаев она неочевидна. Для распознавания узоров мы сочли гораздо более важным выделить их характерные, повторяющиеся, не зависящие от вариантов элементы, которые исследователь может распознать визуально. Например, для определения узора «глостер» полезнее знать не о том, что при его производстве использован скипидар, а о том, как выглядят сами пятна с пробелами и фон: «Цветные пятна со светлыми мелкими пробелами обязательно на фоне прямых или изогнутых линий. Классический цвет пятен в узоре — синий. Пятна могут почти полностью перекрывать фон. Светлые пробелы бывают разного размера, частые или редкие».

В то же время, если название узора или некоторые его черты требовали комментариев, связанных с техникой его изготовления, мы приводили краткие сведения о ней. Так, например, описан узор «волнистая с использованием короткого гребня»: «Полосы с короткими рядами арок, разделённые красочными промежутками. Узор выполнен коротким гребнем, который движется так, что арки в соседних полосах направлены в противоположные стороны». Также мы добавили сведения о периоде распространения узора в тех случаях, когда это было важно для различения похожих, но не равнозначных узоров. Классический случай такого различения представляют узоры «волнистая с использованием длинного гребня» и «с использованием длинного гребня». Первый был популярен в XVIII веке, а второй является его более поздней имитацией. Если узор легко спутать с другим, мы выделяли именно те черты, которые отличают его от похожих, и давали примечание со ссылкой для сравнения. Такие ссылки можно найти в статьях «глостер» и «стормонт», «букет» и «павлин».

Центральный элемент статьи — главная иллюстрация, представляющая узор в его нормативном виде в общем списке узоров. В дополнение к ней мы по возможности приводили другие изображения узора в нормативном виде в других цветах, варианты узора с разнообразными доработками, как в случае с «ракушкой» и «стормонтом», или узор в комбинации с другими, как, например, «зебра», которая легла в основу «испанской волны». В большинстве случаев источником для такой иллюстрации послужили экземпляры из фонда Некрасовки. Особенно яркие примеры нормативного вида и изображения редких узоров представлены для определителя отделом редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ имени М. В. Ломоносова.

Уже сейчас по откликам мы понимаем, что определитель пригодился в практической деятельности библиотекарям и сотрудникам музеев, хранящим фонды редких и ценных документов, экспертам из сферы антикварной торговли, реставраторам и дизайнерам. Мы также обнаружили, что сайтом пользуются не только специалисты перечисленных

профилей. Читатели и сотрудники библиотеки скачивают изображения из определителя и используют их как заставки и обои для рабочего стола на смартфонах и ноутбуках. И поскольку определитель действительно приносит пользу, мы намерены его развивать и дополнять новыми материалами или функциями. Мы будем рады сотрудничеству в пополнении иллюстративного ряда, обсуждении терминов и расширении теоретической части определителя.

Авторы благодарят за помощь участников круглого стола «Декоративная бумага в книжном переплёте: проблемы каталогизации» и членов рабочей группы Е.В. Белозёрову, М.Б. Золотову, Т.Г. Зудину, Т.В. Кульматову, А.Л. Лифшица, А.И. Маркову, В.Л. Мотылёву, Е.В. Мымрину, Е.С. Неботову, Н.Б. Субботину, В.А. Толстову, К.П. Яркову.

Таблица 1. Структура описания

1	2	3	4	5
Элементы переплёта	Тип декоративной бумаги	Узор	Краски и цвет бумаги	Дополнительные сведения
На форзацах	мраморная бумага	«букет»	(коричневые, чёрная краски)	глянцевая
На крышках	псевдомраморная бумага	«агатный мрамор»	(чёрная краска на жёлтой бумаге)	–
На крышках	бумага с печатным рисунком	имитирующим мраморную бумагу «масляная»	(жёлтая, серая краски)	промышленного производства (СССР)

Список источников

1. Маркова А.И. Книжные переплёты генерала А.П. Ермолова. М. : Издательский дом Руденцовых, 2020. 236 с. (Из собр. Науч. б-ки Мос. гос. ун-та имени М.В. Ломоносова).
2. Золотова М.Б. Атрибуция декоративных мраморных бумаг при изучении русского переплёта XVIII — начала XX века: проблемы и пути решения // Библиотекосведение. 2021. Т. 70, № 1. С. 89–99.
3. Золотова М.Б. Клейстерные декоративные бумаги в русском переплётном деле XVIII века (по материалам фонда НИО редких книг (Музея книги) Рос. гос. б-ки) // Румянцевские чтения — 2021 : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (21–23 апр. 2021 г.) : в 2 ч. / Рос. гос. б-ка, Библ. ассамблея Евразии. М., 2021. Ч. 1. С. 365–370.
4. Marks Philippa J.M. An anthology of decorated papers: a sourcebook for designers : compact edition. London : Thames & Hudson, 2018. 256 p. : col. II.
5. Buntpapiertechniken [Elektronische Ressource] // Buntpapier.org : [website]. URL: <https://www.buntpapier.org/techniken.html> (дата обращения: 17.08.2023).
6. Маркова А.И. Декоративная бумага в русских переплётах середины XVIII — начала XX в. : доклад в рамках Междунар. школы реставрации — 2020 Науч. б-ки Томского гос. ун-та : видеозапись. Ч. 1. 00:41:34 (время воспроизведения). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=c5ALLQJ3Uoc&t=494s> (дата обращения 17.08.2023) ; Ч. 2/2. 00:33:58 (время воспроизведения). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=KeG7FVW7Xww&t=1178s> (дата обращения 17.08.2023).
7. Brokatpapier [Elektronische Ressource] // Buntpapier.org : [website]. URL: <https://www.buntpapier.org/techniken/brokatpapier.html> (дата обращения: 17.08.2023).
8. Wolfe Richard J. Marbled paper: Its History, Techniques, and Patterns. Second Edition. New Castle, Delaware : Oak Knoll Press, 2018. 245 p.

9. Lithografiertes Papier [Elektronische Ressource] // Buntpapier.org : [website]. URL: <https://www.buntpapier.org/techniken/lithografiertes-papier.html> (дата обращения: 17.08.2023).
10. Geprägtes Papier [Elektronische Ressource] // Buntpapier.org : [website]. URL: <https://www.buntpapier.org/techniken/gepraegtes-papier.html> (дата обращения: 17.08.2023).
11. Produits. Papiers marbrés [Ressource électronique] // Relma : [website]. URL: <http://www.relma.fr/cp3-papiers-marbres.php> (дата обращения: 17.08.2023).
12. Кульматова Т.В. Мраморная бумага в русском переплёте XVIII в.: основные мотивы // Новое искусствознание. История, теория и философия искусства. 2022. № 3. С. 142–153.
13. Кульматова, Т.В., Лоц А.С. Мраморная бумага в русском переплёте: проблемы терминологии и описания (по материалам фонда акад. собр. Б-ки Акад. наук) // Личные библиотеки в составе фондов российских книгохранилищ: проблемы изучения / Рос. нац. б-ка, Отдел редких книг. СПб, 2021. Вып. 3 : Материалы 3-го науч.-метод. семинара, 13–14 окт. 2020 г. С. 29–42.
14. Определитель декоративной бумаги в книжном переплёте / Центральная библиотека им. Н.А. Некрасова, Отдел редких изданий и коллекций // Nekrasovka PRO. URL: <https://biblioteka.nekrasovka.ru/opredelitel> (дата обращения 17.08.2023).
15. Кульматова Т.В. Мраморная бумага в русском переплёте эпохи модерна (по страницам альбома образцов из НБ Эрмитажа и материалам акад. собр. Б-ки Акад. наук) // Наука и библиотека: сб. науч. тр. / Б-ка Рос. акад. наук. СПб., 2022. Вып. 5. С. 122–130.
16. Schleicher P., Schleicher M. Marbled Designs: A Complete Guide to Fifty-five Elegant Patterns. Asheville, N.C. : Lark Books ; London : Cassell, 1993. 144 p.
17. Woolnough C.W. The whole art of marbling as applied to paper, book-edges, etc. London : George Bell and Sons, 1881. 82 p., [39] l. of pl.
18. Maurer-Mathison D. The Ultimate Marbling Handbook: A Guide to Basic and Advanced Techniques for Marbling Paper and Fabric. New-York : Watson-Guptill Publications, 1999. 144 с. : ill.
19. Paper Patterns. Marbled paper Patterns [Electronic resource] // University of Washington Library : [website]. URL: <https://content.lib.washington.edu/dpweb/patterns.html> (дата обращения: 17.08.2023).
20. Мраморная бумага в книжном переплёте : авторский канал Татьяны Кульматовой в Telegram. URL: https://t.me/kulmatova_decorpaper (дата обращения: 17.08.2023).
21. Мраморная бумага: чат : группа для обсуждения в Telegram. URL: https://t.me/marbled_paper (дата обращения: 17.08.2023).
22. Декоративная бумага : группа в Telegram. URL: https://t.me/decorated_paper (дата обращения: 17.08.2023).

KORSHUNOVA E., ZAYTSEVA A. Describing decorated papers in an online public access catalog. Visual guide on decorated papers in bookbinding

Korshunova Ekaterina — Chief Librarian of Rare Books and Special Collections, State Budget Institution for Culture of Moscow “Central Universal Scientific Library Named After N.A. Nekrasov”

Moscow, Russia, e-mail: e.korshunova@nekrasovka.ru

Zaytseva Anna — Candidate of Historical Sciences, Head of Rare Books and Special Collections, State Budget Institution for Culture of Moscow “Central Universal Scientific Library Named After N.A. Nekrasov”

Moscow, Russia, e-mail: a.zaytseva@nekrasovka.ru

ABSTRACT

The article summarizes the experience of describing decorated papers in bookbinding for an online public access catalog. The problems of structuring of description and choosing terms for it are considered. A practical visual aid for determining the type and pattern of decorated papers is proposed.

Keywords: decorated paper, marbled paper, pattern, cataloging, visual guide.

И.Г. Майорова

ПРОМЫШЛЕННЫЕ И РУЧНЫЕ НЕПОЛИГРАФИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ ПЕЧАТИ ПО БУМАГЕ

Майорова Инна Георгиевна — директор по развитию Акционерного Общества «Московская обойная фабрика»

Москва, Россия, e-mail: i.g.mayorova@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Данная статья составлена с целью описания и систематизации узорчатых бумаг, которые не попадают под традиционные ручные технологии изготовления декоративных бумаг (мраморирование, эбру). Также описываются особенности создания печатных форм и различия отпечатков в разных технологиях.

Ключевые слова: технологии печати, печатные формы, высокая печать, глубокая печать, декоративная бумага.

Декоративные бумаги промышленного изготовления — бумаги, в которых прочитывается использование печатных форм и определенного оборудования. Чаще всего эти бумаги воспроизводят раппортное (то есть повторное, бесшовное) изображение.

Если иметь представление о том, какие предприятия обладали соответствующими технологиями в определенные периоды, то становится возможным определить или происхождение декоративной бумаги, или период, в который она была произведена.

В статье затрагиваются только неполиграфические технологии, т.к. автор профессионально связан с технологией производства обоев, а они не относятся к полиграфическим. Притом обоепечатное оборудование позволяет без внесения изменений в технологию производить узорчатые декоративные бумаги.

Разграничение технологий достаточно условно, бывают исключения и пересечения, но обобщенно к полиграфическим технологиям отнесены все виды триадной печати и листовой офсет, а к неполиграфическим — рулонная печать спотовыми красками на оборудовании, предназначенном для печати обоев или текстиля. Из определений исключена цифровая печать.

Терминология.

Печать — процесс тиражирования оттисков чернилами или краской на поверхности носителя (в нашем случае — бумажного полотна).

Что характерно для печати?

1. Наличие печатной формы. Печатная форма — это вспомогательное оборудование, оснастка, на которой каким-либо образом отображен будущий оттиск.

2. При печати происходит именно оттиск, разовый контакт формы с полотном для переноса краски. Печать по бумаге, вне понятия «технология», может быть:

- ручная или машинная,
- рулонная или листовая.

Листовая машинная печать по бумаге в большинстве случаев относится к полиграфии, к триадной печати или к печати упаковки. Но триадная печать бывает также рулонная, по «бесконечному» полотну.

Триадная печать: точки совмещаются в цветной рисунок. Печать иллюстраций книг, журналов и любой другой полиграфии. Точки печатаются строго определенными цветами, например, триада RGB — это цвета красный (Red), зеленый (Green) и синий (Blue), а триада CMYK — это лазурный (Cyan), малиновый (Magenta), желтый (Yellow) и закрепление триады — черный (black).

Неполиграфическая печать — это печать, применяемая при производстве тканей и обоев. Упаковка может печататься в самых разных технологиях, как в полиграфических, так и условно обойных, поэтому она также изъята из рассмотрения.

Ткани в силу особенностей именно текстиля как носителя тоже не конкретизируют картину, а размывают ее, так что для бумаги из неполиграфии останутся только обоепечатные технологии.

Обои в подавляющем числе случаев печатаются т.н. спотовыми цветами, иногда их называют также плащечными цветами. Это значит, что краска в исходном оригинале рисунка, в ведре с краской, в красочном корыте на машине и на полотне обоев будет с одним и тем же оттенком, и цвет этого оттенка ограничен только требованиями художника и колориста. Оттенки могут быть весьма сложны и своеобразны.

Основные обойные технологии печати по бумаге:

Самая старинная из них — *высокая печать*, она же водно-клеевая. Ее предтеча — *ксилография*, т.е. гравюра с оттиска деревянной формы с выпуклыми печатающими элементами.

Высокой считается любая печать, где печатающие элементы выпуклые (высокие), а пробельные элементы — вогнутые (низкие). Высокая печать была основной технологией печати бумажных обоев в Европе на протяжении более чем четырех веков, с XVI по XX. Самый старый дошедший до нас образец обоев — т.н. Кембриджский фрагмент, на обороте которого есть дата (1509 год) и имя типографа (Хьюго Гоес).

Самый старый способ высокой печати — ручная печать досками, ее также называют блочной печатью. Доски вырезались из твердых пород древесины, их было столько, сколько цветов краски использовалось. Для каждого цвета — своя доска. Бумага предварительно грунтовалась. Без грунта печатали только самые дешевые обои. Бумага обладала низкой гладкостью, была желтовато-сероватая или подкрашенная в массу — именно чтобы избежать необходимости грунтовать.

Краски были укрупненные, густые, больше всего похожие на гуашь. Они медленно высыхали, отпечатки легко было смазать, поэтому при ручной печати каждая последующая краска должна быть более клееной, чем предыдущая — для закрепления. Это видно по образцам ручной печати — верхние краски даже немного выпуклые.

Это первое явное различие с машинной печатью: на машине важна скорость печати и высыхания, поэтому машинные краски всегда гораздо более жидкие, а отпечаток менее укрупненный.

Полутоновые, исчезающие, градиентные отпечатки в высокой печати невозможны. Для имитации полутонов использовалось наложение красок одного оттенка, но разного разбела друг на друга — от темного к светлому, от большого отпечатка к маленькому.

Для имитации структуры гобелена или других мелкофактурных поверхностей самой последней краской поверх основного рисунка печатали тонкие сетки, имитирующие ткань или песок. Это делало рисунок богаче.

Итак, самая первая краска — это сплошной грунт, нанесенный отдельным процессом и высушенный. По сухому грунтованному полотну начинается печать блоками. Краски идут по уменьшению площади запечатки, т.к. краски непрозрачные.

Связующим и разбелом для концентрированных красок служит белая краска — диоксид титана или цинковые белила. Краска дорогая, а требовалось ее много, поэтому вполне объяснимо, что обычные обои в этой технологии были, как правило, довольно темные — это удешевляло процесс.

Белый цвет использовался для последней, верхней краски — это были блики и акценты. Чтобы еще удешевить процесс, белую краску смешивали со взвесью белой глины (каолина). Это вредило качеству отпечатка, он становился менее укрывистым, менее белым, приобретал бежеватый или сероватый подтон, был неравномерным — валик краски по краям и полупрозрачные подтеки посередине, т.н. «лепок».

Высококачественные обои высокой печати в светлых тонах были дорогим в изготовлении товаром.

При машинной печати, после разведения белой краски до машинной вязкости, качество белого отпечатка падало еще больше. Во многих дешевых обоях и узорчатых бумагах чистый белый не использовался вообще.

На обоях блочной печати очень часто можно разглядеть границу между отпечатками блоков: небольшие разрывы прямых линий или утоньшения их, легкие смещения элементов в одних и тех же местах.

Это первый признак ручной печати. В совокупности с густотой красок обычно можно определить, вручную отпечатана бумага или на машине.

Если печать ручная, определить ее территориальное происхождение можно лишь приблизительно. Блоки можно вырезать в любом городе, были бы резчики-граверы, а они имелись именно на обойных фабриках или в кустарных мастерских, специализирующихся на ксилографии. Но период изготовления таких обоев в России — до 1970 года [1]. Это связано с вымиранием профессии гравера — мастера, который мог изготовить доски. Гравер обоепечатных досок — неперспективная, сидячая и малооплачиваемая работа, очень узкая специальность, научиться которой можно было лишь путем наставничества. Притом работа это сложная, требует навыков геометра и рисовальщика. Фактически гравер должен произвести цветоделение — разложить рисунок на одноцветные пятна и определить последовательность наложения красок друг на друга, а затем воплотить это в наборе досок для отисков. Инструмент граверы изготавливали себе сами, под свою руку. Доски при редком использовании высыхали, из них выкрашивались элементы. Сегодня самая

известная обойная фабрика, которая сохранила печать досками — это английская Cole&Son. В России последняя печать досками была проведена на Московской обойной фабрике по заказу музея Ленина в Кремле в 1970 году. На фото — комната Н.К. Крупской, обои плохо видно, но доски от них сохранились на фабрике.

Конечно, машинная печать — это прогресс по сравнению с ручной печатью. Но парадокс в том, что качество полученных обоев не зависит напрямую от современности и сложности оборудования для печати. Можно произвести обои невероятно высокого качества ручным блочным способом. Можно сделать низкокачественные на новейшем оборудовании. Скорее, это зависит от качества исходного сырья и мастерства машиниста или печатника.

Машинная высокая печать появилась в XIX веке. Менялся привод — ручной, паровой, электрический, росли скорости. В начале XX в. машинная печать на обойных фабриках России существовала наряду с ручной, блочной.

Каковы технические ограничения машинной печати, которые повлияли на внешний вид бумаг?

1. Количество красок ограничено количеством красочных секций на машине. Самые распространенные машины высокой печати — восьмисекционные. При ручной печати количество досок ограничено только здравым смыслом и порогом размокания бумаги. Качественные, дорогие обои ручной выработки насчитывали около 12 красок. Дешевые машинной выработки — 3–6 красок, и зачастую без грунта.

2. Краски для машинной печати должны быть более жидкими, быстрее сохнуть. Это значит, что разводить их надо не диоксидом титана (он густой), а водой и взвесью каолина. Отпечаток становится более водянистым, неравномерным, обойщики это называют «червление». Это также влияет на красоту, насыщенность оттенков.

3. Чтобы бумага не рвалась на возрастающих скоростях, она должна быть механически крепче, чем для ручной выработки. О бумаге стоит сказать отдельно. Дореволюционная обойная бумага в том качестве, какая она была тогда, более никогда не производилась. Бумага была очень тонкая — 48 г/м², влагостойкая и прочная за счет специальных пропиток, и зачастую крашенная в массу. Какой она точно не была — белоснежной. Это и не требовалось, т.к. бумага либо грунтовалась, либо окрашивание в массу давало нужный тон. Скорее всего, с переустройством всех видов бумагоделательного оборудования на более высокие скорости выработка такой бумаги стала невыгодной или невозможной. Обойная бумага для высокой печати середины 20 века — от 80 г/м² и выше, сероватая или желтоватая, негладкая. По типу бумаги зачастую можно определить, к какому периоду относятся обои.

4. Печатные формы для машинной печати — валы.

5. Это означает, что разрывов раппортного изображения, как при блочной печати, не наблюдается. Валы по-прежнему изготавливались граверами, и это более сложная работа, чем с плоскими досками, т.к. цветделение необходимо было осуществлять для развертки цилиндра. Стало больше простых обоев с незамысловатыми рисунками из небольшого числа красок.

Именно на таком оборудовании могли быть изготовлены декоративные бумаги в середине XX в. в СССР [2, 3]. Итак, если к рассмотрению представлен повторный рисунок, бумага прогрунтована, краски довольно укрывисты, но все же подтекают, образуя червление, красок 3–6 и более темные отпечатки лежат под более светлыми, то это машинная высокая печать советского периода.

Такие бумаги могли быть изготовлены в период примерно до 1985 года:

- в Москве (бывшая фабрика Дмитриевой),
- в Минске (с 1923 года, бывшая фабрика Эпштейна),
- в Ленинграде (бывшая фабрика Павлухина, в 2009 году прекратила существование),
- в Саратове (с 1972 года),
- в Перми (с 1971 года),
- в Темникове («Красная роза», в 2001 году прекратила существование).

Высокая печать в СССР начала сменяться другими технологиями в 80-х годах XX в. [4]. Какие же это технологии?

Глубокая печать кардинально отличается от высокой. Именно вид оттиска глубокой печати определил современный вид бумажных обоев. В технологии глубокой печати бумага очень беленая и гладкая, краски жидкие и водоразбавляемые, отпечаток прозрачный, не укрывистый, грунта на бумаге не требуется. Печати белой краской как таковой нет, вместо белых пятен краски используются незапечатанные участки бумаги. Если напечатать элемент желтой краской, а затем сверху дать синий оттиск, то получится зеленое пятно, т.е. краски смешиваются и дают полутона.

Скорости печати гораздо выше, чем при высоком способе (130–200 м/мин при глубокой против 80–100 при высокой).

Самое главное отличие — в способе передачи краски на бумагу. Краска на печатной форме набирается в выгравированные ячейки, т.е. печатающие места — глубокие, отсюда название технологии. Это принцип печати, открытый еще Гутенбергом, но в обои он пришел довольно поздно по причинам, обусловленным машиностроительными факторами. Оборудование для глубокой печати обоев гораздо более сложное, чем было в XIX и начале-середине XX в. Печатные формы не могут быть изготовлены или отреставрированы кустарным способом: размеры ячеек измеряются микронами.

Краска передается капиллярным методом, впитываясь в поверхность бумаги. Наносы краски микронные, поэтому высыхание очень быстрое. Возможна передача полутонов, градиентных растяжек, смешение цветов, тонких текстур, точек, линий. Чем крупнее ячейка, тем больше краски она набирает и отдает, и тем темнее и ярче получается цвет в этом месте. Но в целом бумаги глубокого способа печати смотрятся более светлыми по сравнению с высокой печатью.

Декоративные бумаги, напечатанные глубоким способом на территории СССР, относятся к периоду от 1985 года и позднее. Печать могла быть произведена на тех же обойных фабриках, кроме Ленинградской и Темниковской.

Также существует *трафаретный* способ печати, или *шелкография*. Плоский трафарет очень древнее изобретение, т.к. сетка с закрыты-

ми и открытыми в нужных местах ячейками могла быть изготовлена кустарным способом, например, из шелка. Сетки более современных трафаретов могли изготавливаться из синтетики, а рисунок на них передавался с помощью покрытия светочувствительными составами по маске (шаблону) и последующим вымыванием состава из нужных для оттиска ячеек. Такой способ печати позволяет работать довольно густыми и укрывистыми красками, а варьирование размера ячейки дает возможность печатать полутона, то есть трафарет объединяет лучшие свойства глубокой и высокой печати. Если рассмотреть отпечаток через лупу, то печатные точки будут видны почти по всей поверхности. Можно печатать полутона белой краской, в лупу градиент тоже будет разбит на точки.

Машинный способ трафаретной печати — *ротационно-трафаретная* печать — подразумевает печать валами, только не полнотелыми, а т.н. «чулками».

Краска продавливается изнутри сквозь сетку чулка на поверхность носителя. Но машины эти были приспособлены для печати по текстилю, и произошло это не ранее 1955 года. В обои ротационно-трафаретные машины массово пришли сразу в технологию винила в конце XX века, то есть предполагать, что декоративные бумаги советского периода изготовлены на ротационном трафарете, не приходится. Если мы видим признаки трафаретной печати — укывистые краски и белую краску, но притом есть полутона и тонкие переходы, то есть смысл предположить печать плоским трафаретом полукустарным способом и малыми тиражами. Лучшее, самое эффективное применение плоского трафарета — это виньетки, логотипы и т.п. на сувенирных изделиях, совмещенные с тиснением. Это мало соотносится с декоративными бумагами.

Среди способов печати по бумаге можно назвать также флексографическую печать. Это высокий способ печати гибкими («флексо-») формами.

Флексопечать наиболее распространена в упаковочной отрасли. Оттиск у нее несколько грубее, чем у глубокой печати. Нельзя исключить выработки декоративных бумаг в технологии флексопечати в позднесоветский период, когда ЦБК оснащались вспомогательным оборудованием — машинами флексопечати. На них печатали обои, которые не выдержали эстетической конкуренции, могли пробовать и декоративные бумаги. Как правило, в лупу видна растровая точка, но красок не много, полутона бедноваты. Бумага под флексопечать нужна довольно белая и гладкая. В целом это похоже на глубокую печать, но выглядит беднее. В Саратове на обойной фабрике для некоторых рисунков обоев и сейчас успешно применяют флексопечать, наряду с другими технологиями.

Для успешного определения происхождения печатной декоративной бумаги необходима консультация как специалиста из области полиграфии, так и из области производства обоев или текстиля. В современных реалиях также необходимо мнение эксперта по цифровым методам печати, для исключения реплик старинных бумаг, изготовленных на цифровом оборудовании.

Список иллюстраций (цветная вклейка)

1. Раппортное (повторное) изображение.
2. Простейшая ручная печатная форма.
3. Кембриджский фрагмент.
4. Обложка изготовлена методом ручной блочной печати.
5. Обои изготовлены методом машинной высокой печати.
6. Полутона переданы наложением светлого отпечатка на темный.
7. Напечатанная сетка делает рисунок обоев похожим на ткань.
8. Обои высокой печати в темных цветах.
9. Обои с характерным «лепком» по краю белого отпечатка.
10. Дешевые обои с малым количеством цветных красок.
11. Место границы между соседними оттисками, видно смещение.
12. Комната Н.К. Крупской в Кремле.
13. Доска-блок, одна из набора, для печати фриза в комнату Н.К. Крупской.
14. Обои-фриз для комнаты Н.К. Крупской. Архив МОФ.
15. Ручная печать на рулонной бумаге.
16. Старинные обоепечатные валы (высокая печать).
17. Многокрасочные обои на бумаге с синим грунтом.
18. Дешевые малокрасочные обои на негрунтованной бумаге.
19. Некачественная белая краска, отпечаток с лепком и червлением.
20. Поверхность обоепечатного вала со следами разметки гравера.
21. Простая декоративная бумага машинной печати.
22. Схема узла глубокой печати и вал глубокой печати.
23. Пустотелые валы-чулки для ротационно-трафаретной печати обоев.
24. Обои с характерными признаками глубокой печати.

Список источников

1. Киселев И.А. Русские обои трех минувших столетий (XVIII–XX). — Москва : Академия, 2007. — 126, [1] с., [16] л. ил. — (Справочники. Энциклопедии. Словари / Российская акад. наук).
2. Пробер П.В. Обойно-печатные машины. — Москва : Гослесбумиздат, 1963. — 135 с. : ил.
3. Пробер П.В. Производство обоев и декоративных бумаг. — Москва ; Ленинград : Гослесбумиздат, 1956. — 247 с., 5 л. ил.
4. Обои. Новейшая история, XX–XXI век / [Т.В. Климова, И.Г. Майорова, О.О. Дороница ; общ. ред. и рец. Г.А. Семенов]. — Москва : Перо, 2018. — 192 с. : ил.

MAIOROVA I. Industrial and manual non-polygraphic technologies for printing on paper.

Maiorova Inna — development director of Moscow Wallpaper Factory JSC
Moscow, Russia, e-mail: i.g.mayorova@gmail.com

ABSTRACT

This article was compiled for describing and systematizing of patterned papers that do not fall under traditional manual technologies for making decorative papers (marbling, ebru). The technologies for manufacturing of printing forms and the differences in prints in different technologies are also described.

Keywords: printing technologies, printing forms, surface printing, gravure printing, decorative paper.

А.Ю. Скрыдлов

**АКАДЕМИК П.И. КЕППЕН — УПРАВЛЯЮЩИЙ ОТДЕЛЕНИЕМ
СТАТИСТИКИ РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА**

Скрыдлов Андрей Юрьевич — кандидат исторических наук, заведующий сектором истории Академии наук и научных учреждений

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: askrydlov@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В статье проанализирован вклад П.И. Кеппена в развитие статистической науки в России. Деятельность ученого рассматривается в контексте создания первых центров изучения статистики, которые возникли в Академии наук, Министерстве государственных имуществ и Русском географическом обществе. Особо отмечена роль П.И. Кеппена в создании Отделения статистики РГО — первого формально объединенного объединения статистиков в России. На основе широкого круга опубликованных источников и архивных материалов проанализирована предложенная Кеппеном исследовательская программа и выявлены причины отставки ученого с поста управляющего отделением.

Ключевые слова: История статистики, Петр Иванович Кеппен, Русское географическое общество, Императорская Академия наук, статистико-географические описания.

Петр Иванович Кеппен (1773–1864) — ученый-энциклопедист, проявивший себя во многих отраслях знания. Полифония его научных интересов включала историю и археологию, этнографию и славяноведение, однако основным его занятием по долгу службы стали статистические исследования (1).

Российская статистика в этот период развивалась в рамках немецкой описательной традиции государственоведения. Предметом своего изучения государственоведы считали «государственные достопримечательности» — совокупность сведений о природных условиях, населении, политическом устройстве и отраслях хозяйства. Результатом обобщения собранных фактов должно было стать энциклопедически точное описание страны, полезное с точки зрения государственного управления. Бурное развитие статистики-государствоведения в России началось после институционального оформления этого вида исследований в начале XIX в. Академический регламент 1803 г. закреплял статистику в числе наук, «коих усовершенствованием Академия должна заниматься», для чего в штате предусматривалась должность ординарного академика по классу политической экономии и статистики [1, с. 63]. В результате университетской реформы 1802–1804 гг. учебные курсы по статистике были включены в программы российских университетов, в их структуре возникли соответствующие кафедры. Одновременно шло формирование ведомственных ученых подразделений, которые вели статистические работы и публиковали статистические данные [2].

К статистическим занятиям П.И. Кеппен начал приобщаться с 1827 г., в связи с переходом на службу в МВД, где он занял должность помощника главного инспектора по шелководству и виноградарству. В круг непосредственных обязанностей чиновника входил сбор сведений о состоянии хозяйства в южных губерниях. С этим назначением связан переезд Кеппена в Крым в 1829 г. Главным достижением крымского периода научной работы Кеппена принято считать «Крымский сборник» — уникальное для того времени исследование о крымских древностях [3]. За 5 лет службы ему удалось собрать большой массив статистических данных о южных губерниях России.

Всплеск реформаторской активности Николаевского правительства в конце 1830-х гг. связан с деятельностью Министерства государственных имуществ (МГИ). Ведомство стало центром разработки крестьянской реформы [4]. Руководитель ведомства — П.И. Киселев — чиновник новой формации, осознавал роль статистических данных в проведении рациональной внутренней политики [5]. В 1838 г. Кеппен, зарекомендовавший себя как специалист по сельскому хозяйству южных губерний, начал служить под началом Киселева в должности начальника 2 отделения III департамента МГИ, будущего Департамента земледелия [6]. Государственный заказ на статистические исследования в ведомстве Киселева способствовал становлению целой плеяды российских ученых-статистиков второй четверти XIX в. Здесь же, в III департаменте, в должности начальника Статистического отделения состоял будущий сочлен Кеппена по Русскому географическому обществу А.П. Заблоцкий-Десятовский; здесь же начал свои статистические занятия преемник Кеппена по кафедре статистики в Академии наук К.С. Веселовский. Государственная служба давала им возможность использовать министерскую инфраструктуру для сбора и обработки необходимых для их исследований данных, однако была связана с большим объемом чисто административных обязанностей, порой тягостных для ученого.

Карьерная траектория Кеппена демонстрирует удачное сочетание государственной службы и научной работы. Одновременно со службой в МГИ, он сумел закрепиться в академической среде. В 1832 г. сочинение Кеппена «О виноделии и винной торговле в России» было отмечено почетным отзывом при вручении Демидовской премии [7]. В 1834 г., по предложению президента Академии наук С.С. Уварова, ему было поручено редактирование немецкой версии «Санкт-Петербургских ведомостей», а в 1837 г. он попал в штат Академии. 1 ноября 1835 г. умер ординарный академик по классу политической экономии и статистики А.К. Шторх, и в декабре того же года ординарным академиком был избран К.Ф. Герман, в результате чего освободилась ставка адъюнкта. В литературе встречается мнение, что Герман сам рекомендовал Кеппена на это место [8, с. 36], однако подтверждения этому в источниках обнаружить не удалось. Заметим, что у Германа был способный и яркий ученик К.И. Арсеньев, который к этому времени уже принял на себя управление Статистическим отделением МВД, пользовался личным доверием Николая I и читал лекции по статистике наследнику престола. В 1825 г. Арсеньев одновременно с Кеппеном был избран членом-корреспондентом,

и имел все шансы занять вакантное место. Тем не менее, выбор Уварова пал на Кеппена, который в 1837 г. был избран адъюнктом по кафедре статистики и политической экономии. Арсеньев же в 1841 г. получил место ординарного академика ОРЯС, что не вполне соответствовало его научным интересам.

После смерти Германа, в 1843 г. Кеппен занял место ординарного академика. Одна из магистральных тем его исследований связана со статистикой населения. Кеппен активно занимался обработкой материалов ревизий и вносил предложения по совершенствованию формы их проведения, особенно интересовался этническим составом населения России. Еще один масштабный проект — составление полного перечня всех городов, посадов и местечек России, для чего Кеппен разработал оригинальную классификацию населенных пунктов. Совместно с В.Я. Струве и другими сотрудниками Пулковской обсерватории Кеппен занимался измерением площади российских губерний [8, с. 40–43].

К 1840-м гг. XIX в. уровень развития статистики в России требовал не только накопления эмпирических данных и проведения индивидуальных исследований, но и подготовки обобщающих трудов. Идея создания обобщающего статистико-географического описания России, в котором бы были приведены в систему разрозненные сведения о территории, населении, государственном управлении и различных отраслях государственного хозяйства, на протяжении первой половины XIX в. неоднократно высказывалась как учеными-статистиками, так и представителями просвещенной бюрократии. К последним относился министр внутренних дел Л.А. Перовский, который в начале 1840-х гг. инициировал подготовку такого сочинения на базе Статистического отделения МВД. Для этого при министерстве был создан Временный статистический комитет (ВСК), куда Перовский включил помимо подведомственных ему чиновников — начальника Статистического отделения Арсеньева, редактора «Журнала МВД» Н.И. Надеждина, начальника временного отделения Хозяйственного департамента Н.А. Милютин, чиновника по особым поручениям И.П. Липранди, специалистов в области статистики из других ведомств. Так, из МГИ в Комитет вошли редактор «Журнала МГИ» А.П. Заблоцкий и директор Земледельческого училища С.С. Байков. По линии Академии наук в Комитет пригласили К.М. Бэра и Кеппена. Таким образом, министерский орган претендовал на роль организационного центра, который бы координировал работу как правительственных учреждений, так и научного сообщества в рамках общей задачи подготовки статистического описания.

Еще один, уже неофициальный центр взаимодействия неравнодушных к статистике и географии представителей интеллектуальной элиты возник по инициативе Кеппена примерно в это же время. В историографии его принято именовать «собраниями статистиков и путешественников» [9]. Сведения об этих неформальных встречах сохранились в записках Кеппена; первая из них состоялась у него в квартире 16 октября 1843 г. К уже названным членам ВСК МВД — Заблоцкому, Надеждину, Милютину, присоединились другие известные ученые — историк и этнограф А.П. Шегрен, а также Ю.А. Гагемейстер, А.К. Мейендорф и Г.П. Небольсин, занимавшие различные посты в Министерстве финансов. С разной

периодичностью к заседаниям присоединялись Арсеньев, Бэр, Ф.П. Литке, А.Ф. Миддендорф.

Собрания статистиков и путешественников стали отправной точкой для создания Русского географического общества (РГО) [9, с. 119–120]. Обстоятельства основания РГО подробно изучены, при этом в историографии традиционно подчеркивается роль частной инициативы отдельных ученых в этом процессе [10–12]. Между тем, создание Общества стало возможным, поскольку энергичные действия основателей совпали с государственной потребностью в изучении страны. Именно этим обстоятельством объясняется активная позиция министра внутренних дел Перовского в продвижении проекта создания РГО. Перовский, очевидно, рассчитывал на помощь ученых в реализации министерских программ статистических исследований территории России. О том, что МВД было заинтересовано в усилении статистической составляющей будущей организации, свидетельствует тот факт, что в первоначальных редакциях учредительных документов общество предполагалось именовать «*географо-статистическим*» [13]. Всеподданнейший доклад Перовского, представленный Николаю I 2 июля 1845 г. и вовсе был подан под заголовком «О создании *статистического общества*» [14, л. 21].

Создание научного общества с целью статистико-географического изучения страны находилось в русле международных тенденций. В Европе и Северной Америке в это же время возникли статистические общества, которые, по замыслу их учредителей, должны были содействовать государственным органам в сборе и обработке сведений о территории, населении и хозяйстве. Так, в 1834 г. в Англии было создано Лондонское статистическое общество, ставшее одним из важнейших европейских центров изучения статистики. В 1839 г. в Бостоне была основана Американская статистическая ассоциация [15, с. 69].

6 августа 1845 г. Николай I утвердил устав Общества, при этом счел правильным сохранить первоначальное название — «географическое». В соответствии с Временным уставом, в 1845 г. в составе РГО было создано Отделение статистики России — первая формально определенное объединение ученых-статистиков в России. Широкое толкование предмета государственного управления, к которому было принято относить «все то, что даже в отдаленнейшем смысле относится к государству» неизбежно вело к симбиозу статистики и географии, граница между которыми в первой половине XIX в. была весьма условной. Статистики начинали описание той или иной территории с ее природных особенностей, климата, типов почвы и других географических сведений, важных для развития государственного хозяйства. 7 октября 1845 г. на первом общем собрании Общества руководство Отделением статистики было поручено Кеппену. Предмет исследований Отделения в уставе был сформулирован весьма расплывчато: «занятия сего отделения определяются его названием» [16, с. 3].

В фонде Кеппена в СПбФ АРАН сохранилась программная речь ученого «О цели, пользе и необходимости статистических исследований», где он изложил свои предложения об основных направлениях работы Отделения статистики РГО. «С чего же, спросите Вы, м[илостивые] г[осударя], начать статистические работы, и как продолжать их при

Географическом обществе? Первой работой должно быть показание того, что нам известно по разным предметам отечественной статистики, простое и самое краткое, но в систематическом порядке представленное изложение доступных нам данных по разным предметам общественной жизни. <...> Такое издание могло бы служить для статистика, и вообще для каждого служащего, памятной книгой, и издаваясь вновь чрез каждые пять лет (или чрез три года, как в Пруссии издаются статистические описания), могло бы каждый раз совершенствоваться и пополняться как результатами новых исследований, так и сведениями о новых проявлениях общественной жизни» [17, л. 17–18 об.].

Проект систематического обобщения и издания уже известных статистических сведений о России стал главным направлением непродолжительной деятельности Кеппена на посту управляющего отделением статистики РГО. Уже к началу 1846 г. они вместе с Заблоцким-Десятовским подготовили программу «Памятной книги русской статистики». Кеппен обосновывал актуальность этого издания следующим образом: «Обнародуемые беспрестанно правительством акты и трудолюбивые исследования частных лиц <...> ежедневно обогащают отечественную статистику драгоценными материалами. Но все эти материалы рассеяны в отчетах разных высших управлений, в множестве отдельных сочинений и в массе периодических изданий. Не только читать их или справляться с ними, но даже иметь их все редко кто может. <...> Можно удовлетворить этой потребности <...> изданием статистического альманаха России или Памятной книги русской статистики. Такой альманах должен иметь вид <...> сборника систематического, составленного из общих сведений о современном состоянии разных частей империи, относительно пространства, народонаселения, просвещения, средств сообщения, народного богатства и пр.» [18, л. 18 об.–9]. Совет РГО не поддержал предложения Кеппена, посчитав такое издание преждевременным, «полагая удобнейшим заняться подобного рода предположением, когда последует ожидаемое сближение Отделения статистики России и Статистического отделения Министерства внутренних дел, и когда, вследствие того, средства Общества усилятся» [19, л. 49–50].

В 1847 г. члены Отделения повторно обратились в Совет РГО с новой запиской о необходимости составления описания России. Кроме Кеппена документ подписали еще 19 членов Общества, среди них Надеждин, Милютин, К.С. Веселовский и др. Ученые отмечали, что если бы «Отделение ограничило деятельность свою посильным разъяснением частных вопросов науки и практической жизни», то «этим не в надлежащей мере исполнилось бы его назначение». Главный недостаток статистических исследований, которые прежде проводились в России, авторы видели в том, что «они теряют часть своей полезности, оставаясь в рассеянии». Кроме того, случайный выбор тематики исследований не мог «вести к тем выводам и практическим заключениям, которые возникли бы сами собою из одного их сближения, от совместности и своевременного их сообщения» [20, с. 139]. Еще одним недостатком разрозненных статистических исследований авторы считали то, «что сочинители статей, не ведая того, что было уже сказано до них другими», плодили «известное под видом новизны», т.к. не имели возможности отследить сведения

об одном и том же предмете разных сочинениях. «Оттого происходит напрасная трата времени и сил, теряющихся в бесплодном повторении, и накапливается масса противоречий».

Авторы полагали, что Отделению статистики предстояла «высшая обязанность», «соединив рассеянное, устранив противоречия, исправив погрешности, обмолвки и недомолвки <...> положить прочную основу созданию отечественной статистики в возможной полноте и верности». Таким образом, члены Отделения вновь аргументировали необходимость создания обобщающего статистического труда, в котором каждый из них изъявил желание участвовать «по той части, которая специально ему известнее». Издание предполагалось оформить в виде «Систематического сборника современных сведений о России», к которому «с течением времени сообщать о происходящих по разным частям переменах, посредством ежегодных дополнений» [20, с. 139]. Программа сборника предусматривала участие в его составлении не только ученых-статистиков, но и чиновников государственных ведомств, в ведении которых находились статистические материалы. Таким образом, по замыслу Кеппена, Отделение статистики РГО могло претендовать на роль центра координации ученых и представителей различных государственных ведомств в деле статистического изучения России.

Амбициозная программа Кеппена была одобрена Советом РГО, однако ресурсов Общества оказалось недостаточно, чтобы реализовать задуманные планы. В мае 1847 г. академик покинул пост управляющего Отделением статистики, передав дела Заблоцкому-Десятовскому. В историографии эту отставку часто связывают с борьбой русской и немецкой партий в РГО. Сам Кеппен в письме Заблоцкому объяснял свой уход более прозаическими причинами. Ученый писал, что после учреждения РГО охотно принял звание управляющего Отделением, «надеясь, что оно доставит <...> возможность действовать к усилению разысканий о предметах, занимающих статистика». Однако вскоре академик испытал разочарование: «Назначение значительных сумм Общества на предприятия, мало обещающие для статистики, заставило меня, по крайней мере до времени, отказаться от больших надежд на пользу, которую отечественная статистика извлечет из Общества уже в первые годы его существования». Особое недовольство Кеппена, который тяготился ведением делопроизводства в Отделении, вызвал отказ Совета РГО предоставить ему в помощь письмоводителя [21, л. 107 об.].

После отставки Кеппена работа по подготовке обобщающего сочинения по статистике России была отложена на длительный срок. Стараниями его преемника Заблоцкого-Десятовского первый том этого труда вышел в 1851 г. под названием «Сборник статистических сведений о России». Всего с 1851 по 1858 гг. удалось издать три выпуска «Сборника» (2), который стал важной вехой в истории российской статистики. Издание коллективного труда продемонстрировало способность организации статистиков ставить и решать коллективные научные задачи.

После 1847 г. Кеппен продолжал участвовать в работе Общества. Он опубликовал серию работ о количественном и этническом составе населения, в том числе фундаментальный труд «Этнографическая карта Европейской России»; собирал материалы для картотеки «Географиче-

ско-статистического словаря Российской империи», который выходил в 1863–1885 гг. под редакцией П.П. Семенова. Последние годы жизни Кеппен провел в своем имении в Крыму, где скончался в 1864 г. Современники высоко оценивали роль ученого в становлении отечественной статистической науки. К.С. Веселовский вспоминал, что «его любовь к науке и Отечеству выразилась огромным числом сочинений, которые хорошо известны всем занимающимся у нас статистикой, и могут служить образцом добросовестности и точности в обработке материалов» [22, с. 52].

Примечания

1. В фонде С.С. Уварова Отдела письменных источников Государственного исторического музея сохранилось свидетельство того, что в 1825 г. министр просвещения А.С. Шишков выступил с идеей создать в Академии кафедру славяно-русских древностей, и предложил на это место кандидатуру Кеппена. Последний с 1824 г. служил в Департаменте народного просвещения под началом Шишкова. В письме Уварову от 1 августа 1825 г. Кеппен сообщал, что готов «принять на себя звание академика» только если «будет обеспечен на счет получения полного оклада, назначенного ординарному академику» [23, л. 70 об.–71 об.]. Новая кафедра так и не была создана, однако на следующий год Кеппен был избран членом-корреспондентом, получив таким образом, академическую аффилиацию [24, с. 129].

2. В конце 1850-х гг. Отделение статистики приступило к составлению четвертого номера, однако его подготовка не была завершена.

Список источников

1. Регламент Академии наук. 1803 год // Уставы Академии наук СССР / отв. ред. К.Г. Скрыбин. Москва: Наука, 1974. С. 62–91.
2. Скрыдлов А.Ю. Административная статистика в дореформенной России (1802–1852). СПб.: Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2022. 282 с.
3. Кеппен П.И. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1837. 409 с.
4. Андреева Т.В. На дальних подступах к Великой реформе: крестьянский вопрос в России в царствование Николая I: исследование и документы. Санкт-Петербург: Историческая иллюстрация, 2019. 726 с.
5. Минин А.С. Граф П.Д. Киселев: портрет министра как зеркало эпохи. СПб.: СПГУТД, 2012. 238 с.
6. Лоскутова М.В. Сведения о климате, почве, образе хозяйства и господствующих растениях должны быть собраны...: просвещенная бюрократия, гумбольдтовская наука и местное знание в Российской империи второй четверти XIX в. // *Ab Imperio*. 2012. № 4. С. 111–156.
7. Кеппен П.И. О виноделии и винной торговле в России. Санкт-Петербург, 1832. 263 с.
8. Сухова Н.Г. Красникова О.А. К биографии П.И. Кеппена // Деятели русской науки XIX–XX веков / отв. ред. И.П. Медведев. Вып. 1. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2000. С. 31–61.
9. Вальская Б.А. Собрания статистиков и путешественников в Санкт-Петербурге в 40-х годах XIX в. // *Известия Русского географического общества*. 1992. Т. 124. Вып. 2. С. 115–123.
10. Берг Л.С. Всесоюзное Географическое общество за сто лет, 1845–1945. Москва: Изд-во Академии наук СССР, 1946. 263 с.

11. Брэдли Д. Общественные организации в царской России: наука, патриотизм и гражданское общество. Москва: Новый хронограф, 2012. 447 с.
12. Сухова Н.Г. Об основании Русского географического общества. // Известия РГО. 2018. Т. 150. Вып. 1. С. 68–81.
13. Скрыдлов А.Ю. Из истории создания Отделения статистики Русского географического общества — первого научного объединения статистиков в России // Социология науки и технологий. 2019. № 2. С. 7–21.
14. Копия Всеподданнейшей записки министра внутренних дел об учреждении статистического общества // РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1892. Л. 21–24.
15. Птуха М.В. Очерки по истории статистики в СССР. Т. II. Статистика в Академии наук, ученых обществах и учебных заведениях. 1801–1863. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1959. 476 с.
16. Временный устав Русского географического общества // Сенатские ведомости. 1845. № 71 (4 сентября).
17. Речь П.И. Кеппена о цели, пользе и необходимости статистических исследований, произнесенная им 5 февраля 18... г. в Отделении статистики РГО // СПбФ АРАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 206. Л. 17–19 об.
18. По занятиям Отделения статистики РГО // Научный архив РГО. Ф. 1-1845. Оп. 1. Д. 8. Л. 15–24.
19. [Журнал заседаний Совета РГО] // Научный архив РГО. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 2.
20. Записка членов Отделения статистики Географического общества о необходимости составления описания России // Вопросы географии. Т. 31. 1953.
21. [Письмо П.И. Кеппена А.П. Заблоцкому-Десятовскому. 16 мая 1847 г.] // Научный архив РГО. Ф. 1-1845. Оп. 1. Д. 8. Л. 106–108 об.
22. Веселовский К.С. Исторический обзор трудов имп. Академии наук // Торжественное собрание имп. Академии наук 29 дек. 1864. СПб.: Типография Академии наук. 1865. С. 50–68.
23. [Письмо П.И. Кеппена С.С. Уварову. 1 августа 1825 г.] // ОПИ ГИМ Ф. 17. Оп. 1. Д. 80. Л. 70 об.–71 об.
24. Императорская Академия наук на пути обновления в 1801–1855 гг.: исторические очерки / ред. и сост. Е.Ю. Басаргина. СПбФ АРАН. СПб.: Нестор история, 2021. 680 с.

SKRYDLOV A. Academician P.I. Koeppen — Head of the Department of Statistics of the Russian Geographical Society

Andrey Skrydlov — Candidate of Historical Sciences

St. Petersburg Branch of the Institute for the History of Natural Sciences and Technology of the Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russia, email: askrydlov@gmail.com

ABSTRACT

The article examines the contribution of P.I. Koeppen to the advancement of statistical science in Russia. It provides an in-depth analysis of the scientist's activities within the context of the establishment of the first centers for statistical studies. These centers were established within prominent institutions such as the Academy of Sciences, the Ministry of State Property, and the Russian Geographical Society. Particular attention pays to the significant role played by P.I. Koeppen in the establishment of the Department of Statistics within the Russian Geographical Society. That department was not only the first of its kind in Russia but also marked the formation of a formal alliance of statisticians in the country. Drawing upon a diverse range of published sources and archival materials, the article thoroughly explores Koeppen's proposed research program. Additionally, it sheds light on the factors that led to the scientist's eventual resignation from the position of department head.

Keywords: History of statistics, Petr Ivanovich Keppen, Russian Geographical Society, Imperial Academy of Sciences, statistical and geographical descriptions.

А.А. Галушкин, Т.С. Ткаченко, Н.И. Маршенникова, Н.М. Доведова
**СОХРАННОСТЬ ДОКУМЕНТОВ АКАДЕМИКА
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК ПЕТРА ИВАНОВИЧА КЕППЕНА
В ФОНДАХ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ФИЛИАЛА АРХИВА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

Галушкин Александр Алексеевич — кандидат технических наук, заведующий Лабораторией консервации и реставрации документов

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, Санкт-Петербург, Россия. e-mail: lkrd@rambler.ru

Ткаченко Татьяна Семеновна — старший научный сотрудник Лаборатории консервации и реставрации документов

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, Санкт-Петербург, Россия. e-mail: 2332863anton@mail.ru

Маршенникова Наталья Ивановна — реставратор высшей квалификации Лаборатории консервации и реставрации документов

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, Санкт-Петербург, Россия. e-mail: lkrd@rambler.ru

Доведова Наталья Михайловна — научный сотрудник Лаборатории консервации и реставрации документов

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, Санкт-Петербург, Россия.
e-mail: dovedovanatascha@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В докладе представлены результаты обследования физического состояния документов XIX века из фонда 30 академика Императорской Академии наук Петра Ивановича Кеппена сотрудниками Лаборатории консервации и реставрации документов (ЛКРД) СПбФ АРАН. Обследование проводилось методом сплошной проверки, позволяющей выявить механические, физико-химические, биологические повреждения каждого документа и зафиксировать наличие и сохранность имеющих восковых и сургучных печатей и различных облаток. Проведенное обследование позволило выявить документы фонда, нуждающиеся в экстренной реставрации, разработать методику реставрационных работ с ними и провести практическую реставрацию выявленных документов.

Ключевые слова: сохранность, обследование, физическое состояние, виды повреждений, бумага, переплёт, облатки, сургуч, газета, реставрация.

В Санкт-Петербургском филиале Архива РАН находится 1030 единиц хранения документов, относящихся к деятельности академика Императорской Академии наук Петра Ивановича Кеппена (1793–1864 гг.). Это фонд под номером 30. Он состоит из:

- научных трудов и материалов к ним (1785–1889 гг.) — опись 1;
- статистических материалов (1827–1878 гг.) — опись 2;
- переписки (1816–1863 гг.) — опись 3.

Одной из главных составляющих, обеспечивающих сохранность архивных документов, является работа по обследованию и контролю их физического состояния.

В 2019 году сотрудниками ЛКРД в рамках обследования фондов СПбФ АРАН было проведено изучение физического состояния документов из фонда Петра Ивановича Кеппена. Обследование физического состояния

документов проводилось методом сплошной проверки, охватывающим по листу все документы проверяемого фонда.

При оценке состояния документов на бумажной основе, фотографий, переплетов, папок и обложек проводился учет обнаруживаемых дефектов и фиксировался по целому ряду признаков, а также учитывалось наличие физико-химических и биологических повреждений и отмечалось фиксацией номеров единиц хранения, в которых они были обнаружены:

- механические повреждения, которые разделялись на незначительные, средние, значительные и подсчитывалось количество листов с каждым видом повреждений;
- наличие загрязнений и пятен;
- состояние изображения или текста (растекание, осыпание, переход на обратную сторону листа, деструкция и разрушение бумаги-основы непосредственно под текстом — частое явление при использовании железо-галловых чернил и т.п.);
- наличие в делах (фиксирование № ед. хр.) перехода текста на оборот листа;
- наличие переплета, его повреждения;
- индивидуальные особенности документов (в т.ч. печатей и штампов), материалов креплений (наличие, облаток и наклеек) документов малого формата к большим листам и т.п.;
- состояние папок, обложек, контейнеров, в которых хранятся документы фонда;
- наличие следов использования силикатного клея в процессе бытования непосредственно на документах, а также на папках и обложках.

Результаты обследования являются руководством для проведения мероприятий, обеспечивающих сохранность документов: срочной реставрации, антисептической обработки документов с микологическим заражением, замене папок с наклейками, приклеенными силикатным клеем. Силикатный клей в процессе хранения и бытования документа за счет реакции с углекислым газом и влагой воздуха превращается в соду и окись кремния, которые обесцвечивают чернила, а также разрушают и цементируют листы бумаги и т.п. [1] (Рис. 1).

Обследование документов фонда академика П.И. Кепшена показало, что документы первой половины XIX века, выполненные на тряпичной бумаге, обеспечивающей им хорошую сохранность, находятся в удовлетворительном состоянии: механические повреждения, в основном, относятся к категории незначительных — небольшие разрывы по краям, заломы. Такие документы не нуждаются в срочной или экстренной реставрации. Имеется значительное количество документов фонда 30 с запыленностью в виде полос разной ширины и грязевыми пятнами, небольшое количество следов подмочек. В деле 116 фонда 30, опись 2 следы подмочек с биологическими повреждениями найдены на 146 листах. (Рис. 2).

При проведении обследования было выявлено большое количество документов с текстом, выполненным железо-галловыми чернилами, которые имеют тенденцию к переходу на обратную сторону листов. При этом бумага в зоне текста деструктивирована, а иногда и полностью разрушена. Это вызвано рядом причин: нарушение рецептуры чернил, слабая проклейка бумаги или ее отсутствие (Рис. 3).

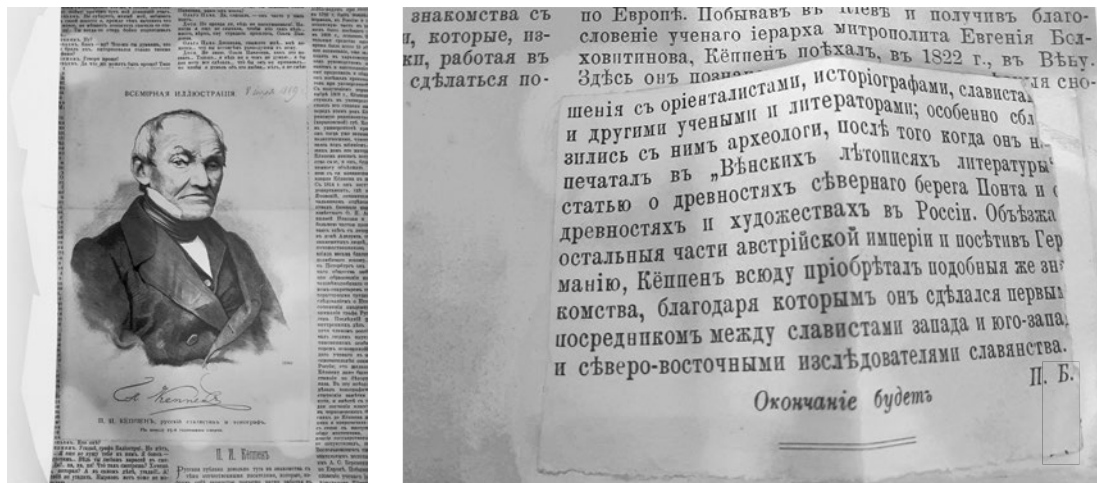

Рис. 1. Документы со следами силикатного клея

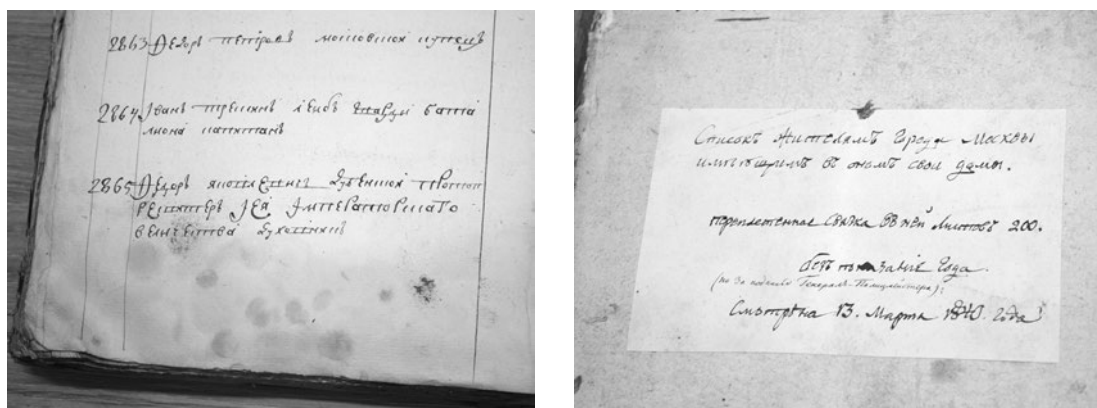

Рис. 2. Документы со следами микологического заражения

В фонде Петра Ивановича Кеппена хранится большое количество газет, газетных вырезок, объявлений, печатных листов из книг и журналов 1819 — 1860 гг. русских и зарубежных изданий. Физическая сохранность этих документов удовлетворительная, но встречаются документы (чаще газеты), вокруг печатного текста которых на бумаге образовались светло-коричневые ореолы. Это произошло в результате миграции в бумагу компонентов типографской краски: олифы, канифоли, коричневого мыла и др. (Рис. 4).

На многих газетах имеются пометы железо-галловыми чернилами. Этот рукописный текст, как и в рукописных документах, имеет значительный переход на обратную сторону листа и во многих случаях находится «на грани выпадения» (Рис. 5).

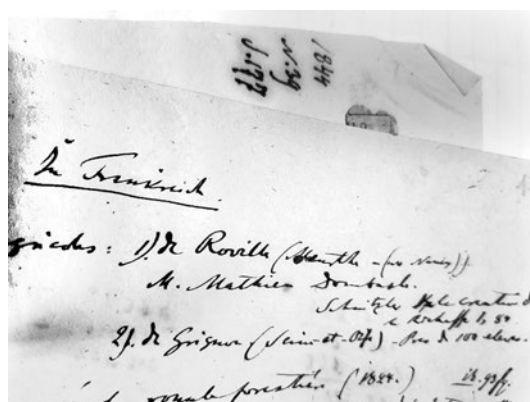

Рис. 3. Рукописные документы, выполненные железо-галловыми чернилами

ется масштаба Австралии, который, впрочем, нанесен только для занятия пустого места, он не только бесполезен, но даже способен ввести в заблуждение: не показано, для какой параллели дан этот масштаб; г. Кузнецов должен знать, что на меркаторских картах даются масштабы различных широт, без указания о расстоянии между пунктами будет верно только на параллели, которая означена на масштабе: такова сущность проекции Меркатора. Видя это должны знать ученики в самом начале, едва приступая к картам, иначе, будет непонятно, отчего земная поверхность, например, на 1-й и на 2-й картах атласа Лувенева изображена неодинаково. Впрочем, и в других, каких могут сложиться в умах школьников, издатель вовсе и не заботится, как из предыдущего и из того, что математический элемент, важный в курсе географии,

материал для мышления, обдумывая, что ученик потрудится, а быт трудиться даром над пустяками, что Мауна Кеа 12,800, Мауна Лоа как две трети высоты, будет (7,750), следовательно правительственная искаженная копия (с лера) и чертеть этот относительного же при писании учебного курса, а наговорить самому себя что

*) На островах Новой Зеландии есть написанное как подписаны мысли: Э. Эммонс. Такими ошибками в тексте не только атласы; взгляните на той же карте Сандвичевы: на карте они названы Молокаи, Моли и Гаваи; в учебнике стр. 85, Гавай, Мауи, Куаилайе, Лан-Атай и Ничау; прошу тут выучиться ученики добился только — и в курсе что пропущено и что перевернуто.

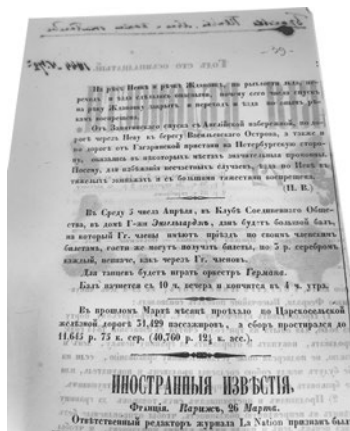

Рис. 4. Ореолы печатной краски на документе с ее миграцией на оборотную сторону

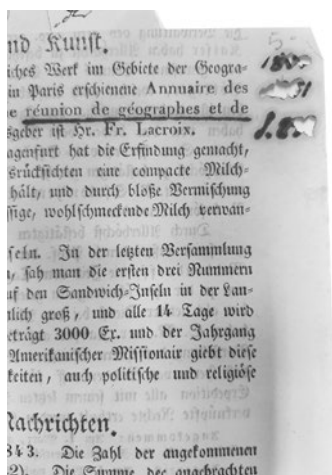
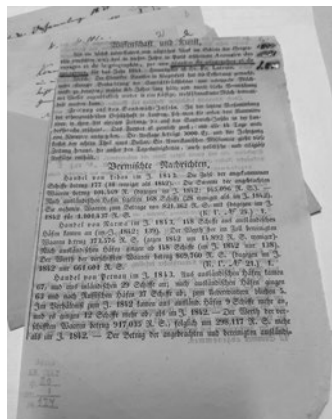

Рис. 5. Пометы, выполненные железно-галловыми чернилами на полях печатного документа

Оценка поврежденных книжных блоков проводилась по методике Федерального центра консервации библиотечных фондов (ФЦКБФ) Российской национальной библиотеки согласно описания поврежденных в атласе «Повреждения бумаги, блока, переплета библиотечных и архивных материалов» [2]. Выявлены следующие повреждения:

- отсутствие или отслоение корешков и крышек (Рис. 6);
- трещины вдоль корешка снаружи и изнутри (Рис. 7);
- коричневые пятна на форзацных листах от кожи углов переплета (Рис. 8);
- потертости крытия крышек (Рис. 9).

Документы переписки представлены письмами с сургучными печатями (красные и черные) (Рис. 10), на многих конвертах имеются вырезанные фрагменты в местах запечатывания (Рис. 11).

В документах переписки Петра Ивановича Кеппена также присутствуют «облатки». Облатки — принадлежности для запечатывания, склеивания писем и бумаги, применявшиеся с конца XVI по начало XX века. Облатки изготавливались из муки, желатины, бумаги и использовались как дешевая и более удобная в применении замена сургучных печатей [3] (Рис. 12).

Повреждения облаток, в основном, значительные: от полных утрат (видны следы присутствия на бумаге) до расслоения и частичного высыпания. Документы с такими облатками нуждаются в консервационном контроле. Имеются единичные экземпляры с хорошей сохранностью. Бумажные облатки часто разорваны пополам, реже — сохранены полностью [4] (Рис. 13).

Результаты обследования фондов, содержащие данные об обнаруженных повреждениях документов, дали возможность выявить документы

Рис. 6. Дефекты переплета: отсутствие или отслоение корешков и крышек

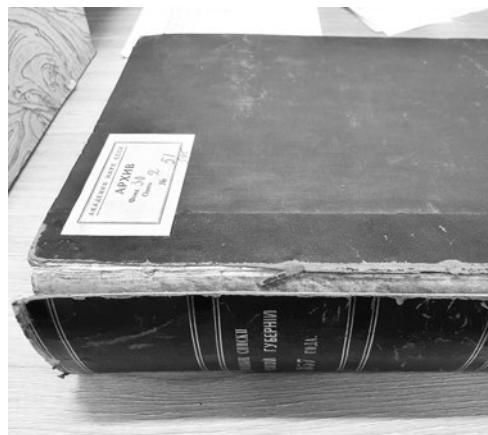

Рис. 7. Дефекты переплета: трещины вдоль корешка снаружи и изнутри

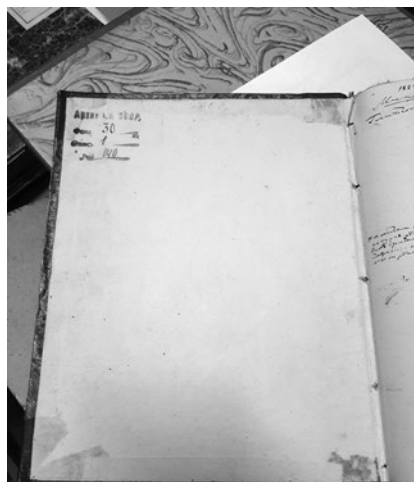

Рис. 8. Дефекты переплета: коричневые пятна на форзацных листах от кожи углов переплета

Рис. 9. Дефекты переплета: Потертости крытья крышек

фонда, нуждающиеся в первоочередной (экстренной) реставрации и биологическом контроле, а также составить списки дел, папки и обложки которых подлежат замене.

Часть документов фонда 30 академика Императорской Академии наук Петра Ивановича Кеппена, нуждающихся в первоочередной реставрации, в начале 2023 года была реставрирована специалистами ЛКРД СПбФ АРАН по разработанной методике. А именно,

- Ф. 30. Оп. 1. Д. 28. «О ведении восточной войны и Крымской экспедиции» (Рис. 14 а);
- Ф. 30. Оп. 1. Д. 174. «Материалы, касающиеся собраний статистиков и путешественников, происходивших у П.И. Кеппена в 1843–1847 гг.» (Рис. 14б);
- Ф. 30. Оп. 1. Д. 28. (л. 124) «Аннотированный перевод с французского к статье «О ведении Восточной войны и о Крымской экспедиции»» (Рис. 14 в).

Рис. 10. Сургучная печать с оттиском

Рис. 11. Вырезанные фрагменты в местах запечатывания

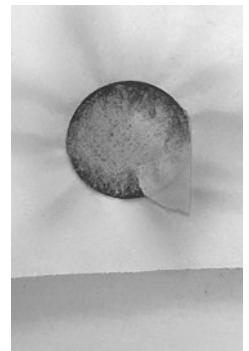
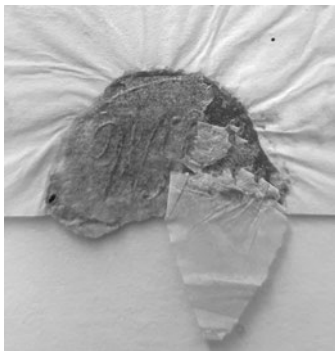
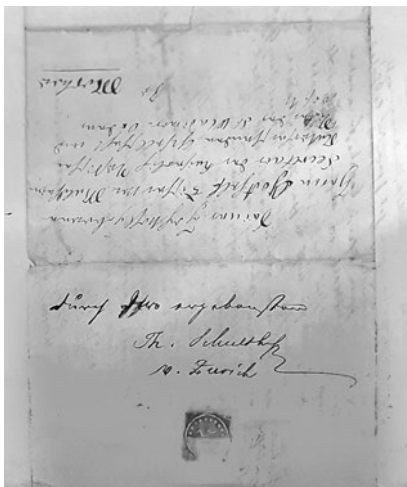
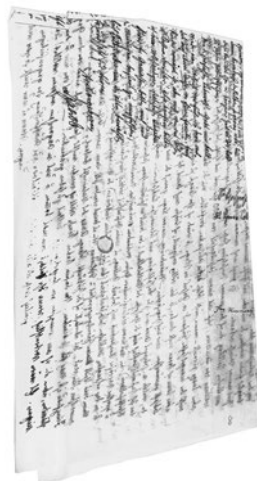

Рис. 12. Облатки — принадлежности для запечатывания, склеивания писем и бумаги (слева направо: мучная, две декоративные бумажные, желатиновая)

Частичное повреждение

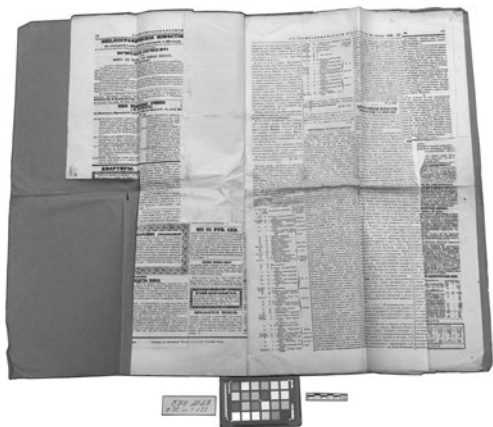

Полная утрата

Сохранившаяся целиком

Рис. 13. Повреждения облаток

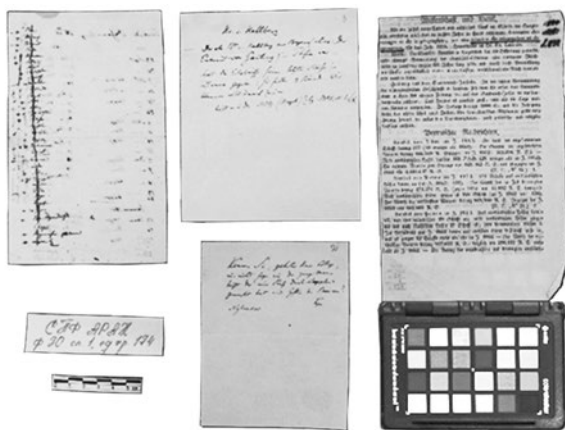

До реставрации

После реставрации

а)

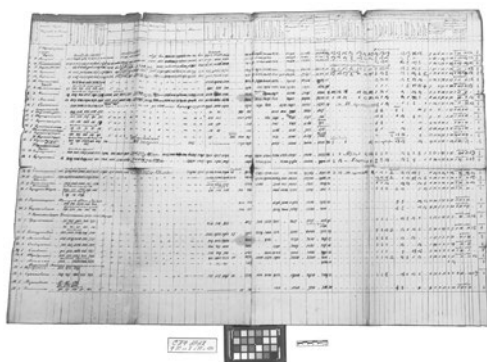

До реставрации

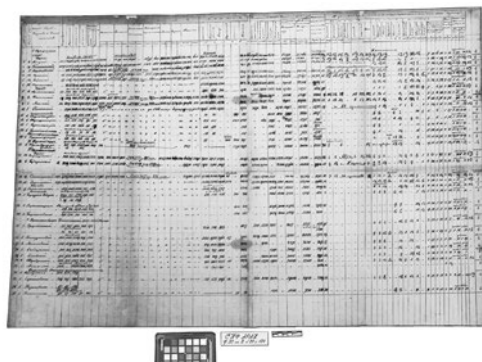

После реставрации

б)

До реставрации

После реставрации

в)

Рис 14. Документы из фонда академика П.И. Кеплена, прошедшие первоочередную реставрацию

Анализ степени кислотности бумаги отобранных для реставрации документов показал, что рН её водной вытяжки, проведенный неразрушающим капельным методом в различных зонах листов, низкий и находится в диапазоне от 3,8 до 5,4. Поэтому, во все листы документов после промывки был введен щелочной резерв с помощью боратного буфера, что позволило повысить рН до значений близких к нейтральным: 6,2–6,5. Произведена механическая и химическая чистка, позволяющая ослабить желтизну и пятна на документах. Проведено упрочнение, восполнение утрат листов и наращивание их до формата, тонирование восполненных участков. Были изготовлены новые папки для последующего хранения реставрированных документов.

Таким образом, проведенное методом сплошной проверки обследование физического состояния и степени сохранности документов фонда академика Императорской Академии наук Петра Ивановича Кеппена, хранящихся в СПбФ АРАН позволило выявить и вернуть к использованию документы, нуждающиеся в экстренной реставрации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Реставрация документов на бумажных носителях. Методическое пособие / ВНИИДАД, М., 1989. С. 138–141.
2. Добрусина С.А., Лоцманова Е.М., Быстрова Е.С. / Атлас «Повреждения бумаги, блока, переплета библиотечных и архивных материалов» М. 2015. С. 22–25.
3. Kindlinger N. Nähere Nachrichten vom ältesten Gebrauche der Siegelblaten und des Siegellacks in dem 16. u. 17. Jahrhunderte // Dortmund und Essen. 1799. S. 112.
4. Доведова Н.М., Маршеникова Н.И., Ткаченко Т.С. Различные виды облаток на документах учёных XIX века из фондов Санкт-Петербургского филиала Архива РАН // Архивный поиск. Выпуск 3. URL:<http://www.arran.ru/bookreader/publication>.

GALUSHKIN A., TKACHENKO T., MARSHENNIKOVA N., DOVEDOVA N. Preservation of documents of academician of the Imperial Academy of Sciences Pyotr Ivanovich Keppen in the funds of St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences.

Galushkin Alexander — Candidate of Technical Sciences, Head of the Laboratory of Preservation and Restoration of Documents St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences

St. Petersburg, Russia. e-mail: lkrd@rambler.ru

Tkachenko Tatiana — Senior researcher at the Laboratory of Preservation and Restoration of Documents St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences

St. Petersburg, Russia. e-mail: 2332863anton@mail.ru

Marshennikova Natalia — restorer of the highest qualification of the Laboratory of Preservation and Restoration of Documents, St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences

St. Petersburg, Russia. e-mail: lkrd@rambler.ru

Dovedova Natalia — Researcher at the Laboratory of Preservation and Restoration of Documents St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences

St. Petersburg, Russia. e-mail: dovedovanatascha@mail.ru

ABSTRACT

The report presents the results of a survey of the physical condition of documents of the 19th century from the fund 30 academician of the Imperial Academy of Sciences Pyotr Ivanovich Keppen by employees of the Laboratory of Conservation and Restoration of Documents (LCRD) of the ARAS SPbB. The examination was carried out by the method of continuous

verification, which allows to identify mechanical, physico-chemical, biological damages of each document and to record the presence and safety of existing wax and sealing wax seals and various wrappers. The survey allows to identify the fund documents in need of emergency restoration, develop a methodology for restoration work with them and carry out practical restoration of the identified documents.

Key words: preservation, examination, physical condition, types of damage, paper, binding, wafers, sealing wax, newspaper, restoration.

УДК 579.63
ББК 78.36

А.Д. Власов, Е.Г. Хосид

МИКОЛОГИЧЕСКОЕ ОБСЛЕДОВАНИЕ ДОКУМЕНТОВ ФОНДА П.И. КЕППЕНА, ХРАНЯЩИХСЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ ФИЛИАЛЕ АРХИВА РАН

Власов Алексей Дмитриевич — кандидат географических наук, старший научный сотрудник, Лаборатория консервации и реставрации документов

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: alex_vlasov@mail.ru

Хосид Елена Геннадьевна — старший научный сотрудник, Лаборатория консервации и реставрации документов

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: lenahosid@gmail.com

АННОТАЦИЯ

При обследовании фонда П.И. Кеппена, хранящегося в Санкт-Петербургском филиале архива РАН, были выявлены документы с признаками биоповреждения плесневыми грибами. В статье описываются методы микологического обследования документов. Приводятся результаты исследования.

Ключевые слова: фонд П.И. Кеппена, биоповреждение, плесневые грибы, микологическое обследование.

Микроскопические грибы могут влиять на сохранность документов [1]. Они могут воздействовать как химическим путем, выделяя органические кислоты и ферменты, так и физическим за счет проникновения мицелия гриба в волокна бумаги. Появлению биоповреждений могут способствовать неблагоприятные условия хранения: нарушение температурно-влажностного режима, запыленность, застой воздуха [2]. В лаборатории консервации и реставрации документов Санкт-Петербургского филиала архива РАН регулярно проводятся обследования фондов на предмет микологического повреждения, а также мониторинг условий хранения документов.

В коллекцию документов СПбФ АРАН входят ценные фонды ученого Петра Ивановича Кеппена. При обследовании фондов П.И. Кеппена на некоторых документах были обнаружены характерные для биоповреждений, связанных с развитием микроскопических грибов, участки с пигментацией (преобладали розовые пятна) и темным налетом (рис. 1, 2). Локально пигментные пятна переходили с одного листа на другой. Также были отмечены следы подмочек, что может говорить о неблагоприятных условиях хранения в прошлом. Следует отметить, что при визуальном обследовании фонда, документы с признаками поражения плесневыми грибами были обнаружены только в трех единицах хранения из фонда 30: опись 1 (единица хранения 28, 202), опись 2 (единица хранения 116). Основная часть документов находится в хорошем состоянии, без признаков биологического повреждения.

С подозрительных зон отбирались пробы для микологического анализа для выявления жизнеспособности грибов. Пробы отбирались с помощью стерильного ватного тампона с площади 1 дм², который затем помещался в чашки Петри с питательной средой.

Анализ проводился методом прямого посева на питательную среду, а также по методу разведений (метод Коха). Для культивирования микроскопических грибов использовалась агаризованная питательная среда Чапека. Инкубирование проб проводилось в течение двух недель при температуре 25°C.

Результаты микологического обследования показали, что в большинстве проб, отобранных с мест с видимыми признаками биоповреждения, микроскопические грибы оказались нежизнеспособны. Единичный рост грибов рода *Penicillium* и *Aspergillus* отмечен в пяти пробах (всего отобрано 19 проб). Однако их численность оказалась низкая. Результаты анализа отобранных проб показали, что дезинфекция нецелесообразна, большинство плесневых налетов не выявили роста микроорганизмов, а остаточные споры могут быть удалены при реставрационной работе. В дальнейшем биологами ЛКРД будет продолжен мониторинг условий хранения и биологического состояния документов из фонда П.И. Кеппена.

Список источников

1. Попихина Е.А., Великова Т.Д. Скрининг микромицетов-биодеструкторов // Петербургская библиотечная школа. 2019. № 2 (67). С. 90–97.
2. Власов А.Д., Хосид Е.Г. Мониторинг аэромикоты в помещениях Санкт-петербургского филиала архива РАН // Петербургская библиотечная школа. 2019. № 2 (67). С. 85–89.

VLASOV A., HOSID E. Mycological examination of the documents of the P.I. Keppen fund held by the St. Petersburg branch of the archive of the Russian Academy of Sciences

Vlasov Alexey — Candidate of Geography Sciences, Senior Researcher, Laboratory of Conservation and Restoration of documents

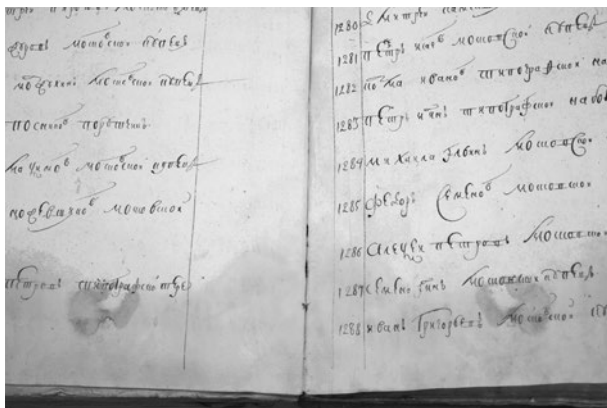

Рис. 1. Пигментные пятна, связанные с развитием плесневых грибов

Рис. 2. Темноокрашенный налет плесневых грибов

Saint-Petersburg branch of the archive of the Russian Academy of Science, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: alex_vlasov@mail.ru

Hosid Elena — PhD, Senior Researcher, Laboratory of Conservation and Restoration of documents, Saint-Petersburg branch of the archive of the Russian Academy of Science, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: lenahosid@gmail.com

ABSTRACT

While examining the P.I.Keppen fund, held by the St. Petersburg branch of the archive of the Russian Academy of Sciences, documents with signs of biodamage by mold fungi were found. The article describes the methods of mycological examination of documents. The results of the study are presented.

Key words: P.I. Keppen fund, biodamage, mold fungi, mycological examination.

А.Е. Жуков

**Н.Ю. БУБНОВ:
этапы научной биографии***

Жуков Артем Евгеньевич — старший научный сотрудник, кандидат исторических наук, Научно-исследовательский отдел рукописей

Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: artemnovgor@inbox.ru

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена характеристике научного пути выдающегося ученого, историка, археографа, специалиста по старообрядческой книжности, ведущего научного сотрудника Научно-исследовательского отдела рукописей БАН Николая Юрьевича Бубнова. В основу текста положено интервью, взятое автором непосредственно у исследователя.

Ключевые слова: Бубнов Николай Юрьевич, историография, археография, старообрядцы, гектографы, рукописная книга.

Ошибочно было бы рассматривать отечественную археографическую науку как неделимое целое. Археография представляет собой разветвленную сеть дорог, путей, тропинок. Каждый археограф прокладывает свою магистраль, предлагая уникальные решения целого комплекса вопросов, связанных с выявлением, описанием и публикацией памятников старины. Тем большую ценность представляет деятельность исследователей, которые оставили след в самых разных направлениях археографической науки. К их числу принадлежит Николай Юрьевич Бубнов. Деятельность исследователя, посвятившего археографии более 50 лет жизни, велика и многогранна (1). Едва ли можно охарактеризовать её в одной статье. Однако мы не ставим перед собой столь амбициозных целей. Если нам удастся обозначить основные контуры научного пути Н.Ю. Бубнова, мы будем считать нашу задачу выполненной.

Круг научных интересов Николая Юрьевича формировался постепенно и претерпевал некоторые изменения. В студенческие годы исследователь был далек от древнерусской и старообрядческой проблематики. Он мечтал заниматься русской эмиграцией. Интерес к данной теме был обусловлен, в частности, тем обстоятельством, что детство Н.Ю. Бубнова прошло в Дрездене (он провел там два с половиной года) (2). Кроме того, дед Николая Юрьевича Николай Афанасьевич Рязанов с 1905 по 1913 г. проживал в эмиграции в Бельгии. Однако углубиться в изучение русского зарубежья исследователю не удалось из-за особенностей политической конъюнктуры. В 60-е гг. писать об эмиграции было возможно лишь в негативном ключе, что не соответствовало убеждениям Николая Юрьевича. В 1962 г. он закончил Педагогический институт им. А.И. Герцена,

* Статья подготовлена по материалам доклада, прозвучавшего на научных чтениях «Горизонты археографии: к 85-летию Н.Ю. Бубнова», состоявшихся в БАН 25 мая 2022 г. В основу положены материалы интервью, которое было взято у юбиляра накануне мероприятия.

а уже в марте следующего года поступил на работу в Отдел рукописной и редкой книги БАН.

В 60-е гг. в стенах Академической библиотеки уже сформировался довольно сильный коллектив исследователей древнерусской книжной культуры. Отделом заведовал Александр Ильич Копанев, археограф, видный специалист по истории крестьянства. Именно он принял Николая Юрьевича на работу. Несколько слов следует сказать об этой незаурядной личности. Александр Ильич родился в 1915 г. в деревне Копани Вятской губернии, в 1938 г. закончил Исторический факультет ЛГУ (ныне — Институт истории СПбГУ) и был рекомендован в аспирантуру по кафедре отечественной истории, где его научным руководителем стал И.И. Смирнов. В 1941 г. исследователь успешно закончил работу над кандидатской диссертацией, 28 июня защитил ее, а уже 4 июля вступил в ряды народного ополчения и ушел на фронт. В боях под Ропшей А.И. Копанев попал в плен. Лишь на завершающем этапе войны он был освобожден и направлен в одну из частей Красной армии, сражавшихся в северной Германии и Польше [3]. После Великой Отечественной войны работал в Ленинградском отделении Института истории АН СССР, которое, однако, вынужден был покинуть и перешел в Отдел рукописной и редкой книги БАН, сотрудником которого был с 1953 по 1969 г. (3). В Отделе ученый принял участие в составлении первого тома описания исторических сборников БАН, выполнив описания хронографов [4]. После того, как В.Ф. Покровская покинула пост заведующей, именно Александр Ильич в 1961 г. занял ее место. В этот период исследователь поучаствовал в двух масштабных работах: в составлении второго тома «Исторического очерка и обзора фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук» [5] и в подготовке коллективной монографии по истории БАН [6]. Осуществляя управление Отделом рукописной и редкой книги, исследователь сумел вывести работу данного подразделения на качественно новый уровень. Прежде всего, была продолжена работа по описанию рукописей (4). Кроме того, по инициативе А.И. Копанева был создан альманах «Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей БАН», в котором молодые сотрудники могли публиковать свои работы. Редактором этого продолжающегося издания стал сам Александр Ильич. Наконец, при Копаневе берет начало практика поездок в археографические экспедиции по Поморью, Каргополью и Кировской области, ставших одним из основных направлений деятельности БАН, а также важнейшим источником пополнения фондов коллекции рукописных книг Академической библиотеки (Н.Ю. Бубнов был их постоянным участником). Таким образом, в должности руководителя Отдела рукописной и редкой книги Александру Ильичу удалось решить три важнейшие проблемы: 1. организовать описание рукописей, 2. наладить обучение молодых специалистов, 3. обеспечить поступление новых манускриптов в собрание БАН. Следует также отметить, что именно А.И. Копанев оказал влияние на формирование Н.Ю. Бубнова как ученого, выступив в роли его научного руководителя и наставника. Говоря об интересе Николая Юрьевича к средневековой истории, нельзя не упомянуть также его жену Маргариту Елизарову, с которой исследователь познакомился в стенах БАН в 1972 г. Она работала в Институте востоковедения и примерно

в это время защитила диссертацию, посвященную переводам Библии (включая славянский). Общение с ней укрепляло интерес исследователя к древнерусской тематике. Сама Елизарова была из Нижнего Новгорода, где закончила классическое отделение университета, на достойном уровне владела греческим, латинским, французским и древнееврейским языками.

Поступив на работу в Отдел рукописной и редкой книги, Николай Юрьевич на первых порах хотел заняться историей русского летописания. Особый интерес у него вызывал Лицевой летописный свод, три тома которого хранятся в стенах Академической библиотеки [10, 11]. Однако А.И. Копанев подталкивал своего протеже к изучению старообрядчества. С одной стороны, в археографических экспедициях Николай Юрьевич часто сталкивался со староверами и соприкасался с их книжной культурой. С другой, в Библиотеке Академии наук сформировалось богатейшее собрание старообрядческих манускриптов. Данная тематика наилучшим образом подходила для Н.Ю. Бубнова. С одной стороны, почти не требовалось знания иностранных языков. С другой, — старообрядческая проблематика требовала вдумчивой и скрупулезной работы. Идеологии различных течений поповцев и беспоповцев чрезвычайно сложны для понимания и многогранны, а количество рукописей, выполненных в их кругах, крайне велико. Однако именно умение кропотливо и систематически работать являлось и является одной из сильных сторон Н.Ю. Бубнова как исследователя. Следует отметить, что старообрядчеством в те времена занимались преимущественно филологи, которых интересовали, прежде всего, наиболее выдающиеся шедевры старообрядческой книжности, их поэтика, художественные особенности, выразительные средства. Особенно часто ученые обращались к текстам сочинений протопопа Аввакума (5). Н.Ю. Бубнов, являясь историком, рассматривал массовое чтение старообрядцев и одним из первых в отечественной науке обратился к изучению их идеологии. В рамках данной темы необходимо было обладать глубокими знаниями в области как истории, так и филологии. Повышая квалификацию, Н.Ю. Бубнов начал регулярно ходить на заседания Отдела древнерусской литературы ИРЛИ. Там он получил вторую подготовку. Посещал исследователь также и заседания в ЛОИИ, где довольно часто проходили обсуждения диссертаций.

Кандидатскую диссертацию, посвященную источникам по истории формирования старообрядческой идеологии, Н.Ю. Бубнов защитил в 1976 г. [15]. Над текстом он работал долго и добросовестно. Защита докторской состоялась 14 лет спустя [16]. По ее материалам была впоследствии опубликована монография «Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в.» [17]. В процессе подготовки ее издания Н.Ю. Бубнов столкнулся с рядом проблем производственного характера. В ЛОИИ исследователю предлагали дожидаться публикации книги и защититься по ней. Однако в начале 90-х в издательстве «Наука» принимали к публикации материал не более 20 печатных листов. Так как объем книги составлял 29,5 листов, Н.Ю. Бубнов был вынужден сократить текст, перепечатав значительную часть монографии. Когда работа была готова, в издательстве «Наука» сообщили, что бесплатно печатать материал не будут. В те времена Н.Ю. Бубнов мог получить финанси-

рование только от Библиотеки Академии наук. Руководство БАН согласилось опубликовать книгу в библиотечном издательстве в ее первоначальном объеме (29,5 листов). Пришлось готовить машинописный текст заново. Получившаяся книга в полной мере соответствовала замыслу Н.Ю. Бубнова, однако увидела свет лишь в 1995 г. (т. е. спустя пять лет после защиты докторской диссертации).

Изучая старообрядческую книжность, Н.Ю. Бубнов параллельно занимался описанием рукописей, хранящихся в Отделе рукописной и редкой книги БАН. Примечательно, что первые каталоги, в подготовке которых исследователь был задействован, со старообрядческой тематикой связаны не были. К моменту прихода Николая Юрьевича в Отделе рукописей была завершена работа над вторым выпуском третьего тома описания рукописей БАН, посвященного историческим сборникам в собрании Библиотеки [7]. Сотрудники подготовили машинописный вариант каталога. Оставалось лишь составить указатели к нему. Эта работа была поручена Н.Ю. Бубнову и О.П. Лихачевой как самым молодым сотрудникам Отдела. После этого началась подготовка третьего выпуска, в который должны были войти описания исторических сборников XVIII–XIX вв. Для этого издания Николай Юрьевич уже выполнял описания рукописных книг. Преимущественно это были поздние рукописи смешанного содержания [8].

В конце 60-х гг. Н.Ю. Бубнов был привлечён к совместному проекту БАН и Археографической комиссии по описанию пергаменных рукописей. Данное мероприятие было частью более масштабного замысла, связанного с составлением Сводного каталога славяно-русской книжности. Особенность данного издания заключалась в том, что материалы в нем должны были располагаться в хронологическом порядке. Соответственно, начать его было необходимо с древнейших рукописей. Чаще всего это были памятники священного писания. Следует заметить, что в советские годы у Рукописного отдела БАН была весьма неоднозначная репутация в партийных кругах. В годы хрущевской «оттепели» КПСС вела активное наступление на церковь. В этом смысле Отдел рукописной и редкой книги выглядел весьма подозрительно. Хранившиеся в нем богослужебные книги привлекали деятелей церкви, принадлежавших к числу его читателей. Кроме того, среди сотрудников подразделения не было в тот момент ни одного члена партии. Все это формировало представление о политической неблагонадежности Отдела. Поэтому было принято решение поместить в название нового тома информацию о материале, на котором были написаны манускрипты, тем самым избежав лишних упоминаний о религии и церкви. Выход в свет описания пергаменных рукописей БАН [18] вызвал оживленный отклик в научном сообществе. Спустя короткое время появились рецензии на данную работу [19, 20, 21]. В целом, они носили положительный характер, хотя были и замечания. В частности, Ю.К. Бегунов высказывал пожелание обратить в описаниях большее внимание на особенности языка рукописей.

К описанию старообрядческих рукописей Н.Ю. Бубнов приступил лишь после завершения работы над кандидатской диссертацией, в 1976 г. В 1984 г. увидел свет первый выпуск седьмого тома Описания рукописей БАН «Сочинения писателей-старообрядцев» [22]. Впоследствии,

в 2001 г. [23] и 2019 г. [24] вышли еще два выпуска. Третий выпуск был подготовлен совместно с В.А. Клишевой при участии А.А. Кудрина. Среди описаний, подготовленных Н.Ю. Бубновым, следует особо отметить том «Лицевых старообрядческих рукописей XVIII — первой половины XX веков», подготовленный совместно с Е.К. Братчиковой и В.Г. Подковыровой [25].

Однако более пристальное внимание хотелось бы уделить работе, посвященной описанию старообрядческих гектографических изданий. С гектографами Н.Ю. Бубнов столкнулся, изучая собрание Дружинина. Исследователь обратил внимание на то обстоятельство, что описывать их легче, чем рукописи. Так возникла идея создания сводного каталога гектографов, поскольку издания подобного характера рассеяны по разным хранилищам. С этой идеей исследователь неоднократно выступал на конференциях, но создать коллектив единомышленников в тот момент не удалось. Однако вскоре Н.Ю. Бубнов получил грант РГНФ и в рамках данного проекта подготовил том описаний гектографов [26]. Фактически, в деле описания подобных памятников исследователь выступал первопроходцем. До него несколько работ, посвященных гектографам, опубликовал П.И. Мангилев, который разработал также методику их описания [27–29]. Гектографические издания Белокриницкого согласия были описаны А.П. Крахмальниковым [30]. Одна из главных проблем, которая возникает при описании гектографических изданий, связана с их спецификой. По многим своим особенностям они похожи на печатные издания. В то же время, существуют и такие гектографы, где значительная часть текста дописана от руки (как в гектографах М.И. Залесского). По этой причине П.И. Мангилев и А.П. Крахмальников придерживались разных принципов описания гектографированных изданий. Н.Ю. Бубнов следующим образом характеризует расхождения их исследовательских подходов: «При сопоставлении методики описания гектографированных изданий и образцов таких описаний, представленных в работах П.И. Мангилева, и описания гектографов в работе А.П. Крахмальникова бросаются в глаза существенные различия. Если Мангилев делает упор главным образом на формальные элементы описания, как того требует методика описания старопечатных книг, то Крахмальников склонен к более полному отображению содержания гектографов, следуя, в большей степени, новейшей методике описания рукописей и приводя в своих описаниях формальные элементы гектографированных изданий в сильно упрощенном виде» [26, с. 10]. Сам исследователь пошел другим путем, приняв уникальное, хотя и не бесспорное решение — совместил принципы описания печатных изданий и рукописных книг (6).

В связи с деятельностью Н.Ю. Бубнова в БАН следует упомянуть библиографический указатель «Сотрудники Отдела рукописей БАН» [32]. Николай Юрьевич начал работать над ним совместно с А.Н. Анфертьевой, а завершил работу вместе с И.А. Вознесенской. Собственно библиографию предваряет очерк по истории отдела, написанный Н.Ю. Бубновым. Открывая повествование, исследователь отмечает: «В структуре Библиотеки Академии наук Рукописное отделение было выделено в 1921 г., но его история как обособленной части Пер-

вого отделения Библиотеки начинается с момента назначения Всеволода Измайловича Срезневского ученым хранителем рукописей в 1901 г.» [32, с. 5]. Таким образом, дается обоснование нижней хронологической границы указателя (1900 г.). Далее следует обзор основных направлений работы Отдела. Особое внимание уделено археографическим экспедициям. Практика поездок по России за рукописями зародилась еще во времена, когда Рукописным отделом руководил В.И. Срезневский. В советские годы данное направление продолжило развиваться, превратившись в один из основных источников пополнения собрания Академической библиотеки древними манускриптами. Авторы-составители не упускают возможности упомянуть и другие вопросы, которые разрабатывались в недрах НИОР БАН. Н.Ю. Бубнов и И.А. Вознесенская пишут о реконструкции библиотеки Петра I, а также книжных собраний монастырей русского севера, о работах над Картотекой Н.К. Никольского и об изучении старообрядческого рукописного наследия. При этом, в очерке отмечается, что столь разносторонняя тематика исследовательской работы Отдела сложилась лишь благодаря высококвалифицированному и сплоченному коллективу сотрудников. Далее следует хронологический список научных трудов, опубликованных сотрудниками Отдела с 1900 по 2017 г. (т.е. за 117 лет). В приложениях к указателю помещены сведения об описаниях рукописей, обзорах рукописных собраний и коллекций, вышедших в БАН, а также библиография библиографии Отдела. В конце расположен биографический справочник «Сотрудники Отдела рукописей БАН». Таким образом, вниманию читателей был представлен не просто библиографический указатель. В книге «Сотрудники Отдела рукописей БАН» методами библиографии отражена история подразделения, которое внесло колоссальный вклад в изучение рукописной книжности русского средневековья и культуры старообрядцев (7).

Изучение гектографов привело Н.Ю. Бубнова к чрезвычайно плодотворному сотрудничеству с Е.С. Данилко, которое вылилось в публикацию совместной монографии. Следует сказать несколько слов об этой работе. В гектографическом издании БАН. 3760 СП Н.Ю. Бубнов обнаружил текст «О самозванце Аркадии, выдающем себя за архиепископа. Экспедиция к нему от уральских старообрядцев и подложные документы его». Так исследователь вышел на комплекс вопросов, связанных с поездкой старообрядцев Белокриницкого согласия на Урал, где они участвовали в диспуте с представителями Беловодского согласия («никудышниками»). Обнаружив данный текст, Н.Ю. Бубнов не стал публиковать его в приложении к описанию гектографов, но написал о нем статью для сборника «Судьба старообрядчества в XX — начале XXI вв.: история и современность» [35]. Редактор сборника С.В. Таранец сообщил Николаю Юрьевичу о том, что в готовящийся сборник поступила ещё одна статья, также посвященная Аркадию, под авторством Е.С. Данилко. Исследовательница шла другим путем. Она изучала судебные дела и фактически восстановила биографию Аркадия. В результате, в одном сборнике были опубликованы обе статьи. Впоследствии Н.Ю. Бубнов и Е.С. Данилко совместными усилиями опубликовали книгу «По Уралу и вокруг света в поисках “истинного священства”», представляющую собой сборник

статей и публикаций источников, посвященных малоизученной Беловодской иерархии в старообрядчестве [36]. Именно там Николай Юрьевич и издал текст, найденный ранее.

Одним из ярчайших памятников древнерусской литературы домонгольского периода является «Слово о полку Игореве». Его поэтика, система образов, изящество выразительных средств уже третье столетие привлекают внимание исследователей. Не избежал соблазна изучить данный памятник и Н.Ю. Бубнов, написавший работу ««Слово о полку Игореве» и поэзия скальдов» [37]. Исследователь дал собственную реконструкцию некоторых мест из «Слова о полку Игореве», а также предположил, что Боян, упоминаемый в тексте — это скальд Эгиль Скалагримсон. Наблюдения Н.Ю. Бубнова, представленные в данной работе, не являются бесспорными. Осознавая ее слабые места, исследователь отмечает, что это единственная работа, в которой он отсекся от всех авторитетов и писал ее, опираясь на свои гипотезы, предположения и воображение.

Научный путь Н.Ю. Бубнова был непростым. Особенно тяжело шел процесс поиска исследовательской тематики. В конце концов, под влиянием А.И. Копанева ученый остановился на вопросах, связанных со старообрядческой книжностью, и посвятил их изучению всю свою жизнь. Являясь одним из первопроходцев в данной области, исследователь заложил основы целого направления науки, в рамках которого предметом изучения стала идеология староверов, выраженная в их литературных сочинениях. При этом Н.Ю. Бубнов никогда не был кабинетным исследователем — он участвовал в археографических экспедициях и активно контактировал со старообрядцами (8). Полевая работа и живое общение позволяли ученому глубже понять старообрядческий мир, погрузиться в его реалии. Характеризуя научный стиль Николая Юрьевича, нельзя не отметить методичную скрупулезность, с которой он подходит к изучению материала. Отсутствие спешки в сочетании с близостью к первоисточникам позволяло и позволяет Н.Ю. Бубнову вести научную работу на высочайшем уровне.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список трудов Н.Ю. Бубнова, опубликованных в 2012–2022 гг.

(См. также Список источников №№ 2, 24, 26, 32, 36, 38)

Бубнов Н.Ю. Жизнь в науке // Николай Юрьевич Бубнов: биобиблиогр. указ.: к 75-летию со дня рождения / БАН. Санкт-Петербург, 2012. С. 52–75.

Бубнов Н.Ю., Подковырова В.Г. Маргарита Владимировна Кукушкина (1925–2007): [некролог] // Археографический ежегодник за 2007–2008 годы / Археогр. комис. РАН. Москва, 2012. С. 567–569.

Беляева И.М., Бубнов Н.Ю. Предисловие // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей БАН. [Вып. 6] / отв. ред. И.М. Беляева; науч. ред. Н.Ю. Бубнов. Санкт-Петербург, 2013. С. 5–8.

Бубнов М.И. Пути, дороженьки: автобиогр. повесть / сост., ред., [авт. предисл. и коммент.] Н.Ю. Бубнов. Уралск: ТОО Жайыкброкер LTD, 2013. 203 с., [2] л. ил.

Бубнов Н.Ю. Библиографический список трудов А.А. Амосова (доп.) // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей БАН. [Вып. 6] / отв. ред. И.М. Беляева; науч. ред. Н.Ю. Бубнов. Санкт-Петербург, 2013. С. 329–332.

Бубнов Н.Ю. К истории полевой археологии: 1. Экспедиции Библиотеки РАН в Каргополь и Поморье (1959–1990 гг.) // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей БАН. [Вып. 6] / отв. ред. И.М. Беляева; науч. ред. Н.Ю. Бубнов. Санкт-Петербург, 2013. С. 40–73.

Бубнов Н.Ю. Рукописный отдел Библиотеки РАН: (очерк научной жизни за 50 лет: по личным впечатлениям) // Петербургская библиотечная школа. 2013. № 4 (44). С. 14–25.

Ред.: Судьба старообрядчества в XX — начале XXI вв.: история и современность: сб. науч. тр. и материалов. Вып. 6 / отв. ред. и сост. С.В. Таранец; ред. кол.: Борjak Г.В., Брехуненко В.А., Бубнов Н.Ю., Горбацкий А.А., Гребцова И.С., Касаткин Л.Л., Богданов В.П., Расков Д.Е., Таранец С.В., Шевчук Е.Ю.; НАН Украины, Ин-т укр. археологии и источниковедения им. М.С. Грушевского [и др.]. Киев; Винница, 2013. 239, LXXXIV с.: ил., факс., цв. ил., портр.

Бубнов Н.Ю. Белокриницкая и Беловодская иерархии: идеологическое противостояние // Старообрядчество: история, культура, современность: материалы [XI Междунар. науч. конф., 11–13 нояб. 2014]. Москва, 2014. Т. I. С. 397–419.

Бубнов Н.Ю. Духовная жизнь староверов Сибири // Русская литература. 2014. № 1. С. 234–240. Рец. на изд.: Духовная литература староверов Востока России XVIII–XIX вв. / отв. ред. Н.Н. Покровский. Новосибирск, 1999. Т. 1. 799 с.; 2005. Т. 2. 580 с.; 2011. Т. 3. 403 с. (История Сибири: Первоисточники; Вып. 9, 12, 13).

Бубнов Н.Ю. Рукописный отдел Библиотеки РАН: (очерк научной жизни за 50 лет: по личным впечатлениям) // Биографический словарь сотрудников Библиотеки Российской академии наук: в 2 кн. / гл. ред. и сост. В.П. Леонов. Санкт-Петербург, 2014. Кн. 2. С. 911–921. (Великая Россия. Рос. биограф. энциклопедия; Т. 14).

Бубнов Н.Ю. Стихи // Петербургская библиотечная школа. 2014. № 1 (45). С. 70–71.

Бубнова Т.Н. Вспоминая блокаду: [блокадный дневник Т.Н. Бубновой] / подготовил и коммент.: Н.Ю. Бубнов // Петербургская библиотечная школа. 2014. № 1 (45). С. 72–76.

Бубнов Н.Ю. Пророки: эпический цикл / Николай Бубнов. Санкт-Петербург: Реноме. 2015. 115 с., ил.

Ред.: Книжная старина: сб. науч. тр. Вып. 3 / РНБ; редкол.: А.И. Алексеев, О.Н. Блескина, А.Ю. Бородихин, Н.Ю. Бубнов, А.В. Вознесенский (пред.), Н.В. Николаев; сост. и науч. ред. А.В. Вознесенский. Санкт-Петербург: РНБ, 2015. 288 с.

Бубнов Н.Ю. Подложные ставленные грамоты «архиепископа» Аркадия Беловодского // Вестник «Альянс-Архео». 2016. № 16. С. 80–111.

Бубнов Н.Ю. Путешествие уральских казаков в Беловодское царство: погоня за призраком // Петербургская библиотечная школа. 2016. № 4 (56). С. 54–63.

Бубнов Н.Ю., Беляева И.М. Рукописный отдел Библиотеки РАН: основные направления научной работы // Современные проблемы археологии. Вып. 2: сб. ст. по материалам конф. к 300-летию БАН, 21–24 окт. 2014 г. / редкол.: Н.Ю. Бубнов, И.А. Вознесенская, В.А. Клишева, М.В. Корогодина, Ф.В. Панченко, В.Г. Подковырова; отв. ред. И.М. Беляева; сост. М.В. Корогодина. Санкт-Петербург, 2016. С. 11–23.

Бубнов Н.Ю., Клишева В.А. А.И. Копанев и археологическое изучение старообрядческого наследия на Русском Севере // Петербургская библиотечная школа. 2016. № 1 (53). С. 30–35.

Ред.: Описание Рукописного отдела Библиотеки Российской академии наук. Т. 10, вып. 2: Лицевые апокалипсисы второй половины XVII — начала XX века / авт.-сост. В.Г. Подковырова; науч. ред. Н.Ю. Бубнов. Москва; Санкт-Петербург: Альянс-Архео, 2016. 668, [1] с., [16] л. цв. ил.: цв. ил.

Ред.: Современные проблемы археологии. Вып. 2: сб. ст. по материалам конф. к 300-летию БАН, 21–24 окт. 2014 г. / редкол.: Н.Ю. Бубнов, И.А. Вознесенская, В.А. Клишева, М.В. Корогодина, Ф.В. Панченко, В.Г. Подковырова; отв. ред. И.М. Беляева; сост. М.В. Корогодина. Санкт-Петербург: БАН, 2016. 509 с.

Бубнов Н.Ю. Сочинения русских старообрядцев: программа научного описания старообрядческих рукописей Библиотеки РАН: замысел и воплощение // Академи-

ческая археография в России XVIII–XIX веков: (Тихомировские чтения 2016 года: К 60-летию Археографической комиссии РАН). Москва, 2017. С. 77–92.

Бубнов Николай. Как это было: Моя жизнь в Германии в период советской оккупации 1946–1948 гг. / подготовила публ. Ольга Комарова // Партнёр=[Partner]. Dortmund, 2018. № 5 (248). С. 70–71.

Бубнов Н.Ю. Встреча и беседа В.И. Ленина с Н.А. Рязановым в Льеже в 1909 году: (неизвестные эпизоды из истории рус. революц. эмиграции) // Петербургская библиотечная школа. 2018. № 4 (65). С. 73–83.

Ред.: Книжная старина: сб. науч. тр. Вып. 4 / РНБ; редкол.: А.И. Алексеев, О.Н. Блескина, А.Ю. Бородихин, Н.Ю. Бубнов, А.В. Вознесенский (пред.), Н.В. Николаев; сост. и науч. ред. А.В. Вознесенский. Санкт-Петербург: РНБ, 2018. 241 с.

Бубнов Н.Ю. Научная работа сотрудников Отдела рукописей БАН // Сотрудники Отдела рукописей БАН: биобиблиогр. указ. (1900–2017 гг.) / сост.: Н.Ю. Бубнов, И.А. Вознесенская, при участии А.Н. Анфертьевой; под науч. ред. Н.Ю. Бубнов. Санкт-Петербург, 2019. С. 5–26.

Бубнов Н.Ю. После блокады / запись и подготовка публ. О.А. Комаровой // После блокады: истории наших читателей: [сб.] / Ком. по культуре С.-Петербурга; [ЦГ-ПБ им. В.В. Маяковского]. Санкт-Петербург, 2019. С. 38–43.

Бубнов Н.Ю. Последний скит каргопольских скрытников в д. Залесье // Вестн. Сыктывкар. ун-та. Сер. гуманитар. наук. 2019. № 1 (9). С. 39–47.

Бубнов Н.Ю. «Слово на Покров Пресвятыя Богородицы» и гравированный портрет старообрядца Ильи Ковылина // Петербургская библиотечная школа. 2019. № 3 (68). С. 140–148.

Бубнов Н.Ю. Старообрядческая «История о патриархе Никоне»: атрибуции неизвестных источников // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей БАН. Вып. 7 / отв. ред. и сост. В.Г. Подковырова. Санкт-Петербург, 2019. С. 344–354.

Подковырова В.Г., Бубнов Н.Ю. Собрания книг, рукописей и архивных материалов академика Н.К. Никольского (1863–1936) в фондах Отдела рукописей БАН // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей БАН. Вып. 7 / отв. ред. и сост. В.Г. Подковырова. Санкт-Петербург, 2019. С. 53–62.

Бубнов Н.Ю. Археографические экспедиции сотрудников Библиотеки Академии наук в газетных публикациях (1968–1994 гг.) // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей БАН. Вып. 8: Памяти Александра Александровича Амосова (1948–1996) / сост. и ред.: Ф.В. Панченко (отв. ред.), О.С. Сапожникова. Санкт-Петербург, 2020. С. 136–177.

Бубнов Н.Ю. Серия научного описания рукописей: «Сочинения писателей-старообрядцев» в Библиотеке Российской академии наук // Петербургская библиотечная школа. 2020. № 1 (70). С. 21–29.

Бубнов Н.Ю. Старообрядческие сказания о патриархе Никоне // Старообрядчество в истории и культуре России: проблемы изучения: сб. материалов Междунар. науч. конф., Москва, 26–27 окт. 2020 г. / Ин-т рос. истории РАН. Москва, 2020. С. 107–128.

Бубнов Н.Ю. «Троица пребеззаконная»: новонайденная старообрядческая повесть о патриархе Никоне // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей БАН. Вып. 8: Памяти Александра Александровича Амосова (1948–1996) / сост. и ред.: Ф.В. Панченко (отв. ред.), О.С. Сапожникова. Санкт-Петербург, 2020. С. 501–528.

Бубнов Н.Ю. «В одиночку выжить было невозможно» / публ. подготовила Ольга Комарова // Блокада глазами очевидцев: дневники и воспоминания: кн. восьмая. Санкт-Петербург, 2021. С. 195–203.

Бубнов Н.Ю. Протопоп Аввакум и патриарх Никон: Жизнь и служение глазами старообрядцев // Российский журнал истории Церкви. 2022. Т. 3, № 1S: Русские старообрядцы: история и искусство: сб. ст. С. 17–37.

Бубнов Н.Ю. «Слово о полку Игореве» и «Житие» протопопа Аввакума (Третий путь — языческая магия и христианское чудо) // Наука и библиотека: сб. науч. тр. Вып. 5 / БАН. Санкт-Петербург, 2022. С. 18–36.

Примечания

1. Перечень трудов Н.Ю. Бубнова см.: [1]. Список работ за 2012–2022 гг. помещен в приложении к настоящей статье.

2. Данный период жизни Н.Ю. Бубнова описан в его мемуарах [2].

3. В своем очерке, посвященном биографии А.И. Копанева, М.П. Ирошников писал, что «в начале 1953 г., в сложное и трудное время, отмеченное тотальной идеологизацией жизни страны, нарастанием всеобщей подозрительности и страха, развертыванием официальными структурами борьбы с так называемым буржуазным активизмом, космополитизмом и т.п., А.И. был вынужден уйти из ЛОИИ» [3, с. 10].

4. В годы заведования А.И. Копанева был опубликован лишь второй выпуск третьего тома Описания Рукописного отдела БАН, посвященный историческим сборникам [7]. Вместе с тем, при нем началась подготовка других изданий, которые увидели свет уже после ухода Александра Ильича с поста заведующего. В 1971 г. вышел третий выпуск третьего тома [8]. В 1973 г. И.Н. Лебедева выпустила каталог греческих рукописей, хранящихся в Отделе рукописей [9].

5. Особое внимание уделялось литературной деятельности протопопа Аввакума. В 1960 г. свет увидел сборник его сочинений [12]. Наиболее значимые работы, посвященные деятельности одного из главных старообрядческих публицистов, были написаны Н.С. Демковой. В 1969 г. исследовательница защитила кандидатскую диссертацию «Житие протопопа Аввакума: (Творческая история текста)» [13]. Список ее работ см.: [14].

6. Рецензию на труд Н.Ю. Бубнова см.: [31].

7. В печати были опубликованы две рецензии на указанное издание. Первая вышла из-под пера М.П. Лепехина и имеет, в целом, положительный характер, хотя и содержит отдельные замечания [33]. Вторая рецензия, написанная А.А. Романовой, в целом, критическая. По мнению рецензента, основная сложность заключается в том, что непонятно, с какого момента следует начинать историю Отдела рукописей, что он из себя представлял на разных этапах своего существования и как назывался. В частности, до 1996 г. он имел статус сектора в составе более крупного подразделения — Отдела рукописной и редкой книги. В 1996 г. последний был реформирован, а секторам был присвоен статус самостоятельных отделов. Указанное обстоятельство приводит к путанице: непонятно, как отделить труды сектора рукописей от трудов сектора редкой книги, поскольку деятельность двух подразделений пересекалась. Недоумение А.А. Романовой вызывает также то, что библиография охватывает именно 117 лет. Непонятны причины, по которым был выбран указанный период времени [34].

8. См. например: [38].

Список источников

1. Николай Юрьевич Бубнов: биобиблиогр. указ.: к 75-летию со дня рождения / БАН; [вступ. ст. Ф.В. Панченко]. Санкт-Петербург: БАН, 2012. 74, [3] с.: ил., портр.

2. Бубнов Н.Ю. Война и блокада глазами ребенка. Острогжский дневник: история рода купцов Рязановых / Николай Бубнов. Санкт-Петербург: Реноме, 2020. 303, [1] с.: ил., портр., факс.

3. Ирошников М.П. Александр Ильич Копанев // Александр Ильич Копанев: сб. ст. и воспоминаний / БАН и др. Санкт-Петербург, 1992. С. 9–13.

4. Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Т. 3, вып. 1: (Хронографы, летописи, степенные, родословные разрядные книги) / сост.: В.Ф. Покровская, А.И. Копанев, М.В. Кукушкина, М.Н. Мурзанова; под ред. А.И. Андреева. 2-е изд., доп. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1959. 707 с.

5. Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Вып. II: XIX–XX века / авт.: А.И. Копанев, В.А. Петров, М.Н. Мурзанова, В.Ф. Покровская, Е.И. Боброва, Е.Э. Гранстрем, М.В. Кукушкина; отв. ред. В.П. Адрианова-Перетц. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, Ленинград. отд-ние, 1958. 398, [2] с.

6. История Библиотеки Академии наук СССР: 1714–1964 / авт. кол.: С.П. Луппов, А.И. Копанев, М.В. Кукушкина и др.; отв. ред. М.С. Филиппов. Москва; Ленинград: Наука, 1964. 599 с., ил., портр.

7. Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Т. 3, вып. 2: Исторические сборники XV–XVII вв. / сост.: А.И. Копанев, М.В. Кукушкина, В.Ф. Покровская; отв. ред. В.А. Петров. Москва; Ленинград: Наука, [Ленингр. отд-ние], 1965. 362 с.

8. Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Т. 3, вып. 3: Исторические сборники XVIII–XIX вв. / сост.: Н.Ю. Бубнов, А.И. Копанев, М.В. Кукушкина, О.П. Лихачева; отв. ред. А.И. Копанев. Ленинград: Наука, [Ленингр. отд-ние], 1971. 420 с.

9. Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Т. 5: Греческие рукописи / сост. И.Н. Лебедева; отв. ред. Е.Э. Гранстрем. Ленинград: Наука, Ленингр. отд-ние, 1973. 242 с.

10. БАН. 17.17.9. Хронографический том Лицевого летописного свода.

11. БАН. 31.7.30–1, 2. Остермановский I и II тома Лицевого летописного свода.

12. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / [под общ. ред. Н.К. Гудзия; вступ. ст. В.Е. Гусева (с. 5–51); подготовка текста и коммент. Н.К. Гудзия, В.Е. Гусева, А.С. Елеонской, А.И. Мазунина, В.И. Малышева, Н.С. Сарафановой. Москва: Гослитиздат, 1960]. 479 с., 5 л. ил.: ил.

13. Демкова Н.С. Житие протопопа Аввакума: (Творческая история текста): автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук / АН СССР. Ин-т рус. литературы (Пушкинский дом). Ленинград, 1969. 19 с.

14. Хронологический список трудов Натальи Сергеевны Демковой (Сарафановой) за 1958–2001 гг. // ТОДРЛ / ИРЛИ РАН. Санкт-Петербург, 2003. Т. 53. С. 643–653.

15. Бубнов Н.Ю. Источники по истории формирования идеологии раннего старообрядчества: дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук: (07.00.09) / Ленингр. отд-ние Ин-та истории СССР АН СССР. Ленинград, 1975. 244 с.; Бубнов Н.Ю. Источники по истории формирования идеологии раннего старообрядчества: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук: (07.00.09) / Ленингр. отд-ние Ин-та истории СССР АН СССР. Ленинград, 1975. 19 с.

16. Бубнов Н.Ю. Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в.: источники, типы и эволюция: дис. на соиск. учен. степ. д-ра ист. наук: 07.00.09 / АН СССР. Ин-т истории СССР. Ленингр. отд-ние. Ленинград, 1989. 532 с.; Бубнов Н.Ю. Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в.: (источники, типы и эволюция): автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра ист. наук: (07.00.09) / АН СССР. Ин-т истории СССР. Ленингр. отд-ние. Ленинград, 1990. 39 с.

17. Бубнов Н.Ю. Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в.: источники, типы и эволюция / БАН. Санкт-Петербург: БАН, 1995. 434, [1] с.: факс.

18. Пергаменные рукописи Библиотеки Академии наук СССР: описание рус. и славян. рукописей XI–XVI вв. / сост.: Н.Ю. Бубнов, О.П. Лихачева, В.Ф. Покровская; под ред. В.Ф. Покровской. Ленинград: Наука, Ленингр. отд-ние, 1976. 236 с.

19. Ангелов Б. «Пергаменные рукописи Библиотеки ...» // Литературна мисъл. 1977. № 9. С. 131–133. Рец. на кн.: Пергаменные рукописи Библиотеки Академии наук СССР: описание рус. и славян. рукописей XI–XVI вв. / сост.: Н.Ю. Бубнов, О.П. Лихачева, В.Ф. Покровская; под ред. В.Ф. Покровской. Ленинград: Наука, Ленингр. отд-ние, 1976. 236 с.

20. Бегунов Ю.К. Описание собрания пергаменных рукописей // Советские архивы. 1977. № 4. С. 105–106. Рец. на кн.: Пергаменные рукописи Библиотеки Академии наук СССР: описание рус. и славян. рукописей XI–XVI вв. / сост.: Н.Ю. Бубнов, О.П. Лихачева, В.Ф. Покровская; под ред. В.Ф. Покровской. Ленинград: Наука, Ленингр. отд-ние, 1976. 236 с.

21. Павлова Р. Пергаменные рукописи Библиотеки ... // Болгарская русистика. 1978. № 1. С. 76–79. Рец. на кн.: Пергаменные рукописи Библиотеки Академии наук СССР: описание рус. и славян. рукописей XI–XVI вв. / сост.: Н.Ю. Бубнов, О.П. Лихачева, В.Ф. Покровская; под ред. В.Ф. Покровской. Ленинград: Наука, Ленингр. отд-ние, 1976. 236 с.

22. Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Т. 7, вып. 1: Сочинения писателей-старообрядцев XVII века / сост. Н.Ю. Бубнов; отв. ред. А.И. Копанев. Ленинград: Наука, Ленингр. отд.-ние. 1984. 316 с.
23. Описание Рукописного отдела Библиотеки Российской академии наук. Т. 7, вып. 2: Сочинения писателей-старообрядцев первой половины XVIII века / сост. Н.Ю. Бубнов. Санкт-Петербург: Петерб. Востоковедение, 2001. 435, [3] с.
24. Описание Рукописного отдела Библиотеки Российской академии наук. Т. 7, вып. 3: Сочинения писателей-старообрядцев второй половины XVIII века / авт.-сост.: Н.Ю. Бубнов, В.А. Клишева, при участии А.А. Кудрина; науч. ред. Н.Ю. Бубнов. Санкт-Петербург: Петерб. Востоковедение, 2019. 541, [1] с.
25. Описание Рукописного отдела Библиотеки Российской академии наук. Т. 10, вып. 1: Лицевые старообрядческие рукописи XVIII — первой половины XX века / авт.-сост.: Н.Ю. Бубнов, Е.К. Братчикова, В.Г. Подковырова; рук. проекта И.М. Беляева; отв. ред. Н.Ю. Бубнов. Санкт-Петербург: БАН, 2010. 672 с.
26. Старообрядческие гектографированные издания Библиотеки Российской академии наук, последняя четверть XIX — первая четверть XX вв.: кат. изданий и избр. тексты / авт.-сост. Н.Ю. Бубнов. Санкт-Петербург: БАН, 2012. 458, [1] с.: ил.
27. Мангилев П.И. Некоторые задачи изучения старообрядческих гектографированных изданий // Книга и книжное дело Сибири: история, современность, перспективы развития: (к 200-летию сиб. книгопечатания): [тез. докл. и сообщ. Всесоюз. науч. конф., 23–25 окт. 1989 г.] Новосибирск, 1989. С. 224–227.
28. Мангилев П.И. О методике описания гектографических изданий: (на материалах собрания УрГУ) // Тезисы докладов студенческой научной конференции «Духовная культура Урала», 3–5 февр. 1987 г. Свердловск, 1987. [2]: Лингвистика. Археология. Этнография. Археология. С. 37–38.
29. Описание старообрядческих гектографированных изданий: метод, рекомендации / сост. П.И. Мангилев. Екатеринбург, 1993. 34 с.
30. Крахмальников А.П. Описание рукописей и гектографированных изданий старообрядцев белокриницкого согласия (1846–1917 гг.): часть I // Общественное сознание и литература XVI–XX вв.: сб. науч. тр. / РАН. Сиб. отд.-ние. Новосибирск, 2001. С. 356–381; Крахмальников А.П. Описание рукописей и гектографированных изданий старообрядцев белокриницкого согласия (1846–1917 гг.): часть II // Исторические и литературные памятники «высокой» и «низовой» культуры в России XVI–XX вв.: сб. науч. тр. / РАН. Сиб. отд.-ние. Новосибирск, 2003. С. 326–349.
31. Вознесенский А.В. Первый опыт каталога старообрядческих гектографических изданий // Археографический ежегодник за 2012 год / Археогр. комис. Р Москва, 2016. С. 306–313. Рец. на кн.: Старообрядческие гектографированные издания Библиотеки Российской академии наук, последняя четверть XIX — первая четверть XX вв.: кат. изданий и избр. тексты / авт.-сост. Н.Ю. Бубнов. Санкт-Петербург: БАН, 2012. 458, [1] с.: ил.
32. Сотрудники Отдела рукописей БАН: биобиблиогр. указ. (1900–2017 гг.) / сост.: Н.Ю. Бубнов, И.А. Вознесенская, при участии А.Н. Анфертьевой; под науч. ред. Н.Ю. Бубнова. Санкт-Петербург: БАН, 2019. 261 с., 24 с. ил.
33. Лепехин М.П. Ценный вклад в историографию Библиотеки Российской академии наук // Библиография. 2020. № 3 (428). С. 135–144. Рец. на кн.: Сотрудники Отдела рукописей БАН: биобиблиогр. указ. (1900–2017 гг.) / сост.: Н.Ю. Бубнов, И.А. Вознесенская, при участии А.Н. Анфертьевой; под науч. ред. Н.Ю. Бубнова. Санкт-Петербург: БАН, 2019. 261 с., 24 с. ил.
34. Романова А.А. Отдел рукописей БАН: 117 лет, 1434 публикации и одно неюбилейное издание с большими загадками // Библиография. 2020. № 3 (428). С. 145–151. Рец. на кн.: Сотрудники Отдела рукописей БАН: биобиблиогр. указ. (1900–2017 гг.) / сост.: Н.Ю. Бубнов, И.А. Вознесенская, при участии А.Н. Анфертьевой; под науч. ред. Н.Ю. Бубнова. Санкт-Петербург: БАН, 2019. 261 с., 24 с. ил.
35. Бубнов Н.Ю. Поиски старообрядцами истинного архиерейства. «Архиепископ» Аркадий Беловодский // Судьба старообрядчества в XX — начале XXI вв.: история и современность: сб. науч. тр. и материалов. Вып. 5: к 75-летию со дня рождения вед. науч. сотр. Б-ки РАН Николая Юрьевича Бубнова / отв. ред. и сост.

С.В. Таранец; НАН Украины, Ин-т укр. археографии и источниковедения им. М.С. Грушевского [и др.]. Киев; Винница, 2011. С. 353–368.

36. По Уралу и вокруг света в поисках «истинного священства»: исследования и документы по истории беловодской иерархии / авт.-сост. Е.С. Данилко, Н.Б. Бубнов; Ин-т этнологии и этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; БАН. Москва: Индрик, 2021. 512 с., ил.

37. Бубнов Н.Ю. «Слово о полку Игореве» и поэзия скальдов. Санкт-Петербург: Рус. симфония; БАН, 2006. 408, [2] с. (Книжные памятники из фондов Библиотеки Академии наук; Вып. 8).

38. Переписка сотрудников Рукописного отдела Библиотеки РАН с И.Н. Заволоко (1972–1983) / публ., вступ. статья и коммент. Н.Ю. Бубнова // *Studia Religiosa Rossica*. 2021. № 3. С. 88–133.

ZHUKOV A. Nikolai Yurievich Bubnov: stages of scientific biography

Zhukov Artem — Senior researcher, Candidate of Historical Sciences, Research Department of Manuscripts

Russian Academy of Sciences Library, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: artemnovgor@inbox.ru

ABSTRACT

The article devoted to the characteristics of the scientific way of N.Yu. Bubnov — the outstanding scientist, historian, specialist in the old-believer's literature, leading researcher of the Research Department of Manuscripts of the Russian Academy of Sciences Library. The text is based on an interview taken by the author directly from the researcher.

Key words: Bubnov Nikolai Yurievich, historiography, archeography, old believers, hectographs, manuscripts.

УДК 023.5
ББК 72.3г(2) Панов А.А.

Н.В. Бекжанова

АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ ПАНОВ (1907–1981) — ВОЕННЫЙ И БИБЛИОТЕКАРЬ

Бекжанова Наиля Вилевна — кандидат педагогических наук, заведующий отделом, Отдел научной систематизации литературы

Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: beczan17@rambler.ru, onsl@rasl.nw.ru

АННОТАЦИЯ

Список публикаций заведующего отделом научной систематизации литературы БАН А.А. Панова раскрывает тематическое разнообразие его библиотекведческих работ, представляет его вклад в разработку и совершенствование Библиотечно-библиографической классификации (ББК) и создание Центрального систематического каталога Библиотеки Российской академии наук.

Ключевые слова: Александр Алексеевич Панов (1907–1981), Библиотека Российской академии наук (БАН), Отдел научной систематизации литературы (ОНСЛ), Библиотечно-библиографическая классификация (ББК), Центральный систематический каталог (ЦСК).

21 сентября 2022 г. в Библиотеке Российской академии наук (БАН) состоялись научные чтения «Реальные и формальные каталоги БАН: история, современное состояние, перспективы», посвященные 115-летию со дня рождения Александра Алексеевича Панова, руководившего отделом научной систематизации литературы (ОНСЛ) в 1962–1981 гг. В ходе подготовки чтений был составлен список трудов А.А. Панова и открыта выставка, рассказывающая о его жизни и деятельности, знакомящая с его основными публикациями.

Жизнь Александра Алексеевича Панова строго делится на две части: военную и библиотечную. В каждой из них он достиг серьезных успехов.

Военный период его жизни связан с Военной Технической Академией РККА (в настоящее время это Военная академия связи им. С.М. Буденного), которую он окончил в 1934 г. и в числе лучших выпускников-офицеров был оставлен для службы в академии.

В последующие годы он занимал должности инженера, начальника лаборатории, преподавателя, старшего преподавателя на кафедре организации связи, а с 1952 г. — начальника научно-исследовательского отдела. В 1957 г. в звании инженер-полковника Александр Алексеевич по состоянию здоровья был уволен в запас.

В октябре того же года он поступил на работу в БАН на должность главного библиографа в недавно созданный отдел систематизации литературы (ОСИ), работал над разделом технических наук и руководил сектором естественных и технических наук [1].

В 1962 г. Александр Алексеевич возглавил отдел. Он стал организатором всей работы ОСИ, связанной с участием БАН в составлении Библио-

течно-библиографической классификации (ББК); участвовал в разработке и руководил применением на практике БАНовского метода перевода старых систематических каталогов на новые схемы путем перегруппировки и пересистематизации. По его инициативе осуществлялся прием законченных разделов систематического каталога на заседаниях научно-методического совета отдела и рецензирование принимаемых разделов учеными из различных исследовательских институтов и вузов города, а также представителями других библиотек. Под его руководством был создан Алфавитно-предметный указатель (АПУ) к систематическому каталогу (ЦСК).

Александру Алексеевичу принадлежит идея сделать ЦСК БАН методическим центром для сети ленинградских академических библиотек. Под его редакцией в отделе было подготовлено и выпущено шесть сборников научных трудов, посвященных закреплению вклада БАН в разработку и оптимизацию ББК [2, с. 21–22].

Вклад Александра Алексеевича в отечественное библиотековедение не мог остаться незамеченным. А.А. Панов неоднократно отмечался благодарностями, почетными грамотами, в 1981 г. в ряду других участников работы над ББК был удостоен Государственной премии СССР [3] (1).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список публикаций А.А. Панова

Библиотечно-библиографическая классификация

Библиотечно-библиографическая классификация: табл. для науч. б-к / ГБЛ им. В.И. Ленина, ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, Б-ка АН СССР, ВКП. — М., 1960–1990. — Вып. 1–25.

Вып. 7, ч. 1: Ж Техника и технические науки в целом. — М., 1963. — 127 с.

Составитель схемы по метрологии и технике измерения.

Вып. 7, ч. 2: 3 Энергетика. Радиоэлектроника. — М.: Книга, 1964. — 299 с.

Составитель схемы по электроэнергетике.

Вып. 8: И Горное дело. К Технология металлов. Машиностроение. Приборостроение. — М.: Книга, 1965. — 357 с.

Составитель схемы по приборостроению.

Схема библиотечной классификации по технике Центральной научно-технической библиотеки Ленсовнархоза / Совет нар. хозяйства Ленингр. экон. адм. района. Центр. бюро техн. информации Центр. науч.-техн. б-ка. — Ленинград, 1961. — Вып. 1: Сокращенный вариант. — 172, 6 с. (Совместно с Ю.Б. Азаровой).

Составитель классификационной схемы по радиоэлектронике и электротехнике.

Библиотечно-библиографическая классификация, методические вопросы

Выступления на конференции // Систематический каталог и вопросы библиотечной классификации: сб. докл., зачит. на науч. конф. Б-ки Акад. наук СССР, 24–25 апр. 1958 г. / АН СССР. Б-ка; под ред. В.И. Молодцова и А.Х. Рафикова. — М.; Л., 1959. — С. 106–107.

К вопросу о структуре схемы библиотечной классификации по радиоэлектронике // Тр. БАН и ФБОН. — М.; Л., 1962. — Т. 6. — С. 48–59.

О схеме библиотечной классификации по разделу «Военная наука» // Тр. БАН и ФБОН. — М.; Л., 1963. — Т. 7. — С. 22–34. — (Соавт.: Захаров Т.П.).

Об участии Библиотеки Академии наук СССР в разработке таблиц единой Библиотечно-библиографической классификации // ББИ. — 1965. — № 2(55). — С. 1–21. — (Соавт.: Воронов В.Н., Кац Н.И., Морозова А.И.).

Участие Библиотеки Академии наук СССР в разработке советской библиотечно-библиографической классификации // 250 лет Библиотеке Академии наук СССР: сб. докл. юбил. науч. конф., 25–26 нояб. 1964 г. / АН СССР. Б-ка АН СССР. — М.; Л., 1965. — С. 242–258.

[Сообщение о методах перевода центрального систематического каталога Библиотеки АН СССР на новую схему ББК] // ББИ. — 1966. — № 1(59). — С. 111–112.

[БАН и проблема создания единой государственной системы ББК: выступление на IX совещании директоров б-к Акад. наук СССР и акад. наук союз. респ.] // ББИ. — 1967. — № 1(63). — С. 43–47.

Об опыте перевода центрального систематического каталога Библиотеки Академии наук СССР на схему библиотечно-библиографической классификации // ББИ. — 1967. — № 3(65). — С. 5–23.

[Разработка ББК и внедрение ее в практику работы академических библиотек — одно из основных направлений в деятельности библиотек: из выступления на 9-м совещании директоров библиотек АН СССР и союзных республик] // ББИ. — 1967. — № 3(65). — С. 43–47.

Опыт перевода центрального систематического каталога Библиотеки Академии наук СССР на схему ББК // Б-ки СССР / ГБЛ им. В.И. Ленина. — 1968. — Вып. 38. — С. 69–77.

[О задачах библиотек в области информационно-библиографической деятельности и значении совершенствования справочно-библиографического аппарата: выступление на 10-м совещании директоров б-к Акад. наук СССР и акад. наук союз. респ.] // ББИ. — 1969. — № 2(72). — С. 59–64.

О сборнике статей «Вопросы библиотечно-библиографической классификации и практика перевода систематического каталога на схему ББК: (из опыта работы Б-ки АН СССР)» // ББИ. — 1969. — № 4(74). — С. 150–155.

Об участии специалистов-систематизаторов в комплектовании Библиотеки иностранной литературы: (из опыта Б-ки Акад. наук СССР) // ББИ. — 1970. — № 2(76). — С. 89–95.

Перевод систематического каталога на Библиотечно-библиографическую классификацию и единство требований при ее применении в Библиотеке АН СССР // Материалы 10-й научной конференции Библиотеки Академии наук СССР, 18–20 окт. 1967 г. / Б-ка АН СССР. — Л., 1970. — С. 173–190.

О наиболее важных условиях развития ББК // Библиотечно-библиографическая классификация и практика перевода систематического каталога на схему ББК: (из опыта работы Б-ки АН СССР) / АН СССР. Б-ка АН СССР. — Л., 1971. — С. 12–32.

О марксистско-ленинских основах советской библиотечно-библиографической классификации по естественным наукам // Библиотечно-библиографическая классификация: сб. материалов по обмену опытом / ГБЛ им. В.И. Ленина. Отд. библиогр. классификации. — М., 1972. — С. 75–88. — (Соавт.: Острецова М.А.).

О работе научно-методического совета: (из опыта Отдела научной систематизации литературы БАН СССР) // ББИ. — 1972. — № 1(82). — С. 43–52.

Опыт применения ББК в Библиотеке Академии наук СССР // Проблемы внедрения библиотечно-библиографической классификации: сб. науч. тр. / ГБЛ им. В.И. Ленина. НИО ББК. — М., 1973. — Вып. 1, ч. 1: Материалы Совещания методических центров библиотек по внедрению ББК, Москва, 2–5 окт. 1972 г. — С. 67–93.

Некоторые вопросы оптимизации подготовки серии «Естественные науки» Общесоюзного сводного печатного каталога зарубежных книг // Оптимизация традиционных форм библиотечно-библиографической работы библиотек Академии

наук СССР и академий наук союзных республик : сб. науч. тр. / БЕН АН СССР, БАН СССР, ГПНТБ СО АН СССР, ИНИОН АН СССР, Библ. совет по естеств. наукам при Президиуме АН СССР. — М., 1974. — С. 48–55. — (Соавт.: Данченко Т.Н.).

Об основных направлениях оптимизации ББК // Проблемы оптимизации традиционных информационно-поисковых систем в библиотеках : сб. тр. 11 науч. конф. Б-ки АН СССР (30 мая — 2 июня 1972 г.) / Б-ка АН СССР. — Л., 1974. — С. 15–30.

Общесоюзный сводный печатный каталог зарубежных книг (ОСПК-ЗК) — автоматизированная система оперативной текущей библиографической информации о зарубежной литературе по естественным наукам: пути дальнейшего развития и совершенствования системы // Проблемы библиотечно-библиографической работы : тез. докл. : (материалы к 13 совещ. директоров б-к Акад. наук СССР и акад. наук союз. респ., Баку, 24–27 сент. 1974 г.). — Баку, 1974. — С. 65–67. — (Соавт.: Данченко Т.Н., Малышева З.Р.).

Роль и значение ББК при составлении библиографических изданий // Проблемы библиотечно-библиографической работы : тез. докл. : (материалы к 13 совещанию директоров б-к Акад. наук СССР и акад. наук союз. респ., Баку, 24–27 сент. 1974 г.). — Баку, 1974. — С. 42–43.

Проблема классифицирования литературы в централизованной системе Библиотеки АН СССР // Проблемы централизации работы библиотек Академии наук СССР и академий наук союзных республик : сб. науч. тр. / БЕН АН СССР, Б-ка АН СССР, ГПНТБ СО АН СССР, ИНИОН АН СССР, Библ. совет по естеств. наукам при Президиуме АН СССР. — М., 1975. — С. 51–59. — (Соавт.: Сухманева Е.Г.).

Роль и значение советской Библиотечно-библиографической классификации при составлении библиотечно-библиографических изданий // Информационно-библиографическое обслуживание читателей библиотек Академии наук СССР и академий наук союзных республик : сб. науч. тр. / БЕН АН СССР, Б-ка АН СССР, ГПНТБ СО АН СССР, ИНИОН АН СССР, Библ. совет по естеств. наукам при Президиуме АН СССР. — М., 1975. — С. 21–36. — (Соавт.: Сухманева Е.Г.).

Библиотечно-библиографическая классификация в условиях централизованной системы Библиотеки АН СССР // Тезисы докладов к XIV совещанию директоров библиотек Академии наук СССР и академий наук союзных республик (Ашхабад, 5–7 окт. 1976 г.) / БЕН АН СССР, Библ. совет по естеств. наукам при Президиуме АН СССР. — М., 1976. — С. 100.

К вопросу о концепции второго издания ББК : (подход к проблеме) // Проблемы оптимизации Библиотечно-библиографической классификации : из опыта работы отд. науч. систематизации лит. БАН СССР : сб. науч. тр. / Б-ка АН СССР. — Л.: БАН, 1976. — С. 9–23.

О запросах читателей в центральном систематическом каталоге Библиотеки АН СССР // Роль и место каталогов и картотек в библиотечно-библиографической работе библиотек Академии наук СССР и академий наук союзных республик : сб. науч. тр. / БЕН АН СССР, Б-ка АН СССР, ГПНТБ СО АН СССР, ИНИОН АН СССР, Библ. совет по естеств. наукам при Президиуме АН СССР. — М., 1976. — С. 48–62. — (Соавт.: Сухманева Е.Г.).

О методике оценки качества работы в библиотеке (по опыту отдела научной систематизации литературы БАН СССР) // Вопросы научно-методического руководства : сб. науч. тр. / БЕН АН СССР, Б-ка АН СССР, ГПНТБ СО АН СССР, ИНИОН АН СССР, Библ. совет по естеств. наукам при Президиуме АН СССР. — М., 1976. — С. 39–45.

Об ИПЯ в автоматизированной системе общесоюзного сводного печатного каталога зарубежных книг // Проблемы оптимизации Библиотечно-библиографической классификации : из опыта работы отд. науч. систематизации лит. БАН СССР : сб. науч. тр. / Б-ка АН СССР. — Л.: БАН, 1976. — С. 108–114. — (Соавт.: Данченко Т.Н.).

Предисловие // Проблемы оптимизации Библиотечно-библиографической классификации : из опыта работы отд. науч. систематизации лит. БАН СССР : сб. науч. тр. / Б-ка АН СССР. — Л.: БАН, 1976. — С. 3–8.

Научная конференция по проблемам ББК [Ленинград, 12–14 апр. 1977 г.] // Сов. библиогр. — 1977. — № 6. — С. 80–85. — (Соавт.: Журжалина Н.П.).

О концепции второго издания ББК // Оптимизация Библиотечно-библиографической классификации и концепция ее второго издания : (сб. науч. тр.) / Б-ка АН СССР. — Л., 1977. — С. 16–31. — (Соавт.: Журжалина Н.П., Парийский В.Л., Ханджян И.Г.).

О профессиональной учебе специалистов функционального отдела библиотеки // Повышение квалификации библиотечных кадров : сб. науч. тр. / БЕН АН СССР, Б-ка АН СССР, ГПНТБ СО АН СССР, ИНИОН АН СССР, Библ. совет по естеств. наукам при Президиуме АН СССР. — М., 1977. — С. 50–59.

Основные требования к библиотечно-библиографической классификации в условиях централизованной системы БАН СССР // Опыт централизации библиотечного дела : сб. науч. тр. / БЕН АН СССР, Б-ка АН СССР, ГПНТБ СО АН СССР, ИНИОН АН СССР, Библ. совет по естеств. наукам при Президиуме АН СССР. — М., 1977. — С. 175–190.

Создание и развитие советской Библиотечно-библиографической классификации // Оптимизация Библиотечно-библиографической классификации и концепция ее второго издания : (сб. науч. тр.) / Б-ка АН СССР. — Л., 1977. — С. 7–15. — (Соавт.: Тер-Аванесян Д.В., Баннов Ю.Н.).

Erfahrungen bei der Anwendung der sowjetischen BVK in der Bibliothek der Akademie der Wissenschaften der UdSSR // Die sowjetische BVK und ihre Anwendung im Ausland : Beiträge aus der Seminaren der Sachkatalogisierung in Gotha / Methodisches Zentrum für Wissenschaftliche Bibliotheken. — Berlin, 1977. — S. 18–30.

О важном требовании к библиотечно-библиографической классификации в условиях централизованной библиотечной системы // Проблемы централизации библиотечной работы : сб. науч. тр. / БЕН АН СССР, Б-ка АН СССР, ГПНТБ СО АН СССР, ИНИОН АН СССР, Библ. совет по естеств. наукам при Президиуме АН СССР. — М., 1978. — С. 5–17. — (Сер.: Б-ки Акад. наук СССР и акад. наук союз. респ.; вып. 2).

О структуре Библиотечно-библиографической классификации // Усовершенствование и применение Библиотечно-библиографической классификации : (сб. науч. тр.) / Б-ка АН СССР. — Л.: БАН, 1978. — С. 10–18. — (Соавт.: Журжалина Н.П.).

Эффективность взаимодействия между информационными системами и лингвистическое обеспечение автоматизированной ИПС БАН СССР // Эффективность информационно-библиографической деятельности библиотек Академии наук СССР и академий наук союзных республик : сб. науч. тр. / БЕН АН СССР, Б-ка АН СССР, ГПНТБ СО АН СССР, ИНИОН АН СССР, Библ. совет по естеств. наукам при Президиуме АН СССР. — М., 1978. — С. 190–199. — (Сер.: Б-ки Акад. наук СССР и акад. наук союз. респ.; вып. 5). — (Соавт.: Сухманева Е.Г.).

Взаимодействие информационно-поисковых языков // Проблемы внедрения Библиотечно-библиографической классификации : сб. науч. тр. / ГБЛ им. В.И. Ленина. НИО ББК. — М., 1979. — С. 115–117.

Проблема комплексности в структуре ББК // Проблемы внедрения Библиотечно-библиографической классификации : сб. науч. тр. / ГБЛ им. В.И. Ленина. НИО ББК. — М., 1979. — С. 16–23. — (Соавт.: Сухманева Е.Г.).

Роль ББК в лингвистическом обеспечении автоматизированной библиотечно-информационной системы Библиотеки АН СССР // Проблемы внедрения Библиотечно-библиографической классификации : сб. науч. тр. / ГБЛ им. В.И. Ленина. НИО ББК. — М., 1979. — С. 108–114. — (Соавт.: Данченко Т.Н., Сухманева Е.Г.).

Роль заведующего отделом в информационно-библиографической работе Библиотеки АН СССР // Информационно-библиографическая работа : сб. науч. тр. / БЕН АН СССР, Б-ка АН СССР, ГПНТБ СО АН СССР, ИНИОН АН СССР, Библ. совет по естеств. наукам при Президиуме АН СССР. — М., 1979. — С. 85–96. — (Сер.: Б-ки Акад. наук СССР и акад. наук союз. респ.; вып. 3). — (Соавт.: Николаева Т.В.).

О применении и совершенствовании советской Библиотечно-библиографической классификации в БАН СССР // Методы усовершенствования Библиотечно-библиографической классификации и ее применение в Библиотеке АН СССР: сб. науч. тр. / Б-ка АН СССР. — Л.: БАН, 1980. — С. 8–16.

Роль заведующего отделом в информационно-библиографической работе Библиотеки АН СССР // Informačný spravodajca. — 1980. — № 4. — С. 69–76. — (Соавт.: Николаева Т.В.).

Изучение функциональной эффективности систематического каталога (в системе академических библиотек) // Систематический каталог: вопросы теории и практики: сб. науч. тр. / ГБЛ им. В.И. Ленина. Отд. сист. и предмет. каталогов. — М., 1981. — С. 79–89. — (Соавт.: Николаева Т.В.).

О концепции развития советской Библиотечно-библиографической классификации // Проблемы развития научных исследований в области библиотековедения и библиографии: сб. науч. тр. / Библ. совет по естеств. наукам при Президиуме АН СССР. Б-ка АН СССР, БЕН АН СССР, ГПНТБ СО АН СССР, ИНИОН АН СССР. — М., 1981. — С. 164–175. — (Сер.: Б-ки Акад. наук СССР и акад. наук союз. респ.; вып. 1).

Библиотечно-библиографическая классификация как информационно-поисковый язык библиотек и пути ее совершенствования // Проблемы библиотечного и информационно-библиографического обеспечения научно-исследовательских работ академий наук социалистических стран: материалы междунар. симпозиума директоров б-к акад. наук соц. стран (Москва, 12–16 окт. 1981 г.) / Библ. совет по естеств. наукам при Президиуме Акад. наук СССР, БЕН АН СССР. — М., 1982. — С. 155–166.

Итоги и перспективы научных исследований в области совершенствования и развития ББК // Научная конференция «Основные направления и методы совершенствования ББК», Ленинград, 13–15 апр. 1982 г.: тез. докл. / Б-ка АН СССР. — Л.: БАН, 1982. — С. 5–7. — (Соавт.: Журжалина Н.П., Парийский В.Л.).

Итоги и перспективы научных исследований в области совершенствования и развития ББК // Основные направления и методы развития Библиотечно-библиографической классификации: сб. науч. тр. / Б-ка АН СССР. — Л.: БАН, 1982. — С. 6–15. — (Соавт.: Журжалина Н.П., Парийский В.Л.).

О значении научно-методических советов в повышении эффективности и качества работы отделов Библиотеки Академии наук СССР // Оптимизация работы по обслуживанию читателей: сб. науч. тр. / Библ. совет по естеств. наукам при Президиуме АН СССР, БЕН АН СССР. — М., 1982. — С. 104–117. — (Сер.: Б-ки Акад. наук СССР и акад. наук союз. респ.; вып. 3). — (Соавт.: Некрасов Б.В.).

Редакционные работы, участие в подготовке указателей

Обработка металлов давлением: (аннот. библиогр. справ. лит. за 1957 г.) / Б-ка АН СССР, Науч.-техн. б-ка, Ленингр. дом науч.-техн. пропаганды. — Л., 1958–1959. — (Сост. в соавт. с И.Ф. Головневым, Ф.Ф. Федоровым, Н.Я. Юзачевым).

Вып. 1: Нагрев,ковка и горячая штамповка. — 1958. — 136 с.

Вып. 2, ч. 1: Холодная штамповка. — 1959. — 100 с.

Вып. 2, ч. 2: Холодная штамповка. — 1959. — 79 с.

Систематический каталог отечественных периодических и продолжающихся изданий по медицине, 1792–1960 / сост. Э.Н. Чернова при участии Л.Н. Антоновой, Л.Н. Ловчиковой, В.Я. Сидоренко; АН СССР. Б-ка АН СССР. — Л.: БАН, 1965. — 495 с.

Библиотечно-библиографическая классификация и практика перевода систематического каталога на схему ББК: (из опыта работы Б-ки АН СССР) / АН СССР. Б-ка АН СССР. — Л.: БАН, 1971. — 250 с.

Библиотечно-библиографическая классификация и систематический каталог: указ. лит. на рус. яз. за 1966–1971 гг. / сост.: Л.Г. Ефимова, И.А. Скороход; АН СССР. Б-ка АН СССР. — Л., 1972. — 58 с.

Основные инструктивно-методические документы отдела научной систематизации литературы Библиотеки АН СССР / Б-ка АН СССР. Отд. систематизации лит. — Л., 1972. — 64 с. — (Сост. в соавт. с З.П. Горюновой, Т.А. Станчул).

Кибернетика : путеводитель по иностр. источникам науч. информ. : (библиогр., справ., период. и продолж. изд.) / АН СССР. Б-ка АН СССР ; сост.: И.Е. Андреева, А.Г. Рытов, Т.К. Тарасова. — Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1974. — 152 с.

Сборник переводов работ зарубежных авторов по вопросам индексации / Б-ка АН СССР. — Л.: БАН, 1972–1976. — Вып. 1–4.

Вып. 1: Работы общего характера: пер. с англ. — 1972. — 114 с. — (Пер. и подгот. сб. в соавт. с В.П. Комаровой, Т.П. Станчул, Е.Г. Сухманевой).

Вып. 2: Символы в классификации: пер. с англ. — 1974. — 85 с. — (Пер. и подгот. сб. в соавт. с Е.Г. Сухманевой, В.П. Комаровой, И.П. Рафес, Т.А. Станчул).

Вып. 3: Проблемы индексации в трудах индийского ученого Ш.Р. Ранганатана и его школы. — 1975. — 110 с. — (Пер. и подгот. сб. в соавт. с Е.Г. Сухманевой, В.П. Комаровой, И.П. Рафес, Т.А. Станчул).

Вып. 4: Оригинальные методы индексации. — Л., 1976. — 74 с. — (Пер. и подгот. сб. в соавт. с Е.Г. Сухманевой, В.Е. Васильева, М.А. Макаровой, Т.А. Станчул).

Проблемы оптимизации традиционных информационно-поисковых систем в библиотеках : сб. науч. тр. 11-й науч. конференции Б-ки АН СССР, 30 мая — 2 июня 1972 г. / Б-ка АН СССР. — Л.: [БАН СССР], 1974. — 311 с.

Оптимизация ББК методом категорийного анализа и синтеза : (материалы к отчету) / АН СССР. Б-ка АН СССР. ОНСЛ ; исполн. Е.Г. Сухманева ; сост. вариантов схем классификации: Л.Н. Музылева, А.К. Суслов, Е.Г. Сухманева. — Л., 1976. — 78 с.

Проблемы оптимизации Библиотечно-библиографической классификации: из опыта работы отдела научной систематизации литературы БАН СССР : (сб. науч. тр.) / Б-ка АН СССР. — Л.: БАН СССР, 1976. — 230 с.

Оптимизация Библиотечно-библиографической классификации и концепция ее второго издания : (сб. науч. тр.) / АН СССР. Б-ка Акад. наук СССР. — Л.: БАН, 1977. — 170 с.

Основные инструктивные документы отдела научной систематизации литературы Библиотеки АН СССР / БАН СССР. — Л., 1977. — 72 с. — (Сост. в соавт. с З.П. Горюновой, Л.В. Мясниковой, Т.А. Станчул, Е.К. Соловьевой).

Фасетная классификация : аннот. указ. лит. за 1933–1977 гг. / сост. Е.Г. Сухманева ; Б-ка АН СССР. — Л.: БАН, 1977. — 216 с.

Методические рекомендации по применению таблиц Библиотечно-библиографической классификации для классифицирования литературы по гидротехническому строительству / ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина ; сост. М.С. Добрин ; науч. ред. С.П. Дорожкина. — Л., 1978. — 52 с.

Методические рекомендации по применению таблиц Библиотечно-библиографической классификации для классифицирования литературы по энергетике : 31 Энергетика в целом. Энергетическое строительство в целом. 32 Электроэнергетика. Электротехника / ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина ; сост. М.С. Добрин ; науч. ред. С.П. Дорожкина. — Л., 1978. — 126 с.

Рекомендации по методике классифицирования литературы / Б-ка АН СССР ; сост.: М.В. Колоярцев, Р.Д. Масловец, Б.В. Некрасов, М.В. Петровская, К.Н. Юрашевская. — Л.: БАН, 1978. — Вып. 1: Биологические науки. — 147 с.

Усовершенствование и применение Библиотечно-библиографической классификации : (сб. науч. тр.) / Б-ка АН СССР. — Л.: БАН СССР, 1978. — 151 с.

Методические рекомендации по применению таблиц Библиотечно-библиографической классификации для классифицирования литературы по энергетике: 33 Теплоэнергетика. Теплотехника. 34 Ядерная энергетика (атомная энергетика). 35 Гидроэнергетика. 36 Ветро-, гелио- и геоэнергетика. 37 Техника сжатых и разреженных газов / ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина ; сост. М.С. Добрин ; науч. ред. С.П. Дорожкина. — Л., 1980. — 155 с.

Методические рекомендации по применению лингвистических средств автоматизированной системы Библиотеки Академии наук СССР / Б-ка АН СССР. ОНСЛ ; сост. Е.Г. Сухманева. — Л.: БАН, 1981. — 186 с.

Кибернетика : указ. отеч. изд. / Б-ка АН СССР ; сост.: Т.К. Тарасова, З.А. Панова, В.И. Хромова. — Л., 1983. — 440 с.

Публикации, посвященные А.А. Панову

Комарова В.П. Из истории Центрального систематического каталога Библиотеки Академии наук СССР (1930–1982 гг.) / В.П. Комарова, Н.Г. Атаршикова ; Б-ка Акад. наук СССР. — Л. : БАН, 1989. — 46 с. — (Препринт № 8).

Об А.А. Панове: с. 25–27, 31, 35, 40, 43, 46.

Орлов И.В. Александр Алексеевич Панов (1907–1981) (к 30-летию со дня смерти) // Библиографические чтения памяти Константина Илларионовича Шафрановского (1900–1973) : сб. тр. междунар. науч. конф. (С.-Петербург, 17 окт. 2011 г.) / Рос. акад. наук. Б-ка Рос. акад. наук. — СПб., 2014. — С. 85–90.

Панов Александр Алексеевич // Отдел научной систематизации литературы: 1950–е — 2013 гг. : сб. науч. тр. / Б-ка Рос. акад. наук ; отв. ред. Н.В. Колпакова; отв. сост. Н.В. Бекжанова. — СПб., 2014. — С. 94–95, портр.: с. 119.

Статья опубликована в составе «Биографического словаря сотрудников Отдела научной систематизации литературы, 1950–е — 2013 гг.» (сост. Н.В. Бекжанова).

[Бекжанова Н.В.] Панов Александр Алексеевич // Биографический словарь сотрудников Библиотеки Российской академии наук / гл. ред. и сост. В.П. Леонов. — СПб., 2014. — С. 557–558. — (Великая Россия : рос. биогр. энцикл. ; Т. 13).

Список сокращений

ББИ — Библиотечно-библиографическая информация библиотек Академии наук СССР и академий наук союзных республик.

Тр. БАН и ФБОН — Труды Библиотеки Академии наук СССР и Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР.

Примечания

1. Подробно ознакомиться с биографией А.А. Панова можно в публикациях, посвященных ему (См. Приложение).

Список источников

1. Панов Александр Алексеевич // Архив БАН. Ф. 1. Оп. 2л. Д. 718. 83 л.

2. Бекжанова Н.В. К истории организации Отдела систематизации литературы Библиотеки Академии наук в 1950–е гг. (1953–1959 гг.) // Наука и библиотека : сб. науч. тр. СПб., 2023. Вып. 6. С. 15–23.

3. Ленинградцы — лауреаты Государственных премий СССР 1981 года // Ленинградская правда. 1981. 3 дек.

BEKZHANOVA N. Alexander Alekseevich Panov (1907–1981) — military man and librarian

Bekzhanova Nailya — Candidate of Pedagogical Sciences, Head of the Department of Systematic Catalog

Russian Academy of Sciences Library, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: bekzan17@rambler.ru, onsl@rasl.nw.ru

ABSTRACT

Bibliography of A.A. Panov's reveals the thematic diversity of his works on library science, presents his contribution to the development and improvement of the Library-Bibliographical Classification (LBC) and the creation of the Central Systematic Catalog of the Russian Academy of Sciences Library.

Key words: Alexander Alekseevich Panov (1907–1981), Russian Academy of Sciences Library (RASL), Department of Scientific Systematization of Literature (DSSL), Central Systematic Catalog (CSC), Library-Bibliographical Classification (LBC).

УДК 002.2
ББК 76.10

И.Е. Барыкина

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ ОЛЬГИ НИКОЛАЕВНЫ ИЛЬИНОЙ
«ЛИЧНЫЕ БИБЛИОТЕКИ В РОССИИ:**

Терминология и историография: монография / О.Н. Ильина; ред. Г.А. Мамонтова; Российская национальная библиотека» (Санкт-Петербург: РНБ, 2022. — 316 с. — (Серия «Книга в России в XIX — начале XX века»))

Барыкина Инна Евгеньевна — заведующая кафедрой филологического и социально-гуманитарного образования Ленинградского областного института развития образования; профессор кафедры гуманитарного образования Выборгского филиала, доктор исторических наук, доцент РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: ibarykina@mail.ru,

АННОТАЦИЯ

В публикации рецензируется книга современного исследователя личных библиотек О.Н. Ильиной. Монография является первой обобщающей публикацией по проблематике терминологии и историографии личных библиотек в России. В поле зрения автора книги оказались владельческие экземплярные особенности личных библиотек, их судьбы, источники и методы исследования, культурологические и исторические работы, формирование и развитие направлений историографии по данной тематике. Каждое из обозначенных направлений имеет перспективы для развития. Книга ставит новую историографическую проблему и намечает новые векторы историографических исследований.

Ключевые слова: источники, историография, личные библиотеки, терминология, методы исследования.

Библиотеки — неотъемлемый элемент отечественной культуры. Книжные коллекции дореволюционной России представляют большой интерес для исследователей той эпохи. Они являются предметом изучения не только для библиотечников, биографов, но и для историков, реконструирующих общественно-политическую жизнь XVIII–XIX столетий.

В этот период коллекционирование книг стало развиваться по нескольким направлениям. В конце XIX — начале XX вв. библиотечные просветительских организаций превратились в своеобразные социокультурные центры, где читатели не только могли получить книги, но и оказаться на литературных выступлениях, народных чтениях, принять участие в общественно-политических дискуссиях. Библиотека могла дать начало новому учреждению. Так, в 1863 г. основание Педагогической библиотеки положило начало Педагогическому музею военно-учебных заведений в Петербурге, а в начале XX в. библиотека Главного управления военно-учебных заведений уже насчитывала 60000 томов. Основными ее читателями, помимо слушателей Педагогических курсов, были и петербургские учителя, обращавшиеся за методической помощью в отделы Педагогического музея¹.

¹ Подробнее см.: Барыкина И.Е. Книжное собрание библиотеки Педагогического музея военно-учебных заведений (1864–1918) // IX Волконские чтения, посвященные 210-летию Военной исторической библиотеки Генерального штаба и 300-летию победы России в Северной войне: Материалы Международной научной конференции, 1–3 ноября 2021 г., Санкт-Петербург: в 2 т. Т. 2. СПб., 2023. С. 110–119.

Личные библиотеки в XVIII–XIX вв. нередко были частью богатых дворянских усадеб, являясь своеобразным «статусным маркером», свидетельством престижа и образования хозяина, зачастую для них выделялись отдельные помещения. Без библиотеки дворянской семьи невозможно представить формирование личности представителей высшего сословия, с нее начиналось самообразование и домашнее образование. В первой половине XIX в. дворянство не спешило доверять своих детей создающейся системе образования из-за ее открытости для представителей других слоев населения. Чаще всего дети дворян получали сначала домашнее воспитание, пользуясь не только услугами приглашенных учителей, но и домашней библиотекой. Дмитрий Николаевич Толстой, государственный деятель первой половины XIX в., венцом карьеры которого стала должность директора Департамента полиции исполнительной в период отмены крепостного права, дядюшка Д.А. Толстого, министра народного просвещения и министра внутренних дел второй половины столетия, вспоминал о роли, которую сыграла в его жизни прекрасная библиотека, собранная отцом. В этой книжной коллекции в родовом имении Знаменка Рязанской губернии были книги по всем областям знания, что позволило юноше заняться самообразованием: он мог часами сидеть за книгами, интересуясь в основном русской историей². В 1840-х гг. Д.Н. Толстой познакомил своего племянника Д.А. Толстого с графом С.С. Уваровым, министром народного просвещения и президентом Императорской академии наук. Молодой человек проводил много времени в Поречье, имении Уварова, где пользовался великолепной библиотекой графа, составил ее опись и уже будучи министром, использовал этот опыт при устройстве своей личной библиотеки³. В 1870-х гг. Д.А. Толстой обустроил в своем рязанском имении Маково отдельное здание для личной библиотеки, которую с любовью собирал. Коллекция насчитывала 12 тыс. томов, среди которых были книги по русской истории, истории православной и римско-католической церковью, по народному образованию и по археологии (как тогда называли источниковедение)⁴. Часть коллекции можно встретить в наше время в библиотеках Рязанской области, местные краеведы выявляют эти экземпляры, имеющие владельческие надписи, и намерены собрать их в одном хранилище.

Таким образом, история личных библиотек может стать новым исследовательским вектором, внося новые «краски» в портреты владельцев — государственных и общественных деятелей. Поэтому шаги, предпринимаемые в этом направлении, не могут не привлекать внимания. Одним из них является монография Ольги Николаевны Ильиной «Личные библиотеки в России: терминология и историография», вышедшая в 2022 г.

Это научное издание представляет фундаментальный труд, подготовка к которому велась очень основательно, на что указывают статьи автора

² Из записок графа Д. Н. Толстого // Русский архив. 1885. Кн. 2. № 5. С. 17.

³ Из рассказов Г.В. Грудева // Русский архив. 1898. Кн. 3. № 11. С. 433.

⁴ Подробнее см.: Барыкина И.Е. «Типичный петербургский чиновник» граф Дмитрий Андреевич Толстой (1823–1889). Опыт биографии министра. СПб., 2022; Её же. Библиотека графа Д.А. Толстого // Личные библиотеки в составе фондов российских книгохранилищ: проблемы изучения: материалы Третьего научно-методического семинара, Санкт-Петербург, 13–14 октября 2020 года. СПб., 2021. Вып. 3. С. 166–178.

по различным аспектам данной темы⁵. О.Н. Ильина поставила перед собой задачу обобщить и проанализировать комплекс терминов и определений, используемых в данной области, историю их изучения в течение продолжительного хронологического периода — со второй половины XVIII в. до современности, систематизировать выводы исследователей по отдельным проблемам истории личных библиотек. Необходимо отметить, что данная работа — первый опыт специального обобщенного исследования по избранной теме.

Даже краткий обзор оглавления позволяет составить представление о широте источниковой базы исследования О.Н. Ильиной. Согласно названию, книга состоит из двух смысловых блоков: в первой части (глава 1) разбирается феномен личной библиотеки, терминология (определение понятия «личная библиотека», типология личных библиотек), во второй части представлена историография данной проблематики. Завершается этот блок выводами об изучении владельческих экземплярных особенностей книг.

Историографическая часть делится по хронологическому принципу на две главы: глава вторая — XVIII — конец 1980-х гг. и глава третья — 1990-е гг. — начало XXI вв. Если во второй главе параграфы выделены в соответствии с периодизацией исследуемого периода (XVIII — первая половина XIX в.; 1840–1880-е гг.; 1890–1920-е гг.; 1930-е — конец 1950-х гг.; 1960-е — конец 1980-х гг.), то третья глава — современная историография темы — построена в логике системного подхода: формирование и развитие основных направлений современной историографии, региональные исследования, личные библиотеки в исследованиях по истории и социологии чтения, изучение отдельных личных библиотек, библиотковедческие и культурологические исследования, источники и методы в историографии личных библиотек, владельческие экземплярные особенности в историографии личных библиотек.

Отточием в оглавлении выделен последний параграф третьей главы, посвященный судьбам национализированных, конфискованных и перемещенных личных библиотек в XX в. В этом параграфе рассматривается освещение в историографии дальнейших перемещений императорских и великокняжеских библиотек, усадебных библиотек и библиотек русского зарубежья.

В первой части книги привлекает внимание попытка автора разграничить понятия «книжная коллекция» и «личная библиотека». Также систематизированы и сведены в обобщенную таблицу современные представления о типах личных библиотек. В качестве критериев типологизации выбраны цели и мотивы создания, содержание и состав тематики, происхождение и принадлежность, социальный состав владельцев, место расположения, типы и группы библиотек. В соответствии с профессиональной деятельностью выделяются рабочие библиотеки ученых, изучение которых представляет самостоятельное направление исследо-

⁵ См., например: Ильина О.Н. Изучаем личные библиотеки // Национальная библиотека. 2017. № 1 (9). С. 27–29; Её же. Основные группы источников поиска материалов о личных библиотеках // Личные библиотеки в составе фондов российских книгохранилищ: проблемы изучения / Отдел редких книг РНБ. СПб., 2017. Вып. 1: Материалы научно-методического семинара (РНБ, Санкт-Петербург, 18–19 окт. 2016 г.) / сост. О.Н. Ильина. С. 9–48.

ваний в этой обширной области. О.Н. Ильина рассматривает автографы и надписи на книгах как символы владения изданиями. Зачастую ученые оставляли автографы — дарственные надписи — на книгах, которые вручали своим коллегам.

К автографам, исследованным О.Н. Ильиной, можно добавить шуточные четверостишия, которыми известный историк В.С. Дякин сопровождал свои монографии, преподнося их в дар коллегам. Эти стихи не просто украшали титульный лист книги, они были своеобразной квинтэссенцией как исследований самого историка, так и тех ученых, которым он дарил эти книги. Например, на титульном листе книги «Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг.» (Л., 1978), подаренной В.Г. Чернухе, оставлен такой автограф:

Сходна в общем тема наша,
Все же каждому свое:
Вы заваривали кашу —
Мне расхлебывать ее.

22.11.78

Оба историка занимались исследованием кризиса самодержавия, только В.Г. Чернуха изучала вторую половину XIX в., а В.С. Дякин — начало XX в., когда нерешенные проблемы внутренней политики предшествующего периода привели к революционному взрыву. Так в четверостишии отражена преемственность и общий вектор научных изысканий представителей петербургской исторической школы.

Продолжение работы в этом направлении также достаточно перспективно. Большой интерес представляет изучение маргиналий ученых как при чтении чужой книги, так и своей собственной. Это попытка проникнуть в творческую лабораторию исследователя, поскольку рабочие материалы «договаривают» то, что не успел сказать исследователь в публикациях, отражают его опыт мышления. Одним из объектов изучения могут стать книги из библиотек известных историков. Так, маргиналии В.Г. Чернухи на титульных листах своих монографий свидетельствуют о тщательном анализе, которому она подвергала уже опубликованный материал, отмечая, что нужно добавить к написанному, уточнить, отредактировать. Такими маргиналиями пестрят титульные листы книг об Александре II и Александре III из серии «Государственные деятели России глазами современников», обозначенных самой В.Г. Чернухой как «рабочие экземпляры»⁶.

При обращении к историографии личных библиотек в первую очередь исследователь сталкивается с проблемой ее периодизации. О.Н. Ильина предваряет данный раздел преамбулой «О задачах и особенностях данного историографического исследования». Возможно, размышления автора над этим вопросом следовало перенести в начало книги, во введение. Однако, право выбора остается за исследователем. Вектор историографических исследований по теме личных библиотек еще не выработан, поэтому у автора не было возможности идти традиционным хронологическим путем, пришлось разработать собственную систему на основе

⁶ Александр Второй. Воспоминания. Дневники. СПб., 1995; Александр Третий. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2001.

хронологии и систематизации. Каждый период историографии получил свое название: каталогизационный, библиофильско-библиографический, историко-филологический, идеологический (библиотечный), книголюбительский и книговедческий. О.Н. Ильина выделяет в историографии такие «экзотические темы», как, например, «женщины-библиофилы».

Возможно, новаторская проблематика книги и попытка охватить очень большой пласт исторического и библиотковедческого материала усложнили его структурирование: сложно отделить историю создания личных библиотек от истории их изучения, зачастую эти вопросы взаимосвязаны. Вместе с тем иногда это затрудняет восприятие информации. Так, упоминание о большом вкладе исследований библиофилов 1920–1930-х гг. в изучение личных библиотек логичнее было бы перенести из § 4 (1890—1920-е гг.) в § 5 (1930-е — конец 1950-х гг.). Также представляется целесообразным выделить перераспределение книжных фондов в результате революции 1917 г. и Гражданской войны в отдельный раздел. Однако эти нюансы не снижают научной ценности монографии.

О.Н. Ильина подробно рассматривает книгу академика Н.П. Лихачева «Генеалогическое исследование одной помещицкой библиотеки» (СПб., 1913), отмечая, что это первое монографическое исследование усадебной фамильной библиотеки (знаменитый историк изучил книжную коллекцию своей семьи). В фондах Санкт-Петербургского института истории РАН хранится и часть личной библиотеки Н.П. Лихачева, ее изучение также может стать в будущем одним из аспектов исследования истории личных библиотек. Тем более, что в настоящее время в доме Н.П. Лихачева на Петрозаводской ул., 7, где располагается Институт, ведутся работы по восстановлению кабинета ученого. Здесь он работал над этой книгой, экземпляр которой передал Обществу Библиотковедения⁷.

В монографии О.Н. Ильиной упоминается о феномене библиотеки помещика-бюрократа, который в дальнейшем может быть проиллюстрирован коллекцией гр. Д.А. Толстого из его библиотеки в Маково.

Таким образом, книга О.Н. Ильиной открывает новую исследовательскую тему в современной исторической науке и намечает новые векторы для будущих исследований по данной проблематике. Книга представляет интерес не только для узкого круга специалистов, но и для широкой читательской аудитории, т.к. возрождает интерес к собственным домашним библиотекам, не только книжным, но и цифровым. Этот аспект современной культуры также освещен в монографии О.Н. Ильиной.

BARYKINA I. Review on the monograph by Olga Nikolaevna Ilyina “Personal libraries in Russia: terminology and historiography”

Barykina Inna Evgenievna — Doctor of Historical Sciences, Assistant professor, Professor of Herzen State Pedagogical University of Russia, Professor of the Department of Philological, Social and Humanitarian Education of Leningrad Regional Institute for the Development of Education

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: ibarykina@mail.ru

ABSTRACT

The publication reviews the book of the modern researcher of personal libraries O.N. Ilyina. The monograph is the first general publication on the problems of terminology and historiography of personal libraries in Russia. The author of the book's field of vision included the owner's exemplary features of personal libraries, their fates, sources and research methods, culturological and historical works, the formation and development of historiographical trends on this topic. Each of the designated areas has prospects for development. The book poses a new historiographical problem and outlines new vectors for historiographical research.

Key words: sources, historiography, personal libraries, terminology, research methods.

УДК 002.2
ББК 76.10

С.Е. Хаздан

«ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»:

к 75-летию академической серии

(материалы к выставке Научно-исследовательского отдела изданий Академии наук Библиотеки РАН)

Хаздан Софья Евгеньевна — ведущий библиотекарь, Научно-исследовательский отдел изданий Академии наук

Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: freken_book@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Серия «Литературные памятники» начала выходить в 1948 году. Вобрав в себя опыт предшествовавших серий художественной литературы, она подарила читателям выдающиеся произведения мировой литературы, представив их для научно-исследовательской работы и досуга.

Ключевые слова: советское книгоиздание, издательство «Academia», издательство «Всемирная литература», книжное оформление, переводы.

Серия «Литературные памятники» выпускается Российской академией наук (Академией наук СССР)¹ с 1948 года по настоящее время и в 2023 году отмечает 75-летие. Задуманная в послевоенные годы, она во многом наследовала предвоенным издательским традициям, и в то же время создатели формировали ее максимально широко, не устанавливая временных, географических, национальных, языковых или жанровых рамок. Задача данной статьи определить влияние на нее публиковавшихся ранее серий художественной литературы в СССР.

«Литературным памятникам» посвящен целый ряд исследований, касающихся истории создания серии и ее концепции; работе членов редколлегии, сотрудников Института славяноведения АН СССР (РАН) и Института русской литературы РАН (ИРЛИ РАН) [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11]. В ходе работы были проанализированы каталоги издательств «Всемирная литература» и «Academia», материалы, помещенные в каталоге серии «Литературные памятники», а также сами издания серии [12, 13, 1, 14]. Также было привлечено внимание к исследованиям, посвященным истории издательств «Всемирная литература» [15, 16, 17] и «Academia» [18, 19], их сотрудникам — В.В. Волгину², Д.С. Лихачеву³ и другим членам редакционной коллегии; А.К. Дживелегову⁴, А. Эфросу⁵,

¹ Далее — АН СССР и РАН (примеч. — С.Х.).

² Вячеслав Петрович Волгин (1879–1962), первый председатель редакционной коллегии был назначен на эту должность после смерти С.И. Вавилова, 16 июля 1951 года. В 1942–1953 годах В.П. Волгин — вице-президент АН СССР [20, с. 10–11, 488–489].

³ Дмитрий Сергеевич Лихачев (1906–1999), член редколлегии серии с 1952 года, председатель — с 1971 г., почетный председатель с декабря 1990 года [20, с. 491–494].

⁴ Алексей Карпович Дживелегов (1875–1952), писатель, переводчик, историк и социолог около года был членом редколлегии «Литературных памятников». Ранее, в издательстве «Academia» он редактировал серию «Итальянская литература» [13]. Также Дживелегов принял участие в редакции нескольких изданий

И.Ф. Рербергу⁶ [20, с. 487–541; 21, 22, 23, 24]. Были рассмотрены работы по истории советской печати [25, 26, 27] и серии «Академическая библиотека русских писателей» [28, 29]. Для определения шрифтов использовалось издание «Декоративные шрифты», составленным для художников-оформителей [30].

Активная просветительская деятельность, развернувшаяся в России на рубеже XIX–XX вв., а также проводимая в СССР культурная революция вели к увеличению грамотности населения и, как следствие, к необходимости качественных изданий (в т.ч. художественной литературы) для образованных людей с небольшим достатком. До 1948 года выходило несколько крупных серий художественной литературы — «Академическая библиотека русских писателей», «Библиотека великих писателей»⁷, «Сокровища мировой литературы», «Всемирная литература», «Русские и мировые классики» и «Библиотека всемирной литературы» и др. Одним из первых проектов по изданию недорогой художественной литературы стала «Академическая библиотека русских писателей» (1909–1915 гг.). Эта научно-популярная серия, выходящая под эгидой Академии наук, была задумана заведующим Книгохранилищем академических изданий И.А. Кубасовым⁸ [28, 29]. Примеру Академии наук последовали частные издательства, деятельность большинства из которых, однако, была непродолжительной.

Из многих серий художественной литературы, выпускавшихся в СССР в период между революцией 1917 г. и окончанием Великой Отечественной войны, обращает внимание выходявшие в двух издательствах — «Всемирная литература» (1919–1924 гг.) и «Academia» (1921–1937 гг.⁹). Несмотря на то, что авторы предисловия к каталогу «Литературных памятников» за 1948–1998 годы утверждают, что все перечисленные выше серии были «усвоены творчески», без заимствований [1, с. 12]. Однако, с сериями именно этих издательств тесно связано становление «Литературных памятников».

28 декабря 1928 года было принято Постановление ЦК ВКП(б) «Об обслуживании книгой массового читателя», требовавшее расширения издания художественной литературы. Со временем появилась необходимость в централизованной реформе издательской деятельности (1930 г.). В 1931 году Центральный Комитет ВКПб признал, что «потребности в книге резко опережают современные издательские возможности» [18, с. 165; 25, с. 398, 418–425].

Сотрудники издательства «Academia» (а ранее — издательства «Всемирная литература») профессора А.К. Дживелегов и А.М. Эфрос были

серии «Искусствоведение» и как минимум одного издания серии «Памятники искусства и художественного быта» [41].

⁵ Абрам Маркович Эфрос (1888–1954), переводчик, театровед и литературовед. Он в издательстве «Academia» был постоянным редактором серии «Французская литература» и соредактором серии «Искусствоведение» [13].

⁶ Иван Федорович Рерберг (1892–1957), архитектор и художник-график, мастер книжной обложки, сын московского художника И.И. Рерберга, руководителя популярного частного художественного училища [24, с. 6].

⁷ Собрания сочинений отечественных и иностранных авторов в этой серии издавалась акционерным обществом Ф.А. Брокгауз — И.А. Ефрон в начале XX века, под редакцией С.А. Венгерова. Книги выходили в полужокожанных переплетах с богатыми иллюстрациями. Всего выпущено 20 томов.

⁸ Иван Андреевич Кубасов (1875–1937), литературовед и библиограф.

⁹ В 1937 году издательство «Academia» было объединено с Гослитиздатом [13, с. 18].

инициаторами создания новой серии. Их предложение Академии наук издавать серию, изначально под названием «Памятники мировой культуры»¹⁰, было официально заявлено и принято 14 апреля 1947 года на заседании Редакционно-издательского совета (РИСО) АН СССР¹¹. В протоколе собрания: «1. Принять предложение профессоров А.К. Дживелегова и А.М. Эфроса об издании Академией наук СССР классических памятников мировой культуры. 2. Поручить Комиссии по изданию научно-популярной литературы совместно с профессорами А.К. Дживелеговым и А.М. Эфросом представить на утверждение Редакционно-издательского совета к маю с.г. проект плана изданий классических памятников мировой культуры» [31, Л. 19; 1, с. 9]. Вопрос «Об издании классических памятников мировой культуры» был также включен в доклад президента АН СССР С.И. Вавилова [25, с. 380–381; 18, с. 164]. Второй раз С.И. Вавилов говорил о нем на заседании Пленума РИСО 19 мая 1947 года в докладе о деятельности Комиссии АН СССР по изданию научно-популярной литературы за 15 лет¹² [1, с. 9].

Первоначально над новым проектом Академии наук Вавилов работал вдвоем с историком науки и техники М.И. Радловским¹³. В 1951 году, в связи со смертью Вавилова и распадом курировавшей серию Комиссии АН СССР по изданию научно-популярной литературы, была создана редакционная коллегия серии [1, с. 302–333]. А.К. Дживелегов официально вошел в нее решением Бюро РИСО 7 августа 1951 года и работал до 1952-го, однако его имя так и не появилось в ее составе [1, с. 9]. Организатор серии, он был одним из проводников традиций издательств, с которыми сотрудничал ранее, так же, как и председатель редколлегии, историк В.П. Волгин, который в издательстве «Academia» редактировал серию «Социальные утопии» [13].

Формируя концепцию серии и принимая решения о принципах работы с переводами, сопроводительными статьями и справочным аппаратом, сотрудники опирались на свой прежний опыт. Кроме того, в «Литературные памятники» были переданы уже подготовленные к публикации рукописи, оставшиеся после закрытия издательства «Academia» и прекращения выхода серии «Сокровища мировой литературы» [18, с. 160; 27].

В свою очередь, «Academia» во многом опиралась на опыт научной работы дореволюционной Академии наук и последовавшими за ней сериями издательства «Всемирная литература» (начало 1920-х гг.). Репертуар серии подбирался с учетом множества факторов, и принципы отбора время от времени менялись. Под каждое конкретное издание

¹⁰ Издания с названием «Памятники культуры» также выходили при Академии наук СССР. С 1975 года выпускался ежегодник «Памятники культуры: новые открытия; письменность; искусство; археология», организованный под руководством Научного совета по истории мировой культуры Академии наук СССР (председатель редколлегии ежегодника — Д.С. Лихачев). С 1995 года при Удмуртском институте истории, языка и литературы Уральского отделения РАН выходила серия с названием «Памятники культуры». Похожее заглавие — у издания Института востоковедения РАН: «Памятники культуры Востока» (с 1995 г.).

¹¹ Протоколы заседаний пленумов РИСО за 1947 год (28.02.1947–15.12.1947) хранятся в Архиве РАН (Ф. 454. Оп. 2. Ед. хр. 482. 76 л.).

¹² В докладе С.И. Вавилов использовал другое название — «Памятники литературы».

¹³ Моисей Израилевич Радловский (1903–1964), ученый секретарь Комиссии по истории физико-математических и технических наук АН СССР.

формировался индивидуальный набор сопроводительных материалов и справочный аппарат, составившийся исходя из потребности читателей в каждом конкретном случае. Лихачев отмечал: «Единого типа изданий для памятников всех стран и эпох, всех жанров не может быть выработано» [32, с. 13].

Индивидуальный подход к подбору сопроводительных материалов не гарантировал полного успеха издания. Так при написании рецензии на первое русское издание «Опытов» М. Монтеня С. Артамонов отметил низкое качество вступительных статей Ф.А. Коган-Бернштейн и М.П. Баскина [32; 33]. В частности, Коган-Бернштейн, по мнению Артамонова, допустила неточности в рассуждениях, в то время, как Баскин обнаружил высокомерие по отношению к философу, определяя его позицию как донаучную [34; 35].

Переводы, как и иллюстративный материал, отбирались редколлегией очень тщательно. Для некоторых изданий они выполнялись заново — как членами редколлегии, так и приглашенными специалистами¹⁴. В ряде случаев предпочтение отдавалось наиболее известным, классическим вариантам. Большинство «памятников» иностранной литературы представлены в серии только на русском языке, но иногда издатели принимали решение опубликовать текст параллельно на двух языках (в оригинале и по-русски), — тем самым предлагая желающим своеобразный комментарий. Благодаря такому подходу, читатели получали издания для культурного досуга и для полноценного изучения произведений [6, с. 13]. При выборе между качественным прозаическим переводом поэтического сочинения и излишне вольным стихотворным, — отмечал Лихачев, — предпочтение отдавали прозе [6, с. 18–19].

Опыт издательств «Всемирная литература» и «Academia» повлиял и на разработку концепции серии. Под «литературными памятниками» редколлегия понимала «литературные свидетельства истории». Однако, в разное время — это выражение имело свой смысл, на эволюцию которого влияли взгляды как руководителей серии, так и ее рядовых членов. Изначально, при Волгине под ними понимались «источники», и цель «Литературных памятников» заключалась в том, чтобы «представить самые полные и новейшие научные материалы, связанные с данным памятником, в форме, доступной и для неспециалиста, но без адаптации» [1, с. 20–21]. В полном объеме изначальный профиль издания, озвученный Волгиным на собрании Отделения языка и литературы АН СССР 10 октября 1956 года, приведен в «Положении» по изданию «Литературных памятников»: «в серии <...> издаются произведения всемирной литературы, отображающие развитие общественной мысли, передового общественного движения, историю, культуру и быт народов» [2, с. 180]. Н.И. Конрад¹⁵, принявший руководство серией после смерти Волгина, в 1962 году, конкретизировал заданные рамки: в серии должны быть представлены те произведения национальных литератур, которые определяют собой историю этой литературы, т.е. исполняют «историко-литера-

¹⁴ Некоторое время для улучшения качества изданий при серии существовала «школа переводчиков».

¹⁵ Николай Иосифович Конрад (1891–1970), член редколлегии серии с 1951 года, с 1960 г. — заместитель председателя и ее председатель с ноября 1962 по сентябрь 1970 года [20, с. 489–491].

турную» функцию¹⁶. Именно Конрад привнес системность в принципы отбора материалов для серии — например, ценностный критерий: «памятник может быть неизвестным, неизученным, но репрезентативным для данной эпохи и страны» [1, с. 18]. Кроме того, Конрад придерживался принципов сравнительно-исторического изучения литератур Запада и Востока. Для сравнения Д.Д. Благой¹⁷ под «литературными свидетельствами истории» имел в виду «шедевры литературы в окружении дополняющих материалов и статей» [20, с. 20–21].

Формируя издательский план, редакция отказывалась от повторных публикаций уже вышедших сочинений, но делала исключение для наиболее известных произведений, — как, например, «Слово о полку Игореве», вышедшее до «Литературных памятников» (1950) в издательстве «Academia» (1934). Этот подход осуществлялся при условии, что каждый том «Литературных памятников» нес в себе что-то новое [6, с. 17–18]. Сочинения, которые не имели возможности быть существенно дополнены, опускались, какими бы ценными они ни были. Впоследствии Академия наук предполагала использовать серию в качестве основы для задуманной ею «Истории всемирной литературы» [4, с. 9].

В издательстве «Всемирная литература», кроме «Основной серии», представлявшей собой «обширную историко-литературную хрестоматию», в 1922–1923 гг. образовался целый спектр других серий — по читательскому назначению, по отдельным темам и географическому принципу¹⁸ [15, с. 219–223, 12]. Основной серией художественной литературы издательства «Academia» были «Сокровища мировой литературы», вышедшие с 1927 года. Также «Academia» предлагала читателю серии национальных литератур (русской, французской и т.д.) и серии по историческим периодам («Античная литература», «Литература Средневековья» и т.д.). Здесь печатались «Памятники литературного быта», «Классики мировой литературы», мемуарные серии («Памятники литературного творчества», «Иностранные мемуары», «Театральные мемуары» и т.д.), серии «Художественные издания» и «Социальные утопии». В 1930-х годах была запущена новая серия «Летописи жизни и творчества», которая публиковала биографии писателей [13]. Имея за спиной опыт издательств «Всемирная литература» и «Academia», редколлегия «Литературных памятников» осознанно отказалась от жестких рамок в жанровом отношении. Такой подход позволил не обходить вниманием сочинения, которые были бы исключены из серии современной наукой, т.к. больше не считались литературой [4; 6].

¹⁶ Историко-литературная функция упоминается как основная и в аннотированных каталогах серии [20, с. 19].

¹⁷ Дмитрий Дмитриевич Благой (1893–1984), сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького (ИМЛИ) АН СССР, член-корреспондент АН СССР с 1953 года. Член редколлегии «Литературные памятники» с 1951-го.

¹⁸ В серии «Библиотека мировой литературы», вышедшей с 1923 г, печатались «наиболее значительные произведения классиков мировой литературы». В «Народной серии» — «доступные пониманию и восприятию самого неподготовленного читателя». «Новости иностранной литературы», образовавшиеся в 1922 году, публиковали новейшие произведения современных писателей. Серия «Мемуары Французской революции» (с конца 1922 г.), знакомила «передовых представителей рабочего класса» с эпохой Французской революции и ее представителями. Редактором «Мемуаров...» был А.К. Дживелегов. В 1923 году выходила «Детская серия». В 1924 году выходили книги в серии «Культура Востока» [12].

Бэлза полагает, что в 1972 году критерий отбора произведений в «Литературные памятники» был пересмотрен, и «История» Геродота стала первым томом новой серии, «Памятники исторической мысли» [10, с. 117; 36]. Между тем, «Памятники исторической мысли» не были на тот момент новой серией: судя по каталогам Отдела изданий Академии наук Библиотеки РАН (ОИАН БАН), эта серия издавалась с 1966 года. В 1972-ом же году образовалось Ленинградское отделение серии, в которой и был напечатан труд Геродота¹⁹. Этот факт говорит не об образовании новой серии на основе «Литературных памятников», а о единичных случаях сотрудничества этих серий Академии наук между собой.

Последователь Конрада, Лихачев признавал «стихийность в планировании и выпуске книг серии», но считал этот фактор положительным, способствующим жизнестойкости «Литературных памятников». В частности, на репертуар серии влияли интересы самого Лихачева: за 19 лет его руководства в серии в большом количестве выходили произведения отечественной литературы XVIII–XX веков, а кроме того увидело свет около тридцати произведений литературы Древней Руси и фольклорных памятников [21, с. 46].

Отсутствие жесткой регламентации позднее отмечалось среди недостатков серии такими исследователями, как Н. Степанов и О.А. Казнина. Ссылаясь на издательский план 1960 года, Н. Степанов сетует об отсутствии национальных, языковых, временных и жанровых границ. К 1960 году специфика серии и тип ее изданий, по мнению Степанова, так и не определены: к примеру, специфика серии страдает из-за отказа редколлегии публиковать все имеющиеся редакции выбранного произведения [7]. Диссертационное исследование О.А. Казниной проводилось в то время, когда серией руководил Лихачев. Оно также посвящено определению границ, обязательных, по ее мнению, для любой серии: «Между видами словесности и жанрами литературы проходят достаточно зыбкие границы..., наметить эти границы ... в научной серии необходимо» [8, с. 171]. Позиция автора недвусмысленно сформулирована в рекомендациях (в заключении диссертации): определить жанро-видовые рамки, отделив художественную литературу от исторических и документальных жанров с одной стороны и философской прозы, публицистики и литературной критики с другой [8, с. 167–175]. Такая дифференциация, по мнению Казниной, должна стать основой для работ по типологии литературных жанров — актуального вопроса для 1980-х годов. Казнина упоминает и структуру научно-справочного аппарата. Игнорируя позицию Конрада и Лихачева, она рекомендует для упрощения поиска информации придерживаться единой структуры для всех изданий серии. И Конрад, и Лихачев неоднократно упоминали о невозможности раз и навсегда оптимизировать структуру изданий ради достижения однообразия: такая позиция нанесла бы ущерб серии, потому что игнорировала бы требования к комментариям, предъявляемым к конкретным произведениям литературы [4; 6]. Кроме того, Казнина предлагает более де-

¹⁹ Бэлза упоминает и другую книгу, переданную в «новую» серию — «История Флоренции» Макьявелли (перевод Н.Я. Рыковой, редакция и комментарии М.А. Гуковского) [10, с. 117].

тально разработать научно-справочный аппарат, добавив справочники по творчеству автора и истории произведения²⁰. Таким образом серия могла бы осуществлять энциклопедическую функцию [8, с. 174]. Казнина настаивает на том, что научная серия обязана «эффективно реализовывать систематизирующие, организующие возможности серийного издания» [8, с. 170].

Оформление книг всегда было особой заботой редколлегии серии. С «Литературными памятниками» сотрудничал художник Иван Федорович Рерберг. Его биография, составленная А.А. Сидоровым, была опубликована в 1947 году и не может содержать информации о работе Ивана Федоровича с новой серией АН СССР, а более поздних работ о художнике обнаружить не удалось. Отдельные факты содержит исследование литературоведа Т.И. Орнатской; также участие Рерберга в серии упоминается в историческом обзоре к каталогу «Литературных памятников» [11, 1, 20]. Примечательно, что приглашение именно этого художника к работе над новым проектом не было случайным: после закрытия издательства «Academia» он сотрудничал с Академией наук — иллюстрировал серию «Литературное наследство» [24, с. 22].

И.Ф. Рербергу принадлежит макет серии, выбор шрифта для первого издания. В предисловии к каталогу «Литературных памятников» за 1948–2011 годы макет описан так: «темно-зеленый переплет с золотым тиснением» [20, с. 10]. В статье Орнатской находим: «на темно-оливковом фоне переплета изображен рельефно развернутый свиток с вытесненным золотом названием» [11, с. 48]. Эти сведения Орнатская и авторы исторического обзора дают без упоминания источников. Проанализировав около полутора сотен изданий серии, вышедших в 1948–1972 гг. и первыми поступившие в фонд Академического собрания ОИАН БАН, было выявлено всего восемь изданий, в оформлении которых принял участие Рерберг. Его вклад четко обозначен в технических сведениях второго издания серии, «Записки Юлия Цезаря...» (1948) — «переплет и титул работы художника И.Ф. Рерберга» [37]. Этот факт подтверждает слова Орнатской о создании макета обложки. Нам встречались и другие формулировки. Среди них — «обложка художника И.Ф. Рерберга» (в издании «Кабус-намэ», 1953) и «оформление художника И.Ф. Рерберга» (в книгах Э. Ла Бозе, 1952 и И.Т. Посошкова, 1951) [14; 38, 39]. Иван Федорович работал и в соавторстве с другими художниками серии: например, оформление «Слова о полку Игореве» (1950) принадлежит И.Ф. Рербергу и М.И. Разулевичу [40].

Рерберг работал над шрифтом для первого тома серии, «Хожений за три моря» Афанасия Никитина²¹. Широкий декоративный национальный («индийский») шрифт, выбранный им в связи с визитом в СССР премьер-министра Индии Дж. Неру, оказался удачной находкой: его продолжали использовать в следующих томах серии [30, с. 184]. Две заглавные буквы «ЛП» стали своего рода логотипом всей серии²². Отношение

²⁰ Справочная функция, необходимая для исследований, посвященных типологии литературных жанров.

²¹ Это произведение было предложено Вавиловым в качестве подарка Джавахарлалу Неру: Афанасий Никитин был одним из первых европейцев и первым русским, посетившим Индию — еще в XV веке [42]. Таким образом, издание, задумавшееся как доступное, стало «подарочным».

²² Позднее шрифты «логотипа» варьировались, но сам «логотип» оставался аббревиатурой «ЛП».

к выбору шрифтов в случае с «Хожениями...» позволяет предположить, что дальнейшие эксперименты в этой области также были не случайны. История и принципы выбора издательских шрифтов оформителями серии «Литературные памятники» — с 1947 года по сегодняшний день — могут стать темой будущих исследований.

Внутреннее оформление «Литературных памятников» также играет большую роль. Большинство изданий серии содержит вклейки с черно-белыми иллюстрациями. Чаще всего предпочтение отдавалось «классическим» или авторским иллюстрациям. Лишь изредка рисунки заказывались специально для конкретного издания. «Анакреонтические песни» Г.Р. Державина (1986) вышли с оригинальными иллюстрациями художника И.А. Иванова²³. Альманах «Северная лира на 1827 год» увидел свет в серии с гравюрами академика Е.О. Скотникова. «Смерть короля Артура» Томаса Мэлори (1974 г.) воспроизводит классические иллюстрации О. Бердслея. Для издания единственной «современной» книги²⁴, «Василия Теркина» А.Т. Твардовского свои рисунки дал О.Г. Верейский²⁵ [1, с. 22].

Серия «Литературные памятники», созданная 75 лет назад, и выпустившая первый том к визиту индийского гостя, доказала свою жизнестойкость. Опыт сотрудников издательств «Всемирная литература» и «Academia» оказал влияние на формирование традиций публикации текстов, статуса и полноты справочного аппарата, на выбор сопроводительных статей. Принципы, которых продолжает придерживаться редакция, открывают широкие перспективы для дальнейших публикаций серии. Издательские традиции, заложенные «Литературными памятниками», со временем становятся ориентиром для новых поколений редакторов и воспринимаются ими как академическая норма работы с публикуемыми текстами.

Список источников

1. Анохина Т.Г. [и др.]. Литературные памятники: 1948–1998: аннотированный каталог / отв. ред. А.Д. Михайлов, И.Г. Птушкина. Москва, 1998. 379 с.
2. Чуканов Н.И. Собрание Отделения литературы и языка АН СССР [10 октября 1956 г.] // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1957. Т. 16. Вып. 2. С. 179–181.
3. Конрад Н.И. О серии «Литературные памятники» // Литературные памятники: итоги и перспективы серии / сост. Д.В. Ознобишин. Москва: Наука, 1967. С. 5–27.
4. Конрад Н.И. От редколлегии // Литературные памятники: итоги и перспективы серии. Москва: Наука, 1967. С. 3–4.
5. Конрад Н.И. О серии «Литературные памятники» // Литературные памятники: справочник / сост. Д.В. Ознобишин. Москва: Наука, 1973. С. 5–27.
6. Лихачев Д.С. Задачи серии «Литературные памятники» // Литературные памятники: справочник / сост. Д.В. Ознобишин. Москва: Наука, 1978. С. 5–20.
7. Степанов Н. Без точной цели // Вопросы литературы. 1964. № 12. С. 156–159.

²³ Иллюстрации к «Анакреонтическим песням» были выполнены Ивановым как по собственным эскизам, так и по оригиналам А.Н. Оленина и А.Е. Егорова.

²⁴ По решению редколлегии в серии «Литературные памятники» не издавались произведения современников — как непроверенные временем, еще не имеющие статус «памятника». «Василий Теркин» был единственным исключением. Произведения XX столетия в серии появились в конце XX — начале XXI века.

²⁵ Орест Георгиевич Верейский (1915–1993), художник-живописец, график, иллюстратор, педагог.

8. Казнина О.А. «Литературные памятники» как тип книжной серии: (опыт и проблемы издания): диссертация на соискание степени кандидата филологических наук / Московский ордена Трудового Красного Знамени полиграфический институт. Москва, 1986. 201 с.
9. Казнина О.А. «Литературные памятники» и концепция книжной серии // Книга: исследования и материалы. Москва: Книга, 1985. Сб. 51. С. 47–66.
10. Бэлза И.Ф. Литературные памятники // Вестник АН СССР. 1973. № 11. С. 116–124.
11. Орнатская Т.Н. Серии «Литературные памятники» — 30 лет // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1980. Т. 39. Вып. 1. С. 47–60.
12. Каталог издательства «Всемирная литература» при Народном комиссариате по просвещению. [Санкт-]Петербург, 1919. 170, [2] с.
13. Издательство «ACADEMIA»: каталог изданий, 1922–1937; книжная графика, каталог экспонатов выставки / [сост. В.И. Якубович; Т.А. Ермакова]. Москва: Книга, 1980. 145, [4] с.
14. Кабус-намэ / пер., ст. и примеч. Е.Э. Бертельса; отв. ред. И.С. Брагинский; худ. И.Ф. Рерберг. Москва: Изд-во АН СССР, 1953. 276 с.
15. [Шомакова И.А.] Всемирная литература // История книги в СССР / гл. ред. М.П. Ким. Москва: Книга, 1983. Т. 1: 1917–1921. С. 208–228.
16. Иванова Е.В., Чечнёв Я.Д. Как и почему было закрыто издательство «Всемирная литература»: (по материалам из архива А.М. Горького ИМЛИ РАН) // *Studia Litterarum*. 2022. Т. 7. № 2. С. 366–390.
17. Турбин В. Связь времен: серия «Литературные памятники»: заметки // Новый мир. 1979. № 8. С. 241–261.
18. Острой О.С. Издательство «Academia» // Книга: исследования и материалы. Москва, 1969. Сб. 18. С. 155–174.
19. Баскина (Маликова) М.Э. Филологически точный перевод 1920–1930-х годов: люди и институции: «Academia» // Художественно-филологический перевод 1920–1930-х годов: сб. ст. / сост. М.Э. Баскина; отв. ред. М.Э. Баскина, В.В. Филичева. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2021. С. 27–45. (Архив российской словесности).
20. Анохина Т.Г. [и др.]. Литературные памятники, 1948–2011: аннотированный каталог / изд-е подгот. Т.Г. Анохина [и др.]; [отв. ред. А.Д. Михайлов и др.]. Москва: Наука, 2012. 608 с.
21. Егоров Б.Ф. Д.С. Лихачев — руководитель серии «Литературные памятники» // Проблемы сохранения и изучения культурного наследия: к 100-летию академика Д.С. Лихачева: материалы науч. сессии (Москва, 20 декабря 2006 г.) / отв. ред. А.П. Деревянко; сост. А.Е. Петров. Москва, 2006. С. 44–52.
22. Дживелегов Алексей Карпович // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона / под ред. К.К. Арсеньева и В.Т. Шевякова. Санкт-Петербург. Доп. т. 1а. 1905. С. 679–680.
23. Тименчик Р.Д. Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой: А. Эфрос // Литературный факт. 2020. № 3(17). С. 292–303.
24. Сидоров А.А. И.Ф. Рерберг. [Москва]: Гизлегпром, 1947. 48 с. (Мастера книжной обложки).
25. О партийной и советской печати: сб. документов. Москва: Правда, 1954. 690 с.
26. Дубинская-Джалилова Т., Чернов А. «Жму Вашу руку, дорогой товарищ»: переписка Максима Горького и Иосифа Сталина // Новый мир. 1998. № 9. С. 156–178.
27. Комков Г.Д. Издательству «Наука» 50 лет. Москва: Наука, 1973. 44 с.
28. Кульматова Т.В. Иван Андреевич Кубасов: материалы к биографии // Петербургская библиотечная школа. 2005. № 3-4. С. 101–106.
29. Кульматова Т.В. К истории издания серии «Академическая библиотека русских писателей» // Книжное дело в России во второй половине XIX — начале XX в.: сб. науч. тр. / сост. и ред. И.И. Фролова. Санкт-Петербург. Вып. 10. 2000. С. 102–128.
30. Декоративные шрифты: для художественно-оформительских работ / [сост. Г.Ф. Кликушин]. Стереотип. изд. Москва: Архитектура-С, 2005. 287 с.

31. Протоколы заседаний пленумов РИСО за 1947 год (28.02.1947–15.12.1947). Архив РАН. Ф. 454. Оп. 2. Ед. хр. 482. 76 л.
32. Артамонов С. Наследие великого мыслителя // Литературная газета. 1955. 10 сентября (№ 108). С. 3.
33. Монтень М. Опыты / изд-е подгот. Ф.А. Коган-Бернштейн [и др.]. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1958. Кн. 2. 652 с. (Литературные памятники).
34. Коган-Бернштейн Ф.А. Мишель Монтень и его «Опыты» // Монтень М. Опыты / отв. ред. С.Д. Сказкин, А.А. Смирнов. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР. Кн. 1. 1954. С. 413–470.
35. Баскин М.П. Мишель Монтень как философ // Монтень М. Опыты / отв. ред. С.Д. Сказкин, А.А. Смирнов. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР. Кн. 1. 1954. С. 471–489.
36. Геродот. История: в 9 кн. / пер. и примеч. Г.А. Стратановского; под общ. ред. С.Л. Утченко. Ленинград: Наука, Ленингр. отд-ние, 1972. 600 с. (Памятники исторической мысли).
37. Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне, о гражданской войне, об Александрийской войне, об Африканской войне / пер. и коммент. М.М. Покровского; отв. ред. И.И. Толстой; худ. И.Ф. Рерберг. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1948. 559 с. (Литературные памятники).
38. Ла Боэси Э. де. Рассуждение о добровольном рабстве / пер. и коммент. Ф.А. Коган-Бернштейн; отв. ред. В.П. Волгин; худ. И.Ф. Рерберг. Москва: Изд-во АН СССР, 1952. 199 с. (Литературные памятники).
39. Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения / ред. и коммент. Б.Б. Кафенгауза; худ. И.Ф. Рерберг. Москва: Изд-во АН СССР, 1951. 411 с. (Литературные памятники).
40. Слово о полку Игореве / под ред. В.П. Адриановой-Перетц; худ. И.Ф. Рерберг и М.И. Радулевич. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1950. 483 с. (Литературные памятники).
41. Вазари Д. Жизнеописание наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих: в 2-х т. / пер. с итал. и коммент. Ю.Н. Верховского, А.Г. Габричевского, Б.А. Грифцова, А.А. Губера, А.К. Дживелегова, А.М. Эфроса; предисл. А.В. Луначарского; ред. и вступ. ст. А.К. Дживелегова и А.М. Эфроса; оформл. И.Ф. Рерберга. Москва; Ленинград: Academia, 1933. (Памятники искусства и художественного быта).
42. Контти Никколо // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 16 / [под ред. И.Е. Андреевского]. Санкт-Петербург, 1895. С. 103.

КHAZDAN S. “The Literary Monuments” Series: To the 75th Birthday (Materials for the Exhibition of Research Department of Publications Department of the Academy of Sciences)

Sofya Khazdan — Leading Librarian of the Research Department of Academy of Sciences Editions

Russian Academy of Sciences Library, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: freken_book@mail.ru

ABSTRACT

“The Literary Monuments” series was begun in 1948. It assimilated the experience of previous series of fiction and presented to the readers outstanding works of world literature as a material for the research work and for the leisure.

Key words: Soviet book publishing, “Academia” publishing house, “World literature” publishing house, book design, translations.

УДК 002.2
ББК 76.10

Ю.А. Долгих, Е.В. Ковриженко

**«НАУКА МИФОГРАФИИ»:
западноевропейские и русские книги
по мифологии из фондов НИОРК (обзор выставки)**

Долгих Юлия Анатольевна — научный сотрудник Научно-исследовательского отдела редкой книги

Библиотека Российской Академии наук, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: ju-d@mail.ru

Ковриженко Елена Владимировна — младший научный сотрудник Научно-исследовательского отдела редкой книги

Библиотека Российской Академии наук, Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: alyona.kovrizhenko@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена выставке «Наука мифографии»: западноевропейские и русские книги по мифологии из фондов НИОРК», проходившей в Отделе редкой книги Библиотеки Академии наук (НИОРК БАН) в ноябре-декабре 2022 года. Выставка была приурочена к научному семинару «Мифологические сюжеты и книга Нового времени: формы и интерпретации». В экспозиции были представлены западноевропейские издания XV–XVII вв. и русские издания XVIII — начала XIX вв. мифографического характера из фондов НИОРК.

Ключевые слова: мифография, мифология, НИОРК БАН, выставка, Библиотека Российской Академии наук.

16 ноября 2022 года в Библиотеке Академии наук состоялся семинар «Мифологические сюжеты и книга Нового времени: формы и интерпретации». К семинару была приурочена организованная Научно-исследовательским отделом редкой книги (НИОРК) выставка, на которой были представлены западноевропейские издания XV–XVII вв. и русские издания XVIII–XIX вв. мифографического характера из фондов Отдела.

«Мифография» (греч. μυθογραφία) буквально означает «мифописание», «изложение мифов», а мифограф (греч. μυθογράφος), соответственно, — тот, кто излагает мифы. В античности мифографами могли называть поэтов, в сочинениях которых изложены мифы, либо тех, кто пишет о чудесных и неправдоподобных вещах, либо — в узком смысле — баснописцев [1, с. 19–20]. То, что принято понимать под античной мифографией сейчас — сочинения Аполлодора, Гигина, Антонина Либера, Парфения, Палефата и др., — может быть обозначено как «процесс литературного изложения и систематизации мифов... с помощью различных “мифографических методов”» [1, с. 23]. Традиция систематизированного изложения и истолкования античных мифов с концом античности не оборвалась; она продолжила существование в Средние века, пережила расцвет в эпоху Ренессанса и барокко, претерпела определенные трансформации в последующий период, положив начало уже собственно научным студиям по мифологии.

В названии выставки («Наука мифографии») слово «наука» по отношению к мифографии, конечно, употреблено не в строгом смысле, но оно лучше всего отражает понимание мифографии как специфической области знания, положенное в основу концепции экспозиции. Представленные на выставке книги являют собой примеры различных изысканий в этой области — разных по времени создания, по использованным методам, по степени охвата материала и глубине его анализа, рассчитанных на разную аудиторию и т.д. Однако, так или иначе, среди целей этих произведений были сбор, систематизация и упорядоченное изложение мифов и мифологических сведений.

Экспозиция подразделялась на две части, хронологически следующие друг за другом: западноевропейскую и русскую. Западноевропейские издания, экспонировавшиеся в читальном зале НИОРК, в основном относятся к XVI в. — времени бурного расцвета мифографической литературы, но также были представлены издания XV и XVII вв. Задача этого раздела состояла в том, чтобы показать, что в эпоху Возрождения и затем барокко античная поэзия не была единственным источником знаний о древней мифологии: получили широкое распространение и стали пользоваться успехом у читателей «теоретические» сочинения, в которых античные мифы собирались, упорядочивались, трактовались тем или иным образом. Поэты, писатели и художники в поисках материала для своих произведений обращались к этим «энциклопедиям» мифологического знания. Среди них были как труды античных мифографов, так и собственные работы гуманистов.

На выставке демонстрировалось два издания мифографических сочинений античных авторов. Первое — «О невероятном» («*Περὶ ἀπίστων*», «*Incredibilia*» или «*De non credendis*») Палефата (время его жизни, скорее всего, относится к IV в. до н. э. [см. 2]), дошедшее до нас в сокращенном и переработанном виде. Автор сочинения предпринял попытку рационалистического толкования мифов: согласно его трактовке, за мифами скрываются реальные события, превращенные в нечто «чудесное» и «невероятное» поэтами и писателями. Трактат «О невероятном» впервые был напечатан в Венеции в 1505 году Альдом Мануцием (1) в составе тома греческих авторов, куда вошли также тексты Эзопа, Корнута, Горуполлона и др. Представленный в экспозиции латинский перевод болонского поэта и оратора Филиппо Фазанини (*Filippo Fasanini*; ум. 1531) издал в 1515 году в Болонье типограф Бенедетто Фаэлли (*Benedetto Faelli*, лат. *Benedictus Hectors*; актив. 1487–1537); это издание не содержало греческий текст оригинала и, очевидно, было ориентировано на более широкий круг читателей (2).

Другой образец античной мифографии — «Мифологическая библиотека» («*Βιβλιοθήκη*») Псевдо-Аполлодора, которая датируется I–II в. н. э.; ее автор ошибочно отождествлялся с Аполлодором Афинским, писателем и грамматиком II в. до н. э. «Мифологическая библиотека», условно подразделяющаяся на три книги (последняя из них дошла до нас в неполном виде), представляет собой образец систематизированного изложения мифов, в основе которого лежит генеалогический принцип. На выставке можно было увидеть первое печатное издание «Библиотеки», вышедшее в Риме в типографии Антонио Бладо (*Antonio Blado*; актив.

1516–1572) в 1555 году (3). Оно включало в себя греческий текст «Библиотеки», который сопровождался параллельным переводом на латинский язык, выполненным гуманистом Бенедетто Эджио (Benedetto Egio, лат. *Benedictus Aegius*).

На основе обширного корпуса античных источников гуманисты составляли и собственные мифографические «энциклопедии». Начало новой, ренессансной мифографической традиции положил латиноязычный трактат Джованни Боккаччо «Генеалогия языческих богов» («*Genealogia deorum gentilium*»), окончанный в первоначальной версии в 1360 году; он оказал большое влияние на последующие поколения гуманистов. Сочинения Боккаччо и его последователей были одним из инструментов распространения знаний об античной мифологии среди широкой публики [3, р. 35]. Трактат, состоящий из 15 книг, организован по генеалогическому принципу. В первых 13 книгах содержатся сведения о родословных античных богов и героев, две заключительные книги посвящены апологии поэтического искусства. В «Генеалогии языческих богов» в задачи автора входили не только сбор и систематизация античных мифов, но и их истолкование в аллегорическом ключе с целью раскрыть их «истинное» значение. Первое печатное издание «Генеалогии» увидело свет в 1472 году в Венеции, впоследствии трактат многократно переиздавался, в том числе в переводах на национальные языки. В экспозиции было представлено издание, напечатанное в 1494/95 году в Венеции в типографии Бонето Локателли (Boneto Locatello (*Locatelli*); актив. 1486–1523) по заказу Оттавиано Скотто (Ottaviano Scoto (*Scotto, Scotti*); ум. 1498) (4). В издании первые 13 генеалогических книг открываются гравированными на дереве схемами, представляющими собой родословные древа с включенными в них изображениями богов с их атрибутами.

В XVI в. наступает расцвет мифографических изысканий. Из ранних сочинений, посвященных различным аспектам, связанным с античной мифологией, стоит отметить труд французского гуманиста Равизия Текстора (Jean Tixier de Ravisi; ок. 1470–1542) «Об эпитетах» («*Epithetorum opus*»), опубликованный в Париже в 1518 году. Это произведение — подробный справочник, в котором с именами мифологических персонажей соотнесены разнообразные эпитеты, употребленные когда-либо по отношению к этим персонажам у античных авторов, а также приведены цитаты и ссылки на источники, в которых они встречаются. Работа Равизия Текстора неоднократно переиздавалась; на выставке было показано базельское издание 1565 года (5).

Вторая половина XVI в. — крайне плодотворный период в развитии мифографической традиции. В это время появляется большое число новых трудов по античной мифологии. Наиболее популярные из них, выдержавшие множество переизданий и получившие повсеместное распространение — «Образы богов древних» Винченцо Картари и «Мифология» Натале Конти [4, р. 274], которые и были представлены на выставке.

Первое издание «Образов богов древних» («*Le imagini degli dei degli antichi*») итальянского поэта и переводчика Винченцо Картари (ок. 1531–1590) вышло в Венеции в 1556 году. Сочинение, написанное по-итальянски, много раз переиздавалось и переводилось на другие языки, в том

числе на латынь. Первоначально оно не содержало иллюстраций, но позже, в издании 1571 года, к описаниям богов и легенд, с ними связанных, были добавлены гравюры на мифологические темы. Экспонировавшееся издание — латинский перевод, выполненный французским политиком и писателем Антуаном дю Вердые (Antoine du Verdier; 1544–1600), напечатанный в Лионе в 1581 году (6), — тоже иллюстрированное. В своей работе, как следует из ее названия, Картари сосредоточил внимание на визуальной составляющей древней мифологии — иконографии богов и мифических существ, на том, как их изображали и как их описывали в текстах. «Образы богов древних» оказали большое влияние на художников и писателей.

Широко известная «Мифология, или десять книг разъяснений мифов» («*Mythologia sive explicationum fabularum libri decem*») поэта, историка и мифографа Натале Конти (1520–1582) впервые была опубликована в Венеции в 1567 году на латинском языке; на протяжении XVI–XVII вв. выходили многочисленные переиздания. На выставке было показано иллюстрированное издание начала XVII в. (титульный лист в экземпляре утрачен) (7). Конти в своем труде сделал акцент на истолковании мифов: для него мифы — это аллегории, которые должны быть раскрыты; он полагал, что мифы содержат философские идеи, но в завуалированном виде, чтобы только «посвященные» могли понять их истинный смысл. Сочинение Конти быстро стало «классической» книгой по мифологии, сильно повлияв как на его современников, так и на последующую мифографическую традицию.

Дополнил западноевропейскую часть экспозиции вдохновленный «Мифологией» Натале Конти трактат «Тайная философия» («*Filosofia secreta*») испанского математика, писателя и мифографа Хуана Переса де Мойи (ок. 1512–1596). Написанная на испанском языке «Тайная философия» впервые была издана в Мадриде в 1585 году. В XVII в. она несколько раз переиздавалась. В читальном зале НИОРК можно было увидеть издание 1611 года, вышедшее в городе Алькала-де-Энарес (8). Взгляд Переса де Мойи на мифологию нашел отражение в самом названии трактата: его интересовали не столько сами мифологические сюжеты, сколько скрытый в них «тайный» смысл — исторический, натурфилософский или нравственный. В этом он не был оригинален: такая интерпретация восходила к устоявшейся традиции и в своих частностях являлась продуктом определенного миропонимания, присущего его эпохе [5, р. 60].

Изобилие изданий мифографических трудов, которым отмечены XVI–XVII вв., красноречиво говорит о значительном интересе публики к античной мифологии на протяжении всего этого времени. Мифографическая традиция вместе с изданиями и переводами античных авторов создавала единое смысловое поле, в рамках которого мифологические сюжеты продолжали свою жизнь, становясь источником вдохновения для художников, поэтов и писателей.

В Россию мифографическая традиция приходит с первыми переводами западноевропейских мифологических компендиумов. Одно из таких сочинений — «Овидиевы фигуры в 226 изображениях» [6] (1722(9)), ставшие настоящим «введением в античность» для русских читателей и послужившие источником сюжетов для многих художественных произ-

ведений [9, с. 206]. «Овидиевы фигуры» представляют собой издание, состоящее из 113 гравированных листов, на которых изображены сюжетные сцены античных мифов, снабженные краткими комментариями. Гравировал листы П. Пикарт, а также его ученики А. Ростовцев, И. Любецкий, И. Мякишев и С. Матвеев. Считается, что оригиналом для русской книги послужило аугсбургское издание 1690 г., выпущенное Иоганном Ульрихом Краусом (Johann Ulrich Krauss) [7, 8]. Оформление русского издания (фронтиспис, расположение гравюр и текста) в точности повторяет книгу Крауса. По данным каталога Т.А. Быковой и М.М. Гуревича, текст переведен с издания Крауса почти дословно, иногда с дополнениями, причем сохранились сведения о переводчице с немецкого — некоем «иноземце Бранте» [8, с. 397, № 718]. Изданию книги во многом способствовал сподвижник Петра I, статский советник Михаил Аврамов, выпросивший у императора указ о печатании «Метаморфоз» и сам увлекшийся чтением Овидия настолько, что впоследствии посчитал книгу искушением и причиной своего нравственного падения [10, с. 40].

Разумеется, с античными мотивами русская культура была знакома еще до выпуска «Метаморфоз»: персонажи мифов появлялись в театральных постановках, не только в качестве аллегорического изображения значимых фигур эпохи, но и с целью морально-назидательного воздействия на зрителей. Одной из нравственных коллизий выступал конфликт между древней мифологией и христианством, которое в итоге одерживает победу [11, с. 236]. Таким образом, в русской культуре античные мотивы могли противопоставляться христианству как наследие греко-римского язычества, в то время как в европейском искусстве они интерпретировались аллегорически и часто использовались для иллюстрации христианских добродетелей.

Тем более знаменательным для отечественной литературы изданием стал русский перевод «Библиотеки» Аполлодора (Псевдо-Аполлодора) Афинского [12]. Оно вышло в свет благодаря указу Петра I, который, как рассказывается в русском предисловии, привез в декабре 1722 г. из Дербента книгу Псевдо-Аполлодора и поручил Святейшему Синоду перевести ее на русский язык. Перевод выполнил типографский справщик Алексей Барсов. В предисловии он отмечает, что в основном переводил «с первообразного греческого сочинения, неже с перевода латинского» [12, с. 20], однако имена богов были им оставлены в латинском варианте, т.к. римские названия были лучше известны, чем их греческие аналоги. Впрочем, в конце книги также приведен словарь, где сопоставлены римские варианты имен с греческими.

Композиционно книга делится на несколько частей. Ее открывает предисловие Феофана Прокоповича, где говорится о пользе чтения этой книги для христиан, т.к. «якоже красоту всякую лучше познаем, когда предлагается против ее некая мерзость, тако от повестей богов языческих лучше познаем истину веры нашея» (12, с. 10–11). Затем следует «Предувещание» Барсова и сочинение Псевдо-Аполлодора, состоящее из трех книг, которое, как отмечает переводчик, сохранилось не полностью. Особенностью этого издания Псевдо-Аполлодора стал отрывок из сочинения С. Бохарта (Samuel Bochart; 1599–1667) «Geographia Sacra» (1646), в котором протестантский пастор развивает идею о влиянии фини-

кийской культуры на греко-римскую мифологию. Идея Бохарта о том, что представления о языческих богах произошли из неверно понятых событий Ветхого Завета, получила широкое распространение в Европе в XVII в. В данном издании эту концепцию развивает Феофан Прокопович, находя сходство между событиями и именами Ветхого Завета с сюжетами и персонажами античных мифов: «Ное праотец всех человек, с Сатурном сходен праотцем всех (как сказывали язычники) богов и человек: три сыны Ноевы с тремя сынами Сатурновыми; четыре внуцы Ноевы с четырьмя внуками Сатурновыми <...> Многими доводами сходство показуется <...>, что басни о богах первых произошли из истинной Священного Писания истории». [12, с. 374–375]

Интерес к античной мифологии и, одновременно, неприятие ее как языческой религии, сопровождает появление мифологических изданий на протяжении всего XVIII в. Несмотря на неоднозначное отношение к себе, главным образом, в церковной среде, мифология становится одним из предметов изучения в пансионах, т.к. ее освоение позволяло ориентироваться в западноевропейском искусстве. Показательным примером вхождения мифологии в учебную среду служит издание «Мифологии на российском и французском языке...» (1820) [13]. Это книга карманного формата, предназначенная для воспитанников пансионов. Издание снабжено иллюстрациями, на которых изображены статуи богов и персонажей мифов. На сегодняшний день трудно сказать, какое именно издание послужило оригиналом для русского перевода. Возможно, им была книга «La mythologie en estampes ou figures des divinités fabuleuses...» [14] с гравированным фронтисписом и 21 гравюрой, выпущенная в 1811 г. в Париже. Описание «La mythologie en estampes» пока не удалось найти в доступных каталогах, однако ее библиографическое описание и фотографии сохранились на сайте аукциона «Ebay»; в частности, там представлены изображения обложки и титульного листа (10). Одно из переизданий этой книги вышло в январе 1821 г. с теми же иллюстрациями и текстом, который близок к русской «Мифологии на российском и французском языке...» 1820 г. (11). Авторство текста книги 1821 г., по данным электронного каталога Национальной библиотеки Франции (BnF), принадлежит Гийому Лаллеману (Lallement, Guillaume; 1782–1829), французскому публицисту и историку. (12) По содержанию книга представляет собой энциклопедию для учащихся, в которой собраны самые основные понятия и персонажи, необходимые для светского образования: «оно ограничивается только тем, чтобы молодые люди, для коих значение мифологии необходимо, заняли из него первые начала» [13, с. 9].

Можно подумать, что знание античной мифологии в первую очередь требовалось в дворянской среде. Однако понимание аллегорического языка было не менее важным и для разночинцев, поэтому во второй половине XVIII в. появляется своеобразная «шпаргалка» для тех, кто не знает иностранных языков. Именно так М.Д. Чулков определил назначение своего «Краткого мифологического лексикона» (1767) [15]. В его «Лексиконе» собраны имена и даже предметы из мифологии разных народов. Бахус здесь соседствует со славянским Белбогом, а Гидра с египетскими «Гиероглифами». Не обошлось и без лингвистических казусов:

М. Шахнович обращала внимание на три разных описания египетской богини Изиды [16, с. 44–45]. Несмотря на то, что содержание Лексикона выглядит беспорядочно, его роль значима в процессе развития мифографической традиции в русской культуре: это «первый отечественный опыт систематизации мифологических представлений» [16, с. 43] Лексикон включает в себя самые основные наименования из античных мифов, расположенные в алфавитном порядке.

Параллельно с конца XVIII в. в русской литературе развивается интерес к «своей античности», т.е., славянскому баснословию, которое в глазах современников обнаруживает удивительное сходство с греко-римской мифологией. Показательным примером этого процесса стало переиздание книги аббата Ж.Ж. Лионне (J.J. Lionnois; 1730–1806) (13) «Начертание мифологии...» (14) (1815) [17], в котором, в отличие от предыдущих двух изданий, появился четвертый раздел, посвященный персонажам славянских суеверий. Автором этого раздела стал С.И. Ушаков, переводчик первых трех частей этого издания. Композиционно четвертая часть соответствует предыдущим: сохранен тип изложения материала в вопросах и ответах, русский текст расположен параллельно с французским, а иллюстрации выдержаны в той же стилистике, что в предыдущих частях, посвященных античной мифологии. Несмотря на внешнюю привлекательность издания, книга получила отрицательный отзыв в журнале «Современный наблюдатель российской словесности». Критик обрушивается на Ушакова, опубликовавшего «полное собрание бредней о славянских богах» [21, с. 176–177]. И действительно, порой описание персонажей славянской мифологии могло вызвать улыбку у его современников. Например, сказочный персонаж Сивка-Бурка помещен Ушаковым в раздел «Малоизвестных богов», среди Зимцерлы и Семаргла. «Сивка-бурка вещая каурка» сравнивается с Пегасом и, в соответствии с сюжетом одноименной сказки, описывается как мифологическое существо, способное превращать дураков в умных, а безобразных в красивых, если влезть к нему в одно ухо, а вылезти в другое. Несмотря на исключение этой книги из числа учебной литературы [19, № 4548, с. 372], в 1835 г. мифологический словарь Лионне-Ушакова был еще раз переиздан. Подход Ушакова к изложению материала остается в рамках специфического отношения к славянским мифам, которое ставит их в один ряд с выдумками и баснями.

Этот же подход прослеживается в мифологическом словаре Г.А. Глиники «Древняя религия славян» (1804), где автор уподобляет древние верования фантазийным мирам. Именно поэтому для него становится возможным «всецелые мечтательные идеи и малых их частицы <...> дополнять материалами сего же царства и по законам воображения или мечтания» [22, с. 10]. Автор пытается привести собрание персонажей славянских мифов в систему наподобие античной, с иерархическим расположением богов, полубогов и духов. Опыт едва ли можно назвать удачным, однако его стоит отметить как попытку донаучного осмысления фольклорного материала.

Более ответственное отношение к источникам прослеживается у А.С. Кайсарова, который во вступлении к своей «Славянской и российской мифологии» (1810) критически рассматривает материалы пред-

шественников. Он говорит о скудости сведений «в книгах Адама Бременского, Нестора, Гельмолда, Кранциуса, Саксона, Длугоса, Кромера и пр.» [23, с. 36], и свою книгу считает не столько самостоятельным научным трудом, сколько «следствием благодетельного учреждения библиотеки в Геттингенском университете» [23, с. 48], т.е. сбором и систематизацией информации из различных источников. Труд Кайсарова отличается от трудов его современников, главным образом, исследовательским подходом к предмету, который предвещает изменение отношения к славянскому «баснословию», развивающемуся ближе к середине XIX века. Идея о сходстве славянской мифологии с античной и осмысление рудиментов народных верований как «басен» и сказок уступает место изучению национальной специфики русских преданий.

Таким образом, изучение мифологических словарей и компендиумов дает представление, как развивалась традиция мифографических изданий. В западноевропейском искусстве Нового времени античная мифология была языком художников и поэтов, чему, в том числе, способствовало распространение посвященных ей печатных изданий. Этот процесс не мог не затронуть и русскую культуру, которая, восприняв западноевропейскую традицию, переосмысляет ее и создает словари своей, национальной мифологии. Сопоставление двух традиций, западноевропейской и русской, было одной из задач выставки «“Наука мифографии”: западноевропейские и русские книги по мифологии из фондов НИОРК». Выставка была подготовлена сотрудниками НИОРК Ю.А. Долгих и Е.В. Ковриженко.

Примечания

1. *Habentur hoc uolumine haec, videlicet. Vita & fabellae Aesopi cum interpretatione Latina... Gabriae Fabellae tres & quadraginta... Phurnutus seu, ut alii, Curnutus De natura deorum. Palaephatu de non credendis historiis. Heraclides Ponticus de allegoriis apud Homerum. Ori Apollinis Niliaci hieroglyphica. Collectio proverbiorum Tarrhaei, e Didymi, item eorum, quae apud Sudam aliosque habentur ... Ex Aphthonii exercitamentis de Fabula... De fabula ex imaginibus Philostrati... Ex Hermogenis exercitamentis De fabula Prisciano interprete. Apologus Aesopi de Cassita apud Gellium. [Venetiis: apud Aldum, 1505]. В фонде НИОРК есть экземпляр этого издания.*

2. *Palaephatu. Palaephati scriptoris Graeci Opusculum de non credendis fabulosis narrationibus. Interprete Philippo Phasianino Bononiensi. [Impressum Bononiae: per Benedictum Nectoris, 1515]. Экземпляр НИОРК 6664.q/1793.R с печатью Библиотеки Императорской академии наук.*

3. *Apollodori Atheniensis Bibliothecae, sive De deorum origine, tam Graece quam Latine luculentis pariter ac doctis annotationibus illustrati & nunc primum in lucem editi libri tres. Benedicto Aegio Spoletino interprete, accessit etiam libris hisce nominum rerumque opulentissimus index... Romae: in aedibus Antoni Bladi, 1555. Экземпляр НИОРК 10396.o/2092.R в цельнокожаном переплете с золотым тиснением, с золоченым обрезом с раскрашенными гравированными элементами. Содержит владельческую запись: «Francisci Valorij Lucensis Civis».*

4. *Vossacio G. Genealogiae deorum. Venezia: Bonetus Locatellus, Octavianus Scotus, 1494–1495. Экземпляр НИОРК 118 инк — в составе конволюта с двумя изданиями начала XVI в. В кожаном переплете с тиснением. Имеет экслибрисбиблиотеки Данцигского городского совета, а также экслибрис с именем «Lodovicus Aychler». Экземпляр со штампом Виленской академии. Доступна цифровая копия экземпляра: <https://kr.rusneb.ru/item/reader/genealogiae-deorum-de-montibus-silvis-fontibus-etc>*

5. Ravisius Textor J. Ioannis Ravisii Textoris Nivernensis Epithetorum opus absolutissimum. Iam quarto post ipsius auctoris recognitionem, et doctissimorum poetarum philosophorumque emendationes, ab innumeris mendis repurgatum, opera Iacobi Hertelii C. Varisci. Basileae: apud Nicolaum Brylingerum, 1565. Экземпляр НИОРК 87.q/3588 с владельческой записью на титульном листе: «Ex Bibliotheca Graveneggii». Переплет — доски в коже с тиснением, с металлическими застежками.

6. Cartari V. Imagines deorum, qui ab antiquis colebantur, in quibus simulacra, ritus, caerimoniae, magnaque ex parte veterum religio explicatur, olim a Vincentio Chartario... ex variis auctoribus in unum collectae, atque italica lingua expositae, nunc vero... latino sermone ab Antonio Verderio... expressae... Lugduni: apud Stephanum Michaellem, 1581. Экземпляр БАН 7642.q/4733.R в полукожаном переплете. С печатью Библиотеки Императорской академии наук. Владельческая запись на титульном листе: «Charles Blount...».

7. Conti N. [Natalis Comitum Mythologiae sive explicationum fabularum libri decem... S. I. et a.]. Экземпляр БАН 8983.q/23520-21.R — дефектный, без начала. В цельнокожаном переплете с золотым тиснением.

8. Pérez de Moya J. Filosofía secreta, donde debajo de historias fabulosas se contiene mucha doctrina provechosa a todos estudios, con el origen de los Idolos o dioses de la gentilidad... Alcalá: Andres Sánchez de Ezpeleta, 1611. Экземпляр НИОРК 8736.q/22215.R происходит из Библиотеки Морского министерства. Имеет экслибрис Библиотеки Гидрографического Депо и штамп Государственного адмиралтейского департамента. На титульном листе владельческая запись: «Don Diego de Contreras».

9. Иногда книга также датируется 1721 г., согласно помете П. Пикарта на титульном листе [7]. По данным типографии выход книги датируется концом 1722 г. [8, с. 397].

10. Описание и фотографии книги на сайте аукциона: https://www.ebay.fr/itm/295732853757?mkevt=1&mkcid=1&mkrid=709-53476-19255-0&campid=5338722076&cus_tomid=&toolid=10050 Дата обращения: 23.08.2023

11. Издание 1821 г. доступно в цифровом виде на электронном ресурсе: https://archive.org/details/bub_gb_FeSECuqfWgoC Дата обращения: 20.08.2023.

12. Описание издания в электронном каталоге Национальной библиотеки Франции (BnF) см. по ссылке: https://data.bnf.fr/en/14589039/guillaume_lallement/ Дата обращения: 23.08.23.

13. Лионне, Лионнуа — скорее всего, псевдоним, которым аббат подписывал свои книги; настоящее имя Жан Жак Бувье (Jean-Jacques Bouvier). В «Сводном каталоге русской книги гражданской печати XVIII века» и в «Сводном каталоге русской книги. 1801–1825» [18, 19] он назван как «Лионнуа, Жан Жак Бувье», однако в электронном каталоге Национальной библиотеки Франции (BnF) его имя выглядит как «Jean-Jacques Bouvier dit Lionnuas». В исследовании Стефана Вандерпруттенна (Vanderputten, Stephan) также говорится, что «Lionnuas» — это псевдоним [20, с. 82].

14. Первое издание на русском языке вышло в 1792 г. в переводе воспитанников пансиона при Императорском московском университете. [18, с. 157, № 3698] Второе издание «Начертания мифологии» вышло в 1805 г., перевод которого, возможно, принадлежит М.М. Снегиреву (19, с. 372, № 4547).

Список источников

1. Торшилов Д.О. Античная мифография: мифы и единство действия. СПб.: Алетейя, 1999. 426 с.

2. Ярхо В.Н. Палефат. О невероятном. (пер., вступит. ст. и комм.) // Вестник древней истории. 1988. № 3. С. 216–237.

3. Cristybal V. Mitologna clásica en la literatura española: consideraciones generales y bibliografía // Cuadernos de Filología Clásica. Estudios Latinos. 2000. Vol. 18. P. 29–76.

4. Mulryan J. Translations and Adaptations of Vincenzo Cartari's *Imagini and Natale Conti's Mythologiae: The Mythographic Tradition in the Renaissance* // The Canadian

Review of Comparative Literature / Revue Canadienne de Littérature Comparée. 1981. Vol. 8, № 2. P. 272–283.

5. Baranda C. La mitologna como pretexto: la Filosofía secreta de Pérez de Moya (1585) // *Prnccipe de Viana. Alejo*. 2000. № 18. P. 49–65.

6. Овидиевы фигуры в 226 изображениях. [Петербург, декабрь 1722].

7. Клепиков С.А. Русские гравированные книги XVII-XVIII веков // Книга. Исследования и материалы. Сборник 9. Москва, 1964. С. 141–177.

8. Быкова Т.А., Гуревич М.М. Описание изданий гражданской печати: 1708 — январь 1725 г. Москва–Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1955. 627 с., 8 л. ил.

9. Николаев С.И. Овидий в русской литературе XVII века // Русская литература. Ленинград: «Наука», 1985. № 1. С. 205–2011.

10. Крашениникова О.А. Радышевский и Аврамов: к истории русской духовной оппозиции первой половины XVIII века // Вестник славянских культур. Москва, 2019. Т. 53. С. 34–47.

11. Софронова Л.А. Поэтика славянского театра XVII — первой половины XVIII в.: Польша, Украина, Россия. Москва, 1981. 263 с.

12. Аполлодора грамматика Афинейского библиотеки или о богах напечатана повелением императорского величества в Москве 1725 году в январе. [Москва, 1725].

13. Мифология на российском и французском языке, с изображением богов, взятых с древних монументов и картин самых лучших художников; с ясным и полным истолкованием для детей обоюго пола. Москва: В Университетской типографии, 1820.

14. La mythologie en estampes ou figures des divinités fabuleuses avec leurs attributs d'après les monuments antiques et les peintres les plus célèbres accompagnées d'un texte explicatif et assez étendu pour donner une connaissance de la fable ouvrage utile aux jeunes gens des desux sexes. Dessiné par Dessene gravée par Lecerf. A Paris: chez P. Blanchard et Comp. libraires éditeurs pour l'éducation rue Mazarine N 30 et au palais royal, galerie de Bois N 249 au sage Franklin, 1811.

15. Чулков М.Д. Краткой мифологической лексикон; собрал Михайло Чулков. [Санкт-Петербург: тип. Академии наук, 1767].

16. Шахнович М.М. Очерки по истории религиоведения Санкт-Петербург: Издательство С.-Петербургского университета, 2006. 288, [1] с.

17. Начертание мифологии в пользу юношества обоюго пола, соч. аббатом Лионне, почетным членом Нанской коллегии. Вновь переведено С. Ушаковым, с приобщением Славянской мифологии и 222 картин. В 4 частях. В Санктпетербурге: в Морской типографии, 1815 г.

18. Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. Т. 2: К–П. Москва, 1964.

19. Сводный каталог русской книги. 1801–1825. Т. 2: Е–Л. Москва: «Пашков дом», 2007.

20. Vanderputten S. They Lived Under That Rule as Do Those Who Have Succeeded Them: Simultaneity and Conflict in the Foundation Narratives of a French Women's Convent (10th–18th Centuries) // *The Downside Review* 2021, Vol. 139 (1). P. 82–97.

21. Современный наблюдатель российской словесности, издаваемый П. Строевым. Ч. 1. № 8. Москва: в тип. С. Селивановского, 1815.

22. Глинка Г.А. Древняя религия славян. Соч. Григория Глинки, профессора Дерптского Университета. Митава: в тип. у И.Ф. Штефенгагена и Сына, 1804.

23. Кайсаров А.С. Славянская и российская мифология. Москва: в тип. Дубровина и Мерзлякова, 1810.

DOLGIKH J.A., KOVRIZHENKO E.V. “The Science of Mythography”: Western European and Russian books on mythology from the collections of Rare Book Department of Russian Academy of Science Library (exhibition review)

Dolgikh Julia — Researcher of the Research Department of Rare Book Russian Academy of Sciences Library, St. Petersburg, Russia, e-mail: ju-d@mail.ru

Kovrizhenko Elena — Junior Researcher of the Research Department of Rare Book Russian Academy of Sciences Library, St. Petersburg, Russia,
e-mail: alyona.kovrizhenko@yandex.ru

ABSTRACT

The article deals with the exhibition “The Science of Mythography: Western European and Russian Books on Mythology from the collections of Rare Book Department of Russian Academy of Science Library”, that was held at the Rare Book Department of Russian Academy of Sciences Library in November-December 2022. The exhibition was timed to coincide with the scientific seminar “Mythological plots and the book culture of the Modern Era: forms and interpretations”. The exposition presented Western European mythographic editions of the 15th–17th centuries and Russian mythographic editions of the 18th — early 19th centuries from the collections of Rare Book Department.

Key words: mythography, mythology, Rare Book Department of Russian Academy of Science Library, exhibition, Russian Academy of Sciences Library.

Ф.В. Леонтьев

**«СМЕХ КАК ОРУЖИЕ». КАРИКАТУРЫ
В ИНОСТРАННЫХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ 1939–1944 гг.
ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ГАЗЕТНОГО ФОНДА БАН**

Леонтьев Франц Владимирович — библиотекарь Отдела фондов и обслуживания
Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: leontievus@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В статье представлен обзор иностранных газетных карикатур периода Второй мировой войны 1939–1945 гг. Подборка включает в себя ряд иностранных периодических изданий, находящихся в хранении газетного фонда БАН. Выделяются основные популярные темы художников-карикуристов данного периода в хронологическом порядке, даётся комментарий, характеристика и толкование художественного замысла в рамках исторического контекста.

Ключевые слова: газетные карикатуры XX в., иностранные периодические издания, газетный фонд БАН, Вторая Мировая война, социалистические и коммунистические газеты.

Как известно, войны велись и по сей день ведутся не только силой оружия, но также и силой слова. С развитием и распространением средств массовой информации сама информация (как и дезинформация), становится мощным оружием, завоёвывающим умы населения, как в политике, так и на войне. Массовое распространение газет к началу XX века дало политикам сильный инструмент влияния на сознание людей. Одним из самых эффективных способов воздействия в политической борьбе становится смех и юмор. Острая политическая сатира уже не один век является неотъемлемой частью культурной и политической жизни общества. В данной статье рассматривается такое её проявление, как газетные и журнальные карикатуры в иностранных периодических изданиях периода Второй мировой войны 1939–1945 гг. из собрания газетного фонда БАН.

Газетный фонд БАН обладает ограниченной коллекцией газет данного периода. Газеты за 1945 года и вовсе отсутствуют. Сама по себе коллекция также специфична. Периодические издания газетного фонда после 1917 года имеют определенный уклон в сторону социалистической и просоветской направленности, и период 1939–1944 г. не является исключением.

Из газет стран-союзников (США, Великобритании и Франции) в фонде имеются американские газеты «The Worker» и «Daily Worker» (New York), британская «Daily Worker» (London), а также французские «L'Humanite» и «L'Avant-Garde». Почти все издания являются официальными органами коммунистических партий вышеупомянутых стран, их содержание и

направленность имеют своеобразную политическую специфику. Карикатуры, острие политической сатиры в них направлено не только против захватнической политики Германии, но и против собственных же правительств и их действий, ввиду оппозиционности данных изданий. Фонд располагает и некоторым количеством газеты «The Times». Однако, «The Times» хоть и имеет большое количество иллюстративного материала, но карикатуры в их число всё же не входят.

Немецкие газеты представлены лишь двумя видами: «Deutsche Allgemeine Zeitung» и «Frankfurter Zeitung». На строгих страницах этих немецких газет удалось найти лишь одну карикатуру.

Несколько выделяются из общего ряда югославская «Политика» и словацкая «Pravda», газеты 1944 года, которые также имеют иллюстрации и в том числе карикатуры.

Данный обзор построен хронологически с газет 1939 года предвоенного времени (до сентября 1939 г.). В первую очередь следует упомянуть «Daily Worker» и «L'Avant-Garde». В этот период политика стран Западной Европы и США в отношении Германии — чуть ли не главная тема карикатурного осмеяния в данных газетах. Эта тенденция сохранится и в будущем даже в период войны. В газете «Daily Worker» публикуется статья о медиакорпорации «Hearst Corporation», где в фокусе критики оказывается так называемая, «жёлтая пресса», отцом которой считается основатель этого холдинга — Уильям Рэндольф Хёрст¹. Автор здесь обращает внимание на то, что газеты Хёрста вместо того, чтобы освещать реальные проблемы и нависающую угрозу войны, больше предпочитают обсуждать гангстеров, громкие скандалы и «рецепты приготовления утки». На карикатуре, приложенной к статье, художник изобразил самого Хёрста за рулём машины, на которой видна надпись — «Держите Соединённые Штаты в стороне от войны. Сохраняйте нейтралитет. Хёрст» (пер. с англ.). В машине Хёрста на заднем сиденье лежит оружие, а сама карикатура подписана «Шофёр Гитлера» (пер. с англ.) [1, Р. 6].

Весьма показательно, как в «Daily Worker» освещены события, связанные с подписанием «Пакта Молотова – Риббентропа». В статье, посвященной этой теме, видим карикатуру, где изображена нить, символизирующую ось «Берлин–Рим–Токио» [2, Р. 6]. Нить разрезают ножницы «Пакта о ненападении». При этом, не случайно один конец нити подписан «Берлин–Рим», а «Токио» остаётся отрезанным. Эту насмешку почти зеркально повторяют в карикатуре в другом номере данной газеты [3, Р. 6]. На этот раз, вместо нити фантазия художников являет нам некое подобие качелей, названных «Антикомминтерновским пактом». На одной стороне качелей расположился Гитлер с камнем «Пакта о ненападении», а на другом конце — тщетно пытаются удержаться союзники Гитлера. Диктатор Испании Франко и Япония вовсе с этих качелей буквально вылетают, а сами качели дают трещину. Обе карикатуры недвусмысленно намекают нам, что заключенный СССР и Германией договор «ломает» всю предшествующую политическую линию по изоляции и противодействию СССР.

Французские газеты «L'Humanite» и «L'Avant-Garde» выпускают целую серию карикатур о германской агрессивной внешней политике. В частности, одна из тем карикатур — подозрительная концентрация немец-

ких «туристов» с танками на польско-германской границе и различные пограничные инциденты [4, Р. 6; 5, Р. 4; 6, Р. 6]. В ряде карикатур изображены немцы с саквояжами в гражданской одежде, которые ловят «танки-такси» и заверяют всех в своей цивилизованности. Пример пограничного инцидента иронично показан на карикатуре, где немецкий пограничник жалуется на синяк под глазом польскому пограничнику, выставляя себя жертвой агрессии. В связи с очевидной подготовкой Германии к новой агрессии, карикатуры неоднократно апеллируют и к другому популярному политическому событию прошлого — так называемому «Мюнхенскому сговору»². Здесь наиболее остроумной представляется карикатура, размещенная в газете «L'Humanite» с изображением своего рода сеанса спиритизма. Здесь показаны западные политики, среди которых можно узнать премьер-министра Великобритании Невилла Чемберлена³. Они сидят за круглым столом и спрашивают: «Дух Мюнхена, ты здесь?» (пер. с франц.). Видимо, ответ на этот вопрос находится прямо у их ног — там, под столом, изображен спрятавшийся Гитлер с пистолетом. Шутка оказалась настолько меткой, что коллеги из британской газеты «Daily Worker» также напечатали эту карикатуру на своей первой странице [8, Р. 1]. К теме Мюнхена художники-карикатуристы будут обращаться ещё не раз. Провал англо-французской политики умиротворения Германии дал весьма ощутимый повод для осмеяния оппозиционной прессой, которым они и не преминули воспользоваться. Острые критики данных изданий жалило собственные правительства не меньше чем захватническую политику германских нацистов. Здесь особенно выделяется ряд карикатур, где главным героем является Чемберлен. Данный персонаж карикатур легко узнаваем: характерное лицо и одежда, а также безошибочно выдающий его атрибут — зонтик, выступающий в самых комичных ситуациях. То Чемберлен целится из него в немецкого солдата, угрожая: «Стой, или буду стрелять» [9, Р. 6], то он летает на нём как на метле в образе ведьмы над сожжёнными просторами Чехословакии [10, Р. 6]. Можно с уверенностью сказать, что Чемберлену и его зонтику от газетных сатириков досталось больше всего.

Последним, но не менее важным событием в фокусе внимания в 1939 году оказывается начавшаяся Советско-Финляндская война (1939–1940 гг.). В этой войне такие газеты как «Daily Worker» всецело поддерживают действия советского правительства. На своих страницах авторы статей осуждают политику поддержки Финляндии против СССР. Данный конфликт рассматривается здесь как война капиталистических стран против СССР руками финнов. Одна из карикатур это красноречиво показывает — на ней изображены марширующие в одном строю Муссолини, Франко, Хорти и ... Чемберлен с зонтиком вместо ружья на плече. А во главе строя — сам Маннергейм с саблей. Данную карикатуру художник окрестил «Линией Маннергейма» (пер. с англ.) [11, Р. 1]. Другая, связанная с Маннергеймом карикатура, также изображает Чемберлена, помешивающего котёл с надписью — «Помощь всеми возможными ресурсами» (пер. с англ.) от которого исходит пар с подписью «варево Маннергейма» (пер. с англ.). Рядом с ним стоят другие «заинтересованные», усиленно разжигающие огонь под котлом, а рядом стоят солдаты (по-видимому польские) и спрашивают Чемберлена — «Это и

для нас тоже?» (пер. с англ.), на что премьер-министр отвечает — «Мне нечего добавить к моему заявлению...» (пер. с англ.) [12, Р. 6].

Следующий 1940 год — год, когда война уже в самом разгаре. Но карикатуристы не упускают возможности для критики и насмешек над действиями своих правительств и их элит. Очень броско на этом фоне выглядит карикатура под названием «Ограниченный патриотизм» (пер. с англ.). Двое характерных господ в цилиндрах буквально выпрашивают у домохозяйки её кухонную утварь. На заднем плане — немецкий танк с надписью — «Сделано благодаря помощи британским металлоломом», (пер. с англ.). Таким образом газета высмеивает попытки британского капитала грязно нажиться на войне не особенно беспокоясь о том, что помогают своими поставками врагу.

Редкий пример немецкой карикатуры иллюстрирует усмешку немцев над провалами британской внешней политики. На карикатуре под названием «Бекон» (пер. с нем.) показана сцена, где новый премьер-министр Уинстон Черчилль и экс-премьер Н. Чемберлен пребывают в некотором замешательстве. Рядом с ними, очевидно, изображена ловушка для мышей, от которой эти самые мыши и разбегаются в разные стороны. Мыши имеют подписи «Турция», «Румыния» и «Греция» (пер. с нем.).

Под карикатурой подпись:

«Мышей ловят на шпик
...но для этого его нужно иметь!» (пер. с нем.)

Немцы усмеваются над какими-то неудачами в политике Великобритании с целью привлечь на свою сторону страны, которых символизируют эти мыши.

Не устают осуждать «странности» британской политики и в последующем 1941 году. Британская оппозиционная коммунистическая пресса не могла закрыть глаза на одно примечательное и в высшей степени странное происшествие, произошедшее в самый разгар войны. А именно, речь идёт об авантюрном самостоятельном перелёте рейхсминистра Рудольфа Гесса на самолёте на территорию Великобритании с целью ведения переговоров о заключении мира с Германией. Комфортные условия пребывания в плену одного из самых верных соратников и приближённых Гитлера не могли не вызывать вопросов и осуждения со стороны не только британских коммунистов. «Daily Worker» на эту тему опубликовал карикатуру, где Рудольф Гесс гостит в доме британской семьи. Женщина обращается, вероятно, к своему мужу со словами «Разве это не мило, что Рудольф чувствует себя здесь как дома?» (пер. с англ.).

Не обделили своим вниманием карикатуристы и события войны. Подобные карикатуры имели характер скорее духоподъёмный, нежели сатирический. Так, например, одна из карикатур демонстрирует процесс изгнания войск «оси» из Северной Африки. Здесь видно, как храбрый британский солдат, одной ногой стоя в Северной Африке, ударом сапога другой ноги прогоняет Гитлера и Муссолини за море. Изображение дополняет собой новости об успехах Союзников в Северной Африке. Вместе со статьями о событиях на Восточном фронте соседствуют и иллюстрации в поддержку советской армии. В честь 25-летней годовщины Великой Октябрьской Социалистической революции на страницах газе-

ты «The Worker» красуется изображение цифры «25», где, стоя наверху, советский солдат штыковым ударом сбрасывает Гитлера вниз. Всё это сопровождается известиями о разворачивающемся в это время Сталинградском сражении.

Среди периодических изданий 1943 года выделяется журнальное издание газеты «The Worker». Данный журнал значительно иллюстративен, имеет множество фотографий, рисунков, карт и даже комиксов. Как и среди представленных ранее карикатур, одни из наиболее часто встречающихся карикатур принадлежат руке американского карикатуриста Уильяма Гроппера⁴. В журнальном издании имеется целая серия карикатур этого автора. Среди них обращают внимание карикатуры, состоящие из целой группы рисунков объединённых под неким общим смыслом или проблемой. Например, одна из таких групп называется «Уроки нацистской терминологии». Первая иллюстрация называется «Сужение фронта» — немецкий солдат туго затягивает ремень на животе старика. Второй рисунок изображает Гитлера в объятиях смерти, и называется «стратегическим окружением». На третьем изображении за столом сидит недоумевающий мужчина, держащий меню в руках, на котором написано «новый порядок». Рядом же стоит повар и поясняет гостю, что «всё ушло на эрзац»⁵. На четвёртом изображении штыком гонят вперёд голодного, израненного и оборванного солдата. Подпись к этому гротеску поясняет, что так выглядит «раса господ». Последнее и самое мрачное изображение иллюстрирует поле, усеянное могильными крестами — горькая усмешка над идеей обещанного фюрером «жизненного простора» ...

Одна из важнейших и наиболее частых тем карикатур — открытие «Второго фронта». Этой теме посвящена масса карикатур с того момента как Германия напала на Советский Союз 22 июня 1941 года. И с каждым годом эта тема освещается всё чаще. Наиболее интересной и удачной представляется карикатура, на которой изображено две дороги. Первую, прямую и ровную, автор озаглавил «Второй фронт, к победе», а вторую, извилистую и крутую, представил, как альтернативу первой с неясным исходом.

Карикатуры 1944 года ретранслируют собой настроение, что разгром гитлеровской Германии и её союзников и сателлитов уже не за горами. Большой интерес здесь представляют газеты балканских стран: словацкая «Pravda» и «Политика» на сербском языке. Карикатуры в данных изданиях отражают собой уверенность в скорой победе и изгнании фашистских захватчиков с многострадальной балканской земли. Всё чаще встречается мотив скорого правосудия над преступниками нацизма. Процесс освобождения Греции от фашистов Гитлера и Муссолини весьма иронично показан в карикатуре «Прометей окованный». Видно, как прикованный к скале Прометей, символизирующий Грецию, уже освободил одну руку от цепей и душит ею фашистского орла. Рядом сидит и смотрит на него лев с трубкой в зубах, по-видимому, символ Великобритании, войска которой в 1944 году уже высадились в Греции. Подпись под карикатурой гласит: «Я сам освободился от этой гадкой птицы: только бы этот лев не мешал своим дымом» (пер. с сербского). Вероятно, художник хотел почеркнуть, что греческое сопротивление смогло собст-

венными силами освободить Грецию, а «помощь» британцев принесла больше вреда, нежели пользы. В исторической ретроспективе, действия британской армии действительно спровоцировали гражданскую войну между греческими партизанами-коммунистами с про британские силы. В газете словацкого сопротивления «Pravda» имеется ряд карикатур изображающих нацистских преступников и конечно же, самого Гитлера. Примером служит карикатура, изображающая диктатора в двух ситуациях. В первой Гитлер зачеркивает своей кистью слово «мир», написанное на стене. Миниатюра снабжена надписью: «Ты сверхчеловек, если с помощью войны хочешь стать господином этого мира. Ты дурак, если твоим идеалом является мир во всём мире» (пер. со словацкого). Другое изображение показывает нам Гитлера, молящегося возле груды черепов. Текст молитвы приводится ниже: «Милостивое Провидение, даруй же нам изобилие войн, ибо у меня нет силы, кроме ярости и чёрного гнева» (пер. со словацкого).

В заключение, следует отметить, что в карикатурных изображениях периода 1939–1944 года затрагивается множество злободневных тем и очень специфичных карикатур. В этом отношении газетный фонд Библиотеки Российской академии наук может предложить достаточно богатый материал для исследователя, интересующегося темой карикатурного искусства.

Выражаю свою благодарность Дракулич-Прийме, а также коллективу преподавателей филологического факультета СПбГУ за помощь в переводе текстов надписей со словацкого и сербского языков.

Примечания

1. В данном случае, вероятно автор имеет ввиду не только игнорирование военной угрозы Германии, но и прямые обвинения Хёрста в потворстве политике Гитлера и даже симпатиях. Ведь сам Уильям Р. Хёрст был лично знаком с Гитлером и в 1934 году был принят им как гость, а его газеты и журналы были рупором антикоммунизма. Корпорации Хёрста по сей день принадлежит большое количество периодических изданий, среди которых известные «Cosmopolitan» и «Esquire».

2. Мюнхенский договор (также именуемый Мюнхенским сговором) 1938 года предусматривал передачу Германии Судетской области Чехословакии и стал прологом её полной оккупации и раздела между Германией, Польшей и Венгрией. Соглашение было фактически навязано Чехословакии под давлением правительств Германии, Франции, Великобритании и Италии. Договор стал кульминационным моментом политической линии западных стран по умиротворению Германии.

3. Невилл Чемберлен (1869–1940) — премьер-министр Великобритании 1937–1940 гг., один из идеологов «политики умиротворения» Германии.

4. Гроппер, Уильям // БСЭ. 3-е изд., Т. 7, М, 1972.

5. Эрзацем называли различные заменители дефицитных товаров (в данном случае продуктов питания). Большое распространение эрзацев стало применяться ещё в Первую мировую войну.

Список источников

1. Gropper. The Hitler's Chauffer / Daily Worker (New York). 1939. № 191 (Aug. 11). P. 6.
2. Ellis. So sorry... / Daily Worker (New York). 1939. № 206 (Aug. 29). P. 6.
3. MAC. «Non-aggression pact» / Daily Worker (New York). 1939. № 208 (Aug. 31). P. 6.

4. God. Les «Touristes» pour Dantzig, en voiture! / L'Avant-Garde. 1939. № 819 (7 Juillet). P. 6.
5. God. Concentration de «tourists» a Dantzig / L'Humanite. 1939. № 14804 (3 Juillet). P. 4.
6. God. Incedent de frontier / L'Avant-Garde. 1939. № 815 (9 Juin). P.6.
7. «Espirite de Munich, est-tu la?» / L'Humanite. 1939. № 14805 (4 Juillet). P. 1.
8. Dantzig seance / Daily Worker (London). 1939. № 2953 (July 10). P. 1.
9. Ellis. Stop, or I'll shoot / Daily Worker (New York). 1939. № 216 (Sept. 9). P. 6.
10. Gabriel. The old witch rides again / Daily Worker (London). 1939. № 2955 (July 12). P. 6.
11. Gropper. The Mannerheim line / Daily Worker (London). 1940. № 3104 (Jan. 4). P. 1.
12. Gabriel. Stirring it up... / Daily Worker (London). 1940. № 3164 (13 March). P. 6.
13. Gabriel. Patriotism limited / Daily Worker (London). 1940. № 3127 (31 Jan.). P. 3.
14. Hans Zoozmann. Bacon / Deutsche Allgemeine Zeitung. 1940. Nr. 273/274 (Jun. 8). S. 8.
15. Del. Among friends / Daily Worker (New York). 1941. № (May 16). P. 6.
16. Gropper. «North Africa» / The Worker. 1942. № 47 (22 Nov.). P. 8.
17. Gropper. Anniversary of the Soviet Union / The Worker. 1942. № 45 (Nov.8). P. 1.
18. Gropper. Gropper's open house: lessons in nazi terminology / The Worker (Magazine section). 1943. 3 Jan. P. 7.
19. Gropper. «Second front to victory» / The Worker. 1943. № 38 (Sept. 19). P.8.
20. Пјер. Оковани Прометеј / Политика. 1944. № 11851 (20 Дец.). С. 1.
21. OSA. «Nadčlovek si, ak...» / Pravda. 1944. № 2 (10 Sept.). — S. 4.

LEONTIEV F. "Laugh as a weapon". Cartoons in foreign periodicals 1939–1944 from the collection of the Russian Academy of Sciences Library newspaper fund.

Leontiev Franz Vladimirovich — librarian of the Department of funds and services
Russian Academy of Sciences Library, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: leontievus@gmail.com

ABSTRACT

The article provides an overview of foreign newspaper cartoons during the Second World War, 1939–1945. The selection includes a number of foreign periodicals kept in the Russian Academy of Sciences Library newspaper collection. The author identifies the main popular themes of cartoonists of this period in chronological order, provides commentary, characterization and interpretation of the artistic concept within the historical context.

Key words: newspaper cartoons of the 20th century, foreign periodicals, Russian Academy of Sciences Library newspaper fund, World War II, socialist and communist newspapers.

Научное издание

НАУКА И БИБЛИОТЕКА.
Сборник научных трудов. Вып. 8

Редактор *О.В. Холмогорова*
Оригинал-макет *А.В. Ухваловой*

12+

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-03

Подписано в печать 30.11.2023
Формат 70 × 108 ¹/₁₆
Тираж 300 экз. (1-й завод 100 экз.)
Печ. л. 14,6 (511,9 тыс. зн.). Заказ № 90

Отпечатано в ОПП БАН
(199034, Санкт-Петербург, Биржевая л., д. 1)